Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 2(51)
Апрель – июнь
2019

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Т. А.

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (зам. главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Данилова И. Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2019

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется
по подписке.
Подписной индекс 90961
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Электронная версия
номера журнала размещена
на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-25060,
выданное Роскомнадзором
21.07.2006

Тираж 1000 экз. Заказ 23.
Дата выхода в свет
28.06.2019.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ
ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

B U L L E T I N
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

No. 2(51)
April – June
2019

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk T. A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogaty'ryov V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavcev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhajlova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharskij D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Danilova I. B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2019

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies and Communications (Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 1000 copies
Order 23. Free price.
Date of publication
28.06.2019.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Бабурин С. В. 9
Некоторые проблемные вопросы правового регулирования общественного контроля за местами принудительного содержания

Дерен И. И., Соколова Ю. А. 13
Особенности организации воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы

Емельянов Н. С. 18
Пенитенциарный конфликтогенез: проблемные вопросы детерминации пенитенциарных конфликтов

Соколов С. А., Пантелеев В. А. 23
Привлечение к ответственности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, допустивших правонарушения в период конвоирования: проблемные вопросы

Ткаченко Е. С., Кошелева В. О. 29
Проблемы получения образования осужденными в местах лишения свободы: правовые и психолого-педагогические аспекты

Юсупова А. Н. 35
Проблемные вопросы соблюдения прав и законных интересов осужденных в сфере материально-бытового обеспечения

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Baburin S. V.
Some Problematic Issues of Legal Regulation of Public Control over Places of Detention

Deren I. I., Sokolova Yu. A.
Features of the Organization of Educational Work with Staff of the Penal System

Emel'yanov N. S.
Penitential Conflictogenesis: Problematic Issues of Determination of Penitentiary Conflicts

Sokolov S. A., Panteleev V. A.
Attracting to the Responsibility of Convicts and Persons Contained by Guardians Accepted Offenses during the Convoy Period: Problematic Issues

Tkachenko E. S., Kosheleva V. O.
Problems of Getting Education by Convicted Prisoners in Prisons: Legal and Psychological-pedagogical Aspects

Yusupova A. N.
Problematic Issues in the Observance of the Rights and Legitimate Interests of Convicts in the Field of Material and Social Support

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Агарков А. В., Королёв Ю. Ф. 41
Систематизация оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России

Ашин А. А., Некрасова М. А. 46
Проблемы противодействия коррупции в России в современных условиях

Гофман А. А., Ключников М. И. 53
Некоторые проблемы использования огнестрельного оружия и оружия нелетального действия сотрудниками уголовно-исполнительной системы при исполнении уголовных наказаний

Касаткина Е. А., Комиссарова С. В. 59
Медиативное урегулирование споров при определении места жительства несовершеннолетних детей

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Agarkov A. V., Korolyov Yu. F.
Systematization of Operational-search Measures Carried out by Operational Units of the Penal System of Russia

Ashin A. A., Nekrasova M. A.
Problems of Combating Corruption in Russia in Modern Conditions

Gofman A. A., Klyuchnikov M. I.
Some Problems of Using Firearms and Non-lethal Weapon by Employees of the Penal System in the Execution of Criminal Sentences

Kasatkina E. A., Komissarova S. V.
Mediative Settlement of Disputes when Determining the Place of Residence of Minor Children

Комаров И. М. 63 **Komarov I. M.**
Общая характеристика способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России
General Characteristics of the Ways and Means of Preventing Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment in Correctional Institutions of the FPS of Russia

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В. 68 **Kudryavcev A. V., Zujkova N. V.**
Некоторые особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими
Some Features of Detecting Corruption Crimes Committed by Municipal Employees

Кулакова А. А. 71 **Kulakova A. A.**
Проблема нецелевого расходования выплат по алиментам на несовершеннолетнего ребенка
The Problem of Alimony Payments for a Minor Child Non-targeted Expenditure

Курысев К. Н., Дядькин О. Н. 74 **Kury'sev K. N., Dyad'kin O. N.**
Некоторые правовые вопросы установки колючей ленты на ограждения частных земельных участков
Some Legal Issues of Installing Barbed Tape Fencing on Private Land Properties

Ледащев С. В., Дядькин О. Н., Рузевич О. Р. 80 **Ledashhev S. V., Dyad'kin O. N., Ruzevich O. R.**
Анализ отдельных противоречий и пробелов в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях
Analysis of Separate Contradictions and Gaps in the Legislation of the Russian Federation on Administrative Offenses

Михайлов А. Е. 86 **Mikhajlov A. E.**
Правовая основа криминалистической профилактики
The Legal Basis for Crime Prevention

Николаева М. И., Рябчиков В. В. 92 **Nikolaeva M. I., Ryabchikov V. V.**
Проблемы применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве
Problems of Application of Preventive Measures in the Russian Criminal Proceedings

Поздышев Р. С. 98 **Pozdy'shev R. S.**
Общеправовая характеристика длящегося правонарушения
The General Legal Characteristic of a Continuing Offense

Радченко К. Н. 105 **Radchenko K. N.**
Значение смягчающих вину обстоятельств при назначении уголовного наказания
Importance of Mitigating Circumstances at the Appointment of Criminal Punishment

Рамалданов Х. Х., Шашков М. Ю. 110 **Ramaldanov Kh. Kh., Shashkov M. Yu.**
Роль принципа презумпции невиновности при оценке результатов прослушивания телефонных переговоров
The Role of the Principle of Presumption of Innocence in Assessing the Results of Wiretapping

Руденко А. С., Бутенко Т. П. 114 **Rudenko A. S., Butenko T. P.**
Насилие в уголовном праве России
Violence in the Russian Criminal Law

Савин А. А. 117 **Savin A. A.**
Принудительные меры медицинского характера в законодательстве ряда зарубежных стран: вопросы правового регулирования и исполнения
Compulsory Measures of Medical Character in the Legislation of a Number of Foreign Countries: Issues of Legal Regulation and Enforcement

Серопян Э. М. 121 **Seropyan E'. M.**
Соотношение полномочий следователя и прокурора в досудебном производстве в советский и постсоветский периоды
Correlation of Powers of the Investigator and the Prosecutor in Pre-trial Proceedings in the Soviet and Post-Soviet Periods

Сучков Р. Н., Горшкова Н. А. 125 **Suchkov R. N., Gorshkova N. A.**
Динамика пенитенциарной преступности на современном этапе: краткий криминологический анализ
Dynamics of Penitentiary Crime at the Present Stage: a Brief Criminological Analysis

Федотова И. Н., Запольский В. А. 128 **Fedotova I. N., Zapol'skij V. A.**
Профилактика межэтнического и религиозного экстремизма в студенческой среде: опыт вузов Владимирской области / *Preventive Treatment of Inter-ethnic and Religious Extremism among Students: the Practice of Higher Educational Institutions of the Vladimir Region*

Хорошева А. В. 132 **Khorosheva A. V.**
Проблемы применения федеральной государственной информационной системы электронного мониторинга подконтрольных лиц / *Problems of Application of the Federal State Information System of Electronic Monitoring of Controlled Persons*

Шаховкин А. В. 139 **Shakhovkin A. V.**
Осуществление закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд в рамках национального режима / *The Procurement of Goods, Works and Services for State Needs under the National Regime*

Шумов П. В., Наумов И. А. 143 **Shumov P. V., Naumov I. A.**
Независимость и самостоятельность судов в Российской Федерации: парадигма или действительность / *Independence and Self-sufficiency of Courts in the Russian Federation: Paradigm or Reality*

Шумова К. А., Мухин Ю. М. 148 **Shumova K. A., Mukhin Yu. M.**
Механизм защиты инвестиций при несостоятельности (банкротстве) застройщика / *Mechanism of Protection of Investments in the Insolvency (Bankruptcy) of the Developer*

Ян Е. И., Комаров И. М. 152 **Yan E. I., Komarov I. M.**
Классификация криминалистических способов и средств предотвращения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России / *Classification of Criminalistic Methods and Means of Preventing Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment in Correctional Institutions of the FPS of Russia*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / *THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW*

Абражеева Д. В., Горбунова М. М., Рубцов Д. И. 159 **Abrazheeva D. V., Gorbunova M. M., Rubczov D. I.**
Взаимодействие церкви и тюремных учреждений в Российской империи в XIX веке / *The Interaction of Church and Prison Institutions in the Russian Empire in the 19th century*

Головкин Р. Б., Амосова О. С. 163 **Golovkin R. B., Amosova O. S.**
«Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / *«Digital Rights» and «Digital Law» in the Mechanisms of Digitalization of the Economy and Public Administration*

Ильин Д. Л., Огарышев А. В., Семёнов В. В. 167 **Il'in D. L., Ogary'shev A. V., Semyonov V. V.**
Некоторые особенности определения понятия «противодействие преступности» / *Some Peculiarities of the Definition of the Concept «Counteraction Crime»*

Маркина О. В. 173 **Markina O. V.**
Власть и общество – поиск основ взаимного уважения (на примере деятельности Московского охранного отделения под руководством С. В. Зубатова) / *Power and Society – the Search for the Foundations of Mutual Respect (on the example of the history of Moscow Security Department under the leadership of S. V. Zubatov)*

Митропан И. Ю. 177 **Mitropan I. Yu.**
Дивергенция законодательства / *Divergence of Legislation*

Шокин С. Е. 181 **Shokin S. E.**
Православие и зарождение государственности на Руси / *Orthodoxy and the Birth of Statehood in Russia*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Новиков С. С. **187**
Изменение приоритетов в системе международных отношений в конце XX в. (к 20-летию бомбардировок НАТО Югославии)

ОБЗОР НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Баранова М. В., Купцова О. Б., Гудкова А. В. **193**
Правовая рискология: доктрина, практика, техника

Краткие правила опубликования статей **207**

Анкета автора публикации и оператора персональных данных **208**

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

Novikov S. S. **187**
Changing Priorities in the System of International Relations in the End of the 20th Century (to the 20th Anniversary of the NATO Bombings of Yugoslavia)

SCIENTIFIC EVENTS REVIEW

Baranova M. V., Kupczova O. B., Gudkova A. V. **193**
Legal Riskology: Doctrine, Practice, Technique

The Basic Guidelines for Article Submission **207**

About the Author of the Publication and the Operator of Personal Data **208**

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.811

Бабурин Сергей Витальевич,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук, доцент
E-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Baburin Sergej V.,
Head of VLI of the FPS of Russia
PhD (Psychology), Associate Professor

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА МЕСТАМИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Some Problematic Issues of Legal Regulation of Public Control over Places of Detention

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания. Автор, говоря об имеющихся законодательных проблемах в этой сфере, вносит свои предложения по их устранению, в частности, предлагает внести изменения и дополнения в ст. 23 УИК РФ и ст. 2 и 12 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ.

Ключевые слова: общественный контроль; учреждения и органы, исполняющие наказания; места принудительного содержания.

Abstract. The article discusses some problematic issues related to the legal regulation of public control over the activities of places of detention. The author, speaking of the existing legislative problems in this area, makes his proposals for their elimination, in particular, proposes amendments and additions to art. 23 Penal Code of the Russian Federation and art. 2 and 12 of the Federal Law of June 10, 2008 No. 76-FZ.

Key words: social control; penal institutions and bodies; places of detention.

Сегодня считается, что институт общественного контроля за местами лишения свободы и содержания под стражей довольно молодой и обязан своему появлению и развитию принципам законности, гуманизма и особенно демократизма, реализация которых в уголовно-исполнительном законодательстве и практике его применения предполагает обеспечение уважения человеческого достоинства подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и осужденных в сочетании с открытостью, подотчетностью, подконтрольностью системы исполнения наказаний гражданскому обществу.

Однако некоторыми исследователями сделаны обоснованные выводы о том, что общественный контроль за местами заключения зародился еще в XIV в. в городах-коммунах Италии (Флоренция, Болонья), где были созданы наблюдательные комиссии из числа жителей этих городов, которые проверяли законность оснований тюремного заключения и освобождения из тюрем, соблюдение требований раздельного размещения заключенных по гендерному признаку, собирали у заключенных заявления относительно условий их содержания [4, с. 205].

В Российской Федерации возможность контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, со стороны общественных объединений была законодательно закреплена в ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ). При этом следует отметить тот факт, что в первой редакции УИК РФ (по состоянию на 1 июля 1997 г.) сам термин «общественный контроль» не фигурирует, тогда как предшественник УИК РФ Исправительно-трудовой кодекс (далее: ИТК) РСФСР 1970 г. в своей редакции по состоянию на 21 декабря 1996 г. в ст. 9 указывает, что в осуществлении общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих приговоры судов к ограничению свободы, лишению свободы и исправительным работам, участвует общественность. Тем самым, с одной стороны, ИТК РСФСР содержит понятие «общественный контроль», которого нет в первой редакции УИК РФ, с другой стороны, говорит о возможности такого контроля применительно к учреждениям и органам, исполняющим три вида уголовных наказаний, в том числе не связанных с лишением свободы (исправительные работы), тогда как УИК РФ предусматривает такую возможность только в отношении учреждений, исполняющих наказания, предполагающие изоляцию преступника от общества (принудительные работы, лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части).

Термин «общественный контроль» был введен в текст ст. 23 УИК РФ только 1 июля 2010 г.

© Бабурин С. В., 2019

Федеральным законом № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания”», т. е. ровно через тринадцать лет после вступления в силу УИК РФ и через два года после принятия Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее: Закон № 76-ФЗ).

Таким образом, с одной стороны, Российская Федерация предусмотрела саму возможность контроля системы исполнения наказаний со стороны общественных объединений в разработанном и принятом новом УИК РФ, тем самым выполняя подп. IV п. 7 Заключения Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 25 января 1996 г. № 193 по заявке России на вступление в Совет Европы, а также п. 9 этого же документа, уделяя внимание созданию гражданского общества, ведь контроль общественных объединений за различными сферами социальных отношений есть неотъемлемый атрибут гражданского общества.

С другой стороны, на протяжении одиннадцати лет действие УИК РФ до момента принятия Закона № 76-ФЗ оставалось совершенно неясным: какие общественные объединения и каким образом будут контролировать деятельность системы исполнения наказаний? То есть правовая норма фактически оказалась «мертворожденной», не применяемой на практике. Когда же, наконец, субъекты и порядок посещения мест изоляции от общества были определены Законом № 76-ФЗ и конкретизированы соответствующими подзаконными нормативными актами, то еще два года ст. 23 УИК РФ не могли привести в соответствие с требованиями Закона № 76-ФЗ, и до сих пор полного соответствия нет. Что же касается Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: Закон № 103-ФЗ), то термин «общественный контроль» так и не нашел в нем своего отражения, а возможность посещения мест содержания под стражей членами общественных наблюдательных комиссий (далее: ОНК) – субъектом осуществления общественного контроля – в порядке, установленном Законом № 76-ФЗ, была включена в нормативный правовой акт только 5 апреля 2011 г. Федеральным законом № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”».

В пенитенциарной науке также наблюдается определенное отсутствие интереса к рассматриваемому институту. Несмотря на то, что уже более десяти лет члены ОНК осуществляют посещения различных учреждений с целью контроля за обеспечением прав содержащихся в них лиц, комплексного научного исследования исторических, теоретических, правовых и организационных аспектов осуществления общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания России в целом и уголовно-исполнительной системы, в частности, не проводилось. Например, в диссертации В. В. Федорова [6] рассматривается общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы, но выполнена эта работа была в 2006 г., т. е. до момента вступления в силу Закона № 76-ФЗ, равно как и диссертация Г. Л. Головешкина (1991 г.), посвященная общественному контролю за деятельностью исправительно-трудовых учреждений [1], которая сегодня может служить лишь источником информации при изучении исторических аспектов становления рассматриваемого института. В диссертации Р. В. Колодина (2010 г.) анализируется общественный контроль за деятельностью исключительно воспитательных колоний [2], тогда как последние являются всего лишь одним из видов мест принудительного содержания уголовно-исполнительной системы России. О. Н. Кудовба в своей диссертации (2017 г.) исследует общественный контроль за применением исправительными учреждениями принудительных мер медицинского характера [3], тогда как применение указанных мер является только одним из направлений деятельности исправительных учреждений, затрагивающих правовое положение осужденных. Предметом диссертационного исследования Е. А. Огневой (2015 г.) являются в основном теоретические и конституционно-правовые аспекты института общественного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [5].

Все изложенное выше свидетельствует о том, что различные аспекты института общественного контроля за деятельностью пенитенциарного ведомства России нуждаются в дальнейшей научной проработке с целью последующего воплощения в уголовно-исполнительном законодательстве и правоприменительной деятельности.

В частности, требует уточнения терминология, используемая в Законе № 76-ФЗ. Так, ч. 2

ст. 2 содержит словосочетание «места принудительного содержания», которого до принятия и вступления в силу Закона № 76-ФЗ не знало российское законодательство. Принимая во внимание то обстоятельство, что под местами принудительного содержания понимаются не только учреждения уголовно-исполнительной системы, но и все те учреждения иных ведомств, в которых против их воли содержатся различные лица либо в силу состояния здоровья, либо в зависимости от поведения и совершенных правонарушений, тем не менее полагаем, что приведенный в статье перечень не является исчерпывающим. Необходимо дополнить его такими местами принудительного содержания, как: 1) арестный дом, учитывая, что арест де-юре фигурирует в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) в качестве вида уголовного наказания, а арестный дом – в нормах УИК РФ как учреждение уголовно-исполнительной системы, его исполняющее; 2) исправительный центр как учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее уголовное наказание в виде принудительных работ. И если арестных домов на территории Российской Федерации нет, то исправительные центры функционируют с 1 января 2017 г.

Одновременно ст. 23 УИК РФ нужно привести в полное соответствие с ч. 2 ст. 2 Закона № 76-ФЗ, дополнив перечень посещаемых с целью общественного контроля учреждений арестными домами и гауптвахтами.

К принципам осуществления общественного контроля, изложенным в ст. 4 Закона № 76-ФЗ, относится, в частности, принцип объективности, т. е. независимости от кого-либо в суждениях и выводах. Вместе с тем полагаем, что он не может быть в полной мере реализован на практике ввиду тех требований, которые предъявляет Закон № 76-ФЗ к члену ОНК. К числу таких требований, в частности, относится то, согласно которому членом ОНК не может быть лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость (ч. 2 ст. 12). В соответствии со ст. 86 УК РФ с момента снятия или погашения судимости лицо считается несудимым, равно как и лицо, освобожденное от наказания. Однако человек, бывший когда-либо в статусе подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, содержащегося под стражей, осужденного к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, вряд ли будет объективно относиться к администрации мест принудительного содержания. Для того чтобы член ОНК был объективен в своей оценке, он не должен быть связан с системой исполнения наказаний ни как бывший ее работник, ни как представитель спецконтингента. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 12 Закона № 76-ФЗ изложить в следующей редакции: «2. Членом общественной наблюдательной комиссии не может быть лицо, привлекавшееся в качестве подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления или осужденное за совершение преступления…».

Завершая статью, мы можем сделать следующие выводы. В условиях развития Российской Федерации как демократического государства роль общественного контроля за соблюдением прав человека переоценить довольно сложно, но любой социальный институт нуждается в правовой регламентации своей деятельности, и в нашей стране была проведена значительная работа по принятию Закона № 76-ФЗ, непосредственно регулирующего указанный спектр общественных отношений, и ряда подзаконных актов, развивающих и конкретизирующих его положения. В частности, речь идет о приказе МВД России от 6 марта 2009 г. № 196 «О порядке посещения мест принудительного содержания органов внутренних дел Российской Федерации членами общественных наблюдательных комиссий» и приказе ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652 «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий». Были внесены изменения и дополнения в УИК РФ и Закон № 103-ФЗ. Однако правовое регулирование рассматриваемого института все еще содержит ряд пробелов. Нами были отмечены лишь некоторые проблемные аспекты правового регулирования общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания, которые требуют дальнейшего осмысления и научной проработки, а сам институт общественного контроля, учитывая его важность для государства в целом и системы исполнения наказания, в частности, нуждается в совершенствовании его не только правовой, но и организационной сферы.

Библиографический список

1. *Головешкин Г. Л.* Общественный контроль за деятельностью исправительно-трудовых учреждений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Головешкин Георгий Леонидович. – М., 1991. – 163 с.

2. *Колодин Р. В.* Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Колодин Руслан Владимирович. – Вологда, 2010. – 25 с.

3. *Кудовба О. Н.* Организация и контроль деятельности учреждений и органов, применяющих принудительные меры медицинского характера в отношении осужденных : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / Кудовба Оксана Николаевна. – Ростов н/Д, 2017. – 27 с.

4. *Нарышкина Н. И.* Участие общественности в деятельности тюрем в России и странах Европы (исторический аспект) / Н. И. Нарышкина // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. – Т. 8. – С. 204–207.

5. *Огнева Е. А.* Общественный контроль в системе защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Огнева Елена Александровна. – М., 2015. – 232 с.

6. *Федоров В. В.* Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Федоров Владимир Владимирович. – Владимир, 2006. – 171 с.

References

1. *Goloveshkin G. L.* Public Control over the Activities of Corrective Labor Institutions. M., 1991. 163 p.

2. *Kolodin R. V.* Legal and Organizational Aspects of Public Control over the Activities of Educational Colonies. Vologda, 2010. 25 p.

3. *Kudovba O. N.* Organization and Control of the Activities of Institutions and Bodies Applying Medical Coercive Measures Against Convicts. Rostov-na-Donu, 2017. 27 p.

4. *Nary'shkina N. I.* Public Participation in Prisons in Russia and Europe (Historical Aspect). *III International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» (on the 20th anniversary of the entry into force of the Penitentiary Code of the Russian Federation)*. In 8 vol. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017. Vol. 8. P. 204–207.

5. *Ogneva E. A.* Public Control in the System of Protection of the Rights and Freedoms of a Man and a Citizen in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research. M., 2015. 232 p.

6. *Fedorov V. V.* Public Control over the Activities of the Penal System as a Form of Interaction of Civil Society with the State. Vladimir, 2006. 171 p.

Библиографическое описание статьи

Бабурин С. В. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования общественного контроля за местами принудительного содержания / С. В. Бабурин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 9–12.

УДК 343.83

Дерен Иванна Ивановна,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор экономических наук, доцент
E-mail: deren-ivanna@yandex.ru

Соколова Юлия Анатольевна,
старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики
профессиональной деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук
E-mail: yuliyasokolova77@mail.ru

Deren Ivanna I.,
Professor of Humane, Social
and Economic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Economic, Associate Professor

Sokolova Yuliya A.,
Senior Lecturer of Psychology
and Pedagogy of Professional Activity
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Psychology)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Features of the Organization of Educational Work with Staff of the Penal System

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями организации воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, анализируются недостатки, а также формулируются рекомендации по повышению уровня ее эффективности.

Ключевые слова: воспитательная работа; наставничество; сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Abstract. The article deals with the issues related to the peculiarities of the organization of educational work with the staff of the penal system, the shortcomings are analyzed, as well as recommendations are formulated to improve its level and efficiency.

Key words: educational work; mentoring; employees of the penal system.

Уголовно-исполнительная система (далее: УИС) предъявляет определенные требования к уровню подготовки сотрудников, которые, являясь должностными лицами, имеющими определенные права и обязанности, должны обладать необходимой эрудицией, широким кругозором, профессиональными знаниями, высоким уровнем правосознания и мотивацией к профессиональной деятельности. Однако далеко не все сотрудники исправительных учреждений соответствуют предъявляемым к ним требованиям. Причем реформирование УИС заметного улучшения качественного состава сотрудников не повлекло за собой. Данные обстоятельства указывают на необходимость создания эффективных организационных и педагогических форм воспитательной работы, которые обеспечивали бы требуемый уровень правовой, нравственной, моральной культуры лиц, проходящих службу в УИС.

В ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дается определение воспитания, под которым понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Воспитание сотрудников УИС – это систематическое, целенаправленное воздействие на духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития навыков поведения в общественной и личной жизни, формирования высокого уровня морально-психологического состояния и служебной дисциплины в УИС, вырабатывания отдельных черт характера, необходимых для осуществления успешной профессиональной деятельности в целях обеспечения законности и правопорядка в области исполнения наказаний [3].

В свою очередь воспитательную работу Д. С. Долгин определяет как целенаправленную деятельность руководителей учреждений, аппаратов по работе с личным составом, общественных институтов, коллектива по формированию высоких

© Дерен И. И., Соколова Ю. А., 2019

гражданских, профессиональных и морально-психологических качеств, необходимых для успешного выполнения служебных обязанностей [2].

В соответствии с Положением об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы, утвержденным приказом ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555, воспитательная работа заключается в проведении комплекса информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, осуществляемых субъектами воспитательной деятельности и направленных на формирование у работников УИС необходимых профессиональных качеств.

Воспитательная работа проводится при решении оперативно-служебных и производственно-хозяйственных задач в повседневной деятельности учреждений и органов УИС.

Для изучения особенностей организации воспитательной работы с сотрудниками УИС нами было проведено исследование на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области, в котором приняли участие 30 сотрудников разных отделов и служб. В исследовании был использован такой психодиагностический метод, как анкетирование: по вопросам организации воспитательной работы в исправительном учреждении, на знание норм антикоррупционного законодательства, а также посвященное организации института наставничества в исправительном учреждении.

В исправительном учреждении, согласно представленной документации, в 2018 г. воспитательная работа велась по нескольким направлениям:

– занятия по служебно-боевой подготовке;

– работа совета наставников;

– культурно-досуговая работа (конкурсы рисунков и творчества среди детей сотрудников: «Моя мама (папа) – сотрудник УИС», «Миру – мир» и др.);

– нравственное и эстетическое воспитание (показ записей спектаклей культурно-социального проекта «Театральная Россия» и др.);

– физическое воспитание (фотоконкурс «Здоровый Я – здоровая Россия!», приуроченный к 70-летию со дня вступления в силу устава Всемирной организации здравоохранения; активное участие в спартакиадах УФСИН России по Костромской области);

– патриотическое воспитание (ежегодное участие в парадах Победы);

– духовно-нравственное просвещение (беседы с представителями различных конфессий, посещение святых мест региона и т. д.).

Кроме того, в исправительном учреждении ведется активная работа ветеранской организацией. Ветераны ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области вносят весомый вклад в патриотическое воспитание и профессиональное становление молодых сотрудников, формирование позитивного отношения к пенитенциарной системе.

С сотрудниками постоянно проводятся занятия по изучению антикоррупционного законодательства в форме лекций, бесед, видеоконференций, организуются встречи с сотрудниками прокуратуры, а также инспекций по личному составу и противодействию коррупции УФСИН России по Костромской области.

В процессе анкетирования сотрудников по организации воспитательной работы в исправительном учреждении были получены следующие результаты.

90 % сотрудников отметили, что посещают все занятия по служебно-боевой подготовке, соответственно, оставшиеся 10 % делают это нерегулярно.

57 % анкетируемых указали на своевременное получение информации о вновь принятых нормативных правовых актах, 37 % отметили, что информирование происходит спустя некоторое время после выхода документа, 6 % сотрудников констатировали тот факт, что их вообще не информируют об изменениях в законодательстве.

На вопрос о том, проводится ли в исправительном учреждении воспитательная работа с сотрудниками, допускающими нарушения служебной дисциплины, респонденты ответили следующим образом: 23 % дали положительный ответ; 63 % сотрудников считают, что работа с «нарушителями» не проводится; 14 % сотрудников затруднились ответить на вопрос, т. е. можно предположить, что они не знают о сложившейся ситуации в исправительном учреждении, не интересуются жизнью коллектива.

82 % сотрудников, принявших участие в исследовании, считают, что в исправительном учреждении проводится эффективная воспитательная работа, 18 % отметили, что такая работа проводится недостаточно результативно.

По мнению 50 % респондентов, наиболее эффективно воспитательную работу в исправительном учреждении проводят сотрудники психологической службы. С точки зрения 30 % сотрудников, действенными воспитательными мероприятиями являются мероприятия, проводимые начальником структурного подразделения, а 20 % респондентов назвали мероприятия, осуществляемые начальником исправительного учреждения.

Таким образом, на основании полученных результатов мы пришли к следующим выводам. В ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области регулярно проводятся занятия по служебно-боевой подготовке, но которые посещают не все 100 % сотрудников. Почти половина респондентов несвоевременно информируются об изменениях в законодательстве либо вообще не получают данную информацию.

Как было отмечено выше, по мнению респондентов, самую действенную воспитательную работу проводит психолог исправительного учреждения. Так, в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области психолог изучает социально-психологический климат в коллективах, осуществляет первичный психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение вновь принятых сотрудников, профессионально-психологическую подготовку и консультирование персонала, психопрофилактику и психологическую коррекцию деструктивного поведения, эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников.

Недостаточно эффективно организована воспитательная работа с сотрудниками, нарушающими служебную дисциплину. Нами была проанализирована практика дисциплинарных взысканий сотрудников за 2018 г. Среди наиболее часто встречающихся нарушений можно назвать:

– несвоевременное прибытие на службу, нарушение распорядка дня, несоблюдение субординационных отношений и т. п. (40 % сотрудников);

– превышение должностных полномочий (26 % сотрудников);

– утрата служебного удостоверения (4 % сотрудников);

– совершение дорожно-транспортных происшествий (22 % сотрудников);

– нарушение режима секретности (8 % сотрудников).

К основным причинам недостаточного воспитательного воздействия на сотрудников, имеющих дисциплинарные взыскания, можно отнести: нехватку времени; формальный подход к организации воспитательной работы; попустительство со стороны руководства; желание представить работу исправительного учреждения в выгодном свете, – все это порождает тенденцию к замалчиванию фактов нарушения служебной дисциплины. Сотрудники, нарушающие дисциплину, не в полной мере ощущают последствия совершения своих проступков, а следовательно, допускают повторные нарушения. Кроме того, наказания в отношении лиц данной категории не отличаются достаточной строгостью.

Согласно обзору о состоянии служебной дисциплины и законности среди личного состава в учреждениях УФСИН России по Костромской области за 2018 г. ИК-1 занимает лидирующее положение по привлечению личного состава к дисциплинарной ответственности: 39,4 % от общего числа личного состава (АППГ–18,6 %). Так, в 2018 г. было возбуждено 2 уголовных дела в отношении сотрудников ИК-1 по подозрению в преступлениях коррупционной направленности.

Анализ обзора о состоянии служебной дисциплины и законности среди личного состава в учреждениях УФСИН России по Костромской области за 2018 г. позволил выявить ряд недостатков в организации воспитательной и профилактической работы с сотрудниками:

– недостаточное знание должностными лицами требований законодательных, нормативных правовых актов, определяющих служебные обязанности сотрудника УИС, игнорирование требований ведомственных приказов и распоряжений;

– слабая исполнительская дисциплина и личная недисциплинированность отдельных сотрудников;

– отсутствие целенаправленных действий по профилактике нарушений служебной дисциплины и законности;

– недостаточный контроль со стороны отдельных руководителей за служебной деятельностью подчиненных должностных лиц;

– неиспользование отдельными руководителями подразделений воспитательного воздействия коллектива на подчиненных должностных лиц, допустивших нарушения;

– формальное участие руководителей в воспитательном процессе.

Наши выводы подтверждают и результаты проведенного анкетирования на знание норм антикоррупционного законодательства. Так, 36 % респондентов не знают положений антикоррупционного законодательства, не умеют трактовать понятие «конфликт интересов», не имеют представления о коррупционных правонарушениях. Все их знания в этой сфере сводятся к «неслужебным связям» сотрудника со спецконтингентом. Как правило, это сотрудники, вновь пришедшие на службу. В связи с этим особую роль должен играть институт наставничества. Поскольку наставничество является важным элементом воспитательной работы с сотрудниками, то считаем целесообразным более подробно остановиться на этом вопросе.

Наставничество следует использовать для профессионального развития необходимых личностных качеств и навыков, для успешного выполнения служебных обязанностей сотрудниками, вновь пришедшими на службу в УИС.

В Положении о наставничестве в учреждениях и органах УИС, утвержденном приказом ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы», четко прописаны задачи наставников, которые заключаются в способствовании успешной адаптации к службе в УИС, в приобщении к жизни коллектива подразделения, к новым условиям жизнедеятельности, в ориентировании на усвоение положительных традиций, глубокое осознание служебного долга и требований присяги, в обучении профессиональному мастерству, в развитии способности к самостоятельному и качественному выполнению служебных обязанностей, в оказании помощи и поддержки в преодолении трудностей, связанных со службой, в формировании профессионально важных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных обязанностей.

С целью изучения организации наставничества в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области нами также было проведено анкетирование сотрудников.

В первую очередь нас интересовал вопрос о добровольности закрепления наставников за подшефными. 85 % сотрудников отметили, что приказ о назначении их наставниками состоялся без учета их мнения, 15 % ответили, что их мнение учитывалось.

В ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области в качестве наставников в основном закрепляют более опытных сотрудников, а именно: 55 % сотрудников со стажем службы 10–15 лет, 35 % сотрудников со стажем службы 5–10 лет, 10 % сотрудников со стажем службы от 1 до 5 лет.

На вопрос о влиянии совмещения наставничества с основными служебными обязанностями на эффективность выполнения профессиональной деятельности сотрудники ответили следующим образом:

– никакого влияния не оказывает – 20 %;

– иногда возникают ситуации, когда не хватает времени помочь подшефному – 25 %;

– очень часто проблемы подшефных мешают настроиться на выполнение своих должностных обязанностей – 45 %;

– выполнять обязанности наставника нет времени – 10 %.

На вопрос о том, поощряется ли наставничество в учреждении, 30 % сотрудников ответили положительно, 70 % – отрицательно.

Следует обратить внимание на тот факт, что только 20 % сотрудников исправительного учреждения нравится работа наставника, 80 % сотрудников относятся к ней отрицательно.

Среди методов, которые применяют наставники в своей работе, респонденты, принявшие участие в исследовании, выделили следующие:

– личный пример – 70 %;

– воспитательные беседы – 5 %;

– контроль за деятельностью сотрудника – 5 %;

– индивидуальная помощь – 5 %;

– индивидуальные задания и поручения – 25 %.

Таким образом, проведенное анкетирование выявило ряд проблем, существующих в данном направлении воспитательной работы. В большинстве случаев при назначении сотрудника в качестве наставника его мнение не учитывается, а это ведет к тому, что наставник не стремится качественно выполнять свои функциональные обязанности, считая их «обузой». Кроме того, наставничество не приносит ни моральной, ни материальной выгоды, а напротив, снижает рабочую эффективность сотрудника, выступающего в роли наставника, так как из-за общей загруженности при выполнении служебных обязанностей ему не хватает времени для оказания помощи молодым специалистам. Все это в совокупности ведет к низкому уровню организации и эффективности наставничества в исправительном учреждении.

Итак, проанализировав результаты проведенного исследования, мы сформулировали ряд рекомендаций, которые могут быть полезны при организации и проведении воспитательной работы с сотрудниками не только ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области, но и других учреждений ФСИН России:

а) необходимо выработать эффективные механизмы нематериального стимулирования, способствующие повышению удовлетворенности сотрудников различными аспектами профессиональной деятельности. Эти механизмы могут охватывать вопросы служебного роста, профессионального обучения, а также различные нематериальные формы признания заслуг. Например, предоставление дней отдыха за соблюдение служебной дисциплины в течение календарного года, внедрение системы присвоения номинаций «Самый дисциплинированный сотрудник», «Самый ответственный сотрудник», «Самый работоспособный сотрудник» и др.;

б) нужно вовлекать сотрудников в культурно-досуговую жизнь исправительного учреждения, для чего следует обратить внимание:

– на развитие состязательности в служебных коллективах, повышение значимости традиций и ритуалов, стимулов морального поощрения, создание условий для творческой инициативы сотрудников;

– проведение с личным составом культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий

с максимальным вовлечением в них сотрудников и членов их семей;

– внедрение системы «присвоение номинаций» с целью привлечения сотрудников в культурно-досуговые мероприятия. Особенностью данной системы будет являться то, что, кроме победителей в каком-либо конкурсе, будут присваиваться такие «номинации», как: «Самый креативный сотрудник», «Самый сплоченный коллектив», «Самая дружная семья» и т. д.;

в) необходимо осуществлять индивидуально-воспитательную работу с сотрудниками, допускающими нарушения законности и служебной дисциплины, используя различные методы психолого-педагогического воздействия. В этих целях следует:

– привлекать к данной работе ветеранов исправительного учреждения;

– руководству учреждения исключить формальный подход к осуществлению мероприятий воспитательного характера;

– проводить более широкий и разнообразный комплекс мероприятий по профилактике должностных преступлений, коррупционных и иных правонарушений со стороны сотрудников;

– своевременно направлять сотрудников на переподготовку и повышение квалификации;

– акцентировать внимание на межличностных взаимоотношениях сотрудников, на отношении коллектива к дисциплине, а также на отношениях руководителей и подчиненных;

– руководству исправительного учреждения использовать индивидуальный подход к личности каждого сотрудника при осуществлении воспитательной работы;

г) для повышения эффективности института наставничества в исправительных учреждениях целесообразно проводить следующую работу:

– повышать уровень мотивации наставников (разработать процедуры поощрения сотрудников, выступающих в роли наставника, здесь важны: правильная формулировка мотива поощрения, своевременность поощрения, его гласность, торжественность обстановки, авторитетность поощряющих лиц; сочетать моральные и материальные виды поощрения; ходатайствовать перед руководством о поощрении наставников, добившихся положительных результатов в наставнической деятельности);

– повышать уровень квалификации наставников (проведение лекций, семинаров, тренингов и др.);

– использовать разнообразные методы работы наставников (совместное выполнение поручений руководства, анализ различных ситуаций, содействие в самообразовании подшефного и др.);

– ежегодно проводить конференции наставников УИС различного уровня.

Таким образом, предложенные рекомендации будут способствовать повышению уровня организации и эффективности воспитательной работы, а значит, формированию профессионализма сотрудников УИС.

Библиографический список

1. *Вилкова А. В.* Основные формы и методы индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы / А. В. Вилкова, Е. Н. Полякова // Глоб. науч. потенциал. – 2018. – № 2(83). – С. 6–7.

2. *Долгин Д. С.* О понятиях «воспитание», «воспитательный процесс», «воспитательная работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы» / Д. С. Долгин // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2016. – № 3(28). – С. 151–157.

3. *Злобин С. И.* Концептуальные основы воспитательной работы с кадрами УИС / С. И. Злобин // Наука в центр. России. – 2013. – № 11S. – С. 98–102.

References

1. *Vilkova A. V., Polyakova E. N.* Basic Forms and Methods of Individual Educational Work with Employees of the Penal System. *Global'ny'j Nauchny'j Potencial*. 2018. No. 2(83). P. 6–7.

2. *Dolgin D. S.* On the Concepts of «Education», «Educational Process», «Educational Work with Employees of the Penal System». *Vestnik Kuzbasskogo Instituta*. 2016. No. 3(28). P. 151–157.

3. *Zlobin S. I.* Conceptual Foundations of Educational Work with Cadres of the UIS. *Nauka v Central'noj Rossii*. 2013. No. 11S. P. 98–102.

Библиографическое описание статьи

Дерен И. И. Особенности организации воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы / И. И. Дерен, Ю. А. Соколова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 13–17.

УДК 343.8

Емельянов Никита Сергеевич,
начальник отделения
Главного оперативного управления ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: 79265557079@yandex.ru

Emel'yanov Nikita S.,
Head of the Main Operations Division
of the FPS of Russia
PhD (Law)

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНФЛИКТОГЕНЕЗ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Penitential Conflictogenesis: Problematic Issues of Determination of Penitentiary Conflicts

Аннотация. В статье рассматривается детерминационный комплекс пенитенциарных конфликтов, возникающих между сотрудниками и осужденными в исправительных учреждениях, которые провоцируют совершение преступлений. Приводится классификация как объективных, так и субъективных причин и условий конфликтов, а также пенитенциарных конфликтогенов.

Ключевые слова: причины и условия пенитенциарного конфликта; предмет и объекты пенитенциарного конфликта; пенитенциарные конфликтогены.

Abstract. The article deals with the determinative complex of penitentiary conflicts between employees and convicts in correctional institutions, which give rise to committing of crimes. The classification of both objective and subjective causes and conditions of conflicts is given, as well as penitentiary conflictogeneties .

Key words: causes and conditions of a prison conflict; the subject and objects of a prison conflict; prison conflictogenes.

Слово «генез» имеет греческие корни и означает происхождение чего-либо. Исходя из этого, мы определяем конфликтогенез как процесс происхождения конфликта.

Источник конфликта есть «отправная точка» его развития, в которой соединены (в одном месте и в одно время) ряд объективных и субъективных признаков. Такими признаками является наличие, во-первых, противоборствующих субъектов (субъекты конфликта); во-вторых, предмета (противоречий) и объекта их разногласий (объект конфликта); в-третьих, характеризующей стороны субъектов конфликта – степени притязания на объект конфликта (субъективная сторона конфликта). В совокупности данные признаки формируют конфликтную ситуацию, уже указывающую на потенциально возможный конфликт, для начала которого необходимы активные действия, конфликтогены[1], одного из противоборствующих субъектов, направленные на завладение объектом конфликта.

Противоборствующими субъектами пенитенциарного конфликта являются, с одной стороны, сотрудники, с другой – осужденные. В то же время не исключен пенитенциарный конфликт и между осужденными (группами осужденных).

Предмет пенитенциарного конфликта составляют объективно существующие противоречия между исполнением и отбыванием уголовного наказания по поводу обладания конкретным объектом. Например, противоречия между исполнением осужденными своих обязанностей и реализацией их прав и законных интересов. Другими словами, предмет конфликта – это противоречивое субъективное восприятие сторон конфликта принадлежности объекта конфликта.

Противоречия возникают ввиду несовпадения мотивов либо целей использования объекта субъектами конфликта. Мотивы и цели выражаются такими видами потребностей, как желание и необходимость. Таким образом, противоречия можно классифицировать следующим образом:

1) между желанием (нежеланием) одного субъекта и необходимостью другого субъекта конфликта;

2) между желанием одного субъекта и нежеланием другого субъекта конфликта;

3) между желаниями субъектов конфликта;

4) между необходимостями субъектов конфликта.

В качестве иллюстрации рассмотрим ситуацию, когда объектом пенитенциарного конфликта является обязанность осужденного выполнять работы по благоустройству исправительного учреждения и прилегающей к нему

[1] Конфликтоген – это то, что рождает конфликт: слова, знаки, действия, бездействие, порождающие или способные привести к конфликту. Термин введен доктором психологических наук основателем исследований по конфликтологии в России А. П. Егидесом.

© Емельянов Н. С., 2019

территории без оплаты труда (ст. 106 УИК РФ). Противоречие между нежеланием осужденного выполнять данную норму права и необходимостью сотрудника исправительного учреждения потребовать от осужденного ее выполнения является предметом данного конфликта.

Объекты пенитенциарного конфликта можно подразделить следующим образом:

а) материальные – вещи и предметы, продукты питания и т. д., в том числе которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать;

б) нематериальные – законные права и обязанности осужденных (каждая норма в отдельности является объектом пенитенциарного конфликта).

Согласно справедливому высказыванию известного отечественного социолога В. А. Ядова, «на самом деле во всех конфликтах речь идет о двух вещах или даже об одной: о ресурсах и контроле над ними. Власть с этой точки зрения – это вариант контроля над ресурсами, а собственность и есть сам ресурс» [2, с. 144].

Применительно к нашему исследованию данный вывод можно отнести к попыткам осужденных, во-первых, освободиться от «власти» администрации исправительного учреждения, во-вторых, установить «власть» определенной группы осужденных над основной массой спецконтингента через конфликт.

Субъективная сторона конфликта представляет собой степень притязания на объект конфликта и характеризуется состоянием режима в исправительном учреждении.

Так, признаком, характеризующим степень притязания сотрудников исправительного учреждения на объект пенитенциарных конфликтов, является наличие у осужденных вещей и предметов, продуктов питания, которые запрещается изготавливать и иметь при себе. Чем больше запрещенных предметов, тем степень притязания меньше. Наоборот, отсутствие запрещенных предметов либо пресечение их доставки на территорию исправительного учреждения указывают на высокую степень притязания сотрудников на объект конфликта.

Если осужденными не выполняется распорядок дня, не заправляются спальные места, личные вещи не хранятся в специально отведенных местах, осужденные не носят форму одежды установленного образца, то также степень притязания на объект (в данном примере – объекты) пенитенциарного конфликта является крайне низкой либо отсутствует.

Характерной чертой субъективной стороны пенитенциарного конфликта предстает соотношение степени притязания на объект конфликта с осознанием ответственности за обладание объектом, а также возможностями субъектов.

Основными факторами, обусловливающими степень притязания субъектов на объекты пенитенциарного конфликта, являются следующие.

1. Коррупция.

Степень притязания сотрудников исправительного учреждения на объект пенитенциарного конфликта может зависеть от уровня коррупции, в частности: получение взяток за подготовку положительных материалов к условно-досрочному освобождению осужденных, пронос запрещенных предметов и т. д. Чем выше показатель подобных коррупционных проявлений, тем ниже степень притязания на объект конфликта со стороны сотрудников.

2. Кадровый вопрос.

Нехватка квалифицированных сотрудников, отсутствие так называемой профессиональной преемственности в служебной деятельности либо просто «кадровый голод» снижают степень притязания на объекты конфликта.

Так, на практике младший инспектор дежурной смены, ввиду отсутствия иных сотрудников, обязан осуществлять ночной обход общежитий осужденных. Видя нарушение установленного распорядка дня (например, не выполняется команда «отбой» и т. д.), сотрудник избегает конфликта и не делает замечания осужденным, не составляет соответствующих документов о выявленном нарушении, полагая, что не сможет самостоятельно исправить ситуацию.

3. Психологические личностные особенности субъектов конфликта.

В число личностных особенностей, обусловливающих степень притязания на объект пенитенциарного конфликта, входят различные патологии: социопатия, наркомания, гипертрофированные желания превосходства и т. д. На степень притязания на объект конфликта влияют также биологические потребности и наличие у осужденных психических расстройств.

4. Стратификация осужденных (наличие сплоченных групп).

В системе взаимоотношений в исправительных учреждениях неформальная стратификация осужденных играет значительную роль. На формирование мотивации к обладанию объектом пенитенциарного конфликта значительное влияние оказывает так называемый социальный статус осужденного, который зависит от степени его уважения. В свою очередь уважение может формироваться с учетом как умственных, так и физических способностей осужденного, наличия связей в уголовно-преступной среде и т. д. Причисле-

ние того или иного осужденного к определенной неформальной категории обусловливает понижение или повышение его статуса.

Наиболее сильное и непосредственное притязание на объекты пенитенциарного конфликта имеют лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности. Отечественный криминолог Ю. М. Антонян так охарактеризовал криминального лидера: «…Лидера в среде осужденных можно представить как члена группы определенной направленности поведения, за которыми группа признает права на руководство и принятие окончательного решения в значимых для них ситуациях. Такое право тем более признается за “вором в законе”» [1, с. 286–302].

Противоположной стратификационной группой осужденных – участников пенитенциарного конфликта – являются лица, трудоустроенные в исправительном учреждении на должности (например, старших дневальных и т. д.). Данная группа осужденных противопоставляется группе приверженцев норм поведения криминалитета. Выступая на стороне администрации, что повышает степень притязания на объекты пенитенциарного конфликта, данные осужденные могут использовать полученную «власть» в личных, корыстных интересах и превысить свои полномочия, что может привести к таким преступлениям, как дезорганизация деятельности исправительного учреждения и массовые беспорядки.

Профессор А. В. Наумов в качестве подтверждения данного факта приводит пример из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Раскрывая причины бунта, произошедшего в 2008 г. в одной из исправительных колоний Самарской области, В. Лукин «обратил внимание на то, что бунт произошел вовсе не по причине неблагоприятных в бытовом плане условий отбывания наказания (с этим, по его мнению, все обстояло вполне терпимо), а в силу озлобленности одной части осужденных по отношению к другой. По мнению главного омбудсмена страны, конфликт мог быть спровоцирован тем, что отдельным осужденным были делегированы практически административные функции, которые они осуществляли, естественно, избирательно, исходя из своего понимания справедливости (характерного для уголовной среды)» [4, с. 8].

5. Внешнее давление на деятельность сотрудников.

Деятельность сотрудников исправительных учреждений постоянно подвергается давлению либо находится под угрозой давления, что инициируется осужденными непосредственно (например, через представителей преступных сообществ, а также через правозащитные организации и средства массовой информации).

Современное развитие государства происходит в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества. Политика «открытости» касается всех органов власти, в том числе правоохранительных, а значит, и исполняющих наказания. Однако усиливающееся информационное давление как на уголовно-исполнительную систему в целом, так и на отдельных ее сотрудников, в частности, ставит под угрозу нормальное функционирование исправительных учреждений и снижает степень притязания сотрудников на объекты конфликта.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример. При посещении исправительного учреждения с целью общественного контроля члены общественных наблюдательных комиссий (далее: ОНК) в некоторых случаях могут позволить себе требовать от администрации исправительного учреждения, например, предоставления отдельному осужденному послаблений режима отбывания наказания, дополнительных свиданий или передачи литературы и т. п. В случае отказа от выполнения требований нередко звучат угрозы «уничтожить» репутацию руководителя учреждения путем размещения недостоверной информации на своих сайтах. Причем надо отметить следующее: сами члены ОНК признают, что осужденные нередко действуют исключительно из корыстных интересов и предоставляют недостоверную информацию в своих жалобах [5, с. 232–233].

Непосредственно от степени притязания на объект конфликта зависит конфликтоген.

Пенитенциарные конфликтогены можно классифицировать на субъективные (внутренние) и объективные (внешние).

К субъективным (внутренним) пенитенциарным конфликтогенам относятся:

1. Неправомерные действия, направленные на причинение ущерба.

Со стороны сотрудников неправомерные действия, как правило, выражаются в оскорблении осужденных, неадекватном проведении мероприятий режимного характера (обыск и т. д.), необоснованном применении физической силы, мер поощрения и взыскания и т. д.

Со стороны осужденных неправомерные действия выражаются в оскорблении сотрудников (ст. 319 УК РФ), причинении насилия либо угрозе насилия. В уголовно-правовом аспекте данные действия квалифицируются как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), и являются самым распространенным видом

преступлений, совершаемым в исправительных учреждениях.

2. Действия осужденных, направленные на приобретение вещей и предметов, продуктов питания, которые им запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать.

3. Отказ осужденных от выполнения законных требований администрации исправительного учреждения. Например, отказ от проведения обыска, соблюдения правил внутреннего распорядка дня, работ и т. д.

4. Нарушение осужденными установленных законом запретов.

5. Несоблюдение сотрудниками законных прав осужденных.

Согласно результатам проведенных опросов осужденных[1], 27 % считают, что нормы закона не соответствуют действительности. В частности, не соответствуют действительности нормы, регламентирующие: основные права осужденных (ст. 12 УИК РФ) – 71 % опрошенных, применение мер поощрения (ст. 113 УИК РФ) – 52 %, обращения осужденных и порядок их рассмотрения (ст. 15 УИК РФ) – 51 %. Примечательно, что всего 3 % респондентов считают, что ряд норм не применяется и 1 % указывает на формальное применение.

Почти половина респондентов (40 %) утверждают, что нормы уголовно-исполнительного законодательства исполняются частично, среди них наиболее часто в ответах осужденных упоминаются нормы, касающиеся: обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных (ст. 14 УИК РФ); получения осужденными к лишению свободы посылок, передач и бандеролей (ст. 90 УИК РФ); просмотра осужденными к лишению свободы кинофильмов и телепередач, прослушивания радиопередач (ст. 94 УИК РФ); телефонных разговоров осужденных к лишению свободы (ст. 92 УИК РФ); оплаты труда осужденных к лишению свободы (ст. 105 УИК РФ); привлечения к работам осужденных к лишению свободы без оплаты труда (ст. 106 УИК РФ); общего образования осужденных к лишению свободы (ст. 112 УИК РФ); мер взыскания и порядка их применения (ст. 115, 117 УИК РФ).

Объективными (внешними) конфликтогенами называются те, которые изначально не исходят от субъектов конфликта, но влияют на их поведение и порождают субъективные конфликтогены. К ним относятся:

1. Декларативность норм уголовно-исполнительного законодательства.

В процессе нашего исследования было установлено, что ряд действующих норм законодательно не обеспечены механизмом реализации. В связи с этим на практике применение той или иной нормы уголовно-исполнительного законодательства зависит от усмотрения лица, принимающего решение.

Так, ч. 1 ст. 89 УИК РФ допускает предоставление длительных свиданий с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. Вместе с тем в целях соблюдения мер безопасности данная норма применяется в исключительных случаях. Это объясняется тем, что такие свидания могут предоставляться «в предусмотренных настоящим Кодексом случаях».

2. Отказ в условно-досрочном освобождении и замене вида наказания.

Останавливаясь на таком институте, как условно-досрочное освобождение, отметим его положительный эффект – правопослушное поведение, потому что свобода, как правило, является наивысшей ценностью для осужденного, к которой он стремится весь свой срок отбывания наказания. В ряде субъектов Российской Федерации в основном суды принимают положительное решение по данному вопросу, если до конца срока отбывания наказания осталось один-два года. При этом суды не всегда учитывают положительную динамику в поведении осужденного за период отбывания наказания и отказывают в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении, полагая, что оно допустимо только при «безупречном», «стабильно положительном» поведении осужденного в течение всего срока отбывания наказания. Наличие или отсутствие у осужденных при этом взысканий не должно служить единственным условием условно-досрочного освобождения [6].

3. Неудовлетворительные условия отбывания наказаний, медицинского обеспечения и т. д.

Как показывает практика, по ряду причин еще не во всех исправительных учреждениях созданы условия, отвечающие требованиям санитарно-гигиенических норм и международных стандартов, ощущается острая нехватка лекарственных препаратов, необходимых для лечения сердечно-сосудистых заболеваний, туберкулеза, психических расстройств. Сохраняется значительное количество ВИЧ-инфицированных [3, с. 78–79; 7, с. 7]. В отдельных исправительных учреждений не хватает комнат для

[1] Опрос проводился в 2019 г. среди 250 осужденных мужчин, впервые привлеченных к уголовной ответственности, отбывающих наказания в исправительных колониях строгого режима УФСИН России по Тамбовской, Белгородской, Кировской, Иркутской областям, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

длительных свиданий; во многих отсутствуют технические возможности для реализации предусмотренного ст. 92 УИК РФ права на телефонные разговоры.

Таким образом, еще раз необходимо подчеркнуть, что конфликтная пенитенциарная ситуация характеризуется существованием объективного противоречия между исполнением и отбыванием уголовного наказания в целом, а также между исполнением осужденными возложенных обязанностей и реализацией их прав и законных интересов.

В условиях исправительных учреждений конфликтная ситуация – явление постоянное, меняется только субъективное восприятие субъектов конфликта в зависимости от принадлежности объекта. Конфликт рождается в том случае, если степень притязания субъекта конфликта на объект выше степени осознания ответственности за право обладания объектом.

Исследование проблем детерминации пенитенциарного конфликта – важный шаг в вопросе понимания природы конфликта и возможности его преодоления.

Библиографический список

1. *Антонян Ю. М.* Преступление и наказание. Криминолого-психологический анализ : монография / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма, 2014. – 303 с.

2. *Дмитриев А. В.* Конфликтология : учеб. пособие / А. В. Дмитриев. – М. : Гардарики, 2000. – 320 с.

3. *Конев А. А.* Преступность молодежи и рецидив / А. А. Конев, В. В. Муравьев. – Н. Новгород : Нижегор. правовая акад., 2003. – 123 с.

4. *Наумов А. В.* Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания / А. В. Наумов // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2008. – № 4(6). – С. 3–8.

5. Общественное расследование пыток и других нарушений фундаментальных прав человека. В 2 т. Т. 1. Методика / С. М. Дмитриевский [и др.] ; под ред. С. М. Дмитриевского. – 2-е изд., испр. и доп. – Н. Новгород : Нижегор. радиолаборатория, 2015. – 249 с.

6. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : [утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 24 апр. 2014 г.]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) / под ред. О. Г. Ковалёва. – М. : НИИ УИС Минюста России, 2004. – 42 с.

References

1. *Antonyan Yu. M., E'minov V. E.* Crime and Punishment. Criminological and Psychological Analysis. M., Norma, 2014. 303 p.

2. *Dmitriev A. V.* Conflictology. M., Gardariki, 2000. 320 p.

3. *Konev A. A., Murav'ev V. V.* Youth Crime and Relapse. Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskaya Pravovaya Akademiya, 2003. 123 p.

4. *Naumov A. V.* On Criminal Policy in the Field of Appointment and Execution of a Punishment. *Vestnik Akademii General'noj Prokuratury' Rossijskoj Federacii.* 2008. No. 4(6). P. 3–8.

5. *Dmitrievskij S. M., Kazakov D. A., Kalyapin I. A., Ry'zhov A. I., Sadovskaya O. A., Khabibrakhmanov O. I.* Public Investigation of Tortures and Other Violations of Fundamental Human Rights. In 2 vol. Vol. 1. Methods. Ed. by S. M. Dmitrievskij. 2nd ed., rev. and enl. Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskaya Radiolaboratoriya, 2015. 249 p.

6. Review of Judicial Practice of Conditional Release from Punishment. The document has not been published. Access from the reference system «Garant».

7. Characteristics of a Convicted Person (Socio-psychological Portrait). Ed. by O. G. Kovalyov. M., NII UIS Minyusta Rossii, 2004. 42 p.

Библиографическое описание статьи

Емельянов Н. С. Пенитенциарный конфликтогенез: проблемные вопросы детерминации пенитенциарных конфликтов / Н. С. Емельянов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 18–22.

УДК 343.8

Соколов Сергей Алексеевич,
начальник кафедры организации режима и надзора ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: sokol.2000@mail.ru

Пантелеев Виктор Александрович,
доцент кафедры организации режима и надзора ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
E-mail: panteleev.victor2015@yandex.ru

Sokolov Sergej A.,
Head of Organization of Regime and Supervision Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Panteleev Viktor A.,
Assistant Professor of Organization of Regime and Supervision Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, ДОПУСТИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ПЕРИОД КОНВОИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Attracting to the Responsibility of Convicts and Persons Contained by Guardians Accepted Offenses during the Convoy Period: Problematic Issues

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы – привлечению к дисциплинарной ответственности осужденных (лиц, содержащихся под стражей), допустивших нарушения в период конвоирования. Авторами проведено исследование данной проблемы в рамках действующего законодательства и предлагается алгоритм ее решения.

Ключевые слова: осужденные; заключенные под стражу; конвоирование; правонарушение; дисциплинарное взыскание.

Abstract. The article is devoted to one of the urgent problems of the domestic penal system – bringing to the disciplinary responsibility of convicts (persons held in custody), who committed violations during the convoy period. The authors conducted a study of this problem within the framework of the current legislation and proposed an algorithm for its solution.

Key words: convicted; imprisoned; convoy; an offense; a disciplinary action.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, являются одной из задач Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России).

Одной из проблем служебной деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) является привлечение к дисциплинарной ответственности осужденных (лиц, содержащихся под стражей), допустивших нарушения в период конвоирования. Об актуальности указанной проблемы свидетельствует тот интерес, который вызывает она у научного сообщества [1–3]. Кроме того, ее актуальность обусловлена необходимостью оптимизации нормативного регулирования процесса привлечения осужденных, лиц, содержащихся под стражей, совершивших противоправные деяния в период их охраны и конвоирования.

В соответствии с ч. 6 ст. 11 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) «неисполнение осужденными возложенных на них обязанностей, а также невыполнение законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, влекут установленную законом ответственность». Аналогичные требования предусматривает ст. 36 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: Закон № 103-ФЗ) в отношении лиц, заключенных под стражу.

В случае невыполнения конвоируемыми лицами возложенных на них обязанностей, а также при отказе выполнять законные требования сотрудников караулов по конвоированию возникают основания для привлечения осужденных и лиц, заключенных под стражу, к дисциплинарной ответственности.

Как показали результаты проведенного нами в октябре 2018 г. анкетирования 30 сотрудников специальных подразделений УИС по конвоирова-

© Соколов С. А., Пантелеев В. А., 2019

нию из 11 территориальных органов УИС (ГУФСИН России по республикам Башкортостан, Татарстан, Краснодарскому краю, Челябинской области, УФСИН России по Чувашской Республике – Чувашии, г. Москве, Владимирской, Костромской, Московской, Смоленской, Тамбовской областям), осужденные и лица, содержащиеся под стражей, при конвоировании совершают широкий спектр нарушений режима содержания, среди них:

– межкамерная связь (19,2 %);

– конфликты с другими осужденными (лицами, содержащимися под стражей) при конвоировании (15,6 %);

– словесное оскорбление сотрудников караула по конвоированию (14,3 %);

– курение (14,3 %), что запрещено при конвоировании;

– попытки спрятать ухищренным способом денежные средства, наркотические средства, колющие и режущие предметы (11,7 %);

– неадекватное поведение при конвоировании (9,1 %);

– невыполнение законных требований сотрудников караула по конвоированию (7,8 %);

– порча имущества, оборудования специального транспорта (6,5 %);

– причинение травм, телесных повреждений другим осужденным (лицам, заключенным под стражу) (5,2 %);

– отказ раздеться при полном обыске (3,9 %);

– нападение на сотрудников караула по конвоированию (2,6 %);

– покушение на побег из-под охраны (2,6 %);

– групповые неповиновения (участие, организация) (1,3 %);

– отказ называть установочные данные (1,3 %);

– членовредительство (1,3 %);

– нахождение в нетрезвом состоянии (1,3 %).

За нарушения режима на конвоируемых лиц в зависимости от их правового статуса налагаются дисциплинарные взыскания. Статья 115 УИК РФ устанавливает исчерпывающий перечень мер взысканий, применяемых к осужденным за нарушения установленного порядка отбывания наказания, а ст. 38 Закона № 103-ФЗ в отношении лиц, содержащихся под стражей, регламентирует следующие дисциплинарные взыскания: выговор; водворение в карцер на срок до 15 суток, а несовершеннолетних заключенных под стражу – на срок до семи суток.

Взыскания за нарушения установленного порядка отбывания наказания и содержания под стражей налагаются соответственно начальником исправительного учреждения (далее: ИУ) или лицами, его замещающими (ст. 119 УИК РФ), и начальником места содержания под стражей или его заместителем (ст. 39 Закона № 103-ФЗ).

При выборе меры взыскания учитываются объективная сторона нарушения (время, место, тяжесть и характер нарушения), а также субъективная составляющая (личность нарушителя, характеристики его поведения до и после совершения нарушения).

Дисциплинарное взыскание налагается в течение 10 суток с момента обнаружения нарушения. В случае проведения дополнительной проверки по факту нарушения – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения в отношении осужденных к лишению свободы и не позднее двух месяцев в отношении лиц, содержащихся под стражей.

Взыскание исполняется немедленно, а в исключительных случаях – не позднее 30 дней со дня его наложения. В соответствии со ст. 117 УИК РФ запрещается за одно нарушение налагать несколько взысканий.

Документами, удостоверяющими факт нарушения осужденным, заключенным под стражу режима содержания при конвоировании, являются: акт о нарушении режима, акт о нападении, акт о побеге. Указанные документы должны содержать следующие сведения: установочные данные на нарушителя (ФИО; число, месяц, год рождения; номер камеры; статья УК РФ, по которой он осужден, срок наказания, начало и конец срока; дата, время и место совершения нарушения; полное описание допущенного нарушения (при этом ***формулировка нарушения установленного порядка отбывания наказания должна соответствовать формулировке, содержащейся в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений***); занимаемая должность, ФИО, специальное звание, подпись лица, составившего документ; дата его составления.

Согласно результатам анкетирования акты о нарушениях оформлялись только в 61,9 % случаях. В числе причин, по которым акты о нарушении режима содержания при конвоировании не составлялись, респонденты назвали такие, как: «нехватка времени»; «незначительность правонарушения»; «отсутствие видеорегистратора»; «пресечение нарушения в начальной стадии после разъяснения».

Все материалы по фактам нарушений в тот же день должны передаваться составившим их лицом дежурному по учреждению органа-получателя (дежурному помощнику начальника колонии, тюрьмы или следственного изолятора) для регистрации в журнале учета нарушений установленного порядка отбывания наказания (содержания под стражей).

Как показало анкетирование, в большинстве случаев (74,2 %) акты о нарушении действительно

передаются дежурному по учреждению (дежурному помощнику начальника колонии, тюрьмы или следственного изолятора), однако 25,8 % этих документов вручаются другим должностным лицам, что, в свою очередь, не гарантирует их сохранности или исполнения в установленные законом сроки.

После регистрации документов дежурный по учреждению предоставляет данные материалы начальнику учреждения, который рассматривает их и назначает лицо, ответственное за проведение проверки. Это может быть начальник отряда, сотрудник отдела безопасности в исправительной колонии, отдела режима и надзора в следственном изоляторе, тюрьме, сотрудник оперативного отдела и т. д. Сотрудник, которому поручено проведение проверки, получив материалы под подпись, обеспечивает дальнейший сбор дополнительных сведений, подтверждающих факт допущенного нарушения.

В соответствии с ч. 5 ст. 11 УИК РФ осужденный, совершивший проступок, обязан дать письменное объяснение. У лица, содержащегося под стражей, оно берется на основании ч. 3 ст. 39 Закона № 103-ФЗ. Лицам, не имеющим возможности дать письменное объяснение, администрация оказывает содействие. Если нарушитель отказывается дать объяснение, об этом составляется соответствующий акт, который подписывается участниками беседы с осужденным (лицом, содержащимся под стражей). Отказ нарушителя от дачи объяснения может повлечь ответственность, установленную законом, либо данный факт может быть учтен при определении ему меры взыскания.

В ИУ меры взыскания выносит дисциплинарная комиссия, председателем которой является начальник учреждения. В ряде ИУ организуется видеосъемка заседаний комиссий при вынесении решений о наложении мер взысканий, что способствует разрешению спорных ситуаций и снижению числа жалоб со стороны осужденных по вопросам неправомерности их применения.

Изучив материалы по факту нарушения, комиссия принимает следующие решения:

а) с учетом обстоятельства совершения нарушения и личности виновного определяет меру взыскания;

б) в случае отсутствия материалов, подтверждающих виновность лица, совершившего нарушение, назначает дополнительную проверку;

в) при отсутствии вины осужденного ограничивается рассмотрением материалов на комиссии (в журнале делается отметка «Нет вины»).

Решение комиссии объявляется осужденному под подпись.

В случае отказа нарушителя от ознакомления с данным решением, в соответствующей строке постановления делается отметка «От подписи отказался», после чего ставится подпись начальника ИУ или лица, его замещающего.

Контроль за своевременностью принятия мер к нарушителям установленного порядка отбывания наказания осуществляет начальник отдела по воспитательной работе с осужденными.

Вместе с тем на практике бывают случаи, когда орган-получатель не реагирует на акты о нарушении режима осужденными (лицами, содержащимися под стражей), совершенными в период конвоирования. На этот факт указали 27,8 % респондентов.

Это может быть обусловлено следующими причинами:

– во-первых, конвоирование осужденных (лиц, содержащихся под стражей) может занимать длительное время. Это связано с тем, что специальные вагоны с конвоируемыми лицами включают в состав почтово-багажных, пассажирских поездов. Данный вид транспорта перемещается достаточно медленно, поэтому установленный законом срок наложения взыскания 10 суток со дня обнаружения нарушения истекает, нарушитель остается безнаказанным, что порождает новые правонарушения;

– во-вторых, ч. 4 ст. 14.1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» предоставляет право специальным подразделениям УИС по конвоированию при выполнении возложенных на них задач «составлять протоколы о нарушении осужденными и лицами, заключенными под стражу, обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, для решения вопроса о применении мер взыскания и принуждения к указанным лицам». В связи с этим дежурные по органу-получателю требуют от начальников караулов специальных подразделений УИС по конвоированию составлять **протоколы о нарушении**. Однако в Инструкции по конвоированию протоколы о нарушении не упоминаются, речь идет только об актах о нарушении, составляемых в двух экземплярах. Образуется своего рода правовой вакуум.

Решение данной проблемы нам видится в следующем. Необходимо накладывать дисциплинарное взыскание на лиц, совершивших нарушения при конвоировании, в течение 10 дней с момента нарушения уже в ближайшем транзитно-пересыльном пункте (далее: ТПП) правами начальника следственного изолятора (ИУ), в ведении которого находится этот пункт. При отсутствии возможности исполнить наложенное взыскание, следует приложить материалы служебной проверки к личному делу осужденного или лица, содержащегося под стражей, для исполнения дисциплинарного взыскания по месту отбывания уголовного наказания.

При конвоировании на лиц, нарушающих установленный режим содержания, начальник караула должен составить акт и протокол (см. приложение) в двух экземплярах и ознакомить с ними нарушителя. В акте и протоколе указываются объективные и субъективные обстоятельства нарушения. Первые экземпляры данных документов приобщаются к личному делу нарушителя, вторые – направляются в управление (самостоятельный отдел) по конвоированию, которому подчинен караул по конвоированию.

Далее начальник караула собирает пакет документов на нарушителя, включающий рапорт (в двух экземплярах) сотрудника – свидетеля нарушения, составленные ранее акт и протокол о нарушении режима содержания (в двух экземплярах), а также материалы видеофиксации, поскольку в настоящее время все специальные транспортные средства (специальный автомобиль, специальный вагон) для перевозки осужденных и лиц, содержащихся под стражей, оборудованы системами видеонаблюдения, и у каждого начальника караула, осуществляющего конвоирование спецконтингента, должен быть видеорегистратор, позволяющий осуществлять фото-, видеодокументирование противоправных действий.

По прибытии конвоируемых в ТПП или в орган-получатель весь пакет документов передается дежурному помощнику начальника учреждения для регистрации и передачи в последующем начальнику органа-получателя с целью проведения проверки и принятия решения о применении мер дисциплинарной ответственности.

Учитывая, что передача материалов видеофиксации на обменном пункте встречному караулу не представляется возможной, данные материалы необходимо направлять по каналам ведомственной связи органу-получателю или ТПП по возвращении в управление (самостоятельный отдел) по конвоированию. В случае, если каналы ведомственной связи по каким-либо причинам отсутствуют либо находятся в нерабочем состоянии, но есть техническая возможность зафиксировать нарушение и распечатать акт и протокол на бумажном носителе, то данный документ направляется органу-получателю или ТПП по возвращении в управление (самостоятельный отдел) по конвоированию для приобщения этих материалов в рамках проводимой служебной проверки.

По мнению большинства сотрудников специальных подразделений УИС по конвоированию, принявших участие в анкетировании, в целях решения проблемы привлечения к ответственности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, допустивших нарушения в период конвоирования, целесообразно довести до сведения личного состава управлений (самостоятельных отделов) по конвоированию территориальных органов УИС рекомендуемый порядок действий при совершении нарушений осужденными, лицами, содержащимися под стражей, при конвоировании, порядок оформления пакета документов.

Библиографический список

1. *Андриянов Р. В.* Проблемные вопросы привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных в период конвоирования / Р. В. Андриянов // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Чириков. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2017. – С. 9–12.

2. *Игнатьев А. М.* Актуальные аспекты привлечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, к дисциплинарной ответственности за нарушение требований режима в процессе конвоирования / А. М. Игнатьев. – Режим доступа: http://synergy-journal.ru/archive/article3195.

3. *Михеева С. В.* Режим конвоирования как элемент режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С. В. Михеева, В. А. Шиханов // Вестн. Сам. юрид. ин-та. – 2015. – № 3(17). – С. 58–62.

References

1. *Andriyanov R. V.* Problematic Issues of Bringing to Disciplinary Responsibility of Convicts During Convoy. *The Penal System Today: the Interaction of Science and Practice.* Execut. ed. A. G. Chirikov. Novokuzneck, Kuzbasskij Institut FSIN Rossii, 2017. P. 9–12.

2. *Ignat'ev A. M.* Actual Aspects of Bringing Convicts and Persons in Custody to Disciplinary Responsibility for Violation of the Requirements of the Regime in the Process of Escorting. URL: http://synergy-journal.ru/archive/article3195.

3. *Mikheeva S. V., Shikhanov V. A.* Convoy Regime as an Element of the Regime in the Institutions of the Penal System. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2015. No. 3(17). P. 58–62.

Приложение

ОБРАЗЕЦ

ПРОТОКОЛ
о правонарушении при конвоировании

«___» _____ 20__ г. _____
(дата составления) (место составления)

Я, _____
(специальное звание, должность, ФИО должностного лица, составившего протокол)
_____
_____,
в соответствии со ст. 14.1 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» составил настоящий протокол о том, что гражданин(ка) _____
(ФИО, дата и место рождения, гражданство)
_____
_____
русским языком _____,
(владеет/не владеет)
осужденный(ая) по ст. _____ УК РФ,
обвиняемый(ая) по ст. _____ УК РФ,
«____» _____ 20___г. совершил(а) правонарушение _____
_____
(дата, место совершения, пункт нормативного правового акта, существо нарушения)
_____
_____
_____,
ответственность за которое предусмотрена ст. 115 УИК РФ (ст. 38 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

Сведения о свидетелях и потерпевших_____
_____
_____
_____
(свидетель/потерпевший)

Лицу, в отношении которого возбужден материал о правонарушении, разъяснены права, предусмотренные ч. 1 ст. 117 УИК РФ (ст. 39 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

К протоколу прилагаются:
Иные сведения, необходимые для рассмотрения материала (в том числе запись о применении средств видеофиксации) _____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

Окончание приложения

Протокол составлен в присутствии свидетелей:

1. _____

_____ _____

(ФИО, место службы) (подпись)

2. _____

_____ _____

(ФИО, место службы) (подпись)

3. _____

_____ _____

(ФИО, место службы) (подпись)

Нарушитель _____ _____

(подпись) (расшифровка подписи)

Протокол подписать отказался _____ _____

(подпись) (расшифровка подписи должностного лица караула по конвоированию)

Мотивы отказа от подписания протокола (могут быть изложены нарушителем отдельно и приложены к протоколу) _____

_____

Примечание. Отказ от подписи протокола не является основанием для прекращения производства по материалу.

Протокол составил _____ _____

(подпись) (расшифровка подписи)

Копию протокола получил _____ _____

(дата, подпись) (расшифровка подписи нарушителя или отметка об отказе в получении протокола)

Мне сообщено, что рассмотрение дела о правонарушении состоится «___»_____20__ г. в учреждении: _____

_____

_____ _____

(дата, подпись) (расшифровка подписи нарушителя)

Копию протокола получил _____

(дата, подпись дежурного по органу-получателю)

Библиографическое описание статьи

Соколов С. А. Привлечение к ответственности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, допустивших правонарушения в период конвоирования: проблемные вопросы / С. А. Соколов, В. А. Пантелеев // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 23–28.

УДК 343.824

Ткаченко Елена Сергеевна,
начальник кафедры психологии
и педагогики профессиональной деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук, доцент
E-mail: tkachenkoes@rambler.ru

Кошелева Виктория Олеговна,
оперуполномоченный оперативной группы
ФКУ ИК-18 ГУФСИН России
по Нижегородской области
E-mail: vika6.1.94@inbox.ru

Tkachenko Elena S.,
Head of Psychology and Pedagogy
of Professional Activity Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Psychology), Associate Professor

Kosheleva Viktoriya O.,
Security Officer of the Operative Group
of the Correctional Colony No. 18 GUFSIN of Russia
in the Nizhny Novgorod Region

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Problems of Getting Education by Convicted Prisoners in Prisons: Legal and Psychological-pedagogical Aspects

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и психолого-педагогические аспекты получения образования осужденными в местах лишения свободы. На основе проведенного исследования анализируются особенности отношения осужденных к получению образования и предлагаются рекомендации организационного и методического характера по совершенствованию процесса обучения осужденных.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы; исправительное учреждение; образование; процесс обучения.

Abstract. The article deals with legal, psychological and pedagogical aspects of obtaining education by convicts in places of deprivation of liberty. On the basis of the conducted research the features of the attitude of convicts to General education are analyzed and recommendations of pedagogical and legal nature are developed.

Key words: convicts to imprisonment; correctional institution; education; learning process.

В последние десятилетия сохраняется тенденция к ухудшению социально-демографических и психолого-педагогических характеристик осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы. Осужденные, как правило, в большинстве своем характеризуются педагогической запущенностью, низким уровнем образования, проблемами, существующими в морально-нравственной сфере. Все это приводит к формированию и закреплению различных форм противоправного поведения осужденных.

Вместе с тем уровень организации образовательного процесса в большинстве исправительных учреждений (далее: ИУ) России еще не в полной мере отвечает требованиям времени. Чаще всего это связано с возможностью использования в образовательном процессе технических средств обучения, а также с невысоким уровнем мотивации самих осужденных к получению образования. В сложившейся ситуации необходимо изменение самого подхода к оценке эффективности основных средств исправления осужденных в ИУ. Это связано прежде всего с расширением спектра возможного применения методов и форм воспитательного воздействия на осужденных, разработкой и внедрением правовых и организационных условий, обеспечивающих возможности развития личности осужденных с учетом их актуального уровня развития и уровня образования. Система обучения осужденных в ИУ должна претерпеть значительные изменения, связанные с совершенствованием методик обучения, расширением возможностей осужденных в получении среднего общего и среднего профессионального образования.

Механизм реализации права осужденных на получение образования, а также особенности получения образования осужденными в местах лишения свободы рассматривались в работах отечественных ученых и практиков: О. Г. Ананьева, Ю. М. Антоняна, Т. П. Бутенко, В. А. Елеонского, Б. Б. Казака, В. И. Казанцева, Е. Н. Колышни-

© Ткаченко Е. С., Кошелева В. О., 2019

цыной, В. М. Литвишкова, В. Ф. Пирожкова, В. Л. Полозюка, М. Симоненко, Н. А. Тюгаевой, А. И. Ушатикова и проч.

Образование согласно ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» представляет собой «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

Процесс получения образования осужденными регламентируется различными нормативными правовыми актами, в том числе международными документами.

Часть 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации гласит, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». В этой связи интерес представляет анализ международных нормативных правовых документов.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в ст. 26 провозглашает, что «каждый человек имеет право на образование», «образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам».

В Правиле 104 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) 2015 г. подчеркивается центральная роль образования и профессионального обучения в режиме содержания осужденных. При этом важным аспектом является взаимосвязь системы образования внутри учреждения с общей системой образования, что позволяет освободившимся заключенным продолжать свое образования и далее.

Детализация данного положения находит свое отражение в европейских стандартах. Так, в ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1952 г. четко указано, что «никому не может быть отказано в праве на образование».

Пенитенциарные системы ряда стран при исполнении наказания в виде лишения свободы руководствуются Европейскими пенитенциарными правилами 2006 г. (далее: ЕПП). ЕПП предусмотрена обязанность каждого пенитенциарного учреждения предоставлять заключенным право участвовать в образовательных программах в соответствии со своими индивидуальными потребностями и интересами, а также вновь подчеркивается необходимость включения образования, получаемого в пенитенциарном учреждении, в общенациональную систему образования и профессионального обучения с целью его последующего успешного продолжения после освобождения.

Соответственно, можно говорить о разработанных международных правовых стандартах, регулирующих получение заключенными образования в местах лишения свободы.

Анализ отечественного законодательства позволяет выделить следующие нормативные правовые акты, регулирующие возможность получения образования осужденными в местах лишения свободы. Право осужденных на получение образования и выбор профессии закреплено в положениях ст. 37, 43 Конституции Российской Федерации.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 80 регламентирует порядок организации предоставления образования лицам, осужденным к лишению свободы. Для лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), обеспечиваются условия для получения общего образования путем создания органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, общеобразовательных организаций при ИУ УИС.

Следующим по значимости нормативным правовым актом, регламентирующим образовательный процесс в местах лишения свободы, является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ). Получение осужденными общего образования рассматривается законодателем в качестве одного из основных средств их исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

При этом роль образовательного процесса в местах лишения свободы сводится не только к получению осужденными того или иного уровня образования, но, самое главное, к оказанию позитивного влияния на все сферы личности осужденного, обеспечение развития его моти-

вационной сферы, нравственной позиции, профессиональных интересов.

Статья 112 УИК РФ гласит, что в ИУ для осужденных, не достигших 30 лет, организуется обязательное получение общего образования. В ч. 1 ст. 108 УИК РФ уточняется: «В исправительных учреждениях организуются обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него». Таким образом, законодатель четко обозначает необходимость организации профессионального обучения осужденных в ИУ.

Освоение профессиональных навыков позволяет осужденным после освобождения из ИУ трудоустроиться и, тем самым, снизить возможность дальнейшего противоправного поведения.

Согласно ст. 13 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в обязанности учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, входит обеспечение условий для получения осужденными общего образования. Организуемый в ИУ образовательный процесс способствует формированию мировоззрения осужденных, развитию их нравственных качеств. Помимо этого, осужденные с более высоким уровнем образования чаще соблюдают нормы правопослушного поведения и более успешно адаптируются в обществе после освобождения из ИУ.

Приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 6 декабря 2016 г. «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» закрепляет порядок организации получения основного общего и среднего (полного) общего образования осужденными к лишению свободы. Однако данный Порядок не предусматривает предоставления перечня документов, необходимых для принятия осужденных в школу, например: аттестата об основном общем образовании (свидетельства о неполном среднем образовании) или сведений о промежуточной аттестации из общеобразовательных организаций, справки из образовательных организаций начального или среднего профессионального образования с указанием количества часов, прослушанных по общеобразовательным предметам. Это затрудняет распределение осужденных по классам. В то же время запрос данных документов может занимать значительное время. Разработка специализированных контрольно-проверочных материалов, дифференцированных по уровню сложности для осужденных, позволила бы в более короткие сроки определять их уровень знаний по основным предметам общеобразовательной программы и значительно облегчить процесс распределения осужденных по классам.

Анализ положений ст. 80 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и ст. 112 УИК РФ позволяет сделать вывод о том, что отсутствует регламентация получения осужденными начального общего образования, если оно не было получено ими ранее. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 63 и ч. 5 ст. 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» осужденные, не освоившие основной образовательной программы начального общего и (или) основного образования, не могут быть допущены к обучению на следующих уровнях общего образования. Следовательно, осужденные, достигшие 30 лет и не имеющие начального образования, уже не могут реализовать свое право на получение основного общего или среднего общего образования.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, можно выделить следующие проблемные моменты правового и организационного характера, связанные с получением образования осужденными в местах лишения свободы:

– отсутствие у ряда ИУ возможности реализовать права осужденных на образование;

– излишняя теоретизированность и негибкость существующих в учреждениях учебных программ;

– большая разница в уровне образовании осужденных одного возраста;

– общий низкий уровень знаний осужденных;

– проблема дальнейшего продолжения образования после освобождения из ИУ.

Образовательная среда, формирующаяся в ИУ, благоприятно влияет на личность осужденного, создавая предпосылки к успешной ресоциализации. Основным препятствием в процессе ресоциализации личности осужденного является низкий уровень этического, нравственного и морального развития последнего.

Организационные и психолого-педагогические условия получения образования осужденными проанализируем на примере осужденных, содержащихся в ФКУ ИК-18 ГУФСИН России по Нижегородской области. Данное ИУ предназначено для отбывания наказания лицами женско-

го пола, ранее судимыми. Лимит наполнения – 450 чел. На первоначальном этапе исследования в течение трех недель проводился опрос осужденных женщин по теме «Роль образования в моей жизни». С целью составления объективных социально-демографической, уголовно-правовой и психологической характеристик беседы проводились с 408 осужденными всех возрастных категорий.

В результате опроса были установлены факторы, обусловливающие низкий уровень образования осужденных женщин:

– состав семьи (наблюдается более низкий уровень образования у осужденных, воспитывавшихся в многодетных и неполных семьях);

– алкоголизация семьи (влияет на формирование девиантного поведения в подростковом возрасте и, как следствие, ведет к прекращению посещения школы и значительным пробелам в образовании);

– отсутствие постоянного места жительства;

– национальность (лица цыганской национальности, как правило, не имеют образования вообще);

– проживание в сельской местности;

– недостаточная материальная и финансовая обеспеченность семьи.

В большинстве своем женщины осуждены за следующие виды преступления: против жизни и здоровья человека (ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 1 и 4 ст. 111 УК РФ); в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1 УК РФ); против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 232 УК РФ); против собственности (ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ).

Говоря о психологических особенностях, чертах характера и интеллектуальных способностях осужденных, следует отметить, что для лиц с низким уровнем образования характерны замкнутость, подозрительность, неумение выражать свои мысли, некоммуникабельность, безынициативность, малодушие, безволие, лживость, лень и проч. С ними представляется затруднительным установить психологический контакт. Некоторые из них состоят на профилактическом учете как склонные к суициду и членовредительству.

С целью изучения отношения осужденных женщин к возможности получения образования в ИУ нами была разработана специальная анкета, включающая четыре блока: вопросы, направленные на выяснение значимости получения образования для осужденных женщин, их мотивов к обучению, отношения к организации процесса обучения и к преподавателям.

Для изучения динамики отношения к получению общего и высшего образования осужденными женщинами было проведено два экспериментальных среза: в 2015 и 2017 гг. Полученные результаты анализировались по каждому блоку анкеты.

При сравнении результатов анкетирования 2015 и 2017 гг. были сделаны следующие выводы.

1. Мнение осужденных женщин о необходимости повышения образовательного уровня не изменилось. Достаточно высокие показатели свидетельствуют о познавательных мотивах к получению образования в период отбывания наказания. Однако сегодня возможность получения условно-досрочного освобождения не играет важной стимулирующей роли. Причина этого заключается в следующем: та категория осужденных, которая рекомендуется к условно-досрочному освобождению, часто имеет уже среднее общее образование и минимум одно среднее специальное или профессиональное образование, что обусловливает их правопослушное и примерное поведение.

2. Увеличился процент осужденных женщин, отбывающих наказания в местах лишения свободы, которые полагают, что образование никак на них не влияет. После бесед с осужденными нередко складывалось впечатление, что эти люди полностью абстрагировались от окружающего мира; потеряли интерес не только к знаниям о жизни, но и к самой жизни. Данная категория осужденных требует особого внимания и индивидуального подхода при включении их в образовательный процесс.

3. Длительное пребывание в ИУ притупляет желание работать над собой, самосовершенствоваться, о чем свидетельствуют данные исследования: число осужденных, для которых образование служит мотивом к саморазвитию, снизилось более чем на 20 %.

4. Значительный процент осужденных полагает, что умение общаться и взаимодействовать с людьми не зависит от уровня образования, а определяются личностными особенностями.

5. Большая часть осужденных удовлетворены процессом обучения.

6. Как правило, осужденные относятся с большим уважением к педагогическому коллективу.

Среди осужденных женщин преобладают те, кто осознанно и ответственно относится к своему образованию. Однако существуют категории осужденных, которые проявляют безразличие к обучению.

На основании проведенного исследования мы предлагаем следующие рекомендации, направленные на совершенствование процесса

обучения и дальнейшее повышение мотивации осужденных женщин к получению образования в период отбывания наказания. Данные рекомендации можно разделить на две группы: методические и организационно-правовые.

I. Методические

1. Развитие интеллектуальной и нравственной сфер личности осужденных женщин на основе разработанных специальных программ, учитывающих актуальный уровень образования и психического развития. При разработке данных программ необходимо основной упор делать на формирование различных сторон личности, повышение общей культуры, учет национальных традиций. Анализ уровня образования осужденных женщин, содержащихся в ФКУ ИК-18 ГУФСИН России по Нижегородской области, показал, что из 408 осужденных 25 женщин вообще не имеют образования. В связи с этим необходимо, наряду с программами обучения, ориентированными на получение среднего образования, разрабатывать программы для осужденных, не имеющих даже начального образования. Однако в этом случае возникает проблема соотношения сроков обучения со сроками отбывания наказания. Возможным выходом из данной ситуации будет разработка специализированных образовательных программ различной длительности: краткосрочных (до 1 года), средней длительности (до 2 лет), долгосрочных (до 5 лет). Обучение осужденных должно осуществляться во взаимосвязи с воспитанием, основная задача которого – осознание смысла и значимости получения образования для дальнейшей жизни.

Внедрение в жизнь данных программ повлечет за собой внесение изменений в ряд нормативных правовых актов, в частности, в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», приказ Минюста России и Минобрнауки России «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» и др.

2. Привлечение в рамках просветительской деятельности представителей общественных организаций. Взаимодействие УИС России с общественными некоммерческими организациями является важной предпосылкой совершенствования воспитательной работы с осужденными и способствует возвращению в общество социализированных и законопослушных граждан [1; 2]. Следует отметить, что привлечение к данному виду взаимодействия лиц, ранее отбывавших наказания в виде лишения свободы и в настоящее время характеризующихся правопослушным поведением, может оказать позитивное влияние на осужденных и стимулировать их к учебной деятельности. Это могут быть разнообразные индивидуальные и групповые формы работы с осужденными: просмотр и обсуждение видеороликов и видеофильмов об успешной судьбе лиц, освободившихся из мест лишения свободы, проведение бесед, дискуссий, включение осужденных в соревновательную деятельность с последующим награждением.

3. Расширение сферы взаимодействия учреждений УИС с центрами занятости населения. В современном российском обществе сложилось иное понимание значения профессионального образования. Все профессиональные училища, реализующие свою деятельность в УИС, выполняют прежде всего функции социальной защиты, адаптации и ресоциализации осужденных. Сегодня работодатель предъявляет жесткие требования к претендентам на работу, поэтому профессиональное образование должно в первую очередь предоставить оступившимся людям возможность получить профессию, которая по качеству отвечала бы этим требованиям.

Законодатель в ч. 1 ст. 108 УИК РФ точно указывает на организацию обязательного получения среднего профессионального образования или в качестве альтернативы на обязательность профессиональной подготовки осужденных в ИУ. Однако все более ощущается несоответствие уровня интеллекта лиц, поступающих в профессиональные учреждения при ИУ, растущим требованиям, которые предъявляются к квалификации рабочих. Предприятия переходят на новые пути реализации хозяйственной деятельности, что создает определенные трудности для профессиональной адаптации лиц из числа отбывших наказания.

На наш взгляд, целесообразнее было бы предоставлять услуги по профессиональной ориентации осужденного в течение полугода с момента его прибытия в ИУ, так как это позволило бы выявить склонности и возможности лица, сориентировать его на получение той специальности, по которой он мог бы достичь больших результатов, чтобы после освобождения трудоустроить его, что практикуется в ряде регионов.

4. Организация общения осужденных, не имеющих общего образования, с успешно обучающимися осужденными. В этом случае важна корректность организации данной формы общения: учет индивидуальных особенностей осужденных, их психологической совместимости, принадлежности к неформальным группам. Позитивный пример осужденного, пользующегося авторитетом и уважением, может стимулировать активность других осужденных к обучению.

5. Специальная методическая подготовка учителей, работающих с осужденными. Необходимо помнить, что ИУ – это потенциальные места возникновения чрезвычайных обстоятельств, поэтому формирование высокой психологической и моральной устойчивости, развитие наблюдательности, бдительности, памяти, мышления необходимо для обеспечения собственной безопасности преподавательского состава.

II. Организационно-правовые

1. Обязательный учет наличия общего образования у осужденного при рассмотрении судом ходатайства об условно-досрочном освобождении, тогда как в ст. 79 УК РФ говорится только о том, что при составлении характеристики на осужденного необходимо описать его отношение к учебе в целом. В п. 3.2 «Обзора судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г., указано, что, оценивая отношение осужденного к труду и процессу обучения, суды учитывали обучение в общеобразовательной школе и профессиональном училище при ИУ, рассматривая его как стремление к повышению своего образовательного уровня. При этом обучение может осуществляться формально, а само отсутствие образования, как показало наше исследование, положительно коррелирует с низким уровнем ответственности, этичности и просоциальной активности. В связи с этим необходимо в обязательном порядке учитывать наличие или отсутствие общего образования при решении вопроса об условно-досрочном освобождении.

2. Обеспечение возможности осужденным в дальнейшем получить среднее и высшее образование. В ч. 4 ст. 108 УИК РФ указано, что с учетом имеющихся возможностей администрация ИУ оказывает содействие осужденным в получении высшего образования. Это часто служит поводом для отказа осужденным в получении высшего образования, так как получение высшего образования в ИУ вовсе нельзя назвать доступным. Дело в том, что специальные дистанционные программы по обучению в местах лишения свободы имеются у весьма ограниченного числа образовательных организаций высшего образования, а за образование приходится платить родственникам осужденных.

Таким образом, на современном этапе развития УИС важнейшей задачей остается поиск инновационных технологий, направленных на исправление и ресоциализацию осужденных. В этой связи формирование позитивного отношения к получению осужденными образования будет являться определяющим фактором в развитии правопослушного поведения и активной жизненной позиции личности осужденных. Образовательный процесс в ИУ направлен на коррекцию поведения осужденных к лишению свободы путем нейтрализации личностных деформаций асоциального плана. Содержание этого процесса определяется психолого-педагогическими закономерностями, а организация форм и методов регулируется уголовно-исполнительным законодательством. Однако для оптимизирования образовательного процесса необходимо совершенствование теоретических, методических, правовых и организационных аспектов.

Библиографический список

1. *Колышницына Е. Н.* Мотивация поведения осужденных : монография / Е. Н. Колышницына, Ю. М. Антонян. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 144 с.

2. *Помыткин Т. И.* Роль и значение общественных организаций в ресоциализации осужденных / Т. И. Помыткин // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2010. – № 8. – С. 67–69.

References

1. *Koly'shnicy'na E. N., Antonyan Yu. M.* Motivation of Behavior of Convicts. M., YuNITI-DANA, 2012. 144 p.

2. *Pomy'tkin T. I.* The Role and Importance of Public Organizations in Re-socialization of Convicts. *Vedomosti Ugolovno-ispolnitel'noj Sistemy'*. 2010. No. 8. P. 67–69.

Библиографическое описание статьи

Ткаченко Е. С. Проблемы получения образования осужденными в местах лишения свободы: правовые и психолого-педагогические аспекты / Е. С. Ткаченко, В. О. Кошелева // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 29–34.

УДК 343.822

Юсупова Анастасия Николаевна,
ведущий специалист
отдела продовольственного обеспечения
управления тылового обеспечения ФСИН России
E-mail: makuha1987@yandex.ru

Yusupova Anastasiya N.,
Leading Specialist of Food Security Department
of Logistics Support of the FPS of Russia

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ В СФЕРЕ МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Problematic Issues in the Observance of the Rights and Legitimate Interests of Convicts in the Field of Material and Social Support

Аннотация. В статье анализируются нормы международного и отечественного законодательства, регулирующие права и законные интересы осужденных в сфере материально-бытового обеспечения. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что в законодательстве присутствует достаточное количество норм, реализация которых зависит от усмотрения администрации исправительных учреждений, в связи с чем требуется выработка обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения в данной сфере.

Ключевые слова: права; законные интересы; обязанности; осужденные; материально-бытовое обеспечение; жилье; питание; вещевое довольствие; Правила Нельсона Манделы; уголовно-исполнительное законодательство.

Abstract. The article analyzes the norms of international and domestic legislation governing the rights and legitimate interests of convicts in the field of material support. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the legislation contains a sufficient number of norms, the implementation of which depends on the discretion of the correctional institutions, which requires the development of reasonable proposals to improve the legislation and its application in this area.

Key words: rights; legitimate interests; duties; convicts; material and social support; housing; food; clothing allowance; Nelson Mandela's Rules; penal law.

Среди прав и законных интересов осужденных значимое место занимают права и законные интересы в сфере материально-бытового обеспечения. Нарушения в этой сфере являются наиболее чувствительными, так как оказывают крайне серьезное влияние на здоровье лица, отбывающего наказание, обеспечение его достоинства. Например, в ч. 1 правила 19 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) говорится, что «заключенным… следует выдавать комплект обмундирования, соответствующего климату и позволяющего поддерживать их здоровье в удовлетворительном состоянии. Эта одежда не должна иметь ни оскорбительного, ни унижающего характера». В Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. указывается, что «размещение заключенных, в частности, представление мест для сна, должно производиться с уважением человеческого достоинства…» (п. 1 правила 18).

Вопросы прав и законных интересов заключенных в данной сфере нашли свое отражение и в других нормах данных международных актов. Так, Правила Нельсона Манделы регулируют: условия пребывания заключенных в камерах (правило 12); требования, которым данные помещения должны отвечать (правила 13, 14); обеспечение их одеждой (п. 1 правила 19), постельными принадлежностями (правило 21), пищей (правило 22).

Аналогичные нормы содержатся и в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. (правила 20–22 и др.).

Приведенные нормы, направленные на обеспечение прав и законных интересов заключенных, носят рекомендательный характер. Детализация их, конкретные минимальные требования относительно материально-бытового обеспечения осужденных определяются согласно ч. 3, 4 правила 18 Европейских пенитенциарных правил 2006 г. национальным законодательством.

В России основным законом в этой сфере является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ), где содержатся, с одной стороны, нормы, непосредственно определяющие права и законные интересы осужденных в сфере материально-бытового обеспечения, с другой стороны, бланкетные нормы, отсылаю-

© Юсупова А. Н., 2019

щие к иным законодательным и нормативным правовым актам.

Непосредственно УИК РФ определяются нормы, касающиеся: жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы (ч. 1 ст. 99 УИК РФ); обеспечения одеждой, индивидуальными средствами гигиены (ч. 2 ст. 99 УИК РФ); создания улучшенных жилищно-бытовых условий и повышенных норм питания для отдельных категорий осужденных (ч. 6 ст. 99 УИК РФ) и др.

Значительная часть статей УИК РФ содержит бланкетные нормы.

Так, согласно ч. 3 ст. 99 УИК РФ осужденным устанавливаются минимальные нормы питания. Такие нормы определены согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов Федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время». Помимо минимальных норм питания, данным постановлением предусмотрена выдача дополнительных продуктов осужденным, занятым на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, имеющим рост 190 см и выше (по заключению врача).

Другой бланкетной нормой является норма относительно вещевого довольствия осужденных (ч. 3 ст. 99 УИК РФ). В соответствии с ней такие нормы утверждены приказом Минюста России от 3 декабря 2013 г. № 216 «Об утверждении норм вещевого довольствия осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся в следственных изоляторах».

Указанные выше установления имеют характер прав осужденных, соответственно, они обусловливают обязанность администрации обеспечить их реализацию. Уголовно-исполнительное законодательство содержит и нормы, которые имеют характер интересов, и их реализация возможна только при наличии определенных условий. Она не носит обязательного характера. Так, сверх установленного ст. 88, 121, 123, 125, 131 и 133 УИК РФ размера средств, разрешенных к расходованию на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, осужденные могут за счет собственных средств дополнительно приобретать разрешенную к использованию в исправительном учреждении одежду, в том числе спортивную, оплачивать дополнительные лечебно-профилактические и иные представленные по их желанию услуги, установленные Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее: Правила), утвержденными приказом Минюста от 16 декабря 2016 г. № 295. Эти Правила в числе таких услуг предусматривают:

– приобретение товаров народного потребления, производимых и реализуемых исправительными учреждениями;

– индивидуальное использование на длительном свидании кухонных наборов, телевизоров, холодильников, аудио- и иной электробытовой техники, ежедневную замену постельных принадлежностей и полотенец;

– ремонт и химическую чистку одежды;

– парикмахерские услуги и др. (п. 110).

Правила содержат установления, определяющие особенности материально-бытового обеспечения осужденных, отбывающих наказания в различных условиях. Так, согласно п. 145 Правил запираемые помещения, в которых содержатся осужденные, отбывающие наказания в строгих условиях, оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных, отбывающих наказание в других условиях. В ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах осужденным разрешается минимально необходимое количество предметов (п. 152). Осужденным, водворенным в ШИЗО, запрещается курить. В остальных случаях курение разрешается в период прогулки (п. 153). Свои особенности имеют: условия пользования постельными принадлежностями осужденными, водворенными в ШИЗО, переведенными в ЕПКТ, ПКТ, одиночные камеры; порядок помывки осужденных, отбывающих наказание в указанных помещениях (п. 166).

В отдельном разделе Правил отражены особые права и законные интересы осужденных, являющихся инвалидами. Так, согласно п. 192 Правил администрация исправительного учреждения размещает осужденных инвалидов 1 и 2-й групп в отрядах для проживания осужденных, расположенных на первых этажах зданий, оказывает содействие в проведении реабилитационных мероприятий.

Ведомственный нормативный правовой характер имеет решение вопроса материально-бытового обеспечения осужденных, самостоятельно следующих в колонию-поселение. Согласно приказу Минюста России от 11 февраля 2016 г. № 29 «Об утверждении минимальной

нормы питания на время проезда для осужденных, самостоятельно следующих в колонию-поселение» таким осужденным, в случае невозможности предоставления продуктов питания по установленной норме, выдаются деньги.

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает определенные обязанности, налагаемые на осужденных в рассматриваемой сфере. Из ч. 4 ст. 99 УИК РФ следует, что такими обязанностями являются: возмещение осужденными, получающими заработную плату или пенсию, стоимости питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены, кроме стоимости специального питания и специальной одежды. Возмещение осужденными, уклоняющимися от работы, указанных расходов осуществляется из средств, имеющихся на их лицевых счетах. Кроме того, Правила обязывают осужденных: бережно относиться к имуществу исправительного учреждения; содержать в чистоте и опрятности жилые помещения; следить за состоянием спальных мест, тумбочек, пищевых сумок в помещениях отрядов, где хранятся личные вещи, за наличием индивидуальных табличек на вещевых сумках, тумбочках, индивидуальных местах, ячейках для хранения продуктов питания и соответствием описи личных вещей осужденных в вещевых сумках их содержимому; хранить продукты питания и посуду в комнатах для хранения пищи, предметы индивидуального пользования в помещениях для хранения; соблюдать правила личной гигиены; носить одежду установленного образца; без оплаты труда принимать участие в работах по благоустройству исправительного учреждения и прилегающих к нему территорий и др. (п. 16).

Правила также запрещают: курить в не отведенных для этого местах; без разрешения администрации исправительного учреждения вывешивать фото, граффити, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов, а также предметы культа и иные предметы на стенах и кроватях; содержать животных и птиц; заниматься огородничеством; разводить декоративных рыб, комнатные растения; изготавливать спортивные снаряды; самовольно возводить различные постройки; устанавливать индивидуальные и самодельные телевизионные антенны, шкафы, сейфы; иметь на объектах работы продукты питания, телевизионные приемники и радиоприемники, личные вещи; изготавливать самодельные электрические приборы и пользоваться ими; приготавливать и употреблять пищу в не предусмотренных для этого местах (п. 17).

Правила выделяют запреты, распространяющиеся на осужденных, содержащихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах (п. 168).

Характеризуя правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных, нельзя не остановиться на вопросах, которые требуют своего правового разрешения. Так, уголовно-исполнительное законодательство разрешает осужденному иметь при себе не более 10 экземпляров книг и журналов (ч. 4 ст. 95 УИК РФ). Каждое исправительное учреждение имеет свои возможности, в том числе и в плане создания условий для большего количества изданий. Надо ли на законодательном уровне устанавливать приведенные ограничения? Представляется, что с учетом возможностей, имеющихся в исправительном учреждении, его начальнику можно было бы предоставить возможность разрешать осужденным иметь при себе более 10 экземпляров книг и журналов.

В другом случае Правила устанавливают исчерпывающий перечень дополнительных услуг, оказываемых по инициативе осужденных и оплачиваемых за счет их собственных средств. Представляется, что всех услуг, в которых нуждается осужденный, нельзя предусмотреть, поэтому данный список услуг может быть только примерным. По усмотрению начальника исправительного учреждения осужденный мог бы пользоваться и другими услугами, носящими индивидуальный характер. Далее, устанавливая услугу в виде возможности приобретения товаров народного потребления, Правила почему-то ограничивают их перечень путем требования, согласно которому они должны быть произведены только исправительным учреждением. Наблюдается явный узковедомственный подход. Правила содержат нормы, ничем не ограничивающие пределы административного усмотрения при удовлетворении отдельных интересов осужденных. Так, не ясно, при каких условиях администрация может разрешить вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов, предметы культа и иные предметы на стенах и кроватях, содержать животных и птиц, заниматься огородничеством, разводить декоративных рыб, комнатные растения, изготавливать спортивные снаряды, тренажеры. Полагаем, что возможность такого разрешения должна зависеть как минимум от вида исправительного учреждения, его режима, условий отбывания наказания, места проживания на территории исправительной колонии или за ее пределами (п. 17).

Согласно современной редакции данной нормы осужденному запрещается разводить тех же декоративных рыб или выращивать комнатные растения независимо от того, находится он в строгих условиях отбывания наказания или

проживает за пределами исправительного учреждения или арендуемой жилой площади (ст. 3 ст. 121 УИК РФ).

Возникает вопрос, связанный и с установлением норм жилой площади, приходящейся на одного осужденного. Законодатель установил ее нормы в зависимости от вида исправительного учреждения без должного учета личности осужденного. Так, практика исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, свидетельствует, что они исполняются не только в лечебных исправительных учреждениях (ч. 1 ст. 101 УИК РФ), но и в обычных исправительных колониях. Вместе с тем, если в отношении таких осужденных, находящихся в лечебных исправительных учреждениях, норма жилой площади должна быть не менее трех квадратных метров, то в исправительных колониях – не менее двух квадратных метров (ч. 1 ст. 99 УИК РФ). Представляется, что в данном случае в исправительных колониях должны быть выгорожены изолированные участки, действующие в режиме лечебных исправительных учреждений [3].

Заслуживает внимания вопрос относительно необходимости приостановления отдельных прав осужденных при введении в исправительном учреждении режима особых условий. Приостановление прав, указанных в ч. 2 ст. 85 УИК РФ, является в определенной мере умозрительным, недостаточно продуманным с точки зрения того, как каждый из них может оказать влияние на введенный режим особых условий. Отдельные из них или вовсе не имеют к нему никакого отношения или же имеют, но косвенное. В обеих ситуациях права и законные интересы осужденных, к которым они применяются, необоснованно нарушаются.

Данная точка зрения в определенной степени согласуется с позицией А. П. Скибы, который отмечает расплывчатость положений ст. 85 УИК РФ, недостаточно учитывающих особенности различных оснований введения режима особых условий и требующих дальнейшей законодательной конкретизации, в том числе правового положения осужденных [2].

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что национальное законодательство в значительной мере соответствует международным нормам права в рассматриваемой сфере, а в ряде случаев, по утверждению А. Я. Гришко [1], превосходит их. Тем не менее имеют место вопросы, требующие своего разрешения. Главным образом эти вопросы обусловлены наличием в законодательстве значительного количества норм, реализация которых зависит от усмотрения администрации исправительных учреждений.

Библиографический список

1. *Гришко А. Я.* 135 лет российской уголовно-исполнительной системе и современное уголовно-исполнительное право / А. Я. Гришко // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1. – С. 17–22.

2. *Скиба А. П.* Уголовно-исполнительное законодательство в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – специальная часть Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, реализующая военную доктрину России / А. П. Скиба // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. выступлений и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. – Т. 3. – С. 60–65.

3. *Уткин В. А.* Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты / В. А. Уткин // Уголов.-исполн. право. – 2014. – № 2. – С. 7–11.

References

1. *Grishko A. Ya.* 135 Years of the Russian Penal System and Modern Penal Law. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie*. 2014. No. 1. P. 17–22.

2. *Skiba A. P.* Criminal-executive Legislation in Cases of Natural Disaster, the Introduction of an Emergency or Martial Law is a Special Part of the Penal Code of the Russian Federation Implementing the Military Doctrine of Russia. *III International Prison Forum «Crime, Punishment, Correction» (on the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation)*. In 8 vol. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2017. Vol. 3. P. 60–65.

3. *Utkin V. A.* Hybrid Correctional Institutions and International Standards. *Ugolovno-ispolnitel'noe Pravo*. 2014. No. 2. P. 7–11.

Библиографическое описание статьи

Юсупова А. Н. Проблемные вопросы соблюдения прав и законных интересов осужденных в сфере материально-бытового обеспечения / А. Н. Юсупова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 35–38.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.98:343.8

Агарков Алексей Вячеславович,
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: agarkov2107@rambler.ru

Королёв Юрий Фёдорович,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук
E-mail: mentelis@mail.ru

Agarkov Aleksej V.,
Head of Crime Detection Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Korolyov Yurij F.,
Professor of Crime Detection Department of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Systematization of Operational-search Measures Carried out by Operational Units of the Penal System of Russia

Аннотация. Рассматривается многообразие существующих систематизаций оперативно-розыскных мероприятий, предлагаются авторские варианты их классификации. Анализируется содержание понятия оперативно-режимных мероприятий и его соотношение с понятиями оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскных мер. Делается вывод о возможном многообразии систематизаций оперативно-розыскных мероприятий и необходимости отнесения оперативно-режимных мероприятий к более общему понятию «оперативно-розыскные меры».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-режимные мероприятия; классификация; оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы; задачи оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Abstract. The diversity of existing systematizations of operational-search measures is considered, as well as the author's own versions of ORM classification are proposed. The content of the concept of operational regime measures and its relationship with the concepts of operational search activities and operational search measures are analyzed. The conclusion is made about the possible diversity of systematization of operational-search measures and the need to classify operational-sensitive measures to a more general concept «operational-search measures».

Key words: crime detection; operational-search measures; operational-regime measures; classification; operational units of the penal system; tasks of the crime detection in the penal system.

Различные аспекты теории оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) и, в частности, вопросы осуществления оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ) неоднократно подвергались научному осмыслению, в результате чего выработаны различные системы классификации ОРМ, группирующие их по различным признакам. Наиболее распространенными являются классификации ОРМ по видам санкционирования (ОРМ судебного санкционирования, ОРМ ведомственного санкционирования и ОРМ, не требующие санкционирования) [8, с. 91–140] или по степени ограничения конституционных прав граждан (ограничивающие права и не ограничивающие такове). Кроме того, необходимо назвать следующие классификации:

– по форме проведения: гласные и негласные;

– по направленности: разведывательные, контрразведывательные, оперативно-поисковые, вспомогательные;

– по субъектам, участвующим в их проведении: проводимые всеми субъектами ОРД и проводимые специализированными субъектами (оперативно-техническими, оперативно-поисковыми подразделениями);

– по продолжительности (времени) проведения: кратковременные (разовые) и длящиеся;

– по признаку гласности: проводимые гласно и негласно, проводимые только в тайне (негласно) [3, с. 23, 24; 4, с. 255, 256].

Итак, поддерживая многообразие научных классификаций ОРМ, мы считаем возможным

© Агарков А. В., Королёв Ю. Ф., 2019

предпринять попытку привести свои варианты систематизации ОРМ, отражающие особенности их осуществления в условиях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС).

В первую очередь по степени распространенности в учреждениях и органах УИС мы предлагаем подразделять ОРМ на следующие категории: широко распространенные; распространенные; мало распространенные; редко осуществляемые.

Указанная систематизация представляется нам наименее сложной. Опираясь на результаты проводимого нами исследования, отметим следующее. К широко распространенным (осуществляемым ежедневно или почти ежедневно) относятся: опрос; наблюдение; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. К распространенным (осуществляемым несколько раз в месяц) предлагаем отнести: наведение справок; отождествление личности; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи. К мало распространенным (осуществляемым несколько раз в год) мы относим: оперативное внедрение; оперативный эксперимент; проверочную закупку; исследование предметов и документов; сбор образцов для сравнительного исследования. В число редко осуществляемых (не осуществляемых никогда или раз в несколько лет) включаем: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; получение компьютерной информации; контролируемую поставку. Однако открытый характер настоящей публикации не позволяет более подробно проанализировать указанную классификацию, разработанную на основе данных, полученных в результате анкетирования оперативных сотрудников учреждений УИС.

Еще одна предлагаемая нами систематизация ОРМ, осуществляемых в учреждениях УИС, базируется на рассмотрении специфики решаемых при этом задач и выделяет следующие виды ОРМ:

– ОРМ «первой категории», направленные на решение общих задач ОРД;

– ОРМ «второй категории», направленные на решение специфической задачи ОРД в исправительных учреждениях (далее: ИУ) – выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ нарушений установленного порядка отбывания наказания;

– ОРМ «третьей категории», направленные на решение иных задач.

Считаем необходимым отметить, что под общими задачами ОРД в данном контексте предлагается понимать перечень задач, приведенный в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 6 июля 2016 г.) (далее: ФЗ «Об ОРД»), которые носят общий характер и распространяются на всех субъектов ОРД. Заметим, вновь опираясь на результаты нашего исследования, что наиболее часто оперативными подразделениями УИС решается задача по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с ФЗ «Об ОРД» вышеуказанные задачи решаются путем проведения ОРМ, перечень которых предусмотрен ст. 6 ФЗ «Об ОРД». Таким образом, под ОРМ «первой категории» подпадают все ОРМ, предусмотренные оперативно-розыскным законодательством.

Вместе с тем, кроме общих задач, для ОРД, осуществляемой в ИУ, ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) предусмотрены частные задачи, которые, по нашему мнению, представляют частный случай общих задач ОРД: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ. Однако законодателем в указанной статье предусмотрена еще одна задача, имеющая специфический характер для ИУ: выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Следует обратить внимание на тот факт, что в соответствии с условиями проведения ОРМ, изложенными в ст. 8 ФЗ «Об ОРД», для решения указанной задачи запрещается проводить как ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, так и ОРМ, требующие для их проведения вынесения постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД.

Таким образом, к ОРМ «второй категории» мы предлагаем относить: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочную закупку (только для предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых не запрещена либо не ограничена); исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (кроме проводимого в

жилище); контролируемую поставку предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых не запрещена либо не ограничена.

Вместе с тем возникает вопрос: к какой категории при планировании ОРМ в условиях УИС необходимо относить предметы, вещества и продукцию, свободная реализация которых запрещена либо ограничена в условиях УИС, как то: алкогольные напитки, средства связи, деньги и др. (полный перечень устанавливается Правилами внутреннего распорядка ИУ, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295)? В связи с этим возникает другой вопрос, вытекающий из предыдущего: требуется ли для проведения их проверочной закупки постановление, утвержденное руководителем органа, осуществляющего ОРД?

Мы считаем, что проведение проверочной закупки или контролируемой поставки указанных предметов, веществ и продукции направлено не на решение общих задач ОРД, а на решение упомянутой выше специфической задачи – выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ нарушений установленного порядка отбывания наказания. Предметом данных ОРМ являются объекты материального мира, находящиеся в свободном обороте у полноправных граждан, чьи права и свободы, в отличие от правового статуса осужденных, не ограничены судебным решением. Более того, их противоправный оборот в условиях учреждений УИС не является преступлением. Основываясь на вышеизложенном, мы приходим к выводу, что их использование при осуществлении ОРМ не регулируется нормами оперативно-розыскного закона и не требует вынесения постановления.

Говоря об ОРМ «третьей категории», направленной на решение иных задач, не указанных прямо в действующем законодательстве, представляется необходимым отметить, что мы разделяем мнение профессора В. М. Атмажитова, утверждающего, что путем осуществления ОРД, помимо непосредственно борьбы с преступностью, решаются также многие другие социально значимые задачи, не связанные с такой борьбой [1]. Мы также полностью согласны с позицией профессора А. Ю. Шумилова, значительно расширяющего приведенную точку зрения. В частности, им выделяется в современной ОРД три основных вида: уголовно-сыскная работа (ОРД в узком смысле слова); «смешанная» оперативно-разыскная[1] работа, в которой складываются общественные отношения как криминального, так и некриминального свойства (аналитическая разведка, обеспечение собственной безопасности, удостоверительно-разыскная работа, ОРД в экстремальных условиях, противодействие коррупции); неуголовно-сыскная работа (административно-проверочная работа, справочно-информационная работа с зарубежными контрагентами, подготовка и представление результатов ОРД в арбитражный и гражданский процесс) [9, с. 24–34].

Вместе с тем мы утверждаем, что законодатель косвенно предусмотрел возможность проведения ОРМ с целью решения задач, не предусмотренных нормами ФЗ «Об ОРД». Так, ч. 2, 3 ст. 7 устанавливают возможность осуществления ОРМ для отдельных аспектов удостоверительно-разрешительной деятельности и противодействия коррупции. При этом следует отметить непоследовательность законодателя, запретившего проведение в целях решения задач удостоверительно-разрешительного аспекта ОРД ряд ОРМ: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (причем вне зависимости от места его проведения! – *А. А., Ю. К.*); контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи. При этом разрешенной осталась возможность осуществления таких ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, как получение компьютерной информации; наблюдение (в том числе осуществляемое в жилище) и др. Более того, действующим оперативно-розыскным законом предусмотрена возможность осуществления всех без исключения ОРМ в целях добывания информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение либо замещающими ряд должностей государственной и иной службы[2]. При этом он разрешил их все для борьбы с коррупцией.

Итак, исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что ОРМ, перечисленные в ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД», могут проводиться как для решения задач, предусмотренных законодательством (ст. 2 ФЗ «Об ОРД» и ст. 4 УИК РФ), так и для задач, прямо законодательством не предусмотренных. Таким образом, к ОРМ «третьей категории» мы относим полный перечень ОРМ, предусмотренный ФЗ «Об ОРД».

[1] Цитируя уважаемого автора, мы считаем необходимым использовать написание термина «разыскной» и производных от него, как это делал А. Ю. Шумилов [10, с. 29–36].

[2] Перечень должностей приводится в ч. 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД».

Вместе с тем, продолжая рассмотрение затронутых выше аспектов, предлагаем проанализировать возможность существования еще одной систематизации, подразделяющей ОРМ, осуществляемые в учреждениях УИС, на оперативно-розыскные и оперативно-режимные. В указанной систематизации под понятием «оперативно-розыскные» имеются в виду ОРМ, предусмотренные ФЗ «Об ОРД», тогда как оперативно-режимные – мероприятия режимного характера, направленные на решение задач ОРД в ИУ.

Следует отметить, что впервые понятие «оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания в виде лишения свободы» было введено А. В. Кудрявцевым, под которым он предложил понимать «легитимную деятельность оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих наказания, направленную на поддержание установленного законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядка исполнения и отбывания лишения свободы и заключающуюся в проведении разрешенных законом оперативно-розыскных и режимных мероприятий» [6, с. 33]. Мы, соглашаясь с указанным утверждением, считаем, что, говоря об оперативно-режимном обеспечении, имеется в виду проведение сотрудниками оперативных подразделений УИС ОРМ в целях обеспечения установленного порядка отбывания наказания, а также проведение ими как сотрудниками УИС режимных мероприятий.

Вместе с тем существует иная точка зрения, изложенная профессором А. А. Крымовым в его работе «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России» [5, с. 202]. В ней автор вводит понятие оперативно-режимных мероприятий, отмечая, что они непосредственно не закреплены в уголовно-процессуальном, оперативно-розыскном и уголовно-исполнительном законодательстве, и предлагает относить к ним: использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля; цензуру переписки осужденных; контроль телефонных переговоров осужденных; меры по обеспечению личной безопасности осужденных; обыски помещений и осужденных, а также досмотры их вещей; применение физической силы, специальных средств и оружия к осужденным; задержание осужденных, в установленный срок не вернувшихся в ИУ, и проч. [5, с. 203].

Далее А. А. Крымов верно отмечает, что оперативно-розыскная теория и практика свидетельствуют о том, что сотрудники оперативных подразделений, помимо ОРМ, осуществляют и иные оперативно-розыскные действия, не закрепленные в ФЗ «Об ОРД», и предлагает относить оперативно-режимные мероприятия к таким действиям. Здесь же отмечается, что условия их проведения в ИУ отличаются от условий осуществления ОРМ [5, с. 204 и др.].

Характеризуя приведенную точку зрения, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что, по нашему мнению, перечисленные А. А. Крымовым оперативно-режимные мероприятия имеют следующие отличия от ОРМ, предусмотренных ФЗ «Об ОРД»: они могут осуществляться как оперативными сотрудниками, так и другими сотрудниками УИС, основания и условия их осуществления не соответствуют предусмотренным ст. 7, 8 ФЗ «Об ОРД», возможность их осуществления, исходя из приведенного выше перечня, предусмотрена иными (не оперативно-розыскными) нормами законодательства.

Следует подчеркнуть, что в теории ОРД неоднократно обсуждался вопрос: является ли перечень ОРМ исчерпывающим? В частности, профессора В. М. Атмажитов и В. Г. Бобров отмечают необходимость «предусмотреть дополнительно в ст. 6 Закона следующие оперативно-розыскные мероприятия: “Личный сыск”; “Использование экстраординарных психофизиологических возможностей человека”; “Составление оперативного психологического портрета”; “Оперативные переговоры”» [2, с. 14, 15]. В свою очередь, профессор А. Ю. Шумилов еще в 2004 г., кроме ОРМ, предлагал предусмотреть законодательно следующие «оперативно-разыскные меры»: блокирование; засада; заслон; захват; изъятие предмета; документа, сообщения или иного материального объекта; погоня; прерывание предоставления услуг связи; облава [7, с. 10, 11].

Анализ состава вышеперечисленных действий показывает, что они имеют те же отличия от ОРМ, что и оперативно-режимные мероприятия. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что оперативно-режимные мероприятия следует относить к категории не ОРМ, а оперативно-розыскных мер – вспомогательных мер, которые могут осуществляться как оперативными сотрудниками и лицами, действующими по их поручению, так и иными лицами в соответствии с действующим законодательством в целях защиты прав и свобод человека, общества и государства от противоправных посягательств.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что систематизировать ОРМ, как нам представляется, возможно по многим признакам. Ряд классификаций уже получил научное признание, тогда как многие варианты еще находятся в стадиях научной разработки или апробации. Следует также сказать, что теоретические и прикладные аспекты осуществления ОРД демонстрируют отставание норм ФЗ «Об ОРД» от практики ее осуществления,

использующей возможности оперативных подразделений не только в целях борьбы с преступностью, но решения иных значимых задач по обеспечению прав и свобод граждан, безопасности общества и государства. Вместе с тем заметим, что в настоящей статье мы высказываем свое субъективное мнение и готовы к продолжению научной дискуссии по данной проблеме.

Библиографический список

1. *Атмажитов В. М.* О сущности и правовой основе оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В. М. Атмажитов // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. – СПб. : Петрополис, 2012. – С. 69–86.

2. *Атмажитов В. М.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров. – М. : Изд. Шумилова И. И., 2003. – 24 с.

3. *Бобров В. Г.* Понятие оперативно-розыскных мероприятий. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция / В. Г. Бобров. – М. : Акад. упр. МВД России, 2003. – 64 с.

4. *Дубоносов Е. С.* Оперативно-розыскная деятельность : учеб. и практикум для приклад. бакалавриата / Е. С. Дубоносов. – 5 изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 477 с.

5. *Крымов А. А.* Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография / А. А. Крымов. – М. : Проспект, 2016. – 464 с.

6. *Кудрявцев А. В.* Оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания ВИЧ-инфицированными осужденными в исправительных колониях УИС Минюста России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кудрявцев Алексей Вадимович. – Владимир, 2005. – 223 с.

7. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект : науч.-справ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М. : И. И. Шумилова, 2004. – 32 с.

8. *Чечётин А. Е.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография / А. Е. Чечётин. – М. : ИД Шумиловой И. И., 2006. – 180 с.

9. *Шумилов А. Ю.* О видах и направлениях современной оперативно-разыскной деятельности: к постановке проблемы / А. Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2013. – № 4(37). – С. 24–34.

10. *Шумилов А. Ю.* Почему ныне должна быть буква «а», а не «о» в терминах «разыскной» и «оперативно-разыскной» / А. Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 3(48). – С. 29–36.

References

1. *Atmazhitov V. M.* On the Essence and Legal Basis of Operational Search Activities. *Constitutional and Legal Problems of Operational Investigations*. SPb., Petropolis, 2012. P. 69–86.

2. *Atmazhitov V. M., Bobrov V. G.* On Legislative Regulation of Operative Search Activities. M., Izdatel' Shumilova I. I., 2003. 24 p.

3. *Bobrov V. G.* The Concept of Operative Search Measures. Bases and Conditions of Carrying out of Operatively-search Measures. M., Akademija Upravlenija MVD Rossii, 2003. 64 p.

4. *Dubonosov E. S.* Operative Search Activity. 5th ed., rev. and enl. M., Yurajt, 2016. 477 p.

5. *Kry'mov A. A.* Criminal Procedure Activity of Bodies and Establishments of the Penal System of Russia. M., Prospekt, 2016. 464 p.

6. *Kudryavcev A. V.* Operational Modal Assurance of Punishment of HIV-positive Prisoners in Penal Colonies of the Correctional System of the Ministry of Justice of Russia. Vladimir, 2005. 223 p.

7. The New Version of Operational-search Law of Russia: an Open Project. Aut.-compl. A. Yu. Shumilov. M., I. I. Shumilova, 2004. 32 p.

8. *Chechyotin A. E.* Actual Problems of the Theory of Operational-investigative Activities. M., ID Shumilovoj I. I., 2006. 180 p.

9. *Shumilov A. Yu.* On the Types and Directions of Contemporary Operatively-search Activity: Problem Statement. *Operativnik (Sy'shhik)*. 2013. No. 4(37). P. 24–34.

10. *Shumilov A. Yu.* Why Should Now be the Letter «a» and not «o» in Terms of «Razy'sknoj» and «Operativno-razy'sknoj». *Operativnik (Sy'shhik)*. 2016. No. 3(48). P. 29–36.

Библиографическое описание статьи

Агарков А. В. Систематизация оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России / А. В. Агарков, Ю. Ф. Королёв // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 41–45.

УДК 343.352

Ашин Андрей Александрович,
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент
E-mail: andrey09122004@mail.ru

Ashin Andrej A.,
Head of State and Municipal Management Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Law), Associate Professor

Некрасова Мария Андреевна,
студент 3-го курса факультета права Владимирского филиала РАНХиГС
E-mail: marianekrasova1998@yandex.ru

Nekrasova Mariya A.,
Student 3th Course of Faculty of Law of Vladimir Branch of the RANEPA

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Problems of Combating Corruption in Russia in Modern Conditions

Аннотация. Статья посвящена некоторым проблемам, возникающим при противодействии коррупции в современной России. Рассматривается правовая основа противодействия коррупции в нашей стране; представлена динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности с 2014 по 2018 г. и размер материального ущерба, наносимый государству. Авторами отмечается высокий уровень латентности преступлений коррупционной направленности. В целях снижения уровня коррупции, повышения эффективности противодействия данному явлению авторы предлагают возможные варианты и пути решения этих проблем.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; государственная политика; проблемы; Российская Федерация.

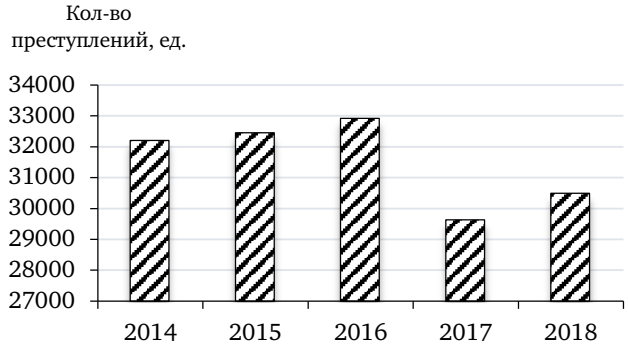
Abstract. The article is devoted to some problems arising in the fight against corruption in Russia in modern conditions. The legal basis of anti-corruption in our country is considered. The dynamics of registered corruption crimes from 2014 to 2018 and the amount of financial damage caused to the state are presented. The authors note the high level of latency of corruption crimes orientation. In order to reduce the level of corruption, increase the effectiveness of combating this phenomenon, possible options and solutions to these problems are proposed.

Key words: corruption; anti-corruption; public policy; problems; the Russian Federation.

В современной России коррупция является одной из угроз национальной безопасности страны. Она наносит огромный ущерб и является препятствием для проведения многих государственных преобразований во всех сферах жизни общества, нарушает права, свободы и законные интересы граждан, увеличивает сектор теневой экономики, сокращает налоговые поступления в бюджеты разных уровней, способствует усилению организованной преступности, значительно подрывает имиджевую составляющую и авторитет России на международной арене.

В связи с этим противодействие коррупции является важным государственным делом, одним из приоритетных направлений государственной политики в современных условиях.

Согласно статистическим и аналитическим материалам, представленным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации за последние 5 лет свидетельствует об увеличении числа данного вида преступлений. Спад наблюдался только в 2017 г. По итогам 2018 г. данный показатель снова вырос: было зафиксировано 30 495 преступлений коррупционной направленности, что на 2,9 % больше, чем в аналогичный период прошлого года (см. рисунок) [6].



Динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности с 2014 по 2018 г. в России

© Ашин А. А., Некрасова М. А., 2019

Отметим, что одним из преступлений коррупционной направленности, которое занимает весомое место в структуре преступлений данного вида, является взятка. В целом по стране в 2018 г. число деяний, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), возросло на 9,8 % (с 3 188 до 3 499). Увеличилось и количество преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), на 15 % (с 2 272 до 2 612) [6].

Важно отметить, что ежегодно совершаются более сотен тысяч коррупционных противоправных деяний, которые не входят в официальную статистику и составляют скрытую долю коррупционных преступлений. Об этом заявил в одном из интервью Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка: «Нельзя забывать о том, что коррупционная преступность характеризуется высокой степенью латентности» [23].

На латентность преступлений коррупционной направленности указывают и многие исследователи. Так, профессор С. Ю. Щукин отмечает, что «официальная статистика не отражает реального масштаба проблемы коррупции из-за высокого уровня латентности, свойственного всем коррупционным преступлениям» [22].

По мнению Е. В. Гоц, «коррупция имеет высокую степень латентности, что не позволяет на основании статистических данных правоохранительных органов дать объективную оценку состоянию сферы противодействия ей» [8].

Т. В. Филоненко приходит к выводу о том, что «статистически фиксируемая картина коррупции далека от реальности без учета высокого уровня латентности взяточничества и других коррупционных правонарушений» [19].

Таким образом, можно констатировать, что статистика не в полной мере отражает реальный масштаб всех совершаемых деяний коррупционной направленности в России в современных условиях.

О масштабах коррупции в нашей стране говорят и громкие преступления, совершаемые в высших эшелонах власти. Так, наиболее громкими делами являются дела: бывшего министра экономического развития Алексея Улюкаева, полковника МВД России Дмитрия Захарченко, губернатора Кировской области Никиты Белых, главы Республики Коми Вячеслава Гайзера, губернатора Сахалина Александра Хорошавина, экс-главы столичного управления Следственного комитета Александра Дрыманова и многих других.

Размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба за последние годы неуклонно растет. Так, в 2011 г. он составил 12 млрд руб., в 2012 г. – 20 млрд руб., в 2013 г. – 26 млрд руб., в 2014 г. – 39,2 млрд руб., в 2015 г. – 43,7 млрд руб., в 2016 г. – 43,8 млрд руб., в 2017 г. – 77,5 млрд руб., в 2018 г. – 48 млрд руб. [6].

Следует заметить, что уже сегодня мы становимся свидетелями качественно новой политики противодействия коррупции в России. Вопросам коррупции всегда уделяется большое внимание в масштабах страны. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно в своих выступлениях обращал внимание на важность проведения эффективной государственной политики по противодействию коррупции, необходимость разработки новых форм и методов борьбы с ней. Например, на заседании Совета по противодействию коррупции он отметил, что «среди приоритетных направлений – повышение эффективности правоприменения в антикоррупционной сфере. Необходимо совершенствовать работу структур, которые контролируют расходование бюджетных средств. Важно уже на ранних этапах выявлять личную заинтересованность тех, кто недобросовестно распоряжается бюджетными средствами, вскрывать факты использования подставных или аффилированных организаций, исключать конфликт интересов» [12].

В настоящее время для регламентации вопросов противодействия коррупции сформирована необходимая правовая основа как на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации, так и на местном уровне. Законодательными органами различного уровня принято большое количество нормативных актов, осуществляющих правовое регулирование противодействия коррупции. Отметим некоторые из них.

Так, на федеральном уровне базовым нормативным правовым актом, регламентирующим противодействие коррупции в Российской Федерации выступает Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который является отправной точкой для всех других нормативных правовых актов.

Особое место среди нормативных правовых актов, касающихся противодействия коррупции, занимают указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации. Так, необходимо отметить принятый 29 июня 2018 г. № 378 Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». В нем устанавливается комплекс мероприятий, которые направлены на решение определенных задач в сфере противодействия коррупция.

Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» одной из главных задач по реализации

направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики ставит «борьбу с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой».

Необходимо также отметить приказы МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, которые способствуют предотвращению коррупции как в целом в Российской Федерации, так и в данных структурах.

На региональном уровне законодательными органами субъектов Российской Федерации принимаются законы о противодействии коррупции, а руководителями регионов – указы и постановления в области противодействия коррупции.

Ежегодно государственными органами Российской Федерации и ведомственными структурами утверждаются планы мероприятий по противодействию коррупции, которые включают в себя разнообразные методы. В их числе следует назвать: организационные меры по формированию механизмов противодействия коррупции, разработку и внедрение ведомственных планов мероприятий по противодействию коррупции, внедрение антикоррупционных механизмов в рамках кадровой политики, формирование нетерпимого отношения к проявлениям коррупции среди граждан страны.

Результаты проводимой политики государства, которая направленна на искоренение такого негативного явления, как коррупция, безусловно, значительные, однако необходимо обозначить проблемы, сложности и трудности в деятельности по противодействию данному явлению, которые замедляет качественный процесс реализации форм и методов противодействия коррупции в современной России.

По мнению А. Г. Кокоева, А. В. Хевсакова, одной из проблем, которая осложняет процессы, направленные на противодействие коррупции в России, является то, что антикоррупционная политика государства не носит системного характера. Как отмечают эти авторы, в настоящее время противодействие коррупции в России характеризуется некоторыми особенностями, которые вовсе не способствуют ее снижению. Основная отличительная черта реализации антикоррупционной политики государства, по их мнению, заключается в том, что «она не носит системного характера, в нее не вовлечены институты гражданского общества и средства массовой информации. В итоге причины, порождающие коррупцию, и условия, благоприятствующие ее распространению, не устраняются» [10].

О. Г. Пермяков считает, что «борьба с коррупцией должна осуществляться по двум направлениям. Во-первых, необходимо устранить предпосылки появления коррупции. Во-вторых, продолжить осуществление постоянного, эффективного контроля – своевременно выявлять и пресекать попытки совершения коррупционного преступления» [15].

Еще одной проблемой является несовершенство и пробелы в законодательстве в сфере противодействия коррупции. Существование такого множества принятых нормативных правовых актов нередко приводит к запутанности и усложнению процедуры применения и исполнения этих нормативных актов.

Требует уточнения понятие «коррупция», которое представлено в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

Законодатель в определении ограничивается лишь перечислением тех противоправных деяний, которые характеризуют коррупцию, а также тех целей, ради которых совершаются данные деяния [2]. В законе учитывается только уголовно-правовое значение, так как перечисляются составы преступлений, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, в основе определения лежат только материальные (имущественные) интересы лиц. Однако коррупционные правоотношения в настоящее время намного шире: речь может идти не только о материальных интересах, но и о нематериальных, которые выражаются, например: в продвижении на вышестоящую должность, устройстве близкого родственника на работу, выдаче грамот и благодарностей от руководства, написании положительной рецензии на работу, предоставлении какой-либо услуги, различных льгот, содействии в уклонении от армии и др.

О необходимости включения в понятие коррупции нематериальной составляющей заявил заместитель председателя Комитета Государственной думы по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный. Так, в 2017 г. им был внесен законопроект, согласно которому должны быть охвачены «любые преимущества нематериального характера независимо от того, имеют ли они поддающуюся оценке рыночную ценность, или нет» [9].

О расширении понятия коррупции заявляют и многие ученые, занимающиеся ее изучением. Так, Э. Л. Сидоренко, М. И. Катбамбетов считают, что необходимо «расширить понимание предмета взятки за счет включения в него материальных и нематериальных выгод» [18].

А. В. Воробьёв отмечает, что «отсутствие криминализации понятия нематериальной выгоды является существенным пробелом в российском уголовном законодательстве» [5].

И. Ю. Шокот утверждает, что «коррупционные действия могут осуществляться также в целях получения нематериальных благ» [21].

Таким образом, на основании вышеизложенных мнений, которые мы разделяем, понятие коррупции должно включать не только материальные интересы, но и нематериальные. В этой связи предлагаем следующее определение понятия «коррупция»: это общественно опасное и антисоциальное деяние (действие или бездействие) физических лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, а также выполнение управленческих и распорядительных функций, в коммерческих и других организациях, направленное на использование своего должностного или иного служебного положения, вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения выгоды в виде материальных и нематериальных благ в свою пользу и пользу других лиц, а также обещание, предоставление иных услуг и прав для себя или для других лиц либо незаконное предоставление такой выгоды.

К несовершенству законодательства следует отнести и исключение из видов уголовных наказаний конфискацию имущества, которое не принесло желаемого результата. И вот почему. Очень часто лица, совершающие коррупционные преступления, с целью скрыть имущество, приобретенное преступным путем, передают его своим близким родственникам, друзьям, бывшим супругам, любовницам. В связи с этим назрела острая необходимость вернуть в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации такое уголовное наказание, как конфискация имущества. Об этом не раз заявляли многие государственные деятели, ученые и руководители правоохранительных органов. По мнению председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, «именно она обеспечит неотвратимость имущественной ответственности коррупционеров» [3].

А. М. Цалиев также выступает за возвращение конфискации имущества в Уголовный кодекс Российской Федерации. По его мнению, «данный вид наказания за коррупционные преступления оправдал себя не только в нашей истории, но и в зарубежных странах» [20].

О. А. Буркина, А. А. Устинов тоже предлагают «вернуть конфискацию имущества в перечень наказаний как дополнительный вид наказания, с указанием возможности ее применения в санкциях конкретных статей Особенной части УК РФ, в частности по преступлениям коррупционного характера» [4].

Еще одной проблемой противодействия коррупции в России является то, что на федеральном уровне до сих пор не создан отдельный орган, специализирующийся только на борьбе с коррупцией. Вопросами борьбы с коррупцией занимается большое количество органов, в том числе Федеральная служба безопасности, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации и многие другие.

По мнению А. А. Глазуновой, Е. В. Толоконниковой, «когда противодействие коррупции находится в компетенции нескольких организаций, за итоговый результат антикоррупционной политики никто не будет отвечать» [7]. И эти авторы в своей позиции не одиноки.

Так, по мнению В. А. Алехина, «было бы целесообразно создать единый орган по борьбе с коррупционными преступлениями, а также ввести должность Уполномоченного по борьбе с коррупцией» [1].

Л. Р. Серазетдинов, анализируя вопрос о необходимости создания специализированного органа для борьбы с коррупцией, отмечает, что «во многих странах, преуспевающих в противодействии коррупции, такого рода органы давно уже функционируют достаточно плодотворно и эффективно. Однако в нашем государстве имеет место практика распределения задач в сфере противодействия коррупции на последующие годы» [17].

В. В. Мальцев в качестве одной из мер борьбы с коррупцией предлагает «создание государственного федерального уполномоченного органа, ответственного за формирование антикоррупционной политики, ее координацию и мониторинг» [13].

Следующей значимой проблемой является отсутствие прозрачности в деятельности органов государственной власти. Решить данную проблему можно путем цифровизации и внедрения высоких информационных технологий во все системы государственного управления. Об этом, вслед за В. В. Путиным, заявил в январе 2019 г. председатель правления Сбербанка России Г. Греф. По его мнению, «цифровизация – единственное эффективное средство борьбы с коррупцией» [11].

Таким образом, внедрение высоких информационных технологий обеспечит прозрачность экономики и системы государственного управления и позволит снизить уровень коррупции в стране. В настоящее время уже активно используется данная практика. Так, создаются многофункциональные центры предоставления государственных услуг, действует портал государственных услуг.

На наш взгляд, необходимо продолжить работу в данном направлении и расширить получение государственных услуг благодаря специальным серверам онлайн, а в дальнейшем и вовсе

перевести все предоставляемые государственные услуги в такой режим. Снизить коррупцию позволил бы и перевод всей документации государственных органов в электронный формат, что облегчило бы работу и самих служащих, так и граждан, которые бы смогли получить необходимые им документы в одном месте.

Достаточно острой остается проблема, которая связана с отсутствием желания и мотивации у граждан принимать участие в предупреждении коррупции. Например, граждане в редких случаях заявляют в правоохранительные органы об известных им фактах коррупции, но отказываются присутствовать на общественных слушаниях, экспертизах.

Так, в 2017 г. на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в раздел «Противодействие коррупции» поступило 31,5 тыс. обращений граждан о возможных нарушениях законодательства в области противодействия коррупции, в 2016 г. – 28,8 тыс., в 2015 г. – 31,6 тыс., в 2014 г. – более 23 тыс. [6]. Причинами такого низкого уровня обращений граждан в правоохранительные органы являются следующие.

Во-первых, граждане, столкнувшиеся с фактами коррупции на рабочем месте, нередко не сообщают об этом из-за боязни потерять работу. В этой связи, безусловно, необходимо разработать эффективную систему защиты человека, обеспечить его полную безопасность. Так, в настоящее время по инициативе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в Государственной думе рассматривается законопроект, согласно которому «гражданам, сообщившим о коррупции, гарантируется обеспечение конфиденциальности этих сведений, возможность получить бесплатную юридическую помощь, а также защита от неправомерного увольнения и привлечения к дисциплинарной ответственности» [16].

Во-вторых, у граждан нет уверенности, что правоохранительные органы должным образом смогут отреагировать на их заявления. Порой такая проверка происходит лишь формально. Следовательно, необходимо обеспечить принцип неотвратимости, т. е. государственные органы должны незамедлительно принимать адекватные меры реагирования, тщательно рассматривать и проверять каждое заявление граждан. На это указывает и М. Л. Мирзорин: «…повысить же роль и степень участия гражданского общества в борьбе с коррупцией можно, только лишь гарантировав тщательное и объективное исследование обращений граждан» [14].

Кроме того, для тех лиц, которые информируют о фактах коррупционного преступления и оказывают содействие в его расследовании, в целях стимулирования и мотивации целесообразно предусмотреть определенные меры поощрения.

В-третьих, причинами этого являются правовой нигилизм, низкий уровень правовой культуры, который сложился в российском обществе, и недоверие граждан к органам государственной власти.

Решение данной проблемы является очень сложным и долгим процессом, который требует особого внимания со стороны государства.

На наш взгляд, в настоящее время данную проблему необходимо решать через средства массовой информации, а именно, телевидение и Интернет. Это возможно путем выпуска специальных программ, которые были бы направлены на воспитание и развитие у граждан антикоррупционного поведения, а также на формирование норм морали и нравственности. Необходимо проведение в образовательных организациях разного уровня мероприятий, направленных на пропаганду нетерпимого отношения к коррупционному поведению.

Следовательно, борьба с коррупцией возможна только при совместном участии всех институтов гражданского общества. Об этом не раз заявлял в своих выступлениях В. В. Путин: «Эффективная борьба с коррупцией невозможна без гражданского общества, невозможна априори, поэтому задача органов власти всех уровней не просто прислушиваться к информации небезразличных граждан, но и активно привлекать к антикоррупционным действиям патриотично и конструктивно настроенных активистов» [12].

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что рассмотренные проблемы – это всего лишь часть проблем, выделенных нами, которые возникают при противодействии коррупции в России.

В первую очередь данные проблемы свидетельствуют о несовершенстве законодательных норм, устанавливающих основные направления и меры по противодействию коррупции, что требует законодательного их совершенствования.

Создание единого органа даст возможность значительно оптимизировать деятельность по борьбе с коррупцией как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Широкое внедрение цифровизации и высоких информационных технологий позволит обеспечить прозрачность в деятельности государственных органов. Перевод получения всех государственных услуг в режим онлайн исключит из данного процесса большинство чиновников, которые могли бы злоупотреблять своими правами и реализовывать свои противоправные коррупционные цели и схемы.

Борьба с коррупционными проявлениями может дать эффективные результаты только при совместном участии государства и большинства институтов гражданского общества страны. Следовательно, необходимо мотивировать граждан на участие в различных антикоррупционных мероприятиях, обеспечивать тщательное рассмотрение обращений граждан, создавать специальную систему защиты лица, сообщившего о фактах коррупционного деяния.

Только в совокупности предложенные нами меры решения проблем дадут возможность повысить эффективность предупреждения коррупции и активизировать борьбу с ней, минимизировать последствия коррупционных правонарушений и преступлений.

Библиографический список

1. *Алехин В. П.* Способы борьбы с коррупцией в России / В. П. Алехин // Науч. журн. КубГАУ. – 2017. – № 129(05). – С. 1–12.

2. *Ашин А. А.* Понятие и сущность коррупции / А. А. Ашин, М. А. Некрасова // Учён. зап. – 2019. – № 1(29). – С. 106–113.

3. *Бастрыкин А. И.* Правовые проблемы борьбы с коррупцией / А. И. Бастрыкин // Рос. следователь. – 2017. – № 24. – С. 6–10.

4. *Буркина О. А.* Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / О. А. Буркина, А. А. Устинов // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 119–124.

5. *Воробьёв А. В.* Понятие предмета взяточничества на современном этапе / А. В. Воробьёв // Адм. право и процесс. – 2017. – № 1. – С. 83–86.

6. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/stat/data/.

7. *Глазунова А. А.* Актуальные проблемы противодействия коррупции на государственной службе / А. А. Глазунова, Е. В. Толоконникова // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. – М. : Буки-Веди, 2015. – С. 193–196.

8. *Гоц Е. В.* Государственно-правовые основы борьбы с коррупцией в Российской Федерации / Е. В. Гоц // Новый юрид. журн. – 2014. – № 2. – С. 6–12.

9. *Замахина Т.* Услуга за услугу. Понятие «взятка» предлагают расширить / Т. Замахина // Рос. газ. – 2017. – 24 июля.

10. *Кокоев А. Г.* Особенности правовых основ противодействия коррупции в органах государственной власти / А. Г. Кокоев, А. В. Хевсаков // Интеллектуал. потенциал XXI века: ступени познания. – 2015. – № 27. – С. 288.

11. *Кривошапко Ю.* Герман Греф увидел в цифровизации средство борьбы с коррупцией / Ю. Кривошапко // Рос. газ. – 2019. – 16 янв.

12. *Латухина К.* Владимир Путин призвал не останавливаться в борьбе с коррупцией / К. Латухина // Рос. газ. – 2016. – 26 янв.

13. *Мальцев В. В.* Актуальные проблемы противодействия коррупции / В. В. Мальцев // Ак-

References

1. *Alekhin V. P.* Ways to Fight Corruption in Russia. *Nauchny'j Zhurnal KubGAU*. 2017. No. 129(05). P. 1–12.

2. *Ashin A. A., Nekrasova M. A.* Concept and Essence of Corruption. *Uchyony'e Zapiski*. 2019. No. 1(29). P. 106–113.

3. *Bastry'kin A. I.* Legal Problems of Fight against Corruption. *Rossijskij Sledovatel'*. 2017. No. 24. P. 6–10.

4. *Burkina O. A., Ustinov A. A.* Deprivation of Property as a Measure of Anti-corruption. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*. 2015. No. 2. P. 119–124.

5. *Vorob'yov A.V.* The Concept of the Subject of Bribery at the Present Stage. *Administrativnoe Pravo i Process*. 2017. No. 1. P. 83–86.

6. Prosecutor General's office of the Russian Federation. Website. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/.

7. *Glazunova A. A., Tolokonnikova E. V.* Actual Problems of Combating Corruption in the Civil Service. *Actual Problems of Law*. M., Buki-Vedi, 2015. P. 193–196.

8. *Goc E. V.* State-legal Bases of Fight against Corruption in the Russian Federation. *Novy'j Yuridicheskij Zhurnal*. 2014. No. 2. P. 6–12.

9. *Zamakhina T.* One Good Turn Deserves Another. The Concept of «Bribe» is Offered to be Expanded. *Rossijskaya Gazeta*. 2016. July 24.

10. *Kokoev A. G., Khevsakov A. V.* Peculiarities of the Legal Basis of Corruption Counteraction in Public Authorities. *Intellektual'ny'j Potencial XXI Veka: Stupeni Poznaniya*. 2015. No. 27. P. 288.

11. *Krivoshapko Yu.* Herman Gref Saw a Means to Fight Corruption in Digitalization. *Rossijskaya Gazeta*. 2019. Jan. 16

12. *Latukhina K.* Vladimir Putin Urged not to Stop Fighting Corruption. *Rossijskaya Gazeta*. 2016. Jan. 26.

13. *Mal'cev V. V.* Actual Problems of Counteraction of Corruption. *Actual Problems of Law*. Novosibirsk, SibAK, 2017. P. 81–89.

14. *Mirzorin M. L.* Prospects for Participation of Civil Society in the Fight against Corruption. *Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure*

туальные проблемы юриспруденции : сб. ст. – Новосибирск : СибАК, 2017. – С. 81–89.

14. *Мирзорин М. Л.* Перспективы участия гражданского общества в борьбе с коррупцией / М. Л. Мирзорин // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск : Ом. юрид. акад., 2017. – С. 104–108.

15. *Пермяков О. Г.* Механизм противодействия коррупции в органах государственной власти / О. Г. Пермяков // Актуал. проблемы права, экономики и упр. – 2015. – № 11. – С. 180.

16. *Проценко А.* В Госдуму поступил законопроект о защите борцов с коррупцией / А. Проценко // Рос. газ. – 2017. – 16 окт.

17. *Серазетдинов Л. Р.* Противодействие коррупции в органах местного самоуправления / Л. Р. Серазетдитов // Гос. власть и местное самоупр. – 2017. – № 6. – С. 46–50.

18. *Сидоренко Э. Л.* Обещание и предложение взятки: международные стандарты и перспективы их реализации в УК РФ / Э. Л. Сидоренко, М. И. Катбамбетов // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2017. – № 3. – С. 22–26.

19. *Филоненко Т. В.* Применение законодательства о противодействии коррупции при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел / Т. В. Филоненко // Законность. – 2014. – № 7. – С. 48–51.

20. *Цалиев А. М.* О роли и месте судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции / А. М. Цалиев // Рос. судья. – 2017. – № 2. – С. 54–57.

21. *Шокот И. Ю.* К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Воен.-юрид. журн. – 2015. – № 7. – С. 8–12.

22. *Щукин С. Ю.* Факторы, детерминирующие преступления против государственной службы, совершаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы / С. Ю. Щукин // Уголов.-исполн. система: право, экономика, упр. – 2018. – № 3. – С. 34–36.

23. *Яшманов Б.* Война с преступным миром / Б. Яшманов // Рос. газ. – 2013. – 29 апр.

Policy of the Russian Federation. Omsk, Omskaya Yuridicheskaya Akademiya, 2017. P. 104–108.

15. *Permyakov O. G.* Anti-corruption Mechanism in Public Authorities. *Aktual'ny'e Problemy' Prava, E'konomiki i Upravleniya*. 2015. No. 11. P. 180.

16. *Procenko A.* The State Duma Received a Bill on the Protection of Fighters against Corruption. *Rossijskaya Gazeta*. 2017. Oct. 16.

17. *Serazetdinov L. R.* Anti-corruption in Local Self-government. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*. 2017. No. 6. P. 46–50.

18. *Sidorenko E'. L., Katbambetov M. I.* Promise and Offer of Bribes: International Standards and Prospects of Their Implementation in the Criminal Code of the Russian Federation. *Mezhdunarodnoe Ugolovnoe Pravo i Mezhdunarodnaya Yusticiya*. 2017. No. 3. P. 22–26.

19. *Filonenko T. V.* Application of Anti-corruption Legislation in the Investigation and Consideration of Criminal Cases by the Courts. *Zakonnost'*. 2014. No. 7. P. 48–51.

20. *Czaliev A. M.* On the Role and Place of Courts of General Jurisdiction in the Mechanism of Counteraction of Corruption. *Rossijskij Sud'ya*. 2017. No. 2. P. 54–57.

21. *Shokot I. Yu.* To the Question of the Concept of Corruption, Its Essence and Features. *Voenno-yuridicheskij Zhurnal*. 2015. No. 7. P. 8–12.

22. *Shhukin S. Yu.* Factors Determining Crimes against the Public Service Committed by Employees of the Penal System. *Ugolovno-ispolnitel'naya Sistema: Pravo, E'konomika, Upravlenie*. 2018. No. 3. P. 34–36.

23. *Yashmanov B.* War with the Criminal Underworld. *Rossijskaya Gazeta*. 2013. Apr. 29.

Библиографическое описание статьи

Ашин А. А. Проблемы противодействия коррупции в России в современных условиях / А. А. Ашин, М. А. Некрасова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 46–52.

УДК 343.83:623.4.015.4

Гофман Александр Анатольевич,
доцент кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России
доцент
E-mail: gofman.a.a@rambler.ru

Ключников Михаил Иванович,
доцент кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: mixkluch@yandex.ru

Gofman Aleksandr A.,
Assistant Professor of Combat
and Tactical Training Department
of VLI of the FPS of Russia
Associate Professor

Klyuchnikov Mikhail I.,
Assistant Professor of Combat
and Tactical Training Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ОРУЖИЯ НЕЛЕТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Some Problems of Using Firearms and Non-lethal Weapon by Employees of the Penal System in the Execution of Criminal Sentences

Аннотация. В статье рассматриваются юридические аспекты использования огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы; важное место отводится анализу возможности использования оружия нелетального действия; поднимается проблема, связанная с огневой подготовкой курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы; оружие нелетального действия; действующий Курс стрельб; правовые основы; применение огнестрельного оружия; уголовная ответственность; спецконтингент.

Abstract. The article discusses the legal aspects of the use of firearms by employees of the penal system; an important place is given to the analysis of the possibility of using non-lethal weapons; the article actualizes a problem related to the fire training of cadets in educational organizations of the FPS of Russia.

Key words: an employee of the penal system; non-lethal weapons; effective shooting course; legal framework; the use of firearms; liability to prosecution; special squads.

В настоящее время обязательным требованием, предъявляемым к сотрудникам уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), является наличие навыков владения табельным огнестрельным оружием. Повышенный уровень криминогенной обстановки в исправительных учреждениях приводит к тому, что сотрудникам каждый день приходится сталкиваться с опасностями, сопряженными с покушением на их жизнь и здоровье.

Массовые беспорядки, захват осужденными заложников, побеги – это криминальные явления повышенной опасности, которые создают реальную угрозу безопасности общества, персонала, осужденных и других лиц, приводят к непредсказуемым криминогенным последствиям. В этих условиях для обеспечения правопорядка и законности в учреждениях, ответственных за исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, и в следственных изоляторах, личной безопасности осужденных и персонала внутри исправительных учреждений, а также для эффективного пресечения различных правонарушений, все большее значение приобретает решительное и умелое применение сотрудниками УИС табельного оружия.

Тема эта настолько актуальна и важна, что вызывает повышенный интерес у научного сообщества и практических работников [1; 2; 9].

Нормативной базой ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС являются:

– Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее: Закон № 5473-1);

– Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;

© Гофман А. А., Ключников М. И., 2019

– приказ Минюста России от 30 октября 2017 г. № 215 «Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы»;

– приказ ФСИН России от 11 мая 2006 г. № 223 «Об утверждении Инструкции о порядке постоянного ношения и хранения боевого огнестрельного оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы».

На современном этапе сотрудники УИС при несении службы по охране исправительных учреждений и их объектов, конвоированию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также при розыске и задержании бежавших осужденных (лиц, заключенных под стражу) применяют оружие в порядке, предусмотренном ст. 31.2 Закона № 5473-1.

В зависимости от обстановки, если другими мерами пресечь противоправные действия невозможно, сотрудник УИС имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие в следующих случаях:

– для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья;

– для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством УИС;

– для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств;

– для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки преступления против жизни и здоровья, если иными средствами задержать осужденного или лицо, заключенное под стражу, не представляется возможным;

– для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу, оказывающих вооруженное сопротивление, либо осужденного или лица, заключенного под стражу, отказывающихся выполнить законное требование о сдаче находящихся при них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ;

– для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты УИС;

– для пресечения побега осужденного или лица, заключенного под стражу, из учреждения, исполняющего наказания, следственного изолятора либо при конвоировании, охране или сопровождении указанных лиц, а также для пресечения попытки их насильственного освобождения.

Сотрудник УИС также имеет право применять огнестрельное оружие:

– для остановки транспортного средства, при помощи которого совершается побег, путем его повреждения;

– для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью сотрудника УИС или иного лица;

– для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении.

Сотрудник УИС имеет право обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если считает, что в создавшихся обстоятельствах могут возникнуть предусмотренные настоящей статьей основания для его применения.

Сотруднику УИС запрещается применять огнестрельное оружие в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, а также несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику УИС, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью сотрудника УИС или иного лица.

Сотрудник УИС также не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении людей, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

При применении огнестрельного оружия сотрудник УИС обязан принять все возможные меры для обеспечения безопасности граждан, а также для оказания пострадавшим медицинской помощи.

О каждом случае применения огнестрельного оружия сотрудник УИС в течение 24 ч с момента его применения обязан доложить непосредственному начальнику. Администрация учреждения или органа УИС о каждом случае применения огнестрельного оружия незамедлительно уведомляет прокурора.

За неправильное использование оружия, а также за неприменение его в случаях, когда это было необходимо и возможно, в результате чего наступили тяжкие последствия, виновный сотрудник привлекается к административной или уголовной ответственности.

Действующее уголовное законодательство связывает обязанность сотрудников использовать огнестрельное оружие с соблюдением единых (общих) правовых критериев.

Применение сотрудником огнестрельного оружия представляет собой ответное и вынужденное силовое воздействие, которое может повлечь смертельный исход и, как правило, попадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 37, 38, 39 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации (далее: УК РФ). УК РФ исключает уголовную ответственность сотрудника только за контркриминальное применение огнестрельного оружия, если он действовал в состоянии необходимой обороны, при крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, и при этом не превысил установленные нормы уголовного законодательства.

Сотрудник обязан строго соблюдать административные нормы, устанавливающие случаи и порядок их применения, а также руководствоваться уголовно-правовыми нормами, предусмотренными вышеперечисленными статьями УК РФ, об обстоятельствах, исключающих преступные деяния.

Приказом Минюста России от 30 октября 2017 г. № 215 утверждается порядок ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС на территориях учреждений УИС, прилегающих к ним режимных территориях, охраняемых объектах УИС, при конвоировании, а также в определенных случаях (например, для защиты себя и иных лиц от посягательства, если это сопряжено с насилием, опасным для жизни и здоровья). На внутренних территориях учреждений УИС, ограниченных линией охраны, носить оружие нельзя. Порядок ношения оружия на территориях учреждений, исполняющих наказание, следственных изоляторов и их объектов устанавливается территориальными органами УИС. Ношение огнестрельного оружия на внутренних территориях учреждений УИС, ограниченных линией охраны, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Решение о ношении огнестрельного оружия сотрудниками УИС принимает начальник территориального органа.

Помимо боевого стрелкового оружия, сотрудниками УИС может применяться оружие нелетального действия (далее: ОНД) для пресечения совершаемых спецконтингентом противоправных и преступных действий.

Что такое ОНД? Это оружие, которое временно выводит человека из строя, не причиняя расстройства его здоровью, и не приводит, как правило, к летальным исходам.

Понятие несмертельного оружия, или ОНД, появилось в США в 1993 г., когда на государственном уровне была утверждена Концепция оружия нелетального действия и создан специальный координирующий орган –Директорат по ОНД. В настоящее время во многих странах мира проблеме разработки и применения ОНД уделяется повышенное внимание. Правовой основой создания и применения данного вида оружия в России является утвержденная в 2005 г. Комиссией Правительства Российской Федерации по военно-промышленным вопросам Концепция создания и применения ОНД [7, с. 44].

Проблема необходимости совершенства правоохранительной деятельности и противодействия преступности в учреждениях УИС на основе использования научно-технических достижений возникла не случайно. Согласно статистическим данным в учреждениях исполнения наказаний в год регистрируется около одной тысячи преступлений [5].

Применяя ОНД можно минимизировать потери среди правонарушителей и гражданского населения. Основное его предназначение – гуманизация. Развитие цивилизации неизбежно связно с распространением идей гуманизма и ненасильственного разрешения всевозможных конфликтных ситуаций между сотрудниками и осужденными. Конечно, и при применении ОНД бывают смертельные случаи. Причинами, приводящими к гибели человека при применении нелетального оружия, являются случайные выстрелы, рикошеты, неумелое обращение с оружием, его противоправное применение.

К данной категории оружия относится обширный комплекс механических, химических, электрических и светозвуковых устройств, используемых правоохранительными органами и силовыми структурами для оказания психотравматического, травматического и удерживающего воздействия на правонарушителя, временного вывода его из строя. Как правило, ОНД используется для задержания правонарушителей, пресечения с их стороны сопротивления, освобождения заложников, пресечения и ликвидации групповых и хулиганских проявлений и массовых беспорядков.

В настоящее время проводится огромное количество исследований в данном направлении [3; 4; 6–8] и в создание ОНД вкладываются значительные бюджетные средства.

К ОНД можно отнести следующие виды:

– травматическое оружие – это оружие для обеспечения собственной безопасности, которое действует на небольшом расстоянии, оно относится к короткоствольному вооружению, например, пистолеты: «ОСА» (ПБ-4), «Макарыч» (ИЖ-79-9т), «Стражник» (МП-461), «Ратник» (410х45ТК). Травматическое оружие является наиболее часто применяемым сотрудниками силовых структур. Его применение более привычно для сотрудника и повлечет за собой меньший ущерб для жизни и здоровья преступных элементов. Принцип применения сопоставим с огнестрельным оружием: направил ствол – произвел выстрел;

– звуковое оружие – принцип действия основан на излучении звуковых и инфразвуковых волн определенных частот, например, звуковая пушка, стреляющий мегафон, которые излучают импульсы мощностью 150 дБ и частотой 2–3 тыс. Гц, которые действуют на органы слуха. Люди, находящиеся недалеко от такого оружия, теряют самообладание, появляются страх, головокружение, тошнота. На близком же расстоянии возможны психическое расстройство, разрушение внутренних органов. Используется для разгона толпы, вызова паники, защиты объектов от посторонних;

– сверхвысокочастотное импульсное оружие, которое нарушает работу головного мозга и центральной нервной системы человека, он слышит несуществующие шум и свист;

– светошумовые гранаты – это вид несмертельного оружия, основной целью которого является нанесение человеку осколочных повреждений или светозвукового воздействия. Они выполнены на основе горения пиротехнических средств и создания низкотемпературной газовой плазмы, при этом человек теряет зрение на 30 с, а слух – на 5 ч («Заря», «Факел-С», «Пламя»);

– термический пистолет – оружие, которое в секунды разогревает тело человека до температуры свыше 40 °С. Данный вид оружия вызывает нестерпимое жжение и желание убежать;

– специальный жидкостный пистолет (далее: ПСЖ) – оружие, которое стреляет в противника струей сильного раздражителя (слезоточивый газ) со скоростью 430 км/ч (ПСЖ «Фиалка», ПСЖ «Жасмин»). Действие данного вида оружия аналогично электрошокеру, но вместо того чтобы поражать цель током в непосредственной близости, оно поражает струей на дистанции до 6,5 м. Прицеливаться позволяет лазерный луч;

– травматические шумовые гранаты – применяются для борьбы с массовыми беспорядками в следственных изоляторах и тюрьмах. Они сделаны целиком из резины. Осколки или резиновые шарики, содержащиеся внутри, не причинят серьезных повреждений правонарушителю;

– пеномет – устройство, стреляющее специальной быстротвердеющей и обволакивающей пеной; человек быстро лишается не только подвижности, но и временно слуха и зрения;

– лазер – его импульсы дезориентируют человека и приводят к временному ослеплению;

– вонючий заряд – зловонные боеприпасы изготавливаются обычно на основе серы, хлора, сероводорода и аммиака. Определенный запах способен вызвать страх и даже ужас у человека.

Применение ОНД требует системного подхода, межведомственной и международной координации, общепринятого научно-технического и юридического обоснования. По нашему мнению, именно недооценка роли системного подхода во многом сдерживает развитие технологий и средств ОНД и, следовательно, снижает эффективность действий силовых структур в специальных операциях.

Особо следует остановиться на проблеме умения сотрудников УИС качественно применять огнестрельное оружие. Так, результаты периодических проверок по выполнению учебных и контрольно-проверочных стрельб в подразделениях ФСИН России свидетельствуют о том, что большинство сотрудников не выполняют контрольные упражнения на положительную оценку. Это касается упражнений и из пистолета, и из автомата. В образовательных организациях ФСИН России в настоящее время введены новые предметы по разделу огневой подготовки: «Стрельба в экстремальных ситуациях» (далее: СЭС) и «Прикладная стрельба» (далее: ПС). Эти предметы призваны повысить уровень владения табельным оружием выпускников образовательных организаций ФСИН России. Однако общее количество часов на дисциплину «Огневая подготовка», включая СЭС и ПС, осталось прежним – 200 ч практических и теоретических занятий. То есть время на освоение учебной дисциплины «Огневая подготовка» сократили почти вдвое, отведя оставшиеся часы на два дополнительных предмета. Такая ситуация с огневой подготовкой, по нашему мнению, вряд ли будет способствовать повышению качества применения огнестрельного оружия сотрудниками УИС.

Кроме того, Курс стрельб из стрелкового оружия для сотрудников УИС, утвержденный приказом Минюста России от 26 февраля 2006 г. № 24, устарел и давно уже требует переработки. Требуют изменения и нормы положенности по обеспечению боеприпасами курсантов и слушателей образовательных организаций ФСИН России для обучения владению огнестрельным оружием и применению его. Привить навык качественного производства выстрела из лимита три патрона на одно занятие, даже если занятий несколько, практически невозможно. И, конечно же, необходима системность в подходе к процессу обучения огневой выучки сотрудников в рамках служебной подготовки. Планомерное привитие навыка производства качественного выстрела, по нашему мнению, должно сопровождаться не только увеличением количества часов и боеприпасов по изучаемому предмету, но и увеличением плотности проводимых занятий с обучающимися. Только системный подход в процессе обучения совместно с увеличением плотности проводимых занятий

дают достаточно высокий результат по итогам контрольно-проверочных занятий. Для примера можно привести занятия в группах спортивного совершенствования (далее: ГСС) по стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия в образовательных организациях ФСИН России. Так, Академия права и управления ФСИН России и Владимирский юридический институт ФСИН России в настоящее время – это ведущие организации в области боевой подготовки не только в системе ФСИН России, но и в целом среди силовых структур Российской Федерации. Они являются неоднократными чемпионами и призерами всероссийских соревнований по стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия на чемпионатах общества «Динамо». Работа с членами ГСС по стрельбе из боевого оружия в этих образовательных организациях ведется на очень высоком уровне, что подтверждают результаты всероссийских соревнований. За последние 15–20 лет сотрудники этих образовательных организаций являлись и являются постоянными членами сборной команды ФСИН России и, выступая на соревнованиях различного уровня, добиваются не только выполнения норматива мастера спорта, но и занимают высокие места. Проводя совместные семинары во время учебно-тренировочных сборов при подготовке в составе сборной команды ФСИН России, преподаватели этих образовательных организаций неоднократно обсуждали вопрос: чему учить и как учить? И вывод всегда однозначный: во-первых, обучение практическому применению огнестрельного оружия должно начинаться с третьего курса, раньше начинать обучение не имеет смысла, так как именно к третьему курсу обучающиеся взрослеют и отдают себе отчет в том, чему их учат на занятиях по огневой подготовке; во-вторых, обучение должно сопровождаться увеличением плотности проводимых занятий, должно проводиться как минимум два занятия в неделю. Только при такой плотности занятий у обучающихся формируется определенный алгоритм действий с оружием, что в свою очередь приводит к привитию и формированию твердого навыка обращения с оружием и производства качественного выстрела; в-третьих, необходима разработка нового Курса стрельб, так как прежний уже устарел почти на десять лет.

Завершая статью, мы пришли к следующим выводам.

Необходимо выработать такой вариант взаимодействия административного и уголовного законодательства при регулировании полномочий по применению огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей, который в полной мере обеспечит правовую защиту сотрудников УИС. И тогда будут возможны использование и применение ОНД в учреждениях ФСИН России, что снизит потери среди спецконтингента и осужденных, нарушающих режим отбывания наказания в местах лишения свободы.

В связи с этим следует законодательно утвердить определение и понятие данного вида оружия. Научных исследований по изучению вопросов формирования и реализации административно-правового режима ОНД до настоящего времени не проводилось, а в имеющихся разработках комплексное рассмотрение вопроса о правовых аспектах применения сотрудниками ОНД отсутствуют. Следовательно, требуется отдельное систематическое изучение данной проблемы.

Библиографический список

1. *Васильев В. Е.* Основания и порядок применения огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств сотрудниками УИС : учеб. пособие / В. Е. Васильев, В. В. Антонченко. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2012. – 66 с.

2. *Викторова Т. В.* К вопросу о применении оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы и требования к их профессиональным качествам / Т. В. Викторова // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправ. – 2014. – № 2(26). – С. 63–65.

3. *Владимиров В. А.* Состояние и основные направления развития оружия нелетального действия, средств и способов защиты от него / В. А. Владимиров, Г. С. Черных // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2012. – № 1. – С. 13–22.

References

1. *Vasil'ev V. E., Antonchenko V. V.* The Grounds and Procedure for the Use of Firearms, Physical Strength and Special Means by the Staff of the UIS. Novokuzneck, Kuzbasskij Institut FSIN Rossii, 2012. 66 p.

2. *Viktorova T. V.* On the Issue of the Use of Weapons by the Staff of the Penal System and the Requirements for Their Professional Qualities. *Vestnik Instituta: Prestuplenie, Nakazanie, Ispravlenie*. 2014. No. 2(26). P. 63–65.

3. *Vladimirov V. A., Cherny'kh G. S.* The State and Main Directions of the Development of Non-lethal Weapons, Means and Ways to Protect against It. *Strategiya Grazhdanskoj Zashhity': Problemy' i Issledovaniya*. 2012. No. 1. P. 13–22.

4. *Levchenko O. E., Kurdil' N. V., Ivashhenko O. V.* Non-lethal Chemical Warfare Agents: Toxicological and Clinical Aspects. *MNS*. 2014. No. 7(62). P. 24–34.

4. *Левченко О. Е.* Боевые химические средства несмертельного действия: токсикологические и клинические аспекты / О. Е. Левченко, Н. В. Курдиль, О. В. Иващенко // МНС. – 2014. – № 7(62). – С. 24–34.

5. *Миронов В. О.* Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предупреждение : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Миронов Виталий Олегович. – Ростов н/Д, 2012. – 220 с.

6. *Ноговицын А. А.* Оружие нелетального действия и перспективы его использования в интересах сил Организации Договора о коллективной безопасности / А. А. Ноговицын, А. В. Грудзинский, А. И. Спорыхин // Воен. мысль. – 2011. – № 3. – С. 51–59.

7. *Овчинников О. А.* Современное оружие нелетального действия в уголовно-исполнительной системе / О. А. Овчинников, Н. Д. Гаджимурадов // Пенитенциар. право: юрид. теория и правопримен. практика. – 2019. – № 1(19). – С. 43–46.

8. *Патрикова Е. Н.* Специальные боеприпасы и надульные устройства, обеспечивающие нелетальный выстрел / Е. Н. Патрикова, А. А. Прохоров, А. А. Уваров // Изв. ТулГУ. Технические науки. – 2016. – № 12-1. – С. 253–259.

9. Специфика применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками отдела охраны ФСИН России / А. А. Колодовский [и др.] // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2018. – № 1(67), ч. 2. – С. 155–158.

5. *Mironov V. O.* Crimes in Correctional Facilities and Their Prevention. Rostov-na-Donu, 2012. 220 p.

6. *Nogovicy'n A. A., Grudzinskij A. V., Spory'khin A. I.* Non-lethal Weapons and Prospects for Their Use in the Interests of the Collective Security Treaty Organization Forces. *Voennaya My'sl'*. 2011. No. 3. P. 51–59.

7. *Ovchinnikov O. A., Gadzhimuradov N. D.* Modern Non-lethal Weapons in the Penal System. *Penitenciarnoe Pravo: Yuridicheskaya Teoriya i Pravoprimenitel'naya Praktika*. 2019. No. 1(19). P. 43–46.

8. *Patrikova E. N., Prokhorov A. A., Uvarov A. A.* Special Ammunition and Inflatable Devices that Provide Non-lethal Shot. *Izvestiya TulGU. Technicheckie Nauki*. 2016. No. 12-1. P. 253–259.

9. *Kolodovskij A. A., E'rastov A. E., Grek A. D., Elizarov A. V., Tyurikov V. I.* The Specifics of the Use of Physical Force, Special Means and Firearms by Employees of the Department of Protection of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Mezhdunarodny'j Nauchno-issledovatel'skij Zhurnal*. 2018. No. 1(67). Pt. 2. P. 155–158.

Библиографическое описание статьи

Гофман А. А. Некоторые проблемы использования огнестрельного оружия и оружия нелетального действия сотрудниками уголовно-исполнительной системы при исполнении уголовных наказаний / А. А. Гофман, М. И. Ключников // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 53–58.

УДК 347.171

Касаткина Елена Александровна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: alenka-d-k@mail.ru

Комиссарова Светлана Владимировна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: sveta_stepanova@mail.ru

Kasatkina Elena A.,
Senior Lecturer of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

Komissarova Svetlana V.,
Assistant Professor of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

МЕДИАТИВНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Mediative Settlement of Disputes when Determining the Place of Residence of Minor Children

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения альтернативной медиативной процедуры для урегулирования споров, связанных с определением места жительства несовершеннолетних детей в случае расторжения брака родителей. Раскрыты основные проблемные вопросы, связанные с определением места жительства детей в судебном порядке. Проанализированы нормы семейного и гражданского законодательства, регулирующие вопросы определения места жительства несовершеннолетнего.

Ключевые слова: медиация; расторжение брака; несовершеннолетние дети; место жительства; права; урегулирование споров.

Abstract. The article discusses the possibility of using an alternative mediation procedure for resolving disputes related to determining the place of residence of minor children in case of divorce between spouses. The main problematic issues related to determining the place of residence of children in court are disclosed. The norms of family and civil law governing which determine the place of residence of a minor have been analyzed.

Key words: mediation; divorce; minor children; place of residence; rights; dispute resolution.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в России за 2017 г. было заключено 1 049 735 браков и зарегистрировано 611 436 разводов [6]. Последняя цифра приведена без учета распавшихся фактических браков, в которых также были рождены дети. Эти данные свидетельствуют о существующем сегодня кризисе традиционной семьи. К сожалению, в процесс распада семьи вовлекаются несовершеннолетние дети. С юридической стороны расторжение брака – формальная процедура разрешения конфликтной ситуации между двумя субъектами, в ходе которой регулируются вопросы общей совместной собственности супругов, алиментные правоотношения, а также определяется место жительства несовершеннолетних детей. Несмотря на социальную обыденность ситуации, связанную с расторжением брака, для мужчины и женщины, принявших решение расстаться, эта процедура никогда не бывает простой. Развод – это всегда стресс, потому что меняется устоявшийся образ жизни, потому что возникают трудности в разрешении сложных вопросов, особенно связанных с определением места жительства ребенка. Общеизвестно, что негативные последствия расторжения брака в большей степени влияют на детей, которые воспринимают развод родителей как утрату той жизни, которая у них была изначально, даже если родителям кажется, что их жизнь улучшится. Нередко у супругов не всегда хватает коммуникативных, личностных навыков, чтобы достойно выйти из этой ситуации. Конфликт может привести к запрету на общение ребенка с одним из родителей. Так с кем же проживать ребенку после расторжения брака? Решать такие вопросы можно только на основании определенных правовых норм в судебном порядке либо путем переговоров с учетом интересов всех заинтересованных сторон [2, с. 90].

В соответствии с п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства несовершеннолетнего ребенка, не достиг-

© Касаткина Е. А., Комиссарова С. В., 2019

шего возраста четырнадцати лет, является место жительства его законных представителей – родителей, опекунов, усыновителей, приемных родителей. В п. 1 ст. 24 и п. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ) закреплена возможность составления родителями соглашения по определению места жительства их несовершеннолетних детей после расторжения брака. Данные диспозитивные нормы направлены на то, чтобы родители смогли сами урегулировать вопрос о дальнейшем проживании ребенка с одним из них. Если родители не могут прийти к совместному решению путем составления соглашения, с кем будет проживать ребенок после расторжения брака, или нарушают условия подписанного соглашения, суд самостоятельно решает данный вопрос, определяя не только место жительства несовершеннолетнего ребенка, но и устанавливая порядок общения с родителем, который будет проживать отдельно от ребенка. Принятое судом решение в большинстве случаев не устраивает одного из родителей, и конфликт между бывшими супругами продолжается.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации и ст. 57, 61, 65 СК РФ при разрешении спора между родителями об определении места жительства несовершеннолетних детей суд должен исходить из равенства прав и обязанностей отца и матери в отношении детей, а также из интересов несовершеннолетних, учитывая их мнение. В соответствии со ст. 57 СК РФ учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен при условии, что это не противоречит его интересам. Данная норма содержится и в ст. 12 Конвенции о правах ребенка, где прописано, что ребенку, способному сформулировать свои взгляды, должно быть обеспечено право свободно их выражать по всем вопросам, которые его затрагивают. Отметим, что при определении места жительства ребенка суд учитывает ряд значимых правовых моментов. Во-первых, следует отметить, что при вынесении решения по данному вопросу суды руководствуются разъяснениями, содержащимися в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Данные разъяснения содержат информацию о том, что при определении места жительства несовершеннолетнего и порядка общения с отдельно проживающим родителем следует учитывать возраст ребенка, состояние его здоровья, привязанность к одному или обоим родителям, т. е. такие обстоятельства, которые оказывают влияние на психическое, нравственное и физическое развитие ребенка. Во-вторых, при анализе материалов судебной практики можно сделать вывод о том, что суды обращают внимание на род деятельности и занятость родителей, их материальное состояние, бытовые условия и семейное положение. В-третьих, суды в целях всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела по определению места жительства несовершеннолетнего стали назначать проведение психологических обследований и экспертиз, направленных на исследование привязанности ребенка к одному из родителей, диагностику внутрисемейных конфликтов, выяснение отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. Помимо суда, за психологической экспертизой детей, родители которых находятся в ситуации развода, могут обращаться не только судебные органы, но и сами родители или их представители – юристы и адвокаты [3]. Таким образом, налицо тот факт, что социальное положение в обществе, материальная обеспеченность, социально-бытовые условия одного из родителей не являются решающими обстоятельствами при определении места жительства ребенка. Решение суда основывается на совокупности юридически значимых фактических обстоятельствах с целью защиты интересов детей. Тем не менее судебная процедура определения места жительства ребенка не всегда является точкой в споре родителей по вопросам проживания несовершеннолетнего. В СК РФ, например, говорится о том, что родители могут заключать соглашение об определении места жительства детей. Однако анализ судебной практики показывает, что условия данного соглашения часто не исполняются, и стороны вновь обращаются в суд для регулирования правоотношений.

В соответствии со ст. 172 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судья выясняет, не желают ли стороны закончить дело заключением мирового соглашения или провести процедуру медиации. Действительно, если в спор вовлечены дети, то медиация поможет родителям в том, чтобы сфокусироваться на индивидуальных потребностях и чувствах их детей и выработать схему дальнейших отношений, а при разводе сохранить свой статус родителей [2, с. 90]. Применение альтернативной процедуры урегулирования спора об определении места жительства несовершеннолетнего после расторжения брака родителей возможно в соответствии с нормами, закрепленными в Федеральном законе от 27 июля

2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее: Закон № 193-ФЗ). Процедура медиации отличается от судебного разбирательства тем, что является исключительно добровольной процедурой, основанной на принципах сотрудничества и равноправия сторон, при которой спорящие родители сами выбирают медиатора. В п. 2 ст. 1 Закона № 193-ФЗ определено, что процедура медиации может быть применена к спорам, возникающим из семейных правоотношений. Главную роль в такой процедуре урегулирования спора будет играть медиатор – независимый посредник, не наделенный полномочиями выносить директивное решение. Задача медиатора заключается в том, чтобы помочь спорящим сторонам сформулировать свои предложения в отношении определения места жительства ребенка, разъяснить родителям, что ребенок не является их собственностью и имеет право на полноценное общение со вторым родителем и его родственниками.

Медиация может проводиться как до судебного разбирательства, так и в ходе рассмотрения спора в суде. Однако в нашей стране не все граждане знают или слышали о медиативной процедуре. Как правило, спорящие стороны узнают о возможности заключения медиативного соглашения уже на стадии судебного разбирательства. По словам Ц. Шамликашвили, президента Национальной организации медиаторов, несмотря на то, что институт медиации легитимен, граждане не используют возможности медиации [1]. Так, в Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 г., утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г., указано, что путем проведения медиации спор был урегулирован в 1 115 делах (0,007 % от числа рассмотренных), из которых в 916 делах на основе медиативного соглашения было утверждено мировое соглашение. Из указанного количества дел только 78 составили споры, связанные с воспитанием детей. Таким образом, спорящие стороны не всегда знают, что законом предусмотрена процедура медиации. Считаем, что в п. 3 ст. 65 СК РФ необходимо включить норму о том, что в случае возникновения спора между родителями по вопросу определения места жительства ребенка, они могут по своему усмотрению обратиться к посреднику (медиатору) для урегулирования возникшего конфликта. Такая мера, на наш взгляд, позволит разгрузить суды, которые, по сути, не должны заниматься урегулированием конфликта между сторонами, а решать спор по существу. Многие исследователи предлагают включить в СК РФ положения об обязательной процедуре урегулирования брачно-семейных споров [5, с. 63–70]. На наш взгляд, введение обязательной процедуры досудебного урегулирования спора по определению места жительства несовершеннолетнего на основе подписания медиативного соглашения противоречит ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, провозглашающей принцип судебной защиты прав и свобод каждого гражданина. Полагаем, что медиация должна быть добровольной процедурой, к проведению которой спорящие стороны должны подходить осознанно.

Проведение процедуры медиации досудебного разбирательства позволит устранить разногласия и разрешить семейный конфликт, разъяснить сторонам их права, обязанности и ответственность при определении места жительства ребенка. Более того, многие юристы высказывают мнение о том, что если в ходе медиации получилось подписать медиативное соглашение по определению места жительства ребенка, то в дальнейшем судебное разбирательство должно проходить в упрощенном порядке – судья утверждает достигнутое медиативное соглашение. Мы разделяем точку зрения юристов о том, что граждане, подписавшие медиативное соглашение, при обращении в суд должны быть освобождены от уплаты государственной пошлины, либо для таких участников процесса она должна быть снижена [4, с. 38–42]. В соответствии с этим должны быть внесены необходимые поправки в ст. 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации.

Принимая во внимание тот факт, что роль медиатора направлена на урегулирование конфликта, на оказание помощи сторонам с целью принятия конструктивного решения, к посредникам должны предъявляться определенные требования, позволяющие им проводить примирительные процедуры. Такие требования закреплены в ст. 15 Закона № 193-ФЗ. В 2011 г. был принят приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов». Анализируя содержание данного приказа, отметим, что медиатор в первую очередь должен быть компетентным в вопросах правового регулирования семейных правоотношений, знать нормы семейного и гражданского законодательства, иметь знания в области психологии и конфликтологии, уметь вести переговоры. В профессиональном стандарте «Специалист в области

медиации (медиатор)», утвержденном приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 г. № 1041н, указаны следующие необходимые умения для осуществления данной деятельности: налаживание взаимодействия с каждой из сторон и участниками процедуры медиации; обобщение и резюмирование высказываний; корректировка эмоционального состояния сторон; поддержание баланса времени и сил в процессе высказывания сторон и отстаивания ими своих точек зрения; сохранение нейтральности, беспристрастности в отношении сторон и предмета спора и проч. В приказе в числе необходимых для медиаторов знаний указаны: законодательство Российской Федерации о медиации, основы гражданского права, основы социальной коммуникации, принципы медиации, правила составления и ведения организационно-распорядительных и справочно-информационных документов и т. п. Таким образом, можно сказать, что медиация при разрешении семейных правоотношений является связующим звеном между юриспруденцией и психологией.

В заключение следует отметить, что основная цель процедуры медиации в регулировании семейных правоотношений, в частности определение места жительства несовершеннолетнего, заключается в том, чтобы урегулировать спор, не доводя дело до судебного разбирательства, гарантировать исполняемость решений и сэкономить судебные издержки. Данный вопрос нуждается в пристальном внимании законодателя, поскольку эффективное исполнение медиативных соглашений невозможно без легальной конкретизации их правовой природы.

Библиографический список

1. *Васильева Ю.* Неизбежное примирение / Ю. Васильева // Рос. газ. – 2012. – 23 апр.

2. *Касаткина Е. А.* Возможности применения медиации при разрешении семейных споров / Е. А. Касаткина, С. В. Комиссарова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2017. – № 2(43). – С. 89–92.

3. *Кудзилов Д. Б.* Судебная психологическая экспертиза по делам об определении места жительства ребенка / Д. Б. Кудзилов. – Режим доступа: https://www.b17.ru/article/55626/.

4. *Самохвалов Н. А.* Концептуальные идеи и модель института медиации в современной России / Н. А. Самохвалов // Юрист. – 2015. – № 2. – С. 38–42.

5. *Семенова И. Ю.* Особенности медиации в семейных отношениях / И. Ю. Семенова // Юрид. науки. – 2018. – № 3. – С. 63–70.

6. Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Население. Демография. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

References

1. *Vasil'eva Yu.* Inevitable Reconciliation. *Rossijskaya Gazeta.* 2012. Apr. 23.

2. *Kasatkina E. A., Komissarova S. V.* The Possibility of Using Mediation in Resolving Family Disputes. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2017. No. 2(43). C. 89–92.

3. *Kudzilov D. B.* Judicial Psychological Expertise in Cases of Determining the Child's Place of Residence. URL: https://www.b17.ru/article/55626/.

4. *Samokhvalov N. A.* Conceptual Ideas and Model of the Institute of Mediation in Modern Russia. *Yurist.* 2015. No. 2. P. 38–42.

5. *Semenova I. Yu.* Features of Mediation in Family Relations. *Yuridicheskie Nauki.* 2018. No. 3. P. 63–70.

6. Federal State Statistics Service. Official statistics. Population. Demography. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

Библиографическое описание статьи

Касаткина Е. А. Медиативное урегулирование споров при определении места жительства несовершеннолетних детей / Е. А. Касаткина, С. В. Комиссарова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 59–62.

УДК 343.9.01

Комаров Игорь Михайлович,
профессор кафедры криминалистики
МГУ им. М. В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
E-mail: mgu.ikomariv@mail.ru

Komarov Igor' M.,
Professor of Criminalistics Department
of MSU named after M. V. Lomonosov
Doctor of Law, Professor

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ И СРЕДСТВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

General Characteristics of the Ways and Means of Preventing Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment in Correctional Institutions of the FPS of Russia

Аннотация. Автор рассматривает актуальные вопросы, связанные с толкованием способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы. В основе раскрытия проблемы лежит криминалистическая методология, которая обеспечивает научный подход к решению поставленной задачи посредством первоначального определения общего криминалистического понятия способов и средств, их определения для структур исполнения наказания и, собственно, раскрытия содержания способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическое предотвращение преступлений; способы и средства предотвращения преступлений.

Abstract. The author considers topical issues related to the interpretation of methods and means of crime prevention by convicts to deprivation of liberty. The basis of the problem is the forensic methodology, which provides a scientific approach to the solution of the task by means of the initial definition of the General forensic concept of methods and means, their definition for the structures of execution of punishment by convicts and, in fact, the disclosure of the content of methods and means of prevention of crimes sentenced to imprisonment.

Key words: criminalistics; criminalistics crime prevention; methods and means of crime prevention.

Методология в качестве раздела курса криминалистики стала рассматриваться с 1981 г. Ее положения активно способствуют становлению новых, развитию и совершенствованию действующих криминалистических способов и средств, том числе и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России.

Логично в этой связи начать рассмотрение вопроса с определения криминалистических способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России, с тем, чтобы на его основании дать их классификацию, научное толкование и практические рекомендации по применению. Однако исследованию этого вопроса должно предшествовать определение источников происхождения криминалистических способов и средств предотвращения преступлений.

Общеизвестным является тот факт, что в основе совершенствования тех или иных способов и средств любого вида деятельности лежат обобщения практики. Закономерно это обстоятельство и для совершенствования криминалистических способов и средств предотвращения преступлений в учреждениях ФСИН России. В его основе – результаты оперативной, следственной, судебной и экспертной деятельности соответствующих субъектов по применению данных криминалистики.

В качестве источника следует назвать и данные естественных, технических и общественных наук, в соответствии с которыми криминалистика разрабатывает новые и совершенствует традиционные способы и средства предотвращения преступлений среди осужденных в местах лишения свободы. Это не обычная интеграция научного знания, а приспособление способов и средств других наук для предупреждения преступлений среди указанного контингента и создания на их базе собственно криминалистических способов и средств. Задача криминалистики, отмечает Р. С. Белкин, состоит не в активном приспособлении положений этих наук для целей борьбы с преступностью, а в их учете при разработке специфически криминалистических рекомендаций практике [2, с. 35, 36].

Последним из рассматриваемых источников, безусловно, следует признать результаты криминалистических научных исследований, связанных с предупреждением преступлений осужденными.

© Комаров И. М., 2019

Криминалистические способы и средства предупреждения преступлений фактически представляют собой часть содержания криминалистики. Туда же входит и рассматриваемая группа способов и средств. В связи с этим их научное обоснование способствует упорядочению существующих представлений о криминалистическом предупреждении преступлений, достижению полноты знаний о криминалистическом предупреждении преступлений, «определению роли и значения этого вида криминалистической деятельности» [4, с. 87], формированию теоретических основ обеспечения предупредительной деятельности правоохранительных органов, в том числе и учреждений ФСИН России.

Исследование определения понятия криминалистических способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России, следует начать с его общего криминалистического определения.

Данное определение в науке сложилось не сразу, чему предшествовала достаточно продолжительная научная дискуссия, участников которой условно можно разделить на две группы. Первая толковала предупреждение преступлений криминалистическими способами и средствами достаточно широко [7, с. 105; 8, с. 70], вторая – сужала данное понятие [1, с. 8].

Анализируя данные позиции, неизбежно приходишь к выводу, что способы и средства, на которые указывают В. Ф. Зудин, Г. Н. Александров и другие сторонники их позиций, предупредительными являются лишь отчасти, они только косвенно воздействуют на участников уголовного судопроизводства.

Сторонники второй позиции определения криминалистических способов и средств предотвращения преступлений рассматривали их только как технические средства, что свидетельствовало о необоснованном, искусственном ограничении возможностей данных криминалистики. Позиция этой группы криминалистов претерпела эволюционное развитие, и, наряду с техническими способами и средствами предупреждения преступлений, они стали выделять тактические и методические способы и средства предупреждения преступлений [5, с. 14; 6, с. 22; 16, с. 32].

Однако проводя анализ взглядов как первой, так и второй группы криминалистов, можно констатировать, что они, излагая свои мнения относительно проблемы, не «раскрывали признаки, присущие данным способам и средствам» [14, с. 54].

Вместе с тем существуют и точки зрения, которые нельзя отнести ни к тем, ни к другим приведенным выше мнениям криминалистов.

Так, В. П. Колмаков определял способы и средства предупреждения преступлений в качестве средств, основанных на данных криминалистики, имеющих научно-технический и оперативно-тактических характер и предназначенных для выявления, исследования и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также предупреждения готовящихся и пресечения начавшихся преступлений [9, с. 23; 10, с. 115–122].

На наш взгляд, данное определение хотя и было передовым для своего времени в теории определения понятия криминалистических способов и средств предупреждения преступлений, но отражало лишь способы и средства, основанные на результатах только криминалистического исследования. Однако общепризнанно, что криминалистика активно использует достижения и других наук, приспосабливая их под свои цели. В этой связи никак нельзя было игнорировать роль судебных экспертиз в предупреждении преступлений. Именно поэтому, безусловно, прогрессивной мы считаем позицию И. Я. Фридмана, который включил в систему исследуемых способов и средств не только данные криминалистики, но и судебных экспертиз. При этом он сделал уточнение о том, что эти способы и средства разрабатываются во всех разделах криминалистики [17, с. 18]. Вместе с тем позиция И. Я. Фридмана также была подвергнута критике в этой части со стороны В. А. Ледащева. Он был не согласен с тем, что судебная экспертиза может считаться источником разработки способов и средств предупреждения преступлений [14, с. 54].

Результаты анализа приведенных выше определений криминалистических способов и средств предотвращения преступлений свидетельствуют о том, что практически все их, при безусловной научной и практической значимости, научными определениями в общепринятом смысле можно назвать весьма условно. Это видно из самих определений, где авторы называют определяемое понятие практически везде как «криминалистические средства» и не характеризуют их с позиции закономерностей, присущих предмету криминалистики.

На этом основании, по нашему мнению, при определении понятия криминалистических способов и средств предотвращения преступлений следует исходить из определения понятия «криминалистические средства и методы судебного исследования», данного Р. С. Белкиным: криминалистические способы и средства судебного исследования – это способы и средства собирания (обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения), исследования, оценки и использования доказательственной информации. Они служат выполнению определен-

ных организационно-технических мероприятий и процессуальной процедуры, составляющих содержание следственного действия [3, т. 1, разд. 2.3].

Соотнося это понятие с предметом настоящего исследования и учитывая вышеприведенный анализ позиций криминалистов, а также содержание популярного понятия криминалистического предотвращения преступлений, можно дать следующее определение криминалистических способов и средств предотвращения преступлений: *криминалистические способы и средства предотвращения преступлений – это инструменты, обеспечивающие собирание, исследование, оценку и использование криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, направленные на устранение указанных обстоятельств, предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений.*

Может показаться, что данное определение выглядит тавтологичным, однако это не так, поскольку это не категориальное понятие способов и средств, а только тех, которые рассчитаны на предотвращение преступлений. Ведь определяет же Р. С. Белкин криминалистические способы и средства судебного исследования также через способы и средства.

В соответствии с ранее определенными особенностями криминалистического предотвращения преступлений в системе учреждений и органов ФСИН России [11] можно дать соответствующее определение и этого видового понятия: *криминалистические способы и средства предотвращения преступлений в системе учреждений и органов ФСИН России – это способы и средства, обеспечивающие собирание, исследование, оценку и использование криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений осужденными в местах лишения свободы, направленные на устранение указанных обстоятельств, предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений.*

В целях исследования содержания данного понятия предпримем попытку объяснения значения собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступления для объяснения их связи с соответствующими способами и средствами.

Исследуя проблему, М. Ш. Махтаев верно подметил, что «информация о причинах и условиях, способствующих совершению преступления, возникает с момента формирования механизма преступления и пополняется в течение всего времени его функционирования» [15, с. 88].

Это в полной мере соответствует теоретически обоснованному положению о том, что информация об обстоятельствах, способствующих совершению преступления «возникает неизбежно, и сам процесс ее возникновения носит закономерный характер» [2, с. 62]. Данное обстоятельство базируется на положении материалистической диалектики об основном свойстве материи, которое, как известно, называется отражением.

Поскольку любое преступление со способствующими ему причинами и условиями отражается в объективной среде, постольку и процесс возникновения информации об этих обстоятельствах носит закономерный характер. На этом основании возникновение информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, – это объективно существующая предпосылка установления всех обстоятельств преступления.

Как всякий процесс отражения, информация об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, носит ситуационный характер, а это указывает на тот факт, что управляющие этим процессом закономерности проявляются как тенденции. Такими закономерностями в предупреждении преступлений криминалистическими способами и средствами в учреждениях ФСИН России могут быть: повторяемость процессов возникновения информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений в местах лишения свободы; логическая и причинно-следственная связь между действиями осужденного, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление, и обстоятельствами, предопределившими его совершение со стороны осужденных и лиц персонала учреждения или органа ФСИН России; связь между реализованным способом совершения преступления и следами-последствиями его применения; зависимость выбранного осужденным способа совершения преступления и обстоятельств, способствовавших этому выбору со стороны осужденных и лиц персонала учреждения или органа, ведающего исполнением наказания, и т. п.

Очевиден приоритет способа совершения преступлений в процессе возникновения обстоятельств, детерминирующих совершение преступления. На это обстоятельство обращал внимание еще Г. Г. Зуйков. Он связывал эту детерминацию с качествами личности преступника [12, с. 57].

Учет и анализ этих данных позволяет прогнозировать появление новых способов совершения преступлений осужденными, разрабатывать новые криминалистические способы и средства предотвращения этих преступлений.

В криминалистической литературе уже неоднократно отмечалось, что процессы возникновения, существования и исчезновения информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, в типичных ситуациях каждый

раз проявляются сходным образом [2, с. 70–71; 15, с. 88]. Это указывает на свойство закономерности выступать в качестве тенденции в ситуационно обусловленных обстоятельствах.

Возникновение информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, несет в себе общие элементы для всех процессов, которые протекают в данной ситуации, а это означает возможность выявления типичного для определения профилактических ситуаций расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

Познаваемость закономерностей возникновения информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, обусловливает возможность обнаружения данной криминалистически значимой информации.

Однако если возникновение информации объективно связано с преступником и совершаемым им преступлением, то обнаружение этой информации, хотя и является одной из закономерностей объективной действительности, все же обусловлено субъективными факторами, которые способствуют превращению объективно существующей возможности обнаружения криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих преступлениям, в действительность их обнаружения определенными законом субъектами.

Если перечислять эти факторы, основываясь на предмете настоящего исследования, то в их ряду мы определяем:

1) обладание субъектами, участниками уголовного судопроизводства на стороне обвинения, а также субъектами оперативно-розыскной деятельности знаниями общих закономерностей возникновения информации о преступлении вообще и преступлениях, совершаемых осужденными в учреждениях ФСИН России;

2) знание этой категорией субъектов ситуационных особенностей (в том числе основанной на субкультуре осужденных в местах лишения свободы) механизма возникновения информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений;

3) ситуационная оценка информации о рассматриваемых обстоятельствах;

4) знание способов и средств обнаружения криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений осужденными в учреждениях ФСИН России, их тактически правильное применение в профилактических ситуациях расследования или другого вида деятельности по предупреждению преступлений;

5) обладание субъектами, участниками уголовного судопроизводства на стороне обвинения, а также субъектами оперативно-розыскной деятельности качествами, необходимыми для работы по предотвращению преступлений среди осужденных, в том числе и в местах их постоянного пребывания при отбытии наказания (в местах лишения свободы).

Ситуационный подход вышеуказанных субъектов к установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, реализуется при проявлении как закономерности возникновения, так и закономерности обнаружения криминалистически значимой информации.

Для того чтобы обнаруженная и собранная в соответствии с криминалистическими способами и средствами информация указанного вида могла быть использована в целях предотвращения преступлений, ее предварительно следует исследовать и оценить. Особых сложностей в этом процессе мы не усматриваем, так как ему присущи всеобщие черты процесса познания объективной действительности независимо от разновидности как информации, так и способов и средств ее исследования. Это достаточно устойчивый, повторяющийся, а следовательно, закономерный процесс для установления причин и условий преступлений, совершаемых в местах лишения свободы осужденными.

Оценка рассматриваемого вида криминалистически значимой информации основана на определении соответствующим субъектом ее допустимости и относимости к рассматриваемому событию или обстоятельствам. Познание информации определяет ее пригодность.

Так нам представляется характеристика некоторых важных аспектов понятия криминалистических способов и средств предотвращения преступлений в системе учреждений ФСИН России.

Библиографический список

1. *Александров Г. Н.* Совершенствование методов расследования – в центре внимание советской криминалистики / Г. Н. Александров // Социалист. законность. – 1948. – № 2. – С. 7–8.

2. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р. С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 304 с.

3. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин. – М. : Юрид. центр, 2016. – 3 т.

References

1. *Aleksandrov G. N.* Perfection of Methods of Investigation – the Center of Attention of Soviet Criminalistics. *Socialisticheskaya Zakonnost'*. 1948. No. 2. P. 7–8.

2. *Belkin R. S.* Criminalistics: Problems, Trends, Prospects. From Theory to Practice. M., Yuridicheskaya Literatura, 1988. 304 p.

3. *Belkin R. S.* Criminalistics Course. In 3 vol. M., Yuridicheskij Centr, 2016.

4. *Вандышев В. В.* Криминалистическая профилактика в системе криминалистики / В. В. Вандышев // Правоведение. – 1982. – № 2. – С. 86–90.

5. *Васильев А. Н.* Введение к курс советской криминалистики / А. Н. Васильев. – М. : МГУ, 1962. – 28 с.

6. *Винберг А. И.* Криминалистика. Раздел 1 / А. И. Винберг ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : ВШ МВД РСФСР, 1962. – 96 с.

7. *Зудин В. Ф.* Криминалистическая профилактика преступлений: концепция, принципы, средства реализации : учеб. пособие / В. Ф. Зудин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1995. – 127 с.

8. *Зудин В. Ф.* Роль советской криминалистики в предупреждении преступлений и воспитании граждан / В. Ф. Зудин // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма : сб. тез. докл. на науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 1962. – С. 69–70.

9. *Колмаков В. П.* Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений / В. П. Колмаков // Совет. государство и право. – 1961. – № 12. – С. 106–109.

10. *Колмаков В. П.* О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики / В. П. Колмаков // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 115–122.

11. *Комаров И. М.* Предупреждение преступлений в учреждениях и органах ФСИН России как понятие криминалистики и ее практическая задача / И. М. Комаров // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 1(50). – С. 86–93.

12. Криминалистика : в 2 т. / под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. – М. : НИиРИО ВШ МВД СССР, 1969. – Т. 1. – 376 с.

13. Криминалистика : учебник. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. И. Винберга, С. П. Митричева. – М. : Госюриздат, 1950. – 304 с.

14. *Ледащев В. А.* О предмете криминалистической профилактики / В. А. Ледащев // Правоведение. – 1984. – № 6. – С. 51–56.

15. *Махтаев М. Ш.* Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Махтаев Махтай Шапиевич. – М., 2001. – 472 с.

16. *Митричев С. П.* Предупреждение преступлений и задачи судебной экспертизы / С. П. Митричев // Социалист. законность. – 1961. – № 12. – С. 32–35.

17. *Фридман И. Я.* Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов / И. Я. Фридман. – Киев : [б. и.], 1968. – 87 с.

4. *Vandy'shev V. V.* Crime Prevention in the Criminology. *Pravovedenie*. 1982. No. 2. P. 86–90.

5. *Vasil'ev A. N.* Introduction to the Course of Soviet Criminalistics. M., MGU, 1962. 28 p.

6. *Vinberg A. I.* Criminalistics. Section 1. M., VSh MVD RSFSR, 1962. 96 p.

7. *Zudin V. F.* Crime Prevention: the Concept, the Principles, the Means of Implementation. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 1995. 127 p.

8. *Zudin V. F.* The Role of Soviet Criminalistics in the Prevention of Crime and the Education of Citizens. *The Soviet State and Law in the Period of the Expanded Construction of Communism*. Voronezh, VGU, 1962. P. 69–70.

9. *Kolmakov V. P.* Some Questions of Criminalistic Crime Prevention. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*. 1961. No. 12. P. 106–109.

10. *Kolmakov V. P.* On Theoretical Foundations of Systematization of Methods, Techniques and Means of Soviet Criminalistics. *Pravovedenie*. 1965. No. 4. P. 115–122.

11. *Komarov I. M.* Prevention of Crimes in Institutions and Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia as a Concept of Forensic Science and Its Practical Task. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2019. No. 1(50). P. 86–93.

12. Criminalistics. Ed. by R. S. Belkin, G. G. Zujkov. In 2 vol. M., NIiRIO VSh MVD SSSR, 1969. Vol. 1. 376 p.

13. Criminalistics. In 2 pt. Ed. by A. I. Vinberg, S. P. Mitrichev. M., Gosyurizdat, 1950. Pt. 1. 304 p.

14. *Ledashhev V. A.* On the Subject of Crime Prevention. *Pravovedenie*. 1984. No. 6. P. 51–56.

15. *Makhtaev M. Sh.* Problems of Criminalistic Prevention of Crimes. M., 2001. 472 p.

16. *Mitrichev S. P.* Crime Prevention and Forensic Task. *Socialisticheskaya Zakonnost'*. 1961. No. 12. P. 32–35.

17. *Fridman I. Ya.* Prevention of Crimes Under Forensic Examination of Documents. Kiev, s. n., 1968. 87 p.

Библиографическое описание статьи

Комаров И. М. Общая характеристика способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России / И. М. Комаров // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 63–67.

УДК 343.352

Кудрявцев Алексей Вадимович,
заместитель директора
Владимирского филиала РАНХиГС,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности ВЮИ ФСИН России,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института им М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, доцент
E-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

Kudryavcev Aleksej V.,
Deputy Director of Vladimir Branch of the RANEPA,
Professor of Crime Detection Department
of VLI of the FPS of Russia,
Professor of Criminal Law Studies Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
Doctor of Law, Associate Professor

Зуйкова Наталья Владимировна,
заместитель директора по правовым вопросам
муниципального казенного учреждения г. Владимира
«Центр управления городскими дорогами»
E-mail: mku.cugd@yandex.ru

Zujkova Natal'ya V.,
Deputy Director for Legal Affairs
of the Municipal Public Institution of Vladimir
«Center for the Management of City Roads»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Some Features of Detecting Corruption Crimes Committed by Municipal Employees

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие при выявлении преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности; муниципальные служащие; выявление; оперативно-розыскная деятельность.

Abstract. The article discusses some of the problems that arise in identifying corruption crimes committed by municipal employees, and the ways to solve them are suggested.

Key words: crimes of corruption; municipal employees; identification; crime detection.

Преступления коррупционной направленности продолжают оставаться серьезной угрозой для общества и государства, что делает актуальной борьбу с ними. За 2018 г. было зарегистрировано 30 495 преступлений коррупционной направленности, что на 2,9 % больше, чем в 2017 г. Причем фактов получения взятки зарегистрировано 3 499, что на 9,8 % больше показателей предыдущего года [4].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что проблема коррупции в России приобретает угрожающий характер. Причем она получила широкое распространение среди всех ветвей власти, в том числе и в органах местного самоуправления. В этой связи существенное значение имеет деятельность по противодействию преступлениям коррупционной направленности, совершаемым муниципальными служащими.

О серьезности последствий преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими, в полной мере свидетельствуют определения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления, сформулированные исследователями данной проблемы.

Так, А. В. Быков «под коррупционной преступностью в органах местного самоуправления» предлагает понимать сложное социально-правовое явление, образующими элементами которого выступают преступления коррупционной направленности, связанные с противоправными посягательствами на законные интересы граждан и их общественных объединений путем использования служебного положения и вверенных полномочий. «Преступления коррупционной направленности в рассматриваемой сфере образует совокупность противоправных умышленных деяний должностных лиц органов местного самоуправления, руководствующихся корыстным мотивом, получением имущественных прав и выгод в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного предоставления такой выгоды для себя или для третьих лиц» [2].

© Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В., 2019

По мнению Г. М. Аглямовой, «коррупционная преступность в сфере местного самоуправления – это социальное опасное явление, обладающее высокой латентностью, которое представляет собой совокупность преступлений, совершенных муниципальными служащими, имеющими управленческие функции, с использованием служебного положения против интересов граждан, муниципального образования, государства, для собственного обогащения или в узкогрупповых целях, а также совокупность таких категорий лиц» [1].

А. В. Воробьёв отмечает, что под коррупционной преступностью в органах местного самоуправления понимается социальное явление, которое представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных посягательств на установленный порядок муниципальной службы, интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны должностных лиц местного самоуправления путем использования ими служебного положения и вверенных населением полномочий, исходя из корыстной или иной личной заинтересованности [3]. По мнению указанного автора, под преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления понимаются общественно опасные деяния, посягающие на авторитет, законные интересы муниципальной службы и выражающиеся в противоправном получении должностными лицами местного самоуправления благ имущественного или неимущественного характера [3].

Анализ практики правоохранительных органов свидетельствует о том, что наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми муниципальными служащими, являются такие, как: получение взятки должностным лицом местного самоуправления (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), мошенничество (ч. 3 ст. 159 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ).

Противодействие совершению данных преступлений осложняется рядом факторов, влияющих на процесс как их выявления, так и расследования.

Коррупционные преступления в целом и коррупционные преступления муниципальных служащих, в частности, отличаются высокой степенью латентности. Именно поэтому основной объем сведений о преступлениях рассматриваемого вида получается в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, определенный объем информации о данных преступлениях поступает от субъектов, осуществляющих контрольную деятельность, а также от граждан в виде заявлений, причем малое количество заявлений граждан о коррупционных преступлениях, совершаемых муниципальными служащими, объясняется спецификой взаимоотношений граждан и представителей власти в небольших населенных пунктах (муниципальных образованиях).

При выявлении и документировании преступных действий со стороны муниципальных служащих возникает ряд проблем.

Во-первых, у оперативных работников часто не хватает квалификации для проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий. Одним из основных оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рамках выявления коррупционных преступлений муниципальных служащих, является оперативный эксперимент. Однако данное мероприятие носит комплексный характер и требует существенной подготовки, одним из элементов которой является инструктаж лица, участвующего в данном мероприятии. Должен быть разработан перечень вопросов, которые необходимо задать должностному лицу органа местного самоуправления. Вопросы должны быть составлены таким образом, чтобы были подтверждены условия (незаконное вознаграждение), при наличии которых станет возможным положительное решение вопроса обратившегося. Если чиновник дает неоднозначно толкуемые ответы, медлит с принятием решения, необходимо уточнить, достаточна ли собранная сумма и зависит ли исполнение решения от других должностных лиц местной власти. Разумеется, диалог должен строиться так, чтобы представитель местной власти не заподозрил о проведении оперативного эксперимента [5, с. 77, 78].

Кроме того, для эффективного проведения данного мероприятия требуется использование средств оперативной техники как лицом, участвующим в нем непосредственно, так и со стороны оперативных работников для контроля за ходом мероприятия.

Результаты проведения оперативного эксперимента и задержания подозреваемого в ходе оперативно-розыскного мероприятия должны быть соответствующим образом документально оформлены. Вышеобозначенные условия требуют от оперативного работника достаточно глубоких познаний организационных и тактических нюансов проведения данного мероприятия, что на практике не всегда имеет место.

Во-вторых, материалы, полученные в рамках проведения оперативно-розыскной деятельности, должны своевременно передаваться в орга-

ны расследования. Несвоевременная их передача может повлечь за собой возможность осуществления действий со стороны подозреваемых и их связей по сокрытию следов преступной деятельности, противодействия правоохранительным органам. В этой связи особое значение приобретает организация взаимодействия оперативного работника и следователя в рамках оперативно-розыскного сопровождения расследования коррупционных преступлений, совершенных муниципальными служащими.

В-третьих, деятельность по выявлению рассматриваемых преступлений предполагает наличие знаний в областях, касающихся специфики реализации полномочий муниципальными служащими в конкретных сферах, например, земельных, бюджетных, финансовых и других отношениях. Следует также учитывать, что отличительной чертой деятельности органов местного самоуправления является то, что представители органов муниципальной власти осуществляют свои полномочия в особенной сфере, порядок которой устанавливается нормативными правовыми актами самих же органов местного самоуправления. Это создает необходимость привлечения к участию в деятельности правоохранительных органов специалистов в данных областях. Кроме того, существенный потенциал имеет взаимодействие оперативных, следственных и контрольно-счетных органов. Следует отметить, что данное взаимодействие не всегда организовано должным образом, а это негативно влияет на решение вопроса, связанного с возбуждением уголовных дел по преступлениям, совершаемым муниципальными служащими.

Таким образом, нами рассмотрены некоторые особенности, связанные с выявлением преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими. В значительной степени они обусловлены осуществлением оперативно-розыскной деятельности, так как именно ее возможности позволяют эффективно устанавливать факты преступной деятельности данного вида. Безусловно, специфика деятельности по выявлению рассматриваемой категории преступлений гораздо шире, что подчеркивает необходимость дальнейшего проведения научных исследований в данной сфере.

Библиографический список

1. *Аглямова Г. М.* Криминологическая характеристика коррупционной преступности в сфере местного самоуправления и ее предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Аглямова Гульназ Махияновна. – Казань, 2016. – 177 с.

2. *Быков А. В.* Коррупционная преступность в системе местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Быков Антон Витальевич. – Иркутск, 2016. – 240 с.

3. *Воробьёв А. В.* Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Воробьёв Александр Владимирович. – Калининград, 2016. – 282 с.

4. МВД России : [сайт]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/.

5. *Сергеев А. Л.* Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Сергеев Артём Леонидович. – Уфа, 2016. – 234 с.

References

1. *Aglyamova G. M.* Criminological Characteristics of Corruption Crime in the Field of Local Government and Its Warning. Kazan', 2016. 177 p.

2. *By'kov A. V.* Corruption Crime in the System of Local Self-government. Irkutsk, 2016. 240 p.

3. *Vorob'yov A. V.* Criminal Law Measures to Combat Crimes of Corruption against the Interests of the Service in Local Government. Kaliningrad, 2016. 282 p.

4. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Website. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/.

5. *Sergeev A. L.* Forensic Foundations of the Initial Stage of the Investigation of Malfeasance Committed in the Field of Local Government. Ufa, 2016. 234 p.

Библиографическое описание статьи

Кудрявцев А. В. Некоторые особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых муниципальными служащими / А. В. Кудрявцев, Н. В. Зуйкова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 68–70.

УДК 347.615

Кулакова Анна Александровна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук, доцент
E-mail: annakulakova33@yandex.ru

Kulakova Anna A.,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU PhD (Law), Associate Professor

ПРОБЛЕМА НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ ВЫПЛАТ ПО АЛИМЕНТАМ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЕНКА

The Problem of Non-targeted Expenditure Alimony Payments for a Minor Child

Аннотация. В статье рассматривается проблема нецелевого расходования алиментных средств родителями, получающими выплаты на несовершеннолетних детей. Сделан вывод о том, что правовое регулирование данного вопроса несовершенно, что способствует злоупотреблениям со стороны получателя алиментов, в связи с чем предложены пути решения данной проблемы.
Ключевые слова: алименты; нецелевое использование; права ребенка; семейные правоотношения.

Abstract. The article deals with the problem of non-targeted expenditure of alimony by parents receiving payments for minor children. It is concluded that the legal regulation of this issue is not enough, which contributes to abuse by the recipient of alimony, therefore solutions to this problem have been suggested.

Key words: alimony; misuse; child's rights; family relations.

В последнее время в российском обществе повышенное внимание стало уделяться проблемам, связанным с алиментами на несовершеннолетних детей. Учеными-юристами разрабатываются модели взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, рассматриваются вопросы, связанные с задолженностями по алиментам, изучаются способы профилактики уклонения от их уплаты.

Регламентации этих и других проблем посвящены и многочисленные международные правовые документы. Это и Декларация прав ребенка 1959 г., и Конвенция о правах ребенка 1989 г., которые провозгласили в числе других прав детей права на заботу родителей и на совместное проживание с ними, права и обязанности по отношению к детям их родителей, и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.

Нормативные правовые акты Российской Федерации (Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и др.) создают социально-экономическую основу и правовую базу для нормального образования, воспитания и развития детей.

Однако положение в сфере содержания детей, обеспечения гармоничности и всесторонности их развития и образования вызывает немало вопросов: немаловажной проблемой являются нарушения в расходовании денежных средств, выплачиваемых несовершеннолетним в качестве алиментов и имеющих явно целевое назначение. Согласно семейному законодательству Российской Федерации (гл. 13) алименты, положенные к выплате несовершеннолетнему, поступают в распоряжение родителя, проживающего с ним, или иного законного представителя ребенка, но должны быть израсходованы на содержание ребенка, его воспитание либо образование.

Тем не менее до сих пор законом не предусмотрен контроль за целевым расходованием денежных средств. Кроме того, в случае, если размер алиментов значителен, то суд все равно не может обязать родителя, получающего выплаты, предоставлять документы, подтверждающие конкретные расходы на ребенка, лицу, уплачивающему данные алименты. Этот, с нашей точки зрения, пробел в законодательстве приводит к таким ситуациям, когда, по сути, экс-супруг безнаказанно пользуется данными упущениями законодателя, и бывшему супругу приходится обеспечивать его жизнь, а до ребенка доходит лишь малая часть средств, которые ему положены.

Законодатель указывает на эту проблему в Концепции совершенствования семейного законодательства (далее: Концепция), где определена необходимость законодательного закрепления определенных мер, гарантирующих невозможность злоупотребления правом на алименты. В документе уточняется, что алименты как особый объект права собственности детей

© Кулакова А. А., 2019

должны направляться лишь на реализацию интересов детей. Удовлетворение потребностей бывших супругов, получающих эти денежные средства, интересами ребенка не являются.

Основное количество нецелевого использования алиментов приходится на те случаи, когда сумма алиментов значительно превышает прожиточный минимум. В связи с этим в Концепции высказывается предложение о предоставлении суду права снижать в этом случае размер алиментных выплат. Данная мера позволит в значительной степени обеспечить законное расходование этих средств на ребенка и предупредит попытки родителя-получателя алиментов жить за счет алиментов [2, с. 199].

Начисление алиментов, истребуемых на содержание несовершеннолетних детей, в определенных долях к заработку практикуется в нашей стране еще с середины XX в. В тех социально-экономических условиях, когда отсутствовала сильная дифференциация слоев населения по доходам, когда источник доходов был определен и, как правило, ограничивался заработной платой по единственному основному месту работы, эффективность данного способа была очевидна.

В современных условиях граждане имеют огромные возможности для получения различных видов дохода из разных источников, в связи с чем возникает вопрос с установлением размера алиментов на ребенка в долях к доходу плательщика.

Согласно действующему семейному законодательству при отсутствии соглашения об уплате алиментов между родителями они взыскиваются судом. По общему правилу, размер уплачиваемых алиментов устанавливается в закрепленных Семейным кодексом Российской Федерации долях к доходу родителя в зависимости от количества детей (ст. 81). На одного ребенка выплачивается одна четверть дохода, на двух – одна треть, на трех и более – половина. Справедливости ради нужно отметить, что закон позволяет суду «уйти от шаблона» и изменить размер взыскиваемых алиментов, адаптировав его к конкретной жизненной ситуации. Таким образом, российскому семейному законодательству знакомы две модели взыскания алиментов: в процентной ставке и в твердой денежной сумме. Первый подход, по мнению М. В. Антокольской, соответствует потребностям 90 % населения, для оставшихся 10 % граждан со сверхдоходами предусмотрен второй способ. Если указанные параметры не учитываются, то, по мнению данного автора, это не проблема системы, а проблема ее «применения по назначению» [1, с. 42].

Порядок «жесткого» установления размера алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка (детей) действует в нашем законодательстве с тридцатых годов прошлого века. К его преимуществам, бесспорно, относится простота определения размера алиментов, что удобно и для взыскателя, и для суда. Всегда ли в этом случае учитываются интересы ребенка? При применении такого способа расчета не всегда принимаются во внимание потребности несовершеннолетнего, не учитываются его возраст, траты родителя, выплачивающего алименты, на содержание ребенка в период временного проживания у него.

Согласно семейному законодательству суд может перечислить долю выплат, не более 50 % от суммы алиментов, на счет ребенка (ст. 84). Исходя из этого должна частично решаться проблема нецелевого использования данных средств, но указанная норма не проясняет ряд вопросов ее практического применения.

Например, неизвестным остается срок, в который можно потребовать разрешения на перечисление доли алиментов на личный счет ребенка, является ли юридически верным шагом поднять этот вопрос уже во время рассмотрения иска о взыскании алиментов на ребенка. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъяснил, что такое требование возможно лишь при изменении способа и порядка исполнения решения суда о взыскании алиментов. Таким образом, оно возможно только в случае, когда судебное решение о взыскании алиментов уже вступило в законную силу. Кроме того, при рассмотрении таких дел суд должен учитывать целый ряд индивидуальных обстоятельств, характеризующих имущественное положение сторон, их семейное положение, наличие иждивенцев и т. д. В рассматриваемом постановлении говорится также о том, что суд, принимая подобное решение, должен руководствоваться интересами несовершеннолетних. Таким образом, истец в судебном заседании обязан представить суду доказательства того, что права его ребенка нарушены и что изменение порядка и способа уплаты алиментов приведет к удовлетворению интересов ребенка.

В этой связи пробелом в семейном законодательстве является отсутствие в законе перечня доказательств, которые примет во внимание суд при решении рассматриваемого вопроса. В судебной практике положительные решения по делам о разрешении перечисления части али-

ментов на счет ребенка принимались в случаях, когда средний размер алиментов, выплачиваемых заявителем ежемесячно, значителен и превосходит как сумму прожиточного минимума на детей в субъекте Российской Федерации, так и минимальный размер оплаты труда, сохранение части денежных средств на банковском счете ребенка отвечает его будущим интересам. Однако представление ответчиком доказательств необходимости расходования крупных сумм денежных средств на ребенка (в случае болезни и т. п.) может изменить ситуацию.

На наш взгляд, также целесообразно включить в текст ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации перечень оснований, по которым плательщики алиментов будут иметь право обратиться в суд с соответствующим требованием. К таковым могут относиться: акты органов опеки, констатирующие плохие условия проживания ребенок; пренебрежение лица, расходующего алименты, своей обязанностью по содержанию и воспитанию несовершеннолетнего, предоставление плательщику алиментов возможности осуществлять контроль за расходованием алиментов.

Необходимой мерой, обеспечивающей целевое расходование алиментных выплат, также может стать возможность контроля за расходованием алиментов со стороны плательщика. Это право целесообразно предоставлять плательщику алиментов в том случае, если размер уплачиваемых алиментов значителен и превышает сумму, определенную в законе. С учетом этой оговорки в гл. 17 Семейного кодекса Российской Федерации, регулирующую порядок уплаты и взыскания алиментов, следует включить норму, дающую суду право обязать родителя, получающего алименты на ребенка, представлять родителю, уплачивающему алименты, письменный отчет о расходовании алиментов [3, с. 78–81].

Считаем, что дополнение Семейного кодекса Российской Федерации вышеперечисленными положениями будет способствовать соблюдению в первую очередь прав детей, получающих алименты, а также, несомненно, и прав лиц, являющихся плательщиками алиментов.

Библиографический список

1. *Антокольская М. В.* Правовое регулирование алиментных отношений в зарубежных странах / М. В. Антокольская // Семейн. и жилищ. право. – 2018. – № 1. – С. 39–42.

2. Государственная семейная политика в Российской Федерации : сб. материалов. – М. : Изд. Гос. Думы, 2014. – 432 с.

3. *Максимович Л. Б.* Алименты на ребенка: проблема нецелевого расходования / Л. Б. Максимович // Актуал. проблемы рос. права. – 2017. – № 5(78). – С. 78–81.

References

1. *Antokol'skaya M. V.* Legal Regulation of Alimony Relations in Foreign Countries. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo*. 2018. No. 1. P. 39–42.

2. State Family Policy in the Russian Federation. M., Izdanie Gosudarstvennoj Dumy', 2014. 432 p.

3. *Maksimovich L. B.* Alimony per Child: the Problem of Misuse. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2017. No. 5(78). P. 78–81.

Библиографическое описание статьи

Кулакова А. А. Проблема нецелевого расходования выплат по алиментам на несовершеннолетнего ребенка / А. А. Кулакова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 71–73.

УДК 343.366

Курысев Константин Николаевич,
заместитель директора по учебной работе,
доцент кафедры государственного права
и управления таможенной деятельностью
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ,
доцент кафедры специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России
кандидат технических наук, доцент
E-mail: kkn124@bk.ru

Kury'sev Konstantin N.,
Deputy Director for Academic Affairs,
Assistant Professor of State Law and Management
of Customs Activities Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU,
Assistant Professor of Special Equipment
and Information Technologies Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Technology), Associate Professor

Дядькин Олег Николаевич,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krimvggu@mail.ru

Dyad'kin Oleg N.,
Head of Criminal Law Studies Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law), Associate Professor

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВКИ КОЛЮЧЕЙ ЛЕНТЫ НА ОГРАЖДЕНИЯ ЧАСТНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Some Legal Issues of Installing Barbed Tape Fencing on Private Land Properties

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты установки элементов ограждений частных земельных участков, которые могут представлять опасность для посторонних граждан. В частности, анализируются вопросы превышения пределов необходимой обороны при установке колючей ленты на ограждения и предлагаются правовые пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: ограждения земельных участков; колючая лента; превышение пределов необходимой обороны; причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Abstract. The article deals with the legal aspects of the installation of elements of fences of private land properties, which can be dangerous for outsiders. In particular, the issues of exceeding the limits of the necessary defense when installing barbed tape on the fence are considered and the ways of solving these problems are proposed.

Key words: fencing of land properties; barbed tape; exceeding the limits of the necessary defense; causing harm to health in excess of the limits of the necessary defense.

В последнее время в сети «Интернет» все чаще обсуждают вопросы, связанные с установкой систем безопасности, в частности, с установкой на ограждения земельных участков армированной колючей ленты, а точнее, с правомерностью установки таких ограждений. И эти вопросы неслучайны, поскольку существует опасность нанесения серьезных ранений как злоумышленникам, так и посторонним гражданам. Причем следует отметить, что разработчики таких систем (колючих лент) рекламируют их, указывая, что никаких ограничений по их установке нет. Так ли это?

Наибольшее число вопросов возникает при такой установке колючих лент на ограждения частных земельных участков, которые могут привести к серьезным травмам людей и животных. Это касается установки модификаций колючей проволоки типа армированной колючей ленты (далее: АКЛ) или армированной скрученной колючей ленты (далее: АСКЛ) и им подобных (далее: колючая лента).

Изображения колючей проволоки [4], АКЛ и АСКЛ [1] приведены на рис. 1–3.

Основное различие в действии колючей проволоки и колючей ленты заключается в том, что колючая проволока оставляет царапины на теле человека, а колючая лента наносит более серьезные резаные раны, имеет большее запутывающее действие, за счет чего сложнее преодолевается людьми без инструментов, давая охране (или владельцу) больше времени на реагирование. Кроме обычных царапин и испорченной одежды, данное заграждение способно даже убить человека в случае большой потери крови. Не последнюю роль также играет угрожающий вид таких ограждений.

© Курысев К. Н., Дядькин О. Н., 2019

Рис. 1. Колючая проволока

Рис. 2. АКЛ

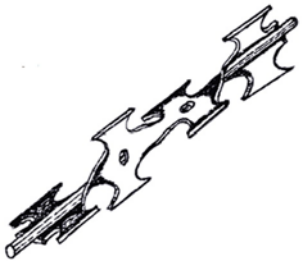


Рис. 3. АСКЛ

Рассмотрим существующее нормативное правовое регулирование использования таких ограждений в различных условиях, уделяя основное внимание частным земельным участкам.

Нормативно порядок и особенности установки ограждений вокруг частного дома, размещенного на землях, предназначенных для индивидуального жилищного строительства или личного подсобного хозяйства, досконально не регламентированы. В общем случае можно пользоваться положениями разд. 7 Свода правил 82.13330.2016 «Благоустройство территорий» (актуализированная редакция СНиП III-10-75). Однако здесь рассматриваются ограждения, реализованные только с применением колючей проволоки, в то время как ограждения, реализованные с использованием колючей ленты, могут нанести гораздо более опасные раны и требуют более конкретного правового регулирования.

Некоторая определенность при установке ограждений садоводческих (дачных) участков граждан присутствует в Своде правил 53.13330.2011 «Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения» (актуализированная редакция СНиП 30-02-97). Однако здесь рассматривается конкретный объект – дачные участки и представлен исчерпывающий перечень материалов, из которых могут быть изготовлены ограждения. Так, п. 6.2 указанного документа определяет, что индивидуальные садовые (дачные) участки, как правило, должны быть огорожены. Однако в качестве основного требования предъявляется условие минимального затенения территории соседних участков, поэтому рекомендуется устраивать сетчатые или решетчатые ограждения высотой 1,5 м. Только по решению общего собрания членов садоводческого (дачного) объединения допускается устройство глухих ограждений и только со стороны улиц и проездов.

Наиболее проработанным порядком установки ограждений отличаются особые объекты как военного, так и специального назначений.

Так, для военных объектов в прил. 5 к Уставу гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (к ст. 119, 128 и 301) «Ограждение объектов и оборудование постов» разъясняются требования к ограждению объектов окружного (флотского), центрального подчинения и других важных объектов (склады со взрывчатыми веществами, боеприпасами, горючим и т. п.). При этом указывается, что перед данными заграждениями устанавливаются запретные зоны шириной 100–400 м, с установкой хорошо видимых указателей с надписью на русском языке и языке того государства (субъекта Российской Федерации), на территории которого находится данный объект, например: «Запретная зона, проход (проезд) запрещен (закрыт)».

Для объектов уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) порядок организации ограждения объектов рассмотрен в приказе Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы». В частности, ч. 3 ст. 17 этого документа определяет, что в качестве основного ограждения на существующих объектах применяются заборы сплошного заполнения кирпичной, железобетонной, металлической, деревянной или смешанной конструкции, заборы из металлической сетки и решетки, колючей проволоки или АКЛ высотой не менее 3,0 м. Для объектов, расположенных в городских условиях, – не менее 4,0 м.

Однако и здесь ч. 15 ст. 17 обязывает обозначать границу прилегающей к объекту режимной территории, запретные зоны объекта, пятнадцатиметровой полосы местности, прилегающей к ограждению внутренней запретной зоны, и предупреждения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также посторонних лиц, устанавливаются предупредительные знаки с надписью «Запретная зона – проход запрещен». Высота установки знаков – 1,65 м от поверхности земли.

Таким образом, даже при применении колючей проволоки, а тем более колючей ленты, для ограждения объектов различного назначения,

в том числе и специальных, требуется как минимум установка предупредительных табличек, а как максимум наличие некоторой запретной территории, которая будет предшествовать применению колючей проволоки или ленты.

Естественно, при установке колючей ленты на ограждении частного дома вряд ли хозяин задумывается над проблемой установки предупреждающих табличек, а тем более над возможностью оборудования запретной зоны. Да и на чьей территории ее создавать?

Так, в сети «Интернет» выложено запоминающееся фото ограждения загородного дома (рис. 4), владелец которого задается вопросом о том, не будет ли у него проблем с таким ограждением [2].

Рис. 4. Ограждение частного дома

Из фотографии видно, что только проход рядом с таким ограждением несет угрозу здоровью, поскольку даже незначительное касание установленной таким образом колючей ленты может привести к вреду здоровья средней тяжести или даже тяжкому вреду здоровью.

Как ни странно, производители колючей ленты рекламируют сферу применения колючей ленты на «частных загородных участках» [5]. И владельцы индивидуальных домов, исходя из принципа «что не запрещено законом, то разрешено», устанавливают подобные заграждения, в том числе и рекомендуемыми производителями способами [5].

Производители рекомендуют использовать колючую ленту различными способами:

– козырек в виде спирали АКЛ на заборе или крыше здания;

– козырек из АКЛ на заборе и крыше здания;

– забор на несущих опорах в виде спирали АКЛ в один, два и три уровня;

– забор на несущих (железобетонных или металлических) опорах в виде натянутой через 10–15 см АКЛ;

– быстро разворачиваемое мобильное инженерное заграждение в один, два и три уровня (без несущих опор).

Вместе с тем данный вопрос требует своего разрешения применительно к садовым участкам и частным домам, хозяева которых обеспокоены охраной своих прав и законных интересов. На первый взгляд, свои действия они могут объяснить предупреждением общественно опасных посягательств на жизненно важные интересы.

Так, Конституция Российской Федерации, имеющая прямое действие на территории нашего государства, закрепляет такие права человека и гражданина, как право: на жизнь (ст. 20), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность жилища (ст. 25), частной собственности (ст. 35) и др. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) обеспечивает охрану перечисленных конституционных дозволений, устанавливая уголовную ответственность за их нарушение. Примером этого могут, в частности, служить положения глав УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Однако, по нашему мнению, решение такой проблемы с использованием колючей ленты и подобных средств, видится не бесспорным. Так, п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. К таковым, помимо капканов, различных ловушек, необходимо относить и колючую ленту, поскольку эффект их применения сопоставим.

Например, в Карачевском районном суде Брянской области рассматривалось дело по поводу сноса установленного забора из колючей проволоки. Суть дела заключалась в том, что ответчик имеет смежный с истцом земельный участок. И для размежевания с участком соседа ответчик установил между смежными земельными участками по всей длине границы столбы с натянутой в пять рядов колючей проволокой. Поскольку истец всегда пропалывает свой земельный участок от сорняков вместе с межой, то после установки колючей проволоки он теперь это сделать не может, так как колючая проволока

порвала его одежду, а также порезала руки до крови. Неопределенность требований к установке забора, определяющего границы земельного участка, а также отсутствие доказательств, что спорное ограждение, возведенное ответчиком, представляет какую-либо опасность для жизни, здоровья или имущества истца и членов его семьи, нашли отражение в судебном решении. В итоге иск в данном случае не был удовлетворен, о чем свидетельствует решение Карачевского районного суда № 2-422/2015 2-422/2015~М-292/2015 М-292/2015 от 12 августа 2015 г. по делу № 2-422/2015.

Для обоснования своей позиции первоначально рассмотрим основания для введения ограждений земельных участков различного назначения.

В соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц».

Вместе с тем ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрены обязанности собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, по использованию земельных участков, в том числе одной из обязанностей является «соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов».

Пункт 5.1 Свода правил 53.13330.2011 «Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения» по границе территории садоводческого, дачного объединения предусматривает ограждение, но при наличии реки, бровки оврага, как естественных границ, не обязывает устанавливать ограждение. При этом требования к самим ограждениям фактически отсутствуют. Так, п. 6.2 данного документа для садовых участков рекомендует устанавливать сетчатое ограждение. В то же время «по обоюдному письменному согласию владельцев соседних участков (согласованному правлением садоводческого, дачного объединения) возможно устройство ограждений других типов». Отсюда можно сделать вывод, что установление не сетчатых ограждений без обоюдного согласия при соблюдении установленной процедуры не допускается. В последнем случае, на наш взгляд, имеет место самоуправство как правонарушение, наказуемое в соответствии со ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Необходимо учесть, что рассмотренные случаи регламентируют особенности установки ограждений только для земельных участков садоводческого товарищества. Вопросы регламентации ограждений иных земельных участков граждан остаются не урегулированными.

Кроме того, рассматривая данную проблему, необходимо остановиться на вопросах безопасности ограждений. При этом в случае монтажа колючей ленты не исключаем возможности причинения вреда здоровью устанавливающему ее лицу различной степени тяжести, который оно может получить от прикосновения к колючей ленте. Каким образом можно квалифицировать подобное деяние? Высшая судебная инстанция допускает наличие состояния необходимой обороны и «при наличии реальной угрозы такого посягательства», о чем говорится в абз. 3 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, призывая при этом судей устанавливать наличие оснований, позволяющих определять реальную угрозу.

По нашему мнению, можно предположить две ситуации, в которых собственник предпринимает необходимые меры по охране (защите) собственности как объекта уголовно-правовой охраны. В первом случае собственник устанавливает колючую ленту в целях предупреждения преступного посягательства в будущем, во втором – после неоднократных проникновений на его территорию, чтобы избежать их в последующем. Можно ли говорить о реальной угрозе посягательства? На наш взгляд, да, но только относительно второго рассматриваемого нами случая. Однако наступление второго случая связано с необходимостью доказывания в суде факта неоднократности и наличия реального ущерба при этом.

Причинение вреда здоровью лицу при использовании колючей ленты, но в отсутствии общественно опасного посягательства должно влечь ответственность на общих основаниях. По нашему мнению, открытая колючая лента и меры по оповещению о ее наличии свидетельствуют о том, что лицо, ее установившее, принимает все необходимое, чтобы не наступили опасные последствия для здоровья посягающего. Вместе с тем оно могло и обязано было их предвидеть, что свидетельствует о неосторожной форме вины по отношению к последствиям.

Это отличает установку колючей ленты от применения ловушек или капканов. Последние устанавливаются скрыто, тайно, преследуется цель причинить вред лицу в целях отражения посягательства на объекты уголовно-правовой охраны. Уголовная ответственность за установление открытых средств защиты наступает за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти. Примером может служить следующее уголовное дело [6].

В целях предупреждения в будущем кражи рыбы из мереж Ш. сделал сигнализацию. Для этого к мосткам, с которых мережи ставились в реку, он из своего дома провел провода, подключив их к электросети напряжением 220 В, а в доме установил звонок. Об этом оповестил односельчан, предупредил родителей не подпускать детей к этому месту. Ток подключался только ночью.

В ночное время несовершеннолетний О. был убит электротоком при разъединении проводов от сигнализации в целях хищения рыбы. Ш. признан виновным в причинении смерти по неосторожности, так как, по мнению суда, он проявил преступную самонадеянность, поскольку знал об опасности для человека электрического напряжения 220 В.

Применительно к ситуации о монтаже колючей ленты на ограждении частного земельного участка следует учесть следующее обстоятельство: после неоднократных противоправных общественно опасных посягательств причиненный вред посягавшему лицу в виде смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности не будет влечь уголовно-правовой санкции. Пункт 11 постановления Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 исключает уголовную ответственность за причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

Для примера сопоставим санкции рассматриваемых преступлений. Причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ) и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), в качестве самой строгой санкции предусматривают наказание в виде лишения свободы не более двух лет. Наступления тяжких последствий здоровью в таких условиях имеют уже различные санкции. Так, ч. 1 ст. 114 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) в качестве самого строгого наказания предусматривает лишение свободы до одного года. Причинение такого вреда здоровью, но по неосторожности (ч. 1 ст. 118 УК РФ) не может повлечь лишение свободы. Самой строгой санкцией служит арест до шести месяцев, но в настоящее время он может назначаться только в отношении осужденных военнослужащих.

Санкции преступлений, повлекших смерть человека по неосторожности и при превышении пределов необходимой обороны, в качестве наиболее жесткого наказания предусматривает лишение свободы до двух лет. При этом убийство при превышении пределов необходимой обороны относится к привилегированным общественно опасным деяниям, а причинение смерти по неосторожности, несмотря на указание формы вины, – к обычным.

В то же время лицо, обороняющееся от общественно опасного посягательства, находится в стрессовом состоянии, а причинение в этом случае смерти посягающему зависит от многих факторов и обстоятельств (время, обстановка, число посягающих, физические данные посягающего и обороняющегося и др.), что может привести к превышению допустимых пределов обороны. Кроме того, лицо, находящееся в таком положении, совершает социально полезные действия по защите прав как своих, так и других лиц. Законодатель, закрепляя одинаково строгую санкцию для рассматриваемых нами преступлений, определил их схожую общественную опасность. Почему это положение нельзя распространить не только на случаи наступления смерти, но и причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности и при превышении пределов необходимой обороны?

Решение большинства проблем, рассмотренных в статье, видится следующим образом.

Во-первых, учитывая особую опасность колючей ленты, следует ограничить ее свободный оборот для физических лиц.

Во-вторых, надо разработать и принять новый Свод правил, раскрывающий требования к ограждениям земельных участков гражданского назначения. В нем следует закрепить предписания и запреты относительно критериев безопасности используемых ограждений земельных участков в отношении людей и животных. В частности, ввести запрет на установку колючей ленты на ограждения частных земельных участков способами, опасными для жизни и здоровья людей и животных, т. е. по внешней стороне ограждения на высоте не менее двух метров. Это необходимо для того, чтобы физические лица использовали для охраны своих прав не запрещенные виды и типы ограждений во избежание привлечения их к ответственности за превышение пределов мер необходимой обороны.

В-третьих, в предлагаемом Своде правил необходимо определить типовые варианты ограждений частных земельных участков, разрешенные к применению, в том числе с использованием колючей проволоки или колючей ленты, например, в виде козырька на ограждении.

Думается, что предлагаемый Свод правил позволит и собственникам правильно использовать технические средства при защите своих интересов, и судам принимать объективные решения при возникновении спорных вопросов оценки правовых последствий применения таких средств.

Библиографический список

1. АКЛ и АСКЛ. – Режим доступа: http://бастионпром.рф/produkciya/akl-i-askl.
2. Законность установки колючей проволоки. – Режим доступа: https://forums.drom.ru/law-other/t1152413220.html.
3. Инженерные защитные периметральные ограждения. Колючая проволока. – Режим доступа: https://www.egoza.biz/produktsiya/kolyuchaya_provoloka/.
4. Проволока колючая. – Режим доступа: http://www.metall18.ru/koluch.
5. Системы ограждений и колючая проволока. Описание и область применения колючей проволоки «Егоза». – Режим доступа: https://speckazan.pro/a135431-opisanie-oblast-primeneniya.html.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2018. – 841 с.

References

1. AKL and ASKL. URL: http://бастионпром.рф/produkciya/akl-i-askl.
2. The legality of installing barbed wire. URL: https://forums.drom.ru/law-other/t1152413220.html.
3. Engineering protective perimeter fencing. Barbed wire. URL: https://www.egoza.biz/produktsiya/kolyuchaya_provoloka/.
4. Barbed wire. URL: http://www.metall18.ru/koluch.
5. Fence systems and barbed wire. Description and scope of the barbed wire «Egoza». URL: https://speckazan.pro/a135431-opisanie-oblast-primeneniya.html.
6. Criminal Law of Russia. General and Special Parts. Ed. by A. I. Rarog. M., Prospekt, 2018. 841 p.

Библиографическое описание статьи

Курысев К. Н. Некоторые правовые вопросы установки колючей ленты на ограждения частных земельных участков / К. Н. Курысев, О. Н. Дядькин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 74–79.

УДК 342.9

Ледащев Сергей Валентинович,
доцент кафедры
административно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат юридических наук
E-mail: sergey-ledaschev@mail.ru

Дядькин Олег Николаевич,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krimvggu@mail.ru

Рузевич Олег Русланович,
заведующий кафедрой
административно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ruzevich_o@vlad.ranepa.ru

Ledashhev Sergej V.,
Assistant Professor of Administrative
and Law Studies Department
of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (Law)

Dyad'kin Oleg N.,
Head of Criminal Law Studies Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law), Associate Professor

Ruzevich Oleg R.,
Head of Administrative and Law Studies Department
of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (Law), Associate Professor

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Analysis of Separate Contradictions and Gaps in the Legislation of the Russian Federation on Administrative Offenses

Аннотация. В статье анализируются существующие несоответствия Общих положений и иных разделов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Авторами предлагаются решения по устранению имеющихся коллизий и пробелов, касающихся установления и реализации административной ответственности.
Ключевые слова: административное право; административное правонарушение; система; дисквалификация; юридическое лицо; должностное лицо.

Abstract. The article analyzes the existing inconsistencies of the General provisions and other sections of the code of administrative offences of the Russian Federation. The authors offer solutions to eliminate existing conflicts and gaps related to the establishment and implementation of administrative responsibility.
Key words: administrative law; administrative offense; system; disqualification; legal entity; an official.

Признаки административного права изучены достаточно хорошо, однако остаются дискуссионными вопросы, касающиеся определения предмета данной отрасли права. Среди ученых отсутствует однозначное мнение о том, что следует понимать под административным правом. В связи с этим рассмотрим различные точки зрения, существующие сегодня.

Во-первых, под административным правом обычно понимается отрасль российского права, регулирующая отношения в сфере публичного (государственного) управления [2, с. 3].

Во-вторых, данная отрасль права призвана регулировать общественные отношения в сфере деятельности исполнительной власти [1, с. 27] или отношения в связи с организацией и функционированием системы исполнительной власти на всех национально-государственных и территориальных уровнях Российской Федерации [4, с. 23].

Несколько расширяется предмет административного права согласно позиции, которая в его качестве определяет совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе организации и деятельности системы исполнительных органов [10, с. 12–13].

В-третьих, «административное право часто проявляет свою регулятивную роль и там, где действуют нормы иных отраслей права. Управленческими по своей сути могут быть и общественные отношения, входящие в предмет трудового, финансового, природоохранного, пред-

© Ледащев С. В., Дядькин О. Н., Рузевич О. Р., 2019

принимательского и даже гражданского права». В то же время управленческую деятельность можно обнаружить в сфере законодательства, правосудия и прокурорского надзора. Управленческая деятельность исполнительных органов местного самоуправления опосредуется также административным правом [3, с. 21].

В-четвертых, общественные отношения, регулируемые административным правом, «являются по сути охранительными, так как они возникают по поводу властно-принудительного обеспечения охраны и защиты частных и публичных прав и законных интересов, закрепленных в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов РФ» [2, с. 4].

В-пятых, к определению и описанию предмета административного права подходят с двух сторон: с одной стороны, включают в него все виды административно-правовых институтов (объектно-видовой подход), с другой – вычленяют и характеризуют основные родовые области общественных организационных отношений, являющихся предметом административно-правового регулирования (предметно-родовой подход) [7, с. 19].

При этом по предметно-родовой сущности выделяются четыре области общественных отношений, где действуют не похожие по своей видовой характеристике разновидности организационных отношений:

1) организационные управленческие отношения в сфере реализации исполнительной власти (государственного управления). Причем следует заметить, что под ними понимаются внешнеуправленческие отношения, к которым относятся административно-юрисдикционные полномочия;

2) внутриорганизационные отношения во всех звеньях системы публичного управления и сферах государственной деятельности;

3) общегосударственные контрольно-организационные отношения;

4) административно-юстиционные организационно-охранительные отношения [7, с. 20].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что административное право призвано регулировать группы общественных отношений, которые в первую очередь складываются по поводу практической реализации задач и функций исполнительной власти (публичного управления). В этом случае речь идет о внутриорганизационных и внешних отношениях, которые образуют систему «позитивных» отношений. Однако не следует забывать о том, что предмет административного права составляют многоаспектные отношения, выходящие за рамки названных социальных связей. К их числу следуют отнести отношения, которые в процессе реализации могут повлечь негативные последствия для граждан и юридических лиц.

Подобные последствия могут выражаться в виде значительных денежных взысканий, прекращений служебных или трудовых отношений, временной изоляции от общества или административного выдворения за пределы России и др. Коллизии и пробелы в отечественном законодательстве могут привести к нарушению прав и законных интересов соответствующих физических лиц и организаций, а также создать трудности в правоприменительной практике.

Средствами административного права обеспечивается реализация различных правоотношений, имеющих место не только в сфере исполнительной власти. В качестве такого средства выступает административная ответственность, которая, с одной стороны, является одним из видов юридической ответственности (его принято относить к публично-правовой и штрафной), с другой – служит мерой административного принуждения и по этой причине ей присущи признаки данного вида государственного принуждения. Поскольку административная ответственность относится к ретроспективной и является следствием совершения административно-правового деликта, то по этой причине она не может применяться в отсутствии административного правонарушения.

Можно констатировать, что многообразие источников административного права порождает проблему кодификации данной отрасли права. Это в немалой степени можно отнести и к законодательству об административных правонарушениях. Развивая данную проблему, необходимо затронуть и вопрос о соотношении разделов исследуемого нами федерального законодательства.

Обращение к обозначенным вопросам нам представляется своевременным, поскольку по итогам состоявшихся круглых столов по проблемам российского законодательства об административных правонарушениях в палатах Федерального Собрания Российской Федерации было принято решение о подготовке проектов кодексов, которые бы содержали отдельно материальные и процессуальные нормы об административной ответственности [5].

После этого рабочей группой в 2014 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект Административного кодекса Российской Федерации (Общая часть) [5]. По нашему убеждению, данное название не совсем соответствует содержанию документа, поскольку

ку представленный проект следует понимать в узком смысле, так как он включает в себя только нормы, касающиеся положений административных правонарушений и административной ответственности. Более логично, на наш взгляд, его название оставить прежним – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ).

В связи с этим мы разделяем позицию П. И. Кононова, который утверждает, что сложно разработать единый кодекс, включающий в себя все административно-правовые нормы, поскольку административное право регулирует очень широкий спектр отношений. Однако, по его мнению, есть «юридико-техническая возможность разработки и принятия базового федерального закона в виде основ административного законодательства Российской Федерации, где должны быть предусмотрены общие положения, основы административного права» [8, с. 64–70]. В этом ключе речь и должна идти об Административном кодексе Российской Федерации.

В настоящей статье мы проанализируем отдельные коллизии и пробелы, существующие в действующем российском законодательстве об административных правонарушениях и имеющие место при взаимодействии двух разделов КоАП РФ – Общих положений и Особенной части.

Можно сформулировать первоначальный тезис о том, что не всегда нормы Общих положений КоАП РФ изложены достаточно понятно, что приводит к проблемам их реализации в дальнейшем.

Так, нечеткое определение административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ) предоставляет возможность привлекать к административной ответственности лиц, которые не являются виновными в совершении административных правонарушений. В частности, это подтверждает и ч. 2 ст. 32.2 КоАП РФ, обязывающая родителей уплачивать штраф (иных законных представителей) в случае совершения административно-правового деликта их ребенком, не достигшим возраста 18 лет и не имеющим самостоятельного заработка. Мы предлагаем в гл. 2 КоАП РФ закрепить определение административной ответственности, обязательным признаком которой служило бы положение, которое запрещало бы «переносить» административную ответственность с виновного субъекта правонарушения на лицо, которое не совершало противоправного деяния. В продолжение этого тезиса видится незаконным правило, установленное ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ, позволяющее привлекать к административной ответственности не виновное юридическое лицо. Все это приводит к объективному вменению лица, что исключает установление вины как основного признака правонарушения.

Второй тезис касается системности Общих положений и других разделов КоАП РФ. Следует по этому поводу заметить, что «системность является важнейшим объективным свойством права, позволяющим поддерживать устойчивые связи между составляющими компонентами права, и добиваться от них взаимодействия максимального совокупного регулятивного эффекта» [9]. В этой связи заметим, что Общая часть любой отрасли права является базовой, основной, поскольку распространяется на все правовые институты соответствующей отрасли. В Общих положениях административного права рассматриваются основные институты административного права (их еще называют главными структурными элементами общего административного права [11, с. 86]).

Особенная часть в этом случае не должна противоречить Общим положениям, а строиться в точном соответствии с такими положениями. В КоАП РФ мы можем заметить наличие подобного несоответствия.

Например, законодатель в Общих положениях устанавливает особенности административной ответственности ряда субъектов правонарушения (специальные и особые субъекты). Среди таковых ст. 2.4 КоАП РФ закрепляет ответственность должностных лиц за совершение ими административных правонарушений. Не будем вдаваться в чересчур емкое, казуальное, по нашему мнению, определение должностного лица как субъекта административной ответственности. Обратим внимание на первое предложение примечания к ст. 2.4 КоАП РФ: «Под должностным лицом в настоящем Кодексе следует понимать…». Из этого следует, что и в разд. III, IV и V КоАП РФ к должностным лицам, которые осуществляют производство по делам об административных правонарушениях и исполняют постановления о назначении административных наказаний, относятся и арбитражные управляющие, и члены советов директоров (наблюдательных советов), и др. При анализе перечня должностных лиц, уполномоченных разрешать дела об административных правонарушениях и исполнять принятые по ним решения, мы заметим, что к их числу относятся только государственные служащие, а в отдельных случаях должностные лица органов местного самоуправления.

Другим доказательством отсутствия согласованности с базовыми положениями КоАП РФ могут служить ст. 5.63 (ч. 4), 6.29 (ч. 4). В их

санкциях в качестве альтернативы административному штрафу присутствует дисквалификация. Однако ее минимальный предел определяется тремя месяцами или до шести месяцев, что явно противоречит ч. 2 ст. 3.11 Общих положений КоАП РФ, которая устанавливает пределы дисквалификации от шести месяцев до трех лет. Указанные противоречия требуют разрешения при работе над проектом законодательства об административных правонарушениях.

По нашему мнению, обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, должны быть закреплены не в ст. 24.5, а в Общих положениях КоАП РФ. Для подтверждения этого можем указать гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), в которой закреплены обстоятельства, исключающие преступность деяния. По своему содержанию они напоминают условия, при которых исключается производство по делу о правонарушении, а начатое подлежит прекращению. В настоящее время ст. 24.5 включена в разд. IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях» и применяется как процессуальное основание для прекращения данного административно-юрисдикционного производства. Мы считаем, что такие обстоятельства должны содержаться в разд. I КоАП РФ, а порядок их реализации должен определяться административно-процессуальными нормами. Аналогичные процедуры, применимые к реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, закреплены гл. 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования».

В этой связи мы предлагаем в Общих положениях КоАП РФ предусмотреть самостоятельную главу, которая объединила бы в себе все случаи освобождения от административной ответственности, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях. Административно-деликтные нормы позволяют освобождать от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, при наличии крайней необходимости и иных случаев, прямо предусмотренных Особенной частью и иными разделами КоАП РФ. К их перечню следовало бы причислить обстоятельства, исключающие административную ответственность. Такое название заменило бы существующее «Обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении», а наличие этих обстоятельств обязывало бы правоприменителей освобождать лицо от административной ответственности. В. Р. Кисин, высказываясь по данной проблеме, такие обстоятельства именует как «обстоятельства, исключающие административную деликтность деяния» [6, с. 22–26]. В данном контексте воспроизводится название из уголовного закона, в котором преступность деяния заменена словосочетанием «административная деликтность деяния».

Кроме того, мы полагаем, что не до конца использован потенциал обязательных работ как средства предупреждения административных правонарушений и как механизма исполнения постановлений судей, органов и должностных лиц о назначении административных штрафов. Такое новшество значительно повысило бы исполняемость денежного взыскания.

Обратимся к статистическим данным Федеральной службы судебных приставов за последние два года по взысканиям штрафов, наложенных за административные правонарушения судами. Они показывают, что общее количество исполнительных производств, находящихся на исполнении в отчетном периоде, составило: в 2017 г. – 3 365 785 исполнительных производств, сумма штрафа – 97 156 776 руб.; в 2018 г. – 3 396 807 исполнительных производств, сумма штрафа – 98 605 228 руб. При этом остаток исполнительных производств на конец отчетного периода равнялся: в 2017 г. 1 023 706 на сумму 16 605 053 руб., в 2018 г. 1 603 955 на сумму 25 849 046 руб. Следует также обратить внимание на показатели оконченных и прекращенных исполнительных производств в указанные годы. В 2017 г. такие показатели составили: 2 244 807 исполнительных производств и сумма штрафа – 64 847 793 руб., в 2018 г. количество снизилось до 1 734 134, но сумма увеличилась до 68 346 967 руб. [12].

Кроме того, более 40 % исполнительных производств оканчивались или прекращались на основании п. 3–6 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». К таковым относятся случаи невозможности установления местонахождения должника, его имущества либо получения сведений о наличии принадлежащих ему денежных средств; отсутствия у него имущества, на которое может быть обращено взыскание, и др. Из этого можно сделать вывод о том, что доля штрафов в структуре налагаемых административных наказаний на правонарушителей остается на самом высоком уровне, однако исполняемость решений по ним оставляет желать лучшего.

Мы предлагаем в этой связи заимствовать нормы уголовного законодательства в части замены одних наказаний, если они не исполняются другими. В большинстве случаев такое поло-

жение следовало бы адресовать именно административному штрафу. И выход из такой ситуации видится в следующем.

Обязательные работы представляют собой общественно полезные работы, не требующие высокой квалификации, и они выполняются правонарушителем бесплатно в свободное от учебы, работы и службы время. При этом нетрудно установить стоимость часа таких работ. Далее количество часов обязательных работ определяется пропорционально сумме назначенного штрафа.

Например, правоприменителем определен штраф в размере 5 тыс. руб., но в добровольном и принудительном порядке взыскать его не представляется возможным. Тогда судья (орган, должностное лицо), назначившее денежное взыскание, заменяет его на обязательные работы. Предположим, что один час работы по благоустройству территории оценивается в 100 руб., тогда правонарушителю взамен штрафа назначаются обязательные работы на срок 50 ч. Такое правило можно применить и в отношении лиц, совершивших административное правонарушение и изначально не имеющих заработка или иного дохода (например, к такой категории можем отнести несовершеннолетних правонарушителей, которые до 18 лет в большинстве случаев проходят обучение, редко осуществляемое за счет государства или муниципального образования).

Завершая статью, мы пришли к следующим выводам.

1. Необходимо легально закрепить определение административной ответственности, в котором обязательно предусмотреть запрет о ее «передаваемости» от виновного другим лицам.

2. При разработке законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях надо вернуться к его прежнему названию – КоАП РФ, иначе другое название (Административный кодекс Российской Федерации) не будет отвечать его сущности. Кроме того, при построении конкретных составов административных правонарушений следует предельно внимательно придерживаться Общих положений КоАП РФ, поскольку такие нормы имеют первостепенное значение.

3. По нашему мнению, назрела необходимость предусмотреть в законодательстве об административных правонарушениях нормы, позволяющие в случаях неисполнения постановлений о назначении административных наказаний заменять их другими наказаниями. Ярким тому примером может служить административное наказание в виде обязательных работ, которое уже сейчас реально можно использовать в случае уклонения правонарушителя от исполнения решения правоприменителя об административном штрафе.

Библиографический список

1. *Агапов А. Б.* Административное право : учебник / А. Б. Агапов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Дашков и К°, 2005. – 984 с.

2. Административное право : учебник. – М. : Проспект, 2016. – 320 с.

3. Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. – М. : Юристъ, 2001. – 728 с.

4. *Алехин А. П.* Административное право Российской Федерации : учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий, Ю. М. Козлов. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1997. – 672 с.

5. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/9011/.

6. *Кисин В. Р.* Состояние и перспективы правового регулирования обстоятельств, исключающих административную деликтность деяния / В. Р. Кисин // Адм. право и процесс. – 2018. – № 10. – С. 22–26.

7. *Конин Н. М.* Административное право России : учебник / Н. М. Конин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2010. – 448 с.

References

1. *Agapov A. B.* Administrative Law. 4th ed., rev. and enl. M., Dashkov i Ko., 2005. 984 p.

2. Administrative Law. M., Prospekt, 2016. 320 p.

3. Administrative Law. Ed. by Yu. M. Kozlov, L. L. Popov. M., Yurist", 2001. 728 p.

4. *Alekhin A. P., Karmoliczkij A. A., Kozlov Yu. M.* Administrative Law of the Russian Federation. M., Zerczalo, 1997. 672 p.

5. The State Duma Federal Meeting of the Russian Federation. Website. URL: http://duma.gov.ru/news/9011/.

6. *Kisin V. R.* The State and Prospects of Legal Regulation of Circumstances Precluding Administrative Tort of an Act. *Administrativnoe Pravo i Process*. 2018. No. 10. P. 22–26.

7. *Konin N. M.* Administrative Law of Russia. 2nd ed., rev. and enl. M., Prospekt, 2010. 448 p.

8. *Kononov P. I.* On Modern Approaches to the Understanding of Administrative Law: the Right of Public Administration or the Right of Public Welfare. *Administrativnoe Pravo i Process*. 2017. No. 3. P. 64–70.

9. *Kulapov V. L., Mal'ko A. V.* Theory of State and Law. M., Norma, INFRA-M, 2011. 384 p.

8. *Кононов П. И.* О современных подходах к пониманию административного права: право публичного управления или право публичного благополучия / П. И. Кононов // Адм. право и процесс. – 2017. – № 3. – С. 64–70.

9. *Кулапов В. Л.* Теория государства и права : учебник / В. Л. Кулапов, А. В. Малько. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 384 с.

10. *Россинский Б. В.* Административное право. Практикум : учеб.-метод. пособие / Б. В. Россинский, Н. Г. Гончарова ; под ред. Б. В. Россинского. – М. : Эксмо, 2006. – 576 с.

11. *Россинский Б. В.* Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 928 с.

12. Федеральная служба судебных приставов : [сайт]. – Режим доступа: http://fssprus.ru/statistics/.

10. *Rossinskij B. V., Goncharova N. G.* Administrative Law. Ed. by B. V. Rossinskij. M., E'ksmo, 2006. 576 p.

11. *Rossinskij B. V., Starilov Yu. N.* Administrative Law. 4th ed., rev. and enl. M., Norma, Infra-M, 2010. 928 p.

12. Federal Bailiff Service. Website. URL: http://fssprus.ru/statistics/.

Библиографическое описание статьи

Ледащев С. В. Анализ отдельных противоречий и пробелов в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях / С. В. Ледащев, О. Н. Дядькин, О. Р. Рузевич // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 80–85.

УДК 343.9

Михайлов Алексей Евгеньевич,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: urgantfk@mail.ru

Mikhajlov Aleskej E.,
Assistant Professor of Legal Support State and Municipal Management Department of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (Law), Associate Professor

ПРАВОВАЯ ОСНОВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

The Legal Basis for Crime Prevention

Аннотация. Автор анализирует правовые основы наименее изученного комплекса криминалистических знаний, связанных с профилактикой преступлений, и делает вывод о существовании у него развитой правовой основы. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на природу и значение криминалистики, а также ее место в системе юридических наук.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика; правовые основы криминалистики; методология криминалистики; противодействие преступности.

Abstract. The author analyzes the legal basis of the least studied complex of forensic knowledge related to crime prevention and came to the conclusion that it has a developed legal framework. The results allow us to take a fresh look at the nature and importance of criminology, as well as its place in the system of legal sciences.

Key words: crime prevention; legal foundations of criminalistics; methodology of criminalistics; criminality counteraction.

Эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений во многом зависит от ее научно-правовых основ. Пробелы и упущения в данной сфере нередко ведут к развитию отрицательных криминалистических практик, выражающихся в несоответствии деятельности по раскрытию и расследованию преступлений целям правоохранительной деятельности. При этом нередко игнорируются основополагающие принципы права, применяются методы, не имеющие научной обоснованности, развиваются формализм, поверхностный подход и не полностью реализуется функциональный потенциал.

В 2015 г. Президент России В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России, отметив проблему низкой раскрываемости преступлений, поставил задачу по формированию качественно нового уровня работы правоохранительных органов, который должен сочетать профилактику преступности, выявление преступлений на ранних стадиях и повышение качества расследования уголовных дел [6]. Подобный комплексный подход предполагает объединение различных направлений противодействия преступности в рамках единых управляемых процессов, например, объединение мер борьбы с преступностью, ее профилактики и минимизации, а также ликвидации ее последствий в рамках раскрытия и расследования преступлений.

Аналогичной позиции придерживаются и ведущие отечественные криминалисты, которые указывают на наличие у криминалистики невостребованного потенциала, позволяющего существенно повысить качество противодействия преступности. Например, Н. П. Яблоков отмечает, что огромный потенциал имеет криминалистическая профилактика преступлений, значимость которой часто игнорируется как практическими работниками, так и учеными [8, с. 24]. Последствия этого мы можем наблюдать в количественных показателях, отражающих эффективность деятельности органов предварительного расследования и дознания.

Так, в 2018 г. уровень раскрываемости преступлений в России составил 54,6 % [7, с. 4]. При этом динамика данного показателя нестабильна. В длительной ретроспективе она обнаруживает незначительный рост, который скорее свидетельствует о стагнации процессов повышения качества раскрытия и расследования преступлений, поскольку не соответствует превосходящим в несколько раз темпам снижения общего состояния преступности, высвобождающим силы и средства, необходимые для борьбы с преступностью. Вышеизложенное актуализирует необходимость и практическую значимость развития научно-правовых основ криминалистической профилактики, позволяющей повысить качество борьбы с преступностью.

Следует отметить, что в науке пока нет единства взглядов на предмет криминалистической

© Михайлов А. Е., 2019

профилактики [2, с. 47–48]. Это связано с множеством правовых, организационно-управленческих, психологических и методологических проблем, препятствующих развитию данной системы знаний [4; 5]. Не вступая в полемику по данному вопросу, отметим, что, по нашему мнению, в самом общем виде под криминалистической профилактикой следует понимать совокупность мер, применяемых в целях раскрытия и расследования преступлений и направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Одной из важнейших проблем, препятствующих развитию криминалистической профилактики, являются слабая разработанность и исследованность ее правовых основ. Во многом это связано с тем, что вопросы правового регулирования криминалистики как таковой недостаточно изучены. Это нередко приводит к претензиям относительно юридической природы криминалистики и ее самостоятельности.

Наибольшее распространение в настоящее время приобрела идея о том, что по правовой природе криминалистику следует оценивать как специальную юридическую науку, имеющую прикладное значения для уголовно-процессуального права [3, с. 92].

Например, Л. В. Бертовский и В. А. Образцов, определяя предмет современной криминалистики, считают, что он представлен системой знаний о приемах, методах и способах процессуальной деятельности лиц, осуществляющих предварительное расследование и судебное следствие [1, с. 233]. Не оспаривая генетическую связь криминалистики с уголовно-процессуальным правом и значимость влияния последнего на криминалистические приемы и способы раскрытия и расследования преступлений, отметим, что, на наш взгляд, в своих правовых основах криминалистика опирается и на нормативные правовые акты других отраслей права. В первую очередь это касается административного права, что связано с включением в систему криминалистических знаний элементов управления деятельностью органов исполнительной власти и приравненных к ним субъектов по раскрытию и расследованию преступления. Эти элементы, в частности, прослеживаются в учениях о криминалистической ситуации, о планировании раскрытия и расследования преступлений, о тактических операциях и комбинациях и т. п. Многие из этих элементов находят свое отражение в нормативных правовых актах самого разного уровня. Наиболее полно они представлены на уровне ведомственного и подведомственного правового регулирования.

Например, в п. 1.29 приказа СК России от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» имеются дефиниции, определяющие особенности планирования раскрытия и расследования преступления, а также постановки следственных версий. В п. 272 приказа МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» устанавливаются организационные основы взаимодействия сотрудников ГИБДД и сотрудников следственно-оперативной группы при выезде на место дорожно-транспортного преступления. Таким образом, правовая основа криминалистики довольно обширна, однако не систематизирована, что, по нашему мнению, актуализирует необходимость исследования вопроса о разработке и принятии Федерального закона «О борьбе с правонарушениями». Данный Федеральный закон логично дополнит действующий Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и позволит создать стройную организационно-правовую основу противодействия правонарушениям в России.

Несмотря на разрозненное и фрагментированное правовое регулирование криминалистической деятельности, правовую основу криминалистической профилактики определить все-таки можно. Анализ действующего законодательства Российской Федерации в сфере правоохранительной деятельности позволил нам представить его систему в сфере криминалистической профилактики в виде конструкции, имеющей горизонтальное и вертикальное строение.

Основу системы правового регулирования криминалистической профилактики формирует Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и УПК РФ.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики в Российской Федерации» субъектами профилактики являются следственные органы СК России и федеральные органы исполнительной власти, к которым относятся, в частности, МВД России, ФСБ России, ФССП России, включающие в свою структуру подразделения и органы предварительного расследования. То есть лица, осуществляющие рас-

крытие и расследование преступлений, определены как субъекты профилактики.

Помимо этого, анализируемый Федеральный закон определяет условия осуществления профилактики различными группами методов, устанавливая таким образом саму возможность осуществления криминалистической профилактики. В частности, в ч. 3 ст. 6 данного Федерального закона указано, что реализация различных направлений профилактики осуществляется посредством специальных мер административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера, что однозначно позволяет выделить соответствующие разновидности специальной отраслевой профилактики преступлений.

То обстоятельство, что в Федеральном законе не упоминаются криминалистические меры, по нашему мнению, ни в коем случае не свидетельствует об отрицании данных мер законодателем. В аспекте правового регулирования эти меры реализуются через применение уголовно-процессуальных норм и норм административного права.

Анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» позволяет нам выделить следующие меры, которые могут быть востребованы при криминалистической профилактике:

1) выявление, исследование и прогнозирование криминогенных факторов;

2) выявление лиц, склонных к совершению правонарушений;

3) выявление лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми;

4) выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений;

5) использование общей и индивидуальной профилактики правонарушений;

6) использование форм профилактического воздействия, а именно: правового просвещения и правового информирования; профилактической беседы; внесения представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;

7) иные меры, предусмотренные действующим законодательством.

Следует отметить, что данные меры профилактики и формы профилактического воздействия носят универсальный характер и могут реализовываться не только в рамках криминалистической профилактики. Именно поэтому рассматриваемый Федеральный закон закладывают общую основу криминалистической профилактики преступлений.

УПК РФ также непосредственно не предусматривает меры криминалистической профилактики, но формирует предпосылки ее реализации. В частности, ряд норм УПК РФ носят ярко выраженный профилактический характер. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ указано, что такая мера пресечения, как залог применяется в целях предупреждения совершения подозреваемым или обвиняемым новых преступлений. В ч. 2 ст. 73 УПК РФ установлена обязанность выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений, а ч. 2 ст. 158 УПК РФ устанавливает такую форму профилактического воздействие, как представление по устранению данных причин и условий. Формально данные меры и формы профилактического характера носят уголовно-процессуальный характер, но в контексте криминалистического обеспечения уголовного процесса они приобретают криминалистический характер. Так, сведения о причинах и условиях совершения преступления традиционно включены в систему частной криминалистической методики, соответственно, организация работы следователя по их исследованию представляет собой меры криминалистической профилактики.

В целом разница криминалистической профилактики с уголовно-процессуальной, на наш взгляд, проявляется в том, что последняя осуществляется только посредством мер, закрепленных в действующем УПК РФ, носит процедурный характер, и ее результаты находят отражение в процессуальных документах.

Помимо данной группы федеральных законов, непосредственно формирующих предпосылки криминалистической профилактики, мы можем выделить еще две группы, опосредованно регулирующие возможность осуществления криминалистической профилактики. Так, важное значение в этом аспекте имеют федеральные законы, формирующие организационно-правовые основы деятельности указанных органов, поскольку они устанавливают для них задачи, функции и направления деятельности, в том числе и профилактической.

Например, согласно п. 4 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудников полиции (к которым относятся сотрудники органов дознания и экспертно-криминалистических подразделений) возлагаются задачи по выявлению и устранению причин и условий преступлений; выявлению лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы; участию в профилактике безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних; участию в пропаганде правовых знаний. В п. 4 ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» также отражено, что задачами СК РФ являются выявление и устранение в пределах своих полномочий обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Обращает на себя внимание тот факт, что данные федеральные законы определяют наличие у сотрудников органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, профилактической функции как таковой, без обозначения ее отраслевого или дисциплинарного характера. В связи с этим данные нормы носят ориентирующий, регулятивный характер и закладывают общую основу профилактики преступлений, в том числе и криминалистической.

Аналогичное значение в системе правового регулирования криминалистической профилактики занимают федеральные законы, формирующие системы противодействия различного рода правонарушениям: от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и т. п. Например, в ст. 5 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» указано, что в целях противодействия экстремизму федеральные органы исполнительной власти в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности. Данная формулировка обязывает лиц, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, реализовывать профилактические меры, в том числе и криминалистического характера.

Следующий уровень правового регулирования криминалистической профилактики связан с нормотворчеством Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Данный уровень не позволяет конкретизировать меры и формы криминалистической профилактики, однако способствует конкретизации общих мер профилактики и форм профилактического воздействия, которые при предметном определении могут использоваться в рамках криминалистической профилактики.

Например, в п. 15 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г., указано, что профилактика терроризма связана с прогнозированием, выявлением и устранением террористических угроз и может быть реализована в ходе допросов подозреваемых, обвиняемых и свидетелей. Необходимость исследования данных обстоятельств не входит в непосредственный предмет доказывания, поэтому данные меры, с учетом применяемых при их реализации криминалистических приемов изобличения во лжи и склонения к даче правдивых и полных показаний, носят криминалистический характер.

В Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р, к мерам ранней профилактики отнесены, в частности, меры по раннему выявлению девиантного поведения несовершеннолетних, которые в рамках раскрытия и расследования преступлений реализуются через допрос несовершеннолетнего, его законных представителей и иных лиц, а также сбора характеризующего материала и назначения комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы.

Так или иначе положения, формирующие предпосылки криминалистической профилактики преступлений на уровне нормотворчества Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, представлены нормативными правовыми актами, регулирующими и конкретизирующими отдельные направления государственной политики по противодействию преступности, а именно: Стратегией национальной безопасности России, Стратегией государственной антинаркотической политики, Стратегией противодействия экстремизму, Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и т. п.

Последний уровень правового регулирования криминалистической профилактики представлен ведомственными и подведомственными нормативными правовыми актами. Причем данные акты могут быть распределены по нескольким группам.

В частности, мы выделяем группу нормативных правовых актов, определяющих организационно-правовую основу деятельности отдельных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений. Например, в приказе МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» основной задачей следственных подразделений названо соблюдение действующего уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего в том числе и меры профилактического характера. В приказе СК РФ

от 18 апреля 2012 г. № 20 «О дополнительных мерах по организации расследования преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов» отражено, что на соответствующие следственные подразделения возложена обязанность по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и принятию мер по их устранению. В целом данная группа нормативных правовых актов непосредственно не регулирует криминалистическую профилактику, но формирует ее предпосылки, устанавливая для лиц, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, обязанность по профилактике преступности.

Следующая группа нормативных правовых актов ведомственного и подведомственного характера регулирует деятельность по раскрытию и расследованию преступлений или ее отдельные направления. При этом в данных нормативных правовых актах содержатся дефиниции, посвященные криминалистической профилактике как опосредованно, так и непосредственно.

Например, в приказе СК РФ «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» установлены административно-правовые начала данной деятельности. При этом среди содержащихся там положений имеются отдельные дефиниции, которые опосредованно относятся к криминалистической профилактике. Например, в п. 1.20 определены полномочия руководителя следственного органа в части организации применения мер безопасности, а в п. 1.21 – в части организации направления представлений по устранению причин и условий преступлений. При осуществлении данной деятельности могут применяться методы как уголовно-процессуальной, так и криминалистической профилактики.

В приказе СК РФ от 30 сентября 2011 г. № 142 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств» содержатся криминалистические рекомендации по изъятию и упаковке вещественных доказательств, которые, как следует из положений приказа, позволят избежать фальсификаций доказательств. В данном случае речь идет непосредственно о специальных мерах криминалистической профилактики. Обращает на себя внимание тот факт, что данные меры интегрированы с приемами, направленными на раскрытие и расследование преступлений, что соответствует характеру нормативных правовых актов, их устанавливающих.

Последняя группа нормативных правовых актов, регулирующих криминалистическую профилактику, представлена ведомственными и подведомственными приказами и распоряжениями, предметом которых является профилактическая деятельность должностных лиц органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений. Следует отметить, что данная группа достаточно узко представлена, а образующие ее нормативные правовые акты регулируют самые разные направления профилактики, в том числе и криминалистические.

Например, в Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, определены должностные инструкции по профилактике преступлений, относящиеся к разным субъектам, вовлеченным в процесс раскрытия и расследования преступлений (дознавателей, следователей, экспертов и т. п.). Так, в п. 18.4 указано, что следователь в целях профилактики при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних выявляет лиц, вовлекающих их в совершение противоправных деяний, и принимает меры к привлечению таких лиц к уголовной ответственности. Обращает на себя внимание сочетание методов борьбы с преступлениями в отношении несовершеннолетних и криминалистической профилактики.

В Методических рекомендациях по организации в Федеральной службе судебных приставов работы по предупреждению преступлений, содержащихся в письме ФССП России от 7 сентября 2016 г. № 00043/16/83207-ВВ, четко разграничены уголовно-процессуальные меры профилактики (к которым относится вынесение представления по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений) и иные непроцессуальные формы профилактического воздействия, среди которых можно выделить и криминалистические, например, размещение в информационной сети «Интернет» и распространение в средствах массовой информации (далее: СМИ) материалов по вопросам предупреждения преступлений. В данном случае речь идет об опубликовании в СМИ обращений к гражданам о розыске лиц, совершивших преступления, что, помимо профилактической функции, имеет важное значение для предупреждения противоправной деятельности указанных лиц.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что нормативных и нормативных правовых актов, регулирующих непосредственно криминалистическую профилактику, нет. Не вдаваясь в полемику о необходимости введения подобных актов, тем не менее считаем, что в любом случае требуется более детальное исследование

предмета криминалистической профилактики, ее целей, задач, функций, направлений и форм, что позволит сформировать целостное представление о ее организационных основах. На основании этих данных можно рассмотреть вопрос о совершенствовании правового регулирования криминалистической профилактики. Однако уже на данном этапе следует признать, что криминалистическая профилактика является самостоятельным видом специально-криминологической профилактики, имеет правовые основы и специфический потенциал, позволяющие комплексно реализовывать как предупредительную, так и охранительную функции.

Библиографический список

1. *Бертовский Л. В.* Понятие, объект и предмет криминалистики / Л. В. Бертовский, В. А. Образцов // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 4. – С. 228–233.

2. *Брусенцева В. А.* Роль и место криминалистической профилактики в структуре криминалистической науки / В. А. Брусенцева // Тавр. науч. обозреватель. – 2015. – № 2. – С. 46–51.

3. *Величкин С. А.* Научные основы криминалистики / С. А. Величкин // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 14, Право. – 2014. – Вып. 2. – С. 90–103.

4. *Михайлов А. Е.* Криминалистическое противодействие преступности: постановка проблемы / А. Е. Михайлов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2018. – № 2(47). – С. 104–107.

5. *Михайлов А. Е.* Проблемы восприятия лицом, осуществляющим предварительное расследование функций по профилактике преступлений / А. Е. Михайлов, Т. А. Ткачук, Т. П. Бутенко // Вестн. Амур. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – № 70. – С. 67–72.

6. Расширенное заседание коллегии МВД России : обзор. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/20624.

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года. – М. : Генер. прокуратура Рос. Федерации, 2018. – 52 с.

8. *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени / Н. П. Яблоков // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы / ред.-сост. М. А. Лушечкина. – М. : МАКС Пресс, 2015. – С. 20–25.

References

1. *Bertovskij L. V., Obrazczov V. A.* Concept, Object and Subject of Criminalistics. *Probely' v Rossijskom Zakonodatel'stve*. 2016. No. 4. P. 228–233.

2. *Brusenceva V. A.* The Role and Place of Forensic Prevention in the Structure of Forensic Science. *Tavricheskij Nauchny'j Obozrevatel'*. 2015. No. 2. P. 46–51.

3. *Velichkin S. A.* Scientific Bases of Forensic Science. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 14. Pravo*. 2014. Iss. 2. P. 90–103.

4. *Mikhajlov A. E.* Criminalistic Counteraction of Crime: Problem Statement. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2018. No. 2(47). P. 104–107.

5. *Mikhajlov A. E., Tkachuk T. A., Butenko T. P.* Problems of Perception by the Person Carrying out the Preliminary Investigation of the Functions of Crime Prevention. *Vestnik Amurskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Gumanitarny'e Nauki»*. 2015. No. 70. P. 67–72.

6. Enlarged meeting of the board of the MIA of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/20624.

7. The State of Crime in Russia in January – December 2017. M., General'naya Prokuratura Rossijskoj Federacii, 2018. 52 p.

8. *Yablokov N. P.* Some Problems of Domestic Criminalistics in the Light of Today's. *Modern Criminalistics: Problems, Trends, Prospects*. Ed.-compl. M. A. Lushechkina. M., MAKS Press, 2015. P. 20–25.

Библиографическое описание статьи

Михайлов А. Е. Правовая основа криминалистической профилактики / А. Е. Михайлов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 86–91.

УДК 343.13

Николаева Марина Игоревна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: 9040315660@mail.ru

Nikolaeva Marina I.,
Assistant Professor
of Criminal Law Studies Department
of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (Law), Associate Professor

Ryabchikov Vadim V.,
Assistant Professor
of Public Law Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Problems of Application of Preventive Measures in the Russian Criminal Proceedings

Аннотация. В статье дан краткий анализ формирования системы мер пресечения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, рассмотрены направления реформирования института мер пресечения в действующем УПК РФ. Выявлены проблемные и дискуссионные аспекты применения отдельных мер пресечения, содержащиеся в нормах УПК РФ и предложены пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс; меры пресечения; заключение под стражу; альтернативные заключению под стражу меры пресечения.

Abstract. The article gives a brief analysis of the formation of preventive measures system in the domestic criminal procedure legislation, the directions of reforming of the Institute of preventive measures in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation are examined. The problematic and controversial aspects of the application of certain preventive measures contained in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are identified and ways to solve them are proposed.

Key words: criminal proceedings; preventive measures; detention; alternative to detention preventive measures.

Институт мер пресечения известен отечественному уголовно-процессуальному законодательству давно. Еще Устав уголовного судопроизводства (далее: УУС) 1864 г. предусматривал в качестве мер пресечения: подписку о явке к следствию и неотлучке с места жительства; отобрание вида на жительство; отдачу под особый надзор полиции; отдачу на поруки (имущественное поручительство); взятие залога; домашний арест; взятие под стражу [2, с. 35]. В дальнейшем система мер пресечения видоизменялась незначительно и это было обусловлено, на взгляд авторов, в большей степени политической ситуацией в государстве, сложностями революционного периода, нежели правовыми детерминантами. В частности, Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. были отменены отобрание вида на жительство и отдача под особый надзор полиции. Действительно, полиция была заменена народной милицией, что повлекло и отмену соответствующей меры пресечения. В то же время часть ранее установленных мер пресечения сохранилась, наряду с этим появилась и новая для российского уголовного процесса мера пресечения – общественное поручительство, что также, по мнению авторов, вызвано причинами политического характера и повышением значения влияния общественности в государственном управлении и правоохранительной деятельности. В п. 78 Положения о военных следователях от 30 сентября 1919 г. был сформулирован перечень мер пресечения, включавший в себя письменное обязательство о явке к следователю и неотлучке с места службы, отдача на поруки, представление залога, отдача под ближайший надзор начальства, арест [6, с. 2312].

Принятый в 1923 г. УПК РСФСР несколько расширил систему мер пресечения и в целом сохранил основания и условия их применения. Предусматривались, в частности, подписка о невыезде, личное поручительство, имущественное поручительство, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 144). К красноармейцам воинских частей и военным морякам в качестве меры пресечения применялось ближайшее наблюдение за ними в тех частях, в которых они состояли на службе (примечание к ст. 144 УПК РСФСР 1923 г.). Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. перечень мер пресечения дополнен поручительством профсоюзных и иных рабочих, крестьянских и общественных организаций [2, с. 35, 36]. УПК РСФСР 1960 г. предусматривал перечень мер пресечения, включающий: подписку о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации, залог, заключение под стражу, наблюдение ко-

© Николаева М. И., Рябчиков В. В., 2019

мандования воинской части, а в отношении несовершеннолетних, кроме того, отдачу под присмотр (ст. 89, 324 УПК РСФСР). Таким образом, УПК РСФСР 1960 г. не воспринял нормы о домашнем аресте и на несколько десятков лет эта мера пресечения не реализовывалась в отечественном уголовном судопроизводстве. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве (редакция 2001 г.) система мер пресечения состояла из подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, присмотра за несовершеннолетним обвиняемым, залога, домашнего ареста, заключения под стражу. Законодатель снова вернул в систему мер пресечения домашний арест, который был предусмотрен и УУС 1864 г. и впоследствии УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. В УПК РСФСР 1960 г. эта мера пресечения не предусматривалась, а в действующем УПК РФ домашний арест вновь отнесен к мерам пресечения.

Анализ изменений законодательства свидетельствует об относительной устойчивости норм, регламентирующих систему мер пресечения, которая дополнилась новой мерой пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) – только в 2018 г. В то же время сам институт мер пресечения неоднократно подвергался реформированию. Так, с 2001 г. периодически вносились «изменения в процессуальную регламентацию порядка избрания некоторых мер пресечения, что в особенности касается залога, домашнего ареста и заключения под стражу» [1, с. 195].

Тенденции в реформировании института мер пресечения за период действия УПК РФ коснулись главным образом порядка избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Так, Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» повышен с 2 до 3 лет лишения свободы порог, с которым законодатель связывает право избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, определяемый санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Кроме того, Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрен перечень статей Особенной части УК РФ, по которым запрещено применять заключение под стражу в качестве меры пресечения, за исключением случаев, когда подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Изначально запрет касался преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, т. е. преступлений в сфере налогообложения, однако уже менее чем через четыре месяца Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» этот перечень пополнился ст. 159, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ. Как говорится, дальше – больше. Законодатель пошел по пути создания специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за различные виды мошенничества и автоматически запретил применять к обвиняемым в совершении этих преступлений заключение под стражу в качестве меры пресечения. В частности, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ пополнился нормами, предусматривающими ответственность за мошенничество в сфере кредитования, страхования, компьютерной информации, мошенничество при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, – все эти составы (ст. 159–159.6 УК РФ) автоматически попали под запрет применения по ним меры пресечения в виде заключения под стражу.

Этот перечень также дополнился ст. 199.3 и 199.4 УК РФ в связи с принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды».

Ну и финальным на настоящий момент аккордом пока является Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ снова претерпела изменения и дополнена ст. 201 УК РФ, а также указанием на сферу преступной деятельности, с которой связано совершенное мошенничество. Безусловно, обозначенный запрет применяется при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Даже беглого взгляда на перечень составов, указанный в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, достаточно для того, чтобы заметить их различие как по объекту преступного посягательства, так и по категории преступления, определяемой в соответствии со ст. 15 УК РФ. Так, запрет заключения под стражу распространен и на преступления, посягающие на

собственность (все составы мошенничества), и на преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями») и собственно на преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ).

Таков же и подход законодателя к категориям преступлений, по которым запрещено применять заключение под стражу в качестве меры пресечения. Так, среди них немало составов, отнесенных УК РФ к тяжким, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет. Это, например, ч. 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение»; ч. 2 ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия» и ряд других составов.

Каким (или какими) критериями руководствовался законодатель, внося ряд составов преступлений, отнесенных к категории тяжких, в этот перечень, авторам не ясно. Непонятна также логика законодателя, сначала признающего отдельные составы преступлений тяжкими, имеющими высокую степень общественной опасности, и в то же время с легкостью запрещающего применять к лицам, совершившим тяжкие преступления, следовательно, имеющими повышенную для общества опасность, меру пресечения в виде заключения под стражу. Не следует забывать, что согласно ст. 99 УПК РФ к обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения, законодатель отнес тяжесть совершенного преступления, причем поставил это обстоятельство на первое место. Еще более повышает общественную опасность любого деяния совершение преступления в соучастии, что находит отражение в формулировании санкций статей Особенной части УК РФ при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Почему же в процессуальном праве иное отношение к оценке определенных правовых категорий, нежели в праве материальном?

По мнению авторов, запрет на применение такой меры пресечения, как заключение под стражу должен быть ограничен преступлениями небольшой и средней тяжести независимо от того, совершены они в сфере предпринимательской деятельности, или нет. В противном случае, получается, если субъект совершает тяжкое преступление в составе организованной группы, он не опасен для общества, а лиц, потерпевших от преступлений, связанных с утратой недвижимости, государство не защищает? Не реализуется ли таким образом практика «отдельного» УК для предпринимателей с иным подходом к определению тяжести преступлений и опасности соучастия?

Авторы в целом приветствуют тенденцию дифференцированного подхода к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу по отдельным видам преступлений, однако при этом категорически против запрета применения заключения под стражу по отдельным частям тех составов Особенной части УК РФ, где в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение преступления организованной группой либо связано с причинением тяжких последствий. В целях реализации этого положения целесообразно либо ч. 1.1 из ст. 108 УПК РФ исключить, либо из ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ исключить все составы преступлений, относящиеся к категории тяжких, и в дальнейшем, учитывая тенденцию к законодательному расширению этого перечня, относиться более внимательно к включению в него других статей, содержащихся в разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики».

Наряду с запретом применения заключения под стражу по преступлениям небольшой и средней тяжести, авторы полагают необходимым предусмотреть в УПК РФ ряд составов Особенной части УК РФ (например, указанные в ч. 2 ст. 100 УК РФ), по которым заключение под стражу в качестве меры пресечения следует избирать безальтернативно, по мотивам одной лишь опасности преступления. К слову, такой порядок в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (УПК РСФСР 1960 г.) был предусмотрен в ч. 2 ст. 96 УПК РФ.

Тенденции реформирования института мер пресечения, изложенные выше, свидетельствуют о стремлении законодателя к разработке целесообразного и логичного механизма избрания мер пресечения. Параллельно с распространением запрета применения заключения под стражу на все большее количество составов преступлений, в том числе отнесенных к категории тяжких, весьма активно провозглашается политика расширения сферы применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу – домашнего ареста, залога, а с апреля 2018 г. – еще и запрета определенных действий. Однако статистические данные свидетельствуют о том, что домашний арест и залог применяются нечасто. Так, в 2015 г. залог по ходатайству субъекта расследования избирался 190 раз, в 2016 г. – 164, в 2017 г. – 169, в 2018 г. удовлетворено 108 ходатайств об избрании залога [4]. В отличие от залога, число случаев избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения незначительно увеличивается: по данным ФСИН России, состояло на учете в уголовно-исполнительной инспекции на конец отчетного периода лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, в 2015 г. – 4 215 чел., в 2016 г. – 5 642 чел., в 2017 г. – 6 753 чел., в 2018 г. – 6 614 чел. [5].

Наряду с этим, состояние рассматриваемой проблемы проиллюстрируем статистическими данны-

ми по наполняемости следственных изоляторов. Так, на 1 января 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) (в 219 следственных изоляторах и 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях) содержалось 117,4 тыс. чел. [5].

Официальная статистика ФСИН России, отраженная в ежегодном докладе директора ведомства, по состоянию на 1 апреля 2018 г. свидетельствует о том, что в 217 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось 106 195 чел. По состоянию на 1 марта 2019 г. в учреждениях УИС (в 211 следственных изоляторах и 97 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях) содержалось 100 771 чел. [5] Несложно заметить, что количество подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, имеет лишь незначительную тенденцию к снижению.

Представленные данные подтверждают приведенный выше тезис и свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие в УПК РФ достаточно разнообразных по своей сути мер пресечения, следователи по-прежнему привычно избирают в отношении обвиняемых (подозреваемых) либо заключение под стражу, либо подписку о невыезде и надлежащем поведении [3, с. 117].

В чем же кроются причины такого подхода к применению мер пресечения, альтернативных заключению под стражу (за исключением подписки о невыезде и надлежащем поведении)?

Авторы полагают, что проблемы применения иных мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, связаны, во-первых, с несовершенным, неразработанным механизмом их реализации, а во-вторых, с усложненными процедурами, которые сопровождают применение домашнего ареста и залога.

Нежелание избирать в качестве меры пресечения залог связано, например, с необходимостью сбора следователем дополнительных сведений об имущественном положении обвиняемого, что сопряжено с направлением дополнительных запросов в различные организации, ожиданием ответа на них, допросами лиц, что еще более увеличивает документооборот в работе следователя. Кроме того, в случае недостаточного изучения личности обвиняемого, существует повышенный риск того, что он скроется от органов расследования и суда.

Несовершенство механизма реализации домашнего ареста проявляется в отсутствии должных условий для надлежащего обеспечения участия обвиняемого при производстве следственных и процессуальных действий, обвиняемого, находящегося под домашним арестом, не доставляют своевременно для производства следственных действий, особенно эта проблема актуализируется, когда в следственном действии принимают участие, например, потерпевший, свидетели, переводчик, специалист и другие участники, а в следственном изоляторе обвиняемый всегда находится «под рукой», что, безусловно, повышает эффективность проведения запланированного следственного действия.

Безусловно, у уголовно-исполнительных инспекций не всегда хватает ресурсов: сотрудников, транспорта, других технических средств для обеспечения соответствующего порядка и своевременного участия обвиняемого при производстве следственных действий. Цель авторов статьи – не выявить проблемы в их деятельности, а обозначить отсутствие совершенного механизма реализации мер пресечения, альтернативных заключению под стражу.

Как и в случае с залогом, процедура избрания домашнего ареста более длительная, субъекту расследования требуется собирать дополнительные документы и получать необходимые согласования, например, с собственником жилья, если обвиняемый снимает жилье.

Механизм реализации домашнего ареста и запрета определенных действий в части возможности обвиняемого использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) также сложен при его исполнении и вызывает у правоприменителей вопросы, пока остающиеся риторическими. Например, если договор на интернет-обслуживание заключен не с обвиняемым, а с иным лицом, проживающим совместно с ним, можно ли приостановить действие договора при наложении указанного выше запрета? Как контролировать исполнение запрета обвиняемым? Проверять все его аккаунты в социальных сетях? Как часто? К тому же, у обвиняемого остается возможность создавать так называемые левые аккаунты, или эти аккаунты могут создать близкие обвиняемого, а пользоваться возможностями информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» будет обвиняемый, как регулировать и отслеживать такие ситуации? Кроме того, по мнению А. Чакински, в случае, если подозреваемый (обвиняемый) использует Интернет для учебы или работы, то при наложении запрета на пользование Интернетом данная мера пресечения приобретает «карающий» характер, поскольку она ставит под угрозу получение им средств к существованию [7, с. 75–80].

Идея запрета пользоваться Интернетом заключается в ограничении на получение информации и общение, чтобы у обвиняемого не было возможности повлиять на ход расследования. Поставленные выше вопросы и отсутствие ответов на них, к сожалению, пока не меняют де-

кларативного характера альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Таким образом, следователи в условиях выбора альтернативных заключению под стражу мер пресечения (залог, домашний арест или запрет определенных действий) предпочтут подписку о невыезде и надлежащем поведении, так как процесс ее избрания и применения, по сравнению с названными мерами пресечения, в разы менее трудоемкий и не требует больших временных затрат. Если же подписка о невыезде и надлежащем поведении, по мнению следователя, не сможет должным образом обеспечить правомерное поведение обвиняемого, то следователь инициирует избрание заключения под стражу.

А что, если эту возможность выбора исключить? Авторы полагают целесообразным, наряду с установленным запретом на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по преступлениям небольшой тяжести, вытекающим из требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ, ввести запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу также по преступлениям средней тяжести.

Продолжая поиск наиболее целесообразных и рациональных направлений реформирования условий и процедуры применения мер пресечения, авторы предлагают также ликвидировать трехзвенную «пирамиду» принятия решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В настоящее время ч. 3 ст. 108 УПК РФ предусмотрен следующий порядок: следователь с согласия руководителя следственного органа (далее: РСО) возбуждает перед судом ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. У РСО, учитывая нагрузку по уголовным делам у находящихся в подчинении следователей, нет достаточных временных ресурсов для качественной и тщательной проверки оснований возбуждения следователем ходатайства об избрании именно этой, а не какой-либо другой меры пресечения, и чаще всего подходит к согласованию этого процессуального решения формально. Судья, при наличии согласия РСО с ходатайством следователя, подходит к решению вопроса и оценке соответствующих обстоятельств, изложенных в представленных документах, более формально, нежели при наличии подписи одного следователя. Можно сколько угодно дискутировать о профессионализме и независимости судей, но внутреннее убеждение при оценке доказательств все еще является составляющей одного из принципов уголовного судопроизводства.

Авторы полагают, что двухзвенная система принятия решения о заключении под стражу, включающая в себя следователя (инициатора избрания меры пресечения) и судью (принимающего решение по результатам рассмотрения ходатайства), вполне отвечает практически утраченной в действующем уголовно-процессуальном законодательстве идее процессуальной самостоятельности следователя. В условиях исключения РСО из процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу следователь будет более ответственно и взвешенно подходить к принятию этого важного решения. Вероятно, оппоненты возразят авторам, приводя аргументы о низком профессионализме следователей в настоящее время, нуждающихся в постоянном контроле со стороны РСО, но, по мнению авторов, не следует «подгонять» действующее законодательство под проблемы правоприменителя.

Еще одна норма, тормозящая, на взгляд авторов, активное применение следователями мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, – это ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, предоставляющая возможность судье при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу по собственной инициативе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста. Анализируемое положение уголовно-процессуального закона представляется весьма спорным, поскольку в стадии предварительного расследования определение вида меры пресечения при ее избрании функцией суда не является. Более того, избранию указанных мер пресечения должен предшествовать анализ обстоятельств дела, без которого невозможно правильно определить сумму залога, соразмерную содеянному подозреваемым, обвиняемым, данным о его личности, а равно условия домашнего ареста, реальность их обеспечения.

Следователь, избирая меру пресечения, психологически выберет заключение под стражу, осознавая, что другие меры пресечения, обозначенные в ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, судья в случае необходимости сможет избрать сам, следователь в подавляющем большинстве случаев не будет ходатайствовать о применении альтернативных заключению под стражу мер пресечения до тех пор, пока у судьи существует возможность самостоятельно избирать ряд мер пресечения при отказе заключить под стражу подозреваемого, обвиняемого. Эту тенденцию в правоприменительной практике можно сравнить с хорошо известной среди следователей квалификацией «с запасом»: вменить более тяжкий состав преступления, а суд переквалифицирует на менее тяжкое преступление в случае необходимости.

До настоящего времени остается неразрешенным противоречие, касающееся возможности применения одной или нескольких мер пресечения одновременно. Один из авторов в своей более ранней публикации обращал внимание на рассогласование и даже противоречие, содержащееся в ч. 1 и

ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ [3, с. 118–119]. Так, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ субъекту расследования и суду предоставляется право избрать одну из мер пресечения, а в следующей далее структурной единице статьи, т. е. в ч. 1.1, суду уже разрешается при избрании меры пресечения в виде залога и домашнего ареста возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1, иными словами, допускается комбинация из мер пресечения. Проблема законодателем не устранена до настоящего времени. Авторы полагают необходимым как можно скорее устранить противоречие о запрете одновременного применения нескольких мер пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) и такой возможности, предусмотренной в ст. 105.1 УПК РФ.

По мнению авторов, реформирование института мер пресечения должно осуществляться комплексно, а не отдельными точечными изменениями, нарушающими его внутреннюю логику и систему. В этих целях авторы предлагают внесение следующих изменений в УПК РФ:

– в ч. 1 ст. 108 УПК РФ закрепить положение, согласно которому заключение под стражу в качестве меры пресечения запрещено применять в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, за исключением случаев, указанных в п. 1–4 ч. 1 этой статьи;

– как следствие этого предложения, исключить ч. 1.1 из ст. 108 УПК РФ, поскольку создавать особые условия для лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, некорректно;

– наряду с запретом применения заключения под стражу по преступлениям небольшой и средней тяжести, проанализировать возможность выделения ряда составов преступлений, по которым заключение под стражу в качестве меры пресечения следует избирать в обязательном порядке;

– в ст. 97 УПК РФ устранить противоречие между ч. 1 и 1.1. Для этого из ч. 1 ст. 97 УПК РФ необходимо исключить указание на возможность применения только одной меры пресечения.

Таким образом, на взгляд авторов, реформирование института мер пресечения должно осуществляться в настоящее время не с позиций изменения их системы, а в направлении совершенствования механизма реализации уже имеющихся.

Библиографический список

1. *Диваев А. Б.* Система мер пресечения в уголовном процессе нуждается в совершенствовании? / А. Б. Диваев // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : в 2 т. – Иркутск : ВСИ МВД России, 2018. – Т. 1. – С. 195–200.

2. *Михайлов В. А.* Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов. – М. : ЦИТ Ин-та защиты предпринимателя, 1997. – 643 с.

3. *Николаева М. И.* Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России / М. И. Николаева // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2018. – № 2(47). – С. 117–123.

4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. – Режим доступа: www.cdep.ru.

5. Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – Режим доступа: фсин.рф.

6. *Хапаев И. М.* История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX–XX вв.) / И. М. Хапаев // Актуал. проблемы рос. права. – 2014. – № 10(47). – С. 2310–2315.

7. *Чакински А.* Закон о запрете определенных действий – будет ли правовой эффект? / А. Чакински // Трудовое право. – 2018. – № 6. – С. 75–82.

References

1. *Divaev A. B.* The System of Preventive Measures in the Criminal Process Needs to be Improved? *The Law Enforcement Activity in Modern Conditions*. In 2 vol. Irkutsk, VSI MVD Rossii, 2018. Vol. 1. P. 195–200.

2. *Mikhajlov V. A.* Criminal Procedural Measures of Restraint in Legal Proceedings of the Russian Federation. M., CIT Instituta Zashhity' Predprinimatelya, 1997. 643 p.

3. *Nikolaeva M. I.* A New Measure of Restraint «Prohibition of Certain Actions» in the Criminal Process of Russia. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2018. No. 2(47). P. 117–123.

4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Website. URL: www.cdep.ru.

5. Federal Penitentiary Service. Website. URL: фсин.рф.

6. *Khapaev I. M.* History of Formation and Development of Legislation and Practice of Preventive Measures in the Form of Detention (XIX–XX centuries). *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2014. No. 10(47). P. 2310–2315.

7. *Chakinski A.* The Law on Prohibition of Certain Actions – Will we see a Legal Effect? *Trudovoe Pravo*. 2018. No. 6. P. 75–82.

Библиографическое описание статьи

Николаева М. И. Проблемы применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / М. И. Николаева, В. В. Рябчиков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 92–97.

УДК 340.114.6

Поздышев Роман Сергеевич,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России
E-mail: rmanpzdyshev@rambler.ru

Pozdy'shev Roman S.,
Lecturer of Preliminary Investigation Department
of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

ОБЩЕПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЛЯЩЕГОСЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

The General Legal Characteristic of a Continuing Offense

Аннотация. В статье анализируются понятие и сущность длящегося правонарушения; рассматриваются правовые нормы и судебные толкования, а также мнения юристов о проблеме отграничения протяженного во времени деликта от единовременного правонарушения. Автор выдвигает гипотезу об общеправовой природе понятия «длящееся правонарушение». Процесс доказывания данной гипотезы представлен применением общенаучных методов анализа, индукции, аналогии и сравнения и выражается в исследовании признаков длящегося правонарушения, достаточно основательно разработанных в административном и уголовном праве, с последующим проецированием их на иные отрасли права и теоретическим обобщением, результатом которого является авторское определение понятия «длящееся правонарушение».

Ключевые слова: длящееся правонарушение; длящееся преступление; длящийся деликт; теория права; срок давности; состав правонарушения.

Abstract. The article analyzes the concept and essence of the continuing offense. Legal norms and judicial interpretations are considered, as well as the opinions of lawyers on the problem of delineation of a tort extended in time from a one-time offense. In the framework of this article, the author puts forward a hypothesis about the General legal nature of the concept of «continuing offense». The process of proving this hypothesis is represented by the use of General scientific methods of analysis, induction, analogy and comparison and is expressed in the study of signs of a continuing offense, sufficiently thoroughly developed in administrative and criminal law, followed by their projection on other branches of law and theoretical generalization, the result of which is the author's definition of the concept «continuing offense».

Key words: a continuing offense; a continuing crime; a continuing tort; theory of law; limitation period; structure of an offence.

В отечественном законодательстве отсутствует нормативно закрепленная дефиниция понятия «длящееся правонарушение». Подобное положение вещей в ходе применения правовых норм приводит к возникновению существенных проблем, когда доподлинно нельзя установить, является ли конкретное противоправное деяние длящимся или единовременным. Одна из наиболее острых проблем связана с трудностями в квалификации нарушения правил стоянки транспортных средств в случаях длительности данного противоправного деяния на протяжении нескольких суток. Правоприменительная практика часто признает объективно единое длящееся правонарушение совокупностью правонарушений, а их количество непосредственно зависит от числа фиксаций средствами объективного контроля. Так, в Авиастроительном районном суде г. Казани, где 19 октября 2015 г. рассматривалась жалоба по делу № 12-604/2015, в рамках которого привлеченный семь раз в течение недели к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.19 КоАП РФ гражданин В. оспаривал множественность якобы совершенных им правонарушений. При этом он аргументировал свою позицию тем, что принадлежащий ему автомобиль находился в указанное время без движения, так как сам В. был в отъезде и не мог им пользоваться. Нарушение правил стоянки транспортного средства В. не оспаривал, однако указывал на продолжаемый характер этого деяния. Допущенное В. правонарушение является длящимся, а не продолжаемым, так как одно действие (парковка автомобиля на стоянку) повлекло протяженное во времени противоправное состояние. Однако в своем решении суд отметил, что В. «совершено продолжаемое правонарушение, имеющее длящийся характер».

В результате анализа юридической доктрины и правоприменительной практики наиболее актуальными проблемами, связанными с недостаточной правовой регламентацией длящегося правонарушения, нам представляются следующие.

Во-первых, с теоретической точки зрения ученым важно выявить те признаки, на основании которых можно однозначно квалифицировать правонарушение как длящееся. Здесь речь

© Поздышев Р. С., 2019

идет о природе единовременного и длящегося деликта, об их общих и особенных чертах.

Во-вторых, с практической точки зрения идентификация в совершенном правонарушении длящегося состава важна для правильной интерпретации процедурных сроков и в первую очередь сроков давности привлечения к ответственности.

В-третьих, как для правоприменения, так и для теории права актуальной представляется проблема отграничения длящегося правонарушения от иных сложных единичных деликтов или множественности правонарушений.

Названные проблемы провоцируют нарушение таких системообразующих принципов, как принцип справедливости и принцип равенства граждан перед законом и судом.

Итак, первая дилемма, которую нам предстоит разрешить, касается целесообразности выделения длящихся правонарушений из всего массива юридических деликтов. Взгляды на эту проблему можно разделить на три основных направления:

1) все без исключения правонарушения являются длящимися, так как образуют после своего совершения противоправное состояние: жертва хищения не просто лишается своего имущества, но в продолжительном промежутке времени испытывает неудобства от утраты ценностей; причиненный вред здоровью либо требует длительного лечения, либо не может быть компенсирован вообще в течение жизни и т. д.;

2) выделение длящихся правонарушений является ошибкой, спровоцированной нежеланием или неумением формулировать сроки давности привлечения к ответственности. Так, конституционные, бюджетные правонарушения и некоторые преступления вообще не имеют срока давности, что вполне может быть соотнесено с длящимися правонарушениями;

3) длящиеся правонарушения – объективно необходимый и социально обоснованный правовой институт, чье существование обусловлено особым содержанием отдельных и вполне конкретных правонарушений.

Отстаивая последнюю точку зрения, считаем необходимым обратить внимание на те характерные особенности, которыми обладают длящиеся деликты.

Теоретики права и отраслевые ученые неоднократно предпринимали попытки определить содержание и сущность длящихся деликтов через рассмотрение его основных признаков [4; 17; 23]. По мнению С. Н. Романюка, длящиеся преступления обладают следующими признаками:

а) совершение деяния носит постоянный и непрерывавшийся хронологически характер;

б) имеют формальный состав преступления;

в) является оконченным с момента начала основного деяния;

г) фактически оканчивается с момента прекращения преступного деяния;

д) совершается только с прямым умыслом [25, с. 18].

Е. Ю. Львова и Т. А. Калинина к сущностным характеристикам длящегося преступления относят следующие:

1) начинается с преступного действия или бездействия, после которого виновное лицо длительное время не выполняет обязанность, возложенную на него законом;

2) отсутствие препятствий, лишающих виновного возможности добросовестно выполнить соответствующую обязанность;

3) непрерывность осуществления оконченной стадии преступления;

4) прекращается в силу действий самого виновного, действий правоохранительных органов или иных обстоятельств, прерывающих выполнение преступления;

5) общественная опасность виновного лица сохраняется в течение длительного промежутка времени;

6) субъективная сторона в форме прямого умысла;

7) наличие мотива и цели;

8) формальный, не требующий наступления каких-либо последствий состав длящегося преступления [11, с. 48; 16, с. 138].

Анализ мнений представителей ученого сообщества относительно признаков и критериев отграничения длящихся от единовременных правонарушений был проведен Т. Р. Мещеряковой [19]. Среди таковых назывались:

а) специальный объект правонарушения [21, с. 48];

б) специальный субъект правонарушения [20, с. 77];

в) способ совершения деликта [5, с. 58];

г) наличие в норме права конкретного определенного срока, в течение которого ответственное лицо должно было совершить какие-либо действия [27, с. 35];

д) место и время совершения административного правонарушения [7, с. 27].

Далеко не все из перечисленных признаков присущи исключительно длящимся правонарушениям. Переработка и синтез научных взглядов на подобные признаки позволяют нам среди основных назвать следующие.

1. Объективная сторона деликта характеризуется деянием, которое создает протяженное во времени и непрерывное противоправное состояние.

Это наиболее часто обсуждаемый и дискуссионный признак длящихся деликтов. Существует, в частности, подход, согласно которому длящееся правонарушение определяется как оконченное, которое осуществляется только раз. Разрабатывали его А. А. Пионтковский, Е. А. Фролов, Р. Р. Галиакбаров [22, с. 638; 28, с. 7]. Однако подобный взгляд лишает длящееся правонарушение своей специфики, приравнивая его к единовременному деликту, и представляется нам ошибочным.

Практически всеми учеными, исследовавшими рассматриваемый вид противоправного деяния, повторяется мысль, согласно которой «своеобразие длящегося преступления состоит в том, что оно совершается в течение более или менее длительного времени» [16, с. 136]. Так, М. С. Студеникина признает длящимся такое правонарушение, которое «непрерывно осуществляется в течение более или менее продолжительного времени» [13, с. 82]. Категория «более или менее длительное время» является оценочной и формально неопределенной, что ставит перед нами вопрос об определении конкретного промежутка времени, по прошествии которого правонарушение следует признавать длящимся. Размышления на эту тему позволяют сделать вывод о том, что с теоретической точки зрения определить такой промежуток времени не представляется возможным.

Более того, сама временная протяженность длящегося правонарушения является второстепенной характеристикой этой разновидности правонарушений, так как длящиеся правонарушения могут совершаться в предельно минимальный отрезок времени, даже меньший, чем могут совершаться многие простые единичные деликты. Например, такое классическое длящееся преступление, как незаконное хранение наркотических средств может совершаться в течение нескольких минут, когда виновный задержан непосредственно после приобретения запрещенного к свободному обороту вещества. Тогда как, например, такое однозначно простое единичное преступление, как истязание может совершаться на протяжении нескольких месяцев или даже лет.

Таким образом, более существенной характеристикой представляется не протяженность во времени данного противоправного состояния, а его непрерывность. Данное состояние позволяет говорить о том, что длящееся правонарушение фактически совершается длительное время, при этом было юридически оконченным при совершении первоначального деяния, а каждый момент периода совершения деликта является юридически оконченным.

Одной из самых молодых разновидностей деликтов являются конституционные правонарушения [2; 12; 15; 26; 30]. И именно они могут стать индикатором, с помощью которого возможно будет эмпирически проверить теории о длящихся деликтах, разработанные преимущественно представителями наук уголовного и административного права.

Среди наиболее распространенных конституционных правонарушений учеными выделяется принятие органами государственной власти нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам [9]. Юридический анализ складывающейся ситуации демонстрирует уникальное состояние, когда единожды принятый нормативный документ воспроизводит противоправное состояние при каждом применении его норм в практической деятельности. Моментом окончания подобного правонарушения однозначно может являться лишь принятие решения о признании подобного нормативного акта ничтожным, ни о каких сроках давности речи быть не может в принципе. Более того, молодой институт конституционной ответственности практически не обеспечен едиными и нормативно закрепленными сроками давности. Полагаем, что данный пример в полной мере подтверждает актуальность и важность надотраслевого исследования правового феномена длящегося правонарушения.

Уникальные примеры длящихся правонарушений можно выявить при исследовании семейно-правовых отношений. Несмотря на продолжающийся спор о существовании семейно-правовой ответственности и ее соотношении с семейно-правовой защитой [24, с. 91], большинство ученых сходятся во мнении, что нарушение требований семейного законодательства может и должно вызывать реакцию публичной власти в виде применения к виновному лицу мер ответственности [3; 6; 8; 10; 18]. Меры семейно-правовой ответственности применяются при наличии состава семейного правонарушения, а их правовые последствия содержат в себе элементы неимущественного характера, влекущие ограничение правоспособности физического лица, так называемое поражение в правах [29, с. 3]. Наиболее яркий пример подобного поражения закреплен в ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации «Лишение родительских прав». В таком случае основания для применения подобной меры будут выступать в качестве альтернативных составов семейно-правового деликта. Среди них особо выделим:

– уклонение родителей от выполнения обязанностей, в том числе злостное уклонение от уплаты алиментов;

– злоупотребление родительскими правами;

– хроническое заболевание родителя алкоголизмом или наркоманией.

Если первые две формы объективной стороны рассматриваемого семейного правонарушения являются длящимися и используют формулировки, аналог которых можно обнаружить в уголовном и административно-деликтном законодательстве, то третья форма представляет собой даже не событие или явление – это юридическое состояние, которое физически не может не быть длящимся во времени. Мы можем наблюдать ситуацию, когда противоправное деяние и порожденное им состояние сливаются в единое целое, практически стирая необходимость установления между ними причинно-следственной связи.

2. Деяние выражено в пренебрежении законодательно определенным запретом либо в невыполнении или ненадлежащем выполнении законодательно установленной обязанности.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. от 14 марта 1963 г.) под длящимся преступлением понимается действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным *невыполнением обязанностей*, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (в ред. от 19 декабря 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» определяет длящееся административное правонарушение аналогично вышеуказанному определению, делая при этом существенную оговорку. Так, административное правонарушение, выразившееся в неисполнении обязанности к определенному сроку, не является длящимся. Данной позиции, за исключением последнего замечания, в целом придерживается и научное сообщество [1, с. 8].

Однако, на наш взгляд, предложенная дефиниция, связывающая противоправное деяние с последующим невыполнением лишь обязанностей, далека от универсальности. Как известно, неважно, сколько подтверждений гипотезы мы можем найти, но одно-единственное исключение позволяет говорить о ее дискуссионности. Таким исключением могут быть, например, составы ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», которые относятся учеными к длящимся преступлениям. Распространение подобных материалов априори незаконно, оно запрещено и не связано с возложением каких-либо обязанностей на виновное лицо.

Итак, невыполнение обязанностей в качестве признака длящегося правонарушения уместно лишь в отношении тех деликтов, которые сопряжены с исполнением каких-либо юридических обязанностей, возникающих у лица при наступлении определенных условий (событий и иных юридических фактов). Это может быть истечение налогового периода, принятие решения заниматься предпринимательской деятельностью и т. д. В иных случаях следует говорить о пренебрежении законодательно закрепленными запретами, которые необходимо разграничивать с обязанностями, придерживаясь принятого в теории права выделения таких отдельных способов правового регулирования, как обязывания и запреты, а также классификации норм права по содержанию предписания на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Кроме того, рассматривая данный критерий на общетеоретическом уровне, необходимо его уточнить в части отрасли права, которая устанавливает нарушаемый запрет или невыполняемую обязанность. Действительно, бесспорным представляется тот факт, что, например, кража длящимся преступлением не является и к таковым никогда не относилась. Однако на лицо, совершившее тайное хищение чужого имущества, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации возлагается обязанность возместить вред, причиненный имуществу потерпевшего, и данная обязанность может не выполняться непрерывно длительное время. Результатом такого умозаключения может быть ошибочное отнесение состава кражи к категории длящихся, что в свою очередь ведет к неправильному определению момента окончания преступления и, как следствие, к незаконному продлению срока давности привлечения к уголовной ответственности на неопределенное время, пока вред не будет возмещен. Аналогичная ситуация имеет место быть не только с имущественными преступлениями, но и с преступлениями иной направленности, а также с административными правонарушениями. Таким образом, следует указать на существенную оговорку о том, что в целях классификации деликта как длящегося отрасль законодательства, устанавливающая нарушаемый запрет или невыполняемую обязанность (т. е. последующее за деянием противоправное состояние), должна соответствовать отрасли законодательства, установившей противоправность первоначального деяния.

3. Имеет формальный состав.

На данную особенность длящегося преступления обращает внимание Е. Ю. Львова, подвергая критике позицию Н. Ф. Кузнецовой, которая отмечала, что «преступный ущерб, однажды наступив, длится затем во времени и пространстве, по-

ка не будет пресечен самим субъектом или не зависящими от него обстоятельствами» [14, с. 128]. Сказанное, по ее мнению, противоречит объективным и субъективным особенностям длящихся преступлений, «преступный результат (ущерб) в которых не является обязательным признаком преступления» [16, с. 139]. Полагаем, что Н. Ф. Кузнецова говорила о несколько ином ущербе, – ущербе нематериальном, причиняемом отдельным общественным отношениям и правопорядку в целом. Этот ущерб идеален, поэтому проводить параллели с материальными составами преступлений нам представляется не совсем верным. Говорить об особой исключительности данного признака также не приходится, так как формальный состав имеют не только длящиеся правонарушения.

4. Юридически прекращается как в силу действий самого виновного, так и по не зависящим от него обстоятельствам, связанным с пресечением преступления либо отпадением необходимости соблюдать запрет или исполнять обязанность.

Данный признак длящегося правонарушения наименее уникален среди прочих. Совершенно любой деликт также может быть пресечен третьей стороной либо сам правонарушитель может добровольно отказаться от продолжения противоправных действий. «Отпадение необходимости соблюдать запрет или исполнять обязанность» в контексте публично-правовых отраслей права выглядит достаточно специфичным основанием для исчисления окончания правонарушения, однако в частноправовых отраслях, например, в семейном праве, подобные ситуации встречаются достаточно часто. Так, неисполнение обязанности на выплату алиментов согласно п. 2 ст. 120 Семейного кодекса Российской Федерации перестает быть противоправным, в том числе в случае достижения ребенком совершеннолетия или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия.

Таким образом, рассмотренные четыре признака позволяют выделить длящиеся правонарушения из общего массива противоправных деяний, при этом наиболее исключительным и специфическим является первый – объективная сторона деликта характеризуется деянием, которое создает протяженное во времени и непрерывное противоправное состояние. Именно данный признак – основной, он является необходимым и достаточным для принятия решения об отнесении правонарушения к категории длящихся.

Завершая рассмотрение признаков исследуемого явления, предлагаем следующую формулировку общетеоретического определения понятия «длящееся правонарушение»: это противоправное, виновное, общественно опасное (вредное) деяние, порождающее протяженное во времени непрерывное противоправное состояние, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность.

Библиографический список

1. Административное право России : учебник. В 3 ч. Ч. 3. Административная юрисдикция / под ред. А. П. Коренева, В. Я. Кикотя. – М. : Щит, 2002. – 367 с.

2. *Александров А. Ю.* Конституционно-правовая ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Александров Андрей Юрьевич. – М., 2003. – 25 с.

3. *Антокольская В. В.* Семейное право : учебник / В. В. Антокольская. – М. : Юрист, 2003. – 333 с.

4. *Братановский С. Н.* Теория государства и права : учеб. пособие / С. Н. Братановский. – Саратов : Электрон.-библ. система IPRbooks, 2012. – 248 с.

5. *Вавулин Д. А.* Административная ответственность за различные виды правонарушений в сфере рынка ценных бумаг / Д. А. Вавулин // Право и экономика. – 2005. – № 3. – С. 53–63.

6. *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР / Е. М. Ворожейкин. – М. : Юрид. лит., 1972. – 335 с.

References

1. Administrative Law of Russia. In 3 pt. Pt. 3. Administrative Jurisdiction. Ed. by A. P. Korenev, V. Ya. Kikot'. M., Shhit, 2002. 367 p.

2. *Aleksandrov A. Yu.* Constitutional-legal Responsibility of Bodies of State Power of the Subjects of Russian Federation. M., 2003. 25 p.

3. *Antokol'skaya V. V.* Family Law. M., Yurist, 2003. 333 p.

4. *Bratanovskij S. N.* Theory of State and Law. Saratov, IPRbooks, 2012. 248 p.

5. *Vavulin D. A.* Administrative Responsibility for Various Types of Offenses in the Securities Market. *Pravo i E'konomika*. 2005. No. 3. P. 53–63.

6. *Vorozhejkin E. M.* Family Legal Relationships in the USSR. M., Yuridicheskaya Literatura, 1972. 335 p.

7. *Grechkina O. V.* Limitation Period of Bringing to Administrative Responsibility for Violation of Customs Rules. *Administrativnoe Pravo i Process*. 2010. No. 5. P. 26–28.

8. *Zvenigorodskaya N. F.* Family Offense: Concept, Characteristics, Specifics. *Voprosy' Yuvenal'noj Yusticii*. 2010. No. 3(29). P. 3–6.

7. *Гречкина О. В.* Сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушение таможенных правил / О. В. Гречкина // Адм. право и процесс. – 2010. – № 5. – С. 26–28.

8. *Звенигородская Н. Ф.* Семейное правонарушение: понятие, характеристика, особенности / Н. Ф. Звенигородская // Вопр. ювен. юстиции. – 2010. – № 3(29). – С. 3–6.

9. *Казанник А. И.* Конституционное право. Университетский курс : в 2 т. / А. И. Казанник, А. Н. Костюков. – М. : Проспект, 2015. – Т. 1. – 432 с.

10. *Казанцева А. Е.* Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение / А. Е. Казанцева ; под ред. Б. Л. Хаскельберга. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 144 с.

11. *Калинина Т. А.* Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Калинина Татьяна Алексеевна. – М., 2005. – 159 с.

12. *Колосова Н. М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации / Н. М. Колосова. – М. : Городец, 2000. – 192 с.

13. Комментарий к КоАП РСФСР / под ред. И. И. Веремеенко [и др.]. – М. : Проспект, 2001. – 941 с.

14. *Кузнецова Н. Ф.* Значение преступных последствий для уголовной ответственности : монография / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Госюриздат, 1958. – 219 с.

15. *Ланцедова Ю. А.* Новая доктрина конституционной ответственности / Ю. А. Ланцедова // Гос. власть и мест. самоупр. – 2014. – № 1. – С. 9–13.

16. *Львова Е. Ю.* Социальная и юридическая сущность преступления: вопросы теории : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Львова Елена Юлиановна. – М., 2003. – 170 с.

17. *Малахов В. П.* Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. П. Малахов, А. А. Иванов, М. М. Рассолов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 447 с.

18. *Маркосян А. В.* Юридические факты в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Маркосян Анаит Вячеславовна. – М., 2007. – 24 с.

19. *Мещерякова Т. Р.* Сроки в законодательстве об административных правонарушениях : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Мещерякова Татьяна Радиковна. – Челябинск, 2011. – 24 с.

20. *Неретин М. С.* Административная ответственность и банковский надзор / М. С. Неретин // Адм. и муницип. право. – 2008. – № 6. – С. 77–80.

9. *Kazannik A. I., Kostyukov A. N.* Constitutional Right. University Course. In 2 vol. M., Prospekt, 2015. Vol. 1. 432 p.

10. *Kazanceva A. E.* Duties and Rights of Parents (Replacing Their Children) for Education of Children and Responsibility for Their Violation. Ed. by B. L. Khaskel'berg. Tomsk, 1987. 144 p.

11. *Kalinina T. A.* Forms and Types of a Single Crime and Their Delimitation from the Plurality of Crimes. M., 2005. 159 p.

12. *Kolosova N. M.* Constitutional Responsibility in the Russian Federation. M., Gorodec, 2000. 192 p.

13. To the Administrative Offences Code of RSFSR. Ed. by I. I. Veremeenko et al. M., Prospekt, 2001. 941 p.

14. *Kuzneczova N. F.* The Importance of Criminal Consequences for Criminal Liability. M., Gosyurizdat, 1958. 219 p.

15. *Lancedova Yu. A.* New Doctrine of Constitutional Responsibility. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*. 2014. No. 1. P. 9–13.

16. *L'vova E. Yu.* The Legal and Social Essence of the Crime. Questions of the Theory. M., 2003. 170 p.

17. *Malakhov V. P., Ivanov A. A., Rassolov M. M.* Actual Problems of the Theory of the State and the Law. M., YuNITI-DANA, 2012. 447 p.

18. *Markosyan A. V.* Legal Facts in the Family Law of the Russian Federation. M., 2007. 24 p.

19. *Meshheryakova T. R.* Terms in the Legislation on Administrative Offenses. Chelyabinsk, 2011. 24 p.

20. *Neretin M. S.* Administrative Responsibility and Banking Supervision. *Administrativnoe i Municipal'noe Pravo*. 2008. No. 6. P. 77–80.

21. *Pankova O. V.* Administrative Responsibility for Tax Crimes: Problems and Judicial Practice. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2004. No. 1. P. 55–63.

22. *Piontkovskij A. A.* The Doctrine of the Crime under the Soviet Criminal Law. M., Gosyurizdat, 1961. 666 p.

23. *Rassolov M. M., Bastry'kin A. I., Ivanov A. A.* Actual Problems of the Theory of the State and the Law. M., YuNITI-DANA, 2014. 471 p.

24. *Repeteva O. E.* Family Offenses and Liability for Committing Them. *Vektor Nauki TGU. Seriya «Yuridicheskie Nauki»*. 2011. No. 4. P. 91–93.

25. *Romanyuk S. N.* Complex Single Crimes. Tyumen', 2008. 22 p.

26. *Umnova I. A.* The Constitutional Foundations of Modern Russian Federalism. M., Delo, 2000. 304 p.

27. *Feofilaktov A. S.* Legal Problems of Bringing to Administrative Responsibility for Violation of Labor Laws by the Employer. *Social'noe i Pensionnoe Pravo*. 2008. No. 4. P. 27–42.

21. *Панкова О. В.* Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика / О. В. Панкова // Журн. рос. права. – 2004. – № 1. – С. 55–63.

22. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

23. *Рассолов М. М.* Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / М. М. Рассолов, А. И. Бастрыкин, А. А. Иванов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 471 с.

24. *Репетева О. Е.* Семейные правонарушения и ответственность за их совершение / О. Е. Репетева // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 4. – С. 91–93.

25. *Романюк С. Н.* Сложные единичные преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Романюк Сергей Николаевич. – Тюмень, 2008. – 22 с.

26. *Умнова И. А.* Конституционные основы современного российского федерализма / И. А. Умнова. – М. : Дело, 2000. – 304 с.

27. *Феофилактов А. С.* Правовые проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение трудового законодательства работодателем / А. С. Феофилактов // Соц. и пенс. право. – 2008. – № 4. – С. 27–42.

28. *Фролов Е. А.* Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права : лекция / Е. А. Фролов, Р. Р. Галиакбаров. – Свердловск : [б. и.], 1967. – 20 с.

29. *Шершень Т. В.* Проблемы ответственности в современном российском семейном праве / Т. В. Шершень // Сем. и жилищ. право. – 2010. – № 1. – С. 3–6.

30. *Шугрина Е. С.* Ответственность правительства Российской Федерации / Е. С. Шугрина // Гос. власть и мест. самоупр. – 2013. – № 7. – С. 35–37.

28. *Frolov E. A., Galiakbarov R. R.* The Multiplicity of Criminal Acts as an Institution of Soviet Criminal Law. Sverdlovsk, s. n., 1967. 20 p.

29. *Shershen' T. V.* Problems of Responsibility in the Modern Russian Family Law. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo*. 2010. No. 1. P. 3–6.

30. *Shugrina E. S.* Responsibility of the Government of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*. 2013. No. 7. P. 35–37.

Библиографическое описание статьи

Поздышев Р. С. Общеправовая характеристика длящегося правонарушения / Р. С. Поздышев // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 98–104.

УДК 343.234

Радченко Ксения Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: kseniya.radchenko@inbox.ru

Radchenko Kseniya N.,
Senior Lecturer of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

ЗНАЧЕНИЕ СМЯГЧАЮЩИХ ВИНУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Importance of Mitigating Circumstances at the Appointment of Criminal Punishment

Аннотация. В статье рассматриваются возможности смягчения вины подсудимого, а также классификация смягчающих вину обстоятельств дела, связанных с необходимостью индивидуализации наказания в соответствии с УК РФ.

Ключевые слова: наказание; уголовная ответственность; смягчающие обстоятельства; вина; общественная опасность.

Abstract. The article discusses the possibility of mitigating the guilt of the defendant, as well as the classification of mitigating circumstances of the case related to the need for individualization of punishment in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: punishment; criminal liability; mitigating circumstances; guilt; public danger.

Смягчающие вину обстоятельства играют большую роль в одной из важнейших стадий применения уголовного закона – назначении наказания, которая является ключевым этапом осуществления правосудия по уголовным делам.

Само по себе совершение преступления, безусловно, представляет опасность для общества, однако имеют значение причины, которые подтолкнули человека к его совершению, в том числе внешние факторы. Цели исправления преступника можно добиться различными способами, в том числе возможностью проявления к нему определенного снисхождения, что было принято во внимание законодателем при формулировании норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) о смягчающих обстоятельствах.

Исследование данного вопроса обусловлено проблемами применения обстоятельств, смягчающих наказание, в первую очередь для судебной практики. Определяя меру наказания, суды нередко указывают на то, что не все обстоятельства преступления учтены по делу без достаточного анализа фактических данных, а иногда вообще упускается из вида наличие данных обстоятельств в совершенном преступлении либо, наоборот, свободно толкуются обстоятельства, закрепленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Приговор, вынесенный с подобной формулировкой, выглядит неубедительным и не может являться обоснованным как для осужденного, так и для общественного мнения.

Решение вопроса о том, какие именно обстоятельства, с точки зрения законодателя, следует принимать во внимание, снижая размер уголовного наказания и в каком количестве, необходимо начать с изучения возможности совершенствования норм уголовного законодательства и правоприменительной практики. На наш взгляд, формулировка некоторых смягчающих обстоятельств не в полной мере отражает их характер.

Рассмотрение судом первой инстанции уголовного дела – это и есть назначение наказания за совершенное преступление. Суд, исходя из требований справедливости и целесообразности, определяет вид, размер наказания при условии, что вина подсудимого в инкриминируемом ему деянии доказана. Разрешая вопрос о назначении наказания за совершенное преступление, когда вина подсудимого доказана, суд должен руководствоваться общими началами назначения наказания и внутренним убеждением.

В ст. 60 УК РФ определен круг общих начал. К их числу отнесены:

– законность назначения наказания;

– справедливость при определении меры наказания, выбора вида наказания;

– индивидуализация, персональный подход к решению вопроса в каждом конкретном случае.

УК РФ устанавливает четкий перечень видов наказания. Вид и размер (максимальный и минимальный пределы) наказания по каждому отдельному составу преступления определен санкцией соответствующей статьи. Многие составы преступлений предусматривают возможность назначения альтернативного вида наказания. При этом выбор

© Радченко К. Н., 2019

суд делает из тех видов, которые приведены в статье, а не по своему усмотрению из перечня видов, регламентированного уголовным законом. Назначенное наказание не должно быть выше предусмотренного санкцией статьи, но может быть ниже низшего предела при установлении особых обстоятельств, с соблюдением требований ст. 64 УК РФ. При постановлении приговора суд определяет размер наказания за каждое совершенное преступление. Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, то окончательно назначенное наказание может быть выше, чем предусмотрено каждой статьей.

Второй существенный момент – это строгое соблюдение положений общей части уголовного законодательства, касающихся личности подсудимого. Например, максимальным размером наказания в виде лишения свободы для несовершеннолетних может быть десять лет.

Справедливым наказание также может быть только в том случае, когда оно соразмерно деянию, способствует восстановлению социальной справедливости. Когда суду предстоит выбор из нескольких видов наказания, то в соответствии с положениями ст. 60 УК РФ суд вправе принять решение о более строгом виде, о применении верхнего предела только в том случае, когда придет к выводу, что иначе невозможно исправление осужденного, что наказание несоразмерно его последствиям (слишком мягкое). Суд обязан указать и обосновать мотивы выбора вида и размера наказания в приговоре. Отсутствие мотивировки или явное несоответствие назначенного наказания критерию справедливости является основанием для отмены приговора.

Под индивидуализацией назначения наказания следует понимать определение его меры достаточной, с учетом личности подсудимого и всех обстоятельств содеянного.

Общие начала назначения наказания предполагают соблюдение всех рассмотренных требований в совокупности.

При назначении наказания суд вправе его смягчить, учитывая смягчающие обстоятельства. Их перечень является открытым и приведен в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Открытость перечня – это указание на то, что суд вправе, помимо перечисленных в нормативном акте, учесть и иные, на свое усмотрение. Предложить суду иные обстоятельства, которые следует расценить как смягчающие, вправе все участники процесса. Как правило, с данной инициативой выступает сторона защиты, стремящаяся максимально улучшить положение подсудимого.

Именно необходимость индивидуализации наказания за совершение преступления стала причиной включения в нормы УК РФ положений о смягчающих обстоятельствах. К данному выводу приходит большинство исследователей, анализировавших как нормы УК РФ, так и правоприменительную практику.

Например, В. С. Похилько отмечает, что наличие смягчающих вину обстоятельств и необходимость учета при назначении наказания не являются специфичными для российского законодательства. Приводя примеры иностранного законодательства, она акцентировала внимание на том, что круг обстоятельств, которые могут быть признаны смягчающими, очень широк. Например, в Дании и Норвегии как смягчающее обстоятельство рассматривается незнание закона, а в Австрии, Португалии и Швейцарии под смягчающим обстоятельством понимается длительное законопослушное поведение после совершения преступления [3].

Подобные смягчающие вину обстоятельства не содержит российское законодательство, однако и в нашей стране суды вправе учесть иные, не упомянутые в законе, обстоятельства в качестве смягчающих вину.

Так, не оспаривая утверждения об индивидуализации, Л. Р. Замдиханова приходит к выводу, что назначение наказания с учетом смягчающих вину обстоятельств позволяет надлежащим образом оценить степень общественной опасности не только деяния, но и самого лица, совершившего преступление, а также принять во внимание возможность исправления человека в будущем [2].

Мнение Л. Р. Замдихановой представляется нам верным. Однако нужно отметить, что смягчающие вину обстоятельства значимы в первую очередь на момент оценки судом содеянного. Исходя из того, что не все закрепленные в УК РФ обстоятельства связаны непосредственно с личностью виновного, можно сделать вывод, что они учитываются исходя из принципа объективности и справедливости.

Смягчающие обстоятельства можно классифицировать на основе анализа положений ст. 61 УК РФ, выделив при этом следующие группы:

– обстоятельства, которые относятся к личности виновного;

– обстоятельства, касающиеся обстановки совершения преступления;

– обстоятельства, связанные с поведением преступника после совершения преступления.

К числу **обстоятельств, которые непосредственно связаны с личностью виновного**, относятся следующие.

Несовершеннолетие виновного – возраст, с которого гражданин считается полностью дееспособным и совершеннолетним, устанавлива-

ется в соответствии с положениями ст. 21 ГК РФ, где он определен как достижение 18 лет. При этом для учета данного обстоятельства во внимание принимается не возраст на момент осуждения, а возраст на момент совершения преступления, о чем говорится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Беременность подсудимой учитывается как самостоятельное смягчающее вину обстоятельство не только на момент совершения преступления, но и в период рассмотрения уголовного дела судом. Наличие беременности подтверждается медицинским заключением.

Наличие малолетних детей у виновного учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства. При этом не имеет значения, является ли ребенок родным, либо усыновленным. Малолетним, согласно ГК РФ, ребенок считается до достижения им возраста четырнадцати лет. Нередко сторона защиты представляет суду документы о наличии у подсудимого малолетних детей, что автоматически становится смягчающим обстоятельством. Мы считаем, что данное обстоятельство суд должен учитывать только в определенных случаях, когда подсудимый принимает участие в воспитании и материальном содержании детей.

Совершение впервые преступления, которое относится к категории небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств. Категоризация преступлений на практике вопросов не вызывает, поскольку она определяется в зависимости от верхнего предела наказания в виде лишения свободы с учетом положений ст. 15 УК РФ, где указано, что если максимальное наказание за совершение данного вида преступления в соответствии с санкцией статьи Особенной части УК РФ не превышает трех лет, то категорию преступления следует определить как небольшой тяжести, если максимально может быть назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы, то преступление относится к категории средней тяжести.

Такой аспект, как совершение преступления впервые, в уголовном законе не раскрывается. Как показывает правоприменительная практика, наличие прекращенного уголовного дела или погашенная судимость, которая погашает и все последствия, позволяет определить лицо как впервые совершившее преступление. На наш взгляд, это является существенным недостатком. Мы считаем, что данное обстоятельство должно распространяться исключительно на лиц, которые ранее никогда не несли уголовную ответственность за совершенные преступления, поэтому в текст статьи следует внести изменение – «ранее не судим».

Следующий аспект «случайное стечение обстоятельств» – исключительно оценочная категория. Поскольку он не раскрывается в уголовном законе, его можно определить как неожиданное, не характерное для подсудимого событие, которого ранее не было в жизни человека, оказавшее на него сильное влияние [1].

Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания. Тяжелыми жизненные обстоятельства считаются тогда, когда жизнь человека серьезно ухудшается, например, в случае потери работы, сложной ситуации в семье, которая на грани распада, и прочее. Особенно сложная для человека ситуация возникает, когда происходит не одно негативное событие, а сразу несколько, что обязательно учитывается судом при назначении наказания.

Сострадание – это особый мотив. Сопереживание – одна из важнейших способностей человека. При виде чужой боли у нормального человека возникает вполне естественное желание помочь. Самым ярким примером, который постоянно обсуждается, осуждается и признается недопустимым в нашей стране, является эвтаназия. У больного, который постоянно терпит невыносимые боли и понимает, что нет возможности выздороветь, нередко возникает решение уйти из жизни, но не всегда есть возможность, да и с религиозной точки зрения самоубийство считается грехом. В этой ситуации может возникнуть просьба помочь уйти из жизни. Однако в России это запрещено, и человек, оказавший такую помощь, будет привлечен к уголовной ответственности за умышленное причинение смерти другому человеку – убийство.

Обстоятельства, связанные с обстановкой совершения преступления, предопределяют поведение виновного, в связи с чем он вынужден совершить преступление. В этой ситуации даже субъективное восприятие ситуации, в которой лицо, привлеченное к уголовной ответственности, сочло, что оно не сможет преодолеть внешнее воздействие, должно рассматриваться судами как смягчающее вину обстоятельство. К данной категории относятся следующие.

Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости. По отношению к физическому и психическому насилию уголовный закон подходит по-разному. Если лицо понимало характер сво-

их действий и могло отдавать им отчет, то оказание принуждения – применение физической силы, угрозы в адрес подсудимого или его близких – расценивается как смягчающее обстоятельство. В случае применения физического воздействия, когда лицо не понимало значения своих действий, не отдавало себе отчет о возможных последствиях, состав преступления отсутствует. Психическое воздействие может быть осуществлено различными способами, в том числе путем высказывания угроз. Материальная, служебная зависимость может выражаться в наличии большого долга, в риске потерять работу или если воздействующий имеет возможность влиять на размер платы за труд.

Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения.

По смыслу ст. 37 УК РФ необходимая оборона является правомерной, если она имела место при незаконном посягательстве на человека, на его законные права, на права, а также на иные охраняемые государством права и интересы, если это сопряжено с насилием, опасным для жизни, либо с угрозой применения такого насилия. Опасность должна быть непосредственной, т. е. реальной, а не выдуманной. Еще одно условие – это невозможность устранения опасности иными способами. Сама по себе необходимая оборона исключает возможность привлечения к уголовной ответственности, речь о которой может вестись только в случае превышения ее пределов, когда ответ на посягательство был явно не соразмерен. Например, если ребенок обзывает взрослого, плюет на него, а тот в ответ достает оружие и причиняет вред здоровью.

Задержание лица, совершившего преступление, нередко сопряжено с применением физической силы, особенно в случае оказания сопротивления. Однако силу нужно соизмерять и не применять ее произвольно. Существенным обстоятельством в данном случае является обоснованная уверенность в том, что задерживается человек, который совершил преступление. Если же задерживается невиновный и на момент задержания не было оснований полагать, что он преступник, то данное смягчающее обстоятельство не может быть применено.

Крайняя необходимость перекликается с понятием необходимой обороны, во-первых, в том, что и там, и там имеет место посягательство на человека, на охраняемые законом права и интересы других лиц, во-вторых, в обоих случаях посягательство невозможно предотвратить иным способом. Однако давая определение крайней необходимости, законодатель исключил такой признак, как наличие насилия, опасного для жизни, и угрозу его причинения. При оценке, следует ли применять крайнюю необходимость как смягчающее обстоятельство, необходимо сопоставить и оценить вред, который был причинен или мог быть причинен, и тот, который был причинен фактически в ответ на посягательство. Если причиненный вред значительно больше, нежели тот, что предотвращен, необходимо вести речь о превышении крайней необходимости, но уголовная ответственность в этом случае наступает, когда установлена умышленность действий (ст. 39 УК РФ).

Обоснованный риск как таковой исключает преступность деяния, если он направлен на достижение полезных для общества целей (ст. 41 УК РФ), достигнуть которые невозможно без риска. Лицо, которое пошло на риск, должно предпринять все меры для предотвращения вредных, опасных последствий. Если лицо, допустившее риск, предприняло все меры для предотвращения чрезмерного вреда, то данное обстоятельство может выступать в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Исполнение приказа или распоряжения особенно актуально для военных и государственных служащих, для которых приказы и распоряжения являются обязательными. Приказ и распоряжение должны быть законными, правомерными либо восприниматься таковыми тем, кому они отданы. Исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения не является смягчающим обстоятельством. В то же время, если поступил заведомо незаконный приказ или распоряжение и подчиненный отказался его выполнять, то он не может быть привлечен к ответственности.

Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, – это нарушение норм действующего законодательства, совершение проступка или даже преступления, что спровоцировало в качестве ответной реакции также противоправное поведение. Аморальность предполагает действие вопреки представлениям подсудимого о норме поведения, может носить оскорбительный характер. Оба рассматриваемых обстоятельства вызывают сильное душевное волнение, которое может перейти в аффект.

К числу **обстоятельств, которые связаны с поведением привлеченного к уголовной ответственности лица после совершения им преступления**, можно отнести следующие.

Явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изоб-

личению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, свидетельствуют о раскаянии подсудимого, причем раскаянии активном, когда принимаются меры к раскрытию преступления, возмещению причиненного вреда, что нужно должным образом оценивать.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» особо акцентировал внимание на том, что освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно только в том случае, когда присутствует совокупность явки с повинной, возмещение причиненного вреда и активное способствование раскрытию преступления. Отсутствие одного из этих обстоятельств может расцениваться как смягчающее вину основание, но не как деятельное раскаяние.

Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Данное смягчающее обстоятельство свидетельствует о наличии сожаления о содеянном и стремлении загладить причиненный вред. Преступник старается загладить вред, минимизировать последствия.

Итак, завершая статью, еще раз отметим, что суд вправе признать любое иное обстоятельство, смягчающим вину подсудимого, и что оно может относиться к любой из описанных выше групп.

Возможность смягчения вины подсудимого, учета всех обстоятельств дела связана с необходимостью индивидуализации наказания, так как в каждом конкретном случае ситуация различна. Именно эти смягчающие вину обстоятельства должны в обязательном порядке учитываться судом, который не вправе назначить наказание свыше двух третей от максимально возможного. Наличие иных смягчающих обстоятельств также предполагает необходимость их учета, однако на законодательном уровне размер и вид наказания не ограничиваются.

В связи с изложенным предлагаем в ст. 61 УК РФ внести следующие изменения:

1) наличие у подсудимого малолетних детей должно учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства только в определенных случаях, соответственно, необходимо включить в текст статьи фразу «наличие у подсудимого малолетних детей и активное участие в их воспитании»;

2) «совершение преступления впервые» заменить на «ранее не судим».

Смягчающие обстоятельства, наличие которых установлено судом, не влияют на квалификацию деяния, а определяют степень опасности лица, совершившего преступление, как пониженную, что позволяет суду назначить либо более мягкое наказание, либо определить наказание ниже, чем предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо назначить более мягкий вид наказания. Смягчающие обстоятельства должны быть учтены судом в обязательном порядке при определении вида и меры наказания.

Библиографический список

1. *Воронин В. Н.* Обстоятельства, смягчающие наказание, в правоприменительной практике / В. Н. Воронин // Советник юриста. – 2013. – № 2. – С. 3–9.

2. *Замдиханова Л. Р.* Характер и степень общественной опасности преступления и личность преступника как критерии назначения наказания / Л. Р. Замдиханова // Актуал. проблемы рос. права. – 2018. – № 8(93). – С. 137–145.

3. *Похилько В. С.* Смягчающие обстоятельства как условие индивидуализации наказания / В. С. Похилько // Вестн. науки и образования. – 2017. – Т. 2, № 6(30). – С. 89–91.

References

1. *Voronin V. N.* Circumstances Mitigating Punishment in Law Enforcement Practice. *Sovetnik Yurista*. 2013. No. 2. P. 3–9.

2. *Zamdikhanova L. R.* The Nature and Degree of Public Danger of a Crime and the Identity of the Offender as Criteria for Sentencing. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2018. No. 8(93). P. 137–145.

3. *Pokhil'ko V. S.* Extenuating Circumstances as a Condition for the Individualization of Punishment. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya*. 2017. Vol. 2. No. 6(30). P. 89–91.

Библиографическое описание статьи

Радченко К. Н. Значение смягчающих вину обстоятельств при назначении уголовного наказания / К. Н. Радченко // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 105–109.

УДК 343.131.7

Рамалданов Ханбулат Хизриевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии
E-mail: hanbulatramaldanov93@mail.ru

Шашков Михаил Юрьевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии
E-mail: mihail.mh@mail.ru

Ramaldanov Khanbulat Kh.,
Post-graduate Student of Criminal Law Studies Department of Russian Customs Academy

Shashkov Mikhail Yu.,
Post-graduate Student of Criminal Law Studies Department of Russian Customs Academy

РОЛЬ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

The Role of the Principle of Presumption of Innocence in Assessing the Results of Wiretapping

Аннотация. Рассмотрен вопрос о реализации принципа презумпции невиновности при осуществлении прослушивания телефонных переговоров, а также проблемные моменты при оценке результатов производства прослушивания телефонных переговоров при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; презумпция невиновности; обвиняемый; подозреваемый; виновность; прослушивание телефонных переговоров.

Abstract. The issue of implementation of the principle of presumption of innocence in implementation of wiretapping is examined, as well as the problematic aspects of the assessment of results of production of wiretapping in solution of crimes and criminal investigations.

Key words: criminal proceedings; presumption of innocence; an accused; a suspect; guiltiness; wiretapping.

На современном этапе развития и существования государства и общества преступность приобрела организованные формы в виде групп и сообществ, которые совершают тяжкие и особо тяжкие преступления в сфере экономики, против собственности, а также связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе и трансграничной направленности. В связи с этим явлением, несомненно, актуальным становится оптимальное и комплексное использование оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» как способа собирания ориентирующей информации в борьбе с преступными формированиями.

Однако в современных условиях развития уголовного права и уголовного процесса в полной мере не проведен анализ применения принципа презумпции невиновности при оценке результатов оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров».

Первоначально кратко охарактеризуем принцип презумпции невиновности. Сегодня он является одним из самых важных среди принципов уголовного судопроизводства. Данный принцип также является международным и конституционным, в связи с чем увеличиваются его значимость и весомость. Данный принцип уголовного судопроизводства защищает человека от уголовного преследования при отсутствии признаков преступления в его действиях.

Понятие принципа презумпции невиновности закреплено в ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Описываемый принцип был ранее обнародован в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., а также в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), что свидетельствует о его высокой значимости и фундаментальности этих положений для уголовного судопроизводства.

Статья 14 УПК РФ конкретизирует принцип презумпции невиновности:

«1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоя-

© Рамалданов Х. Х., Шашков М. Ю., 2019

щим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

В отечественной юридической науке можно выделить несколько основных точек зрения, касающихся конституционного принципа презумпции невиновности. Некоторые ученые-юристы [2, с. 60; 5, с. 33] заявляли, что этот принцип неприменим к отечественному уголовному процессу. Известный ученый Н. Н. Полянский принцип презумпции невиновности признавал не полностью [6, с. 47]. Отстаивание важности, ценности и значимости принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве осуществляли ученые-процессуалисты, такие как А. М. Ларин, В. И. Каминская, В. М. Савицкий [8, с. 45; 3; 7]. Их идеи о признании презумпции невиновности в конечном счете были закреплены в общесоюзном, а потом и в российском законодательстве.

В России родоначальником разработки и исследования принципа презумпции невиновности является М. С. Строгович. Он сформулировал следующее определение презумпции невиновности: «Всякий гражданин считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в устанавливаемом законом порядке» [9, с. 158–160].

Теперь рассмотрим, каким образом следует оценивать собранные в ходе оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» фонограммы телефонных переговоров.

В современном законодательстве прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскных целях предусмотрено п. 10 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ «Об ОРД»).

Основаниями прослушивания телефонных переговоров согласно ст. 7 ФЗ «Об ОРД» являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания.

При этом обязательным условием в соответствии с ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» является проведение данных мероприятий только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также в отношении лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Данное оперативно-розыскное мероприятие допустимо проводить только тогда, когда другим путем невозможно обеспечить выполнение задач, указанных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД». В ходе оперативно-розыскных мероприятий правоохранительных органов процесс прослушивания телефонных переговоров лиц сопровождается их звукозаписью, т. е. созданием с помощью технических средств фонограмм телефонных переговоров. Это указывает на то, что прослушивание телефонных переговоров и их звукозапись, как в электронном виде в память технических устройств, так и на материальные носители информации, являются составными и неотъемлемыми частями оперативно-розыскного мероприятия, а потому термин «прослушивание» можно обоснованно заменить термином «контроль», который является более широким по значению и включает в себя как прослушивание, так и получение иной информации в процессе осуществления данного оперативно-розыскного мероприятия, а также другие активные и пассивные действия оперативных сотрудников при осуществлении данного мероприятия [4].

В ходе осуществления оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» необходимо выделить его составные части, а именно: принятие решения о проведении указанного оперативно-розыскного мероприятия и получение судебного разрешения на его проведение, техническую сторону, заключающуюся в установке местоположения интересующего правоохранительные органы абонентского устройства, подключение технических средств и настройку на принятие его сигнала и собственно прослушивание телефонных переговоров и их фиксация в виде фонограмм и сводок на материальных носителях информации, т. е. на тех носителях, которые могут быть переданы для приобщения к материалам уголовного дела либо приложены к оперативным материалам, на основании которых компетентному должностному лицу

предстоит принять решение в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ.

Прослушивание телефонных переговоров возможно только при наличии судебного решения о разрешении проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия, к ходатайству о получении которого должностному лицу необходимо прилагать материалы оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующие о противоправной деятельности лица, в отношении которого проводится оперативная разработка.

ФЗ «Об ОРД» устанавливает, что проведение прослушивания телефонных переговоров возможно только с санкции суда, так как проведение указанного оперативно-розыскного мероприятия без судебного разрешения нарушает право граждан на тайну телефонных переговоров, установленное Конституцией Российской Федерации. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что право граждан на тайну телефонных переговоров по своей конституционно-правовой сути является защитным механизмом для правового обеспечения конфиденциальности информации, которая передается по линиям телефонной связи, как по проводным, так и беспроводным, независимо от полноты, содержания и предназначения передаваемых сведений. Следовательно, принцип презумпции невиновности в уголовном процессе является еще одним защитным механизмом граждан от необоснованного обвинения со стороны правоохранительных органов.

Согласно самой концепции принципа презумпции невиновности обвиняемый сохраняет статус невиновного человека, вне зависимости от мнения, сложившегося у какого-либо конкретного человека или общества в целом. Однако в современных условиях работы правоохранительных органов спорные моменты в оценке ориентирующей информации из фонограмм, полученных в ходе прослушивания телефонных переговоров, трактуются должностными лицами на основании внутреннего убеждения со стороны обвинения, что препятствует реализации принципа презумпции невиновности, в связи с чем при процессуальной оценке результатов прослушивания телефонных переговоров необходимо производить осмотр фонограмм с участием подозреваемого, обвиняемого, а также лиц, с кем последний вел записанный телефонный диалог. При этом необходимо установить, с каких абонентских устройств велось соединение, имеются ли в наличии у правоохранительного органа указанные абонентские устройства, полученные надлежащим образом при личном досмотре, обыске либо выемке, а также принадлежит ли голос на фонограмме подозреваемому, обвиняемому либо иному лицу, с кем проводился указанный телефонный диалог. В ситуациях, когда абонентские устройства изъяты у подозреваемого, обвиняемого и их идентификационные номера совпадают с номерами, отраженными в результатах прослушивания телефонных переговоров, однако сам подозреваемый, обвиняемый отрицает присутствие своего голоса на фонограмме, в целях реализации принципа презумпции невиновности необходимо проводить фоноскопическую экспертизу, результаты которой лягут в основу при принятии решения о приобщении фонограмм и их носителей в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела.

Человек считается непричастным к совершенному преступлению, а следовательно, и невиновным до тех пор, пока его виновность не установлена и не доказана в ходе судебного следствия, результатом которого будет вступивший в законную силу приговор суда. Человек, имеющий статус подозреваемого либо привлеченный в качестве обвиняемого по уголовному делу, только предположительно совершил инкриминируемое ему преступление, вне зависимости от его квалификации. В связи с этим к подозреваемому или обвиняемому лицу, исходя из сути принципа презумпции невиновности, не могут применяться ограничения прав и свобод, и меры принуждения, допустимые в отношении лица, признанного судом виновным. Однако при соблюдении уголовно-процессуальной процедуры и обеспечения последующих досудебной и судебной проверки и оценки фонограмм, полученных в ходе оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», подобные действия не могут быть расценены как недопустимое ограничение гарантированного Конституцией Российской Федерации права, поскольку их совершение предполагает достижение конституционно значимых целей.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что законодательно установленная возможность прослушивать телефонные переговоры граждан является необходимым конституционным ограничением их свобод, которое направлено на обеспечение защиты общественной безопасности и правопорядка, предотвращение преступлений и иных противоправных действий в современных условиях существования государства и общества, так как в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и на судебном следствии виновность обвиняемого подлежит доказыванию.

Обязанность по выявлению оправдывающих обвиняемого обстоятельств, разрешению ходатайств и жалоб призвана подчеркнуть тот факт, что истина еще не установлена судом, а виновность обвиняемого не доказана [1]. Перспектива детального изучения судом материалов уголовного дела, а особенно результатов оперативно-розыскных мероприятий, послуживших основанием для принятия решения в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ, должна способствовать повышению качества работы оперативных подразделений, органов следствия и дознания, что следует учитывать при оценке содержания сведений в фонограммах телефонных переговоров подозреваемого либо обвиняемого лица.

При этом реализация принципа презумпции невиновности при оценке результатов оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» и принятии решения о признании и приобщении полученных фонограмм либо отсутствии таковых способствует объективности досудебного производства, повышению его качества, что в дальнейшем сократит время судебного разбирательства по делу и максимально исключит принятие судом решений о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, необоснованном обвинении и лишении свободы граждан Российской Федерации, что крайне важно для развития правового государства.

Библиографический список

1. *Газетдинов Н. И.* Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России / Н. И. Газетдинов // Журн. рос. права. – 2005. – № 1. – С. 68–74.

2. *Голунский С. А.* О вероятности и достоверности в уголовном суде / С. А. Голунский // Проблемы уголовной политики. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – Кн. 4. – С. 56–63.

3. *Каминская В. И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 132 с.

4. *Машков С. А.* Актуальные наименования технических оперативно-розыскных мероприятий / С. А. Машков // Сиб. уголов.-процессуал. и криминалист. чтения. – 2015. – № 2(8). – С. 174–181.

5. *Мокичев К. А.* Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве / К. А. Мокичев. – М. : [б. и.], 1959. – 40 с.

6. *Полянский Н. Н.* Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции / Н. Н. Полянский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 99 с.

7. *Савицкий В. М.* Презумпция невиновности: что означает? Кому нужна? Как принимается? / В. М. Савицкий. – М. : Норма, 1997. – 121 с.

8. *Стецовский Ю. И.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю. И. Стецовский, А. М. Ларин. – М. : Наука, 1988. – 320 с.

9. *Строгович М. С.* Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М. : Юриздат МЮ СССР, 1946. – 511 с.

References

1. *Gazetdinov N. I.* The Implementation of the Presumption of Innocence Principle in the Criminal Proceedings of Russia. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2005. No. 1. P. 68–74.

2. *Golunskij S. A.* About Likelihood and Reliability in Criminal Court. *Criminal Policy Issues*. M., Yuridicheskoe Izdatel'stvo NKYu SSSR, 1937. Bk. 4. P. 56–63.

3. *Kaminskaya V. I.* The Doctrine of Legal Presumptions in Criminal Proceedings. M., Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1948. 132 p.

4. *Mashkov S. A.* Actual Names of Technical Investigative Measures. *Sibirskie Ugolovno-processual'ny'e i Kriminalisticheskie Chteniya*. 2015. No. 2(8). P. 174–181.

5. *Mokichev K. A.* Against the Revisionist Perversions of the Marxist-Leninist Doctrine of State and Law. M., s. n., 1959. 40 p.

6. *Polyanskij N. N.* The Fate of the Procedural Guarantees of Personal Liberty in France. M., Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1946. 99 p.

7. *Saviczkij V. M.* Presumption of Innocence: What does It Mean? Who Needs It? How is It Taken? M., Norma, 1997. 121 p.

8. *Steczovskij Yu. I., Larin A. M.* The Constitutional Principle of Ensuring the Accused the Right to Defense. M., Nauka, 1988. 320 p.

9. *Strogovich M. S.* Criminal Process. M., Yurizdat MYu SSSR, 1946. 511 p.

Библиографическое описание статьи

Рамалданов Х. Х. Роль принципа презумпции невиновности при оценке результатов прослушивания телефонных переговоров / Х. Х. Рамалданов, М. Ю. Шашков// Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 110–113.

УДК 343.2

Руденко Александр Сергеевич,
доцент кафедры уголовного права
Академии права и управления ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ras79@bk.ru

Бутенко Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовного права
Амурского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: butanya1979@yandex.ru

Rudenko Aleksandr S.,
Assistant Professor of Criminal Law Department
of Academy of Law and Management
of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Butenko Tat'yana P.,
Assistant Professor of Criminal Law Department
of Amur State University
PhD (Law), Associate Professor

НАСИЛИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Violence in the Russian Criminal Law

Аннотация. В статье рассматриваются понятие насилия в рамках действующего уголовного законодательства и в доктрине уголовного права, а также физическое и психическое насилие, каким образом используются формулировки насилия в нормах уголовного закона, каково значение регламентации насилия. С точки зрения доктрины уголовного права авторами проанализированы аутоагрессия, в том числе вопросы о ее возможном уголовном преследовании.
Ключевые слова: насилие в уголовном законе; физическое, психическое насилие; значение насилия; аутоагрессия; уголовная ответственность.

Abstract. The article deals with the concept of violence in the framework of the current criminal law and in the doctrine of criminal law. Physical and mental violence is considered, how the wording of violence is used in the norms of criminal law, what the significance of regulation of violence is. From the point of view of the doctrine of criminal law, the author considers autoagression, including questions of its possible criminal prosecution.
Key words: violence in criminal law; physical, mental violence; meaning of violence; self-aggression; criminal liability.

Сегодня в теории уголовного права проблемам насилия посвящены труды таких ученых-правоведов, как: Л. Д. Гаухман, Р. А. Левертова, С. И. Симонов, Р. Д. Шарапов и др. Однако в основном они уделяют внимание именно способу совершения насилия. Безусловно, это важно, однако, мы считаем, что насилие представляется более многогранным явлением.

По мнению Л. Д. Гаухмана, «под насилием в уголовном праве понимается общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, которое совершено против и помимо воли его, либо рассматривается как таковая сама угроза его применения» [2, с. 3].

Согласно толковому словарю русского языка слово «насилие» имеет несколько значений:

1) это беззаконие, притеснение в общем его значении [6, с. 334]. Исходя из этого значения, можно сделать вывод, что практически любое преступление нужно воспринимать как некую форму насилия, потому что происходит посягательство на охраняемые законом интересы личности и государства. Уголовное законодательство четко определяет, какие виды насилия следует считать преступлениями, и перечисляет эти признаки преступлений;

2) насилие – это принудительное воздействие на что-либо или на кого-либо [6, с. 334]. Таким образом, наказание и иные меры уголовно-правового характера, как, например принудительные меры воспитательного воздействия, также по природе своей выступают насилием. Однако в теории права такое насилие именуется институционализированным, т. е. законным. Осуществляя воздействие на лиц, совершивших уголовные правонарушения, государству необходимо будет применять в отношении их различного рода насилие.

Так, в одном случае это может быть лишение человека свободы, в другом – наказание в виде штрафа, в третьем случае речь может идти о конфискации имущества и т. д. В связи с этим можно утверждать, что одной из функций уголовного права является регламентация характера, а также видов насилия, применяемого государством к лицам, которые совершили противоправные деяния. Данное обстоятельство способно обеспечиваться установлением в содержании норм уголовного закона определенного вида санкции или же иной меры уголовно-правового характера, и это является прерогативой только уголовного законодательства.

© Руденко А. С., Бутенко Т. П., 2019

Исходя из вышеизложенного, вызывает сомнение целесообразность наличия целого ряда норм, содержащихся в уголовно-исполнительном законодательстве, которые, по сути, дополняют содержательную часть некоторых наказаний. Так, в ст. 41 УИК РФ предусматривается возможность установления для лиц, отбывающих наказание в виде исправительных работ, определенных обязанностей и ограничений, которые в уголовном законодательстве отсутствуют. Обозначенный случай указывает на некую коллизию этих двух законодательств – уголовного и уголовно-исполнительного. Дело в том, что уголовно-исполнительное законодательство обязано определять не вид и характер насилия, которое применяется к лицу, совершившему противоправное деяние, а только лишь устанавливать порядок его применения. Соответственно, следует сделать вывод, что вышеуказанная норма должна быть закреплена именно в уголовном законодательстве.

Уголовное право, наряду с наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, содержит и иные виды легализованного насилия в отношении лиц, совершивших преступления. Имеются в виду обстоятельства, исключающие преступность деяния, такие как необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Например, в случае отражения преступного посягательства уголовный закон закрепляет право обороняющегося применять насилие, в результате которого возможно либо наступление последствий в виде причинения вреда здоровью различной степени тяжести для нападающего, либо наступление смерти. В обязательном порядке уголовный закон, регламентируя подобную ситуацию, определяет условия правомерности и необходимые пределы, преступать которые нельзя.

В юридической литературе выделяют физическое и психическое насилие. Относительно физического насилия в уголовном законодательстве используются различные формулировки: «посягательство» (ст. 317 УК РФ); «нападение» (ст. 162 УК РФ); «сопротивление» (ст. 333 УК РФ) и т. д. При более глубоком анализе норм Особенной части УК РФ следует обратить внимание на то, что некоторые диспозиции норм уголовного закона содержат в себе сам характер насилия, например: «опасное для жизни или здоровья» в ст. 162 УК РФ; «не опасное для жизни или здоровья» в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ; «побои» в ст. 116 УК РФ.

С одной стороны, признаком физического насилия является воздействие на организм другого человека помимо его воли. С другой стороны, насилие также будет считаться преступным и в том случае, когда оно применялось с согласия самого потерпевшего, результатом чего выступают последствия в виде причинения вреда здоровью различного характера либо наступления смерти. Объяснить это можно тем, что жизнь и здоровье человека являются высшими ценностями согласно Конституции Российской Федерации, поэтому они рассматриваются не только в рамках личных благ человека, но и как общественное благо, ценность.

Таким образом, в основном представляется возможным расценивать физическое насилие как воздействие на потерпевшего, осуществляемое извне. Несмотря на это, насилие в ряде случаев может быть совершено потерпевшим в отношении себя самого. В доктрине такое поведение называют аутоагрессией, которая в свою очередь может подразделяться на такие виды, как суицид, членовредительство и иные виды [4, с. 45].

В настоящее время в российском законодательстве не предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за покушение на суицид. Данное деяние не представляет общественную опасность, равно как и другие виды аутоагрессии. Лишь в единственном случае мы можем говорить об исключении – это норма ст. 339 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами». Здесь как раз усматривается такой уголовно наказуемый вид аутоагрессии, как «членовредительство».

Ученые и практики неоднократно указывали на необходимость установления уголовной ответственности за аутоагрессию в отношении отдельных категорий граждан, таких как, например, осужденные к лишению свободы, которые с целью уклонения от отбывания наказания совершают членовредительство [1, с. 373]. Однако данное видение существует только в доктрине уголовного права, в законодательстве оно своего отражения не нашло.

Р. А. Левертова в своей работе, посвященной ответственности за психическое насилие [5, с. 16], как и некоторые другие ученые, предлагает понимать под психическим насилием именно создаваемую реальную угрозу применения физического насилия. В то же время высказываются мнения о более широком понятии. Так, Н. В. Стерехов дополняет понятие психической угрозы угрозой причинения морального, имущественного вреда, лишения определенного блага, ограничения волеизъявления [7, с. 4]. Считаем более обоснованным последнее мнение, что подтверждается содержанием текста норм уголовного закона, где описываются термины психического насилия, такие как, например, «понуждение» в ст. 133 УК РФ либо «угроза уничтожения или повреждения чужого имущества» в ст. 167 УК РФ.

Вместе с тем сводить в единое целое все виды совершения преступлений только физическим и психическим насилием нельзя. Исходить следует из того, что насилие – это прежде всего определенное принудительное воздействие не только на кого-то конкретного, но и на что-либо определенное. Отсюда можно заключить, что насилие может выражаться в принудительном воздействии на предметы материального мира, принадлежащие потерпевшему. В качестве примера такого насилия можно привести вандализм (ст. 214 УК РФ), а именно, «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». К числу насильственных преступных деяний возможно отнести: террористический акт (ст. 205 УК РФ); массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ); диверсию (ст. 281 УК РФ), а также некоторые другие. Ведь если объективно посмотреть, они в первую очередь выражаются в уничтожении или повреждении чужого имущества, транспорта и т. д., поэтому насилие такого характера следует считать материальным.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы.

1. Несомненно, насилие невозможно сводить лишь к способу совершения преступного деяния, потому как любое преступное посягательство, вне его зависимости от характера, следует рассматривать как насилие.

2. Уголовное законодательство предусматривает совершенно легальные виды насилия, применяемые государством в отношении лиц, которые совершили общественно опасные деяния, а также гражданами в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния.

3. Социальное значение уголовного закона заключается именно в регламентации насилия, его характера, содержания, видов, пределов правомерности.

4. Если рассматривать насилие как способ совершения преступного деяния, то оно будет представлять собой общественно опасное противоправное воздействие на организм человека или на чужое имущество. Насилие совершается против и помимо воли потерпевшего, в том числе и путем применения угрозы подобного насилия.

Библиографический список

1. *Бородулькина Е. С.* Членовредительство осужденного как основание для отказа в освобождении от наказания по заболеванию / Е. С. Бородулькина // Молодой учёный. – 2014. – № 17. – С. 373–376.

2. *Гаухман Л. Д.* Насилие как средство совершения преступления / Л. Д. Гаухман. – М. : Юрид. лит., 1974. – 167 с.

3. *Гришко А. Я.* Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / А. Я. Гришко, Е. А. Гришко, И. В. Упоров ; под ред. Н. И. Ветрова. – М. ; Смоленск : Универсум, 2001. – 248 с.

4. *Жмуров Д. В.* Криминальная аутоагрессия / Д. В. Жмуров // Криминол. журн. БГУЭП. – 2010. – № 1(11). – С. 45–49.

5. *Левертова Р. А.* Ответственность за психическое насилие по советскому праву / Р. А. Левертова. – Омск : ОНиРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1978. – 103 с.

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1989. – 750 с.

7. *Стерехов Н. В.* Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.715 / Стерехов Н. В. – Свердловск, 1972. – 24 с.

8. *Шарапов Р. Д.* Уголовно-правовая характеристика физического насилия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шарапов Роман Дмитриевич. – СПб., 1999. – 24 с.

References

1. *Borodul'kina E. S.* Self-Injury of a Convict as a Ground for Denial of Discharge from Punishment in case of a Disease. *Molodoj Uchyony'j*. 2014. No. 17. P. 373–376.

2. *Gaukhman L. D.* Violence as a Means of Committing a Crime. M., Yuridicheskaya Literatura, 1974. 167 p.

3. *Grishko A. Ya., Grishko E. A., Uporov I. V.* Criminal Law. A Common Part. Ed. by N. I. Vetrov. M., Smolensk, Universum, 2001. 248 p.

4. *Zhmurov D. V.* Criminal Self-aggression. *Kriminologicheskij Zhurnal BGUE'P*. 2010. No. 1(11). P. 45–49.

5. *Levertova R. A.* Responsibility for Mental Abuse under the Soviet Law. Omsk, ONiRIO Omskoj VShM MVD SSSR, 1978. 103 p.

6. *Ozhegov S. I.* Russian Dictionary. M., Russkij Yazy'k, 1989. 750 p.

7. *Sterekhov N. V.* Responsibility for the Threat under the Soviet Criminal Law. Sverdlovsk, 1972. 24 p.

8. *Sharapov R. D.* Criminal Legal Characteristic of Physical Violence. SPb., 1999. 24 p.

Библиографическое описание статьи

Руденко А. С. Насилие в уголовном праве России / А. С. Руденко, Т. П. Бутенко // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 114–116.

УДК 343.268

Савин Андрей Александрович,
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: AASavin33@mail.ru

Savin Andrej A.,
Lecturer of Public Law Studies Department
of VLI of the FPS of Russia,
Post-graduate Student
of Criminal Law Studies Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

Compulsory Measures of Medical Character in the Legislation of a Number of Foreign Countries: Issues of Legal Regulation and Enforcement

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о регулировании и об исполнении принудительных мер медицинского характера в ряде зарубежных стран. Автор акцентирует внимание на правовом обеспечении данного процесса, т. е. на наличии четко установленного порядка применения указанных мер. В результате проведенного исследования были выявлены как сходства, так и различия по рассматриваемому вопросу в уголовном законодательстве зарубежных стран и уголовном праве России, а на основании данного сравнительно-правового анализа автор приходит к выводу об отсутствии гибкости в применении российского законодательства о принудительных мерах медицинского характера.

Ключевые слова: уголовно-правовая мера; принудительная мера медицинского характера; осужденный; зарубежное законодательство; правовое регулирование.

Abstract. The article deals with the issue of regulation and enforcement of compulsory medical measures in a number of foreign countries. The author emphasizes the legal support of this process, i. e., the presence of a clearly established procedure for the application of these measures. As a result of the study, both similarities and differences on the issue under consideration in the criminal legislation of foreign countries and the criminal law of Russia were identified, and on the basis of this comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that there is no flexibility in the application of Russian legislation on enforcement, body measures of a medical nature.

Key words: criminal-legal measure; compulsory medical measure; a convicted person; a foreign legislation; legal regulation.

В цивилизованных странах любое нарушение закона, совершенное лицом, которое находится в болезненном психическом состоянии, является поводом для возможного применения к нему специализированных медицинских мер, в том числе принудительного характера, но которые не являются наказанием за совершенное деяние. В ряде стран особые медицинские меры предусмотрены и для лиц, совершивших деяния, противоречащие закону, находящихся в состоянии зависимости от наркотических препаратов, алкоголесодержащих напитков и суррогатов или иных раздражающих веществ. Специализированные меры, применяемые принудительно, серьезно ограничивают в правах и свободах привлекаемых лиц, в связи с чем эти меры нуждаются в четкой регламентации. Изучение зарубежного положительного опыта в данной области позволит его использовать для устранения пробелов в действующем уголовном законодательстве России и его совершенствования.

В рамках уголовно-правового регулирования жизнедеятельности общества и предупреждения совершения преступлений центральное место занимают ответственность в рамках уголовного законодательства и наказание как завершающий этап наличия факта совершения преступления. Целями указанного регулирования являются исправление виновного лица, а также специальная и общая превенции. Законодательством предусмотрено и иное уголовно-правовое регулирование, которое может быть применено к лицам, совершившим преступление. Речь идет о принудительных медицинских мерах воздействия, природа которых не до конца изучена.

Уголовное законодательство ряда зарубежных стран построено по принципу, в соответствии с которым меры воздействия делятся на две самостоятельные группы. Первая группа –

© Савин А. А., 2019

наказание, вид и размер которого определяются характером совершенного и наличием вины, вторая – иные меры, к которым, как правило, относятся воспитательные, медицинские или иные профилактические. Нельзя полностью согласиться с правильностью подобного подхода, однако он, по нашему мнению, позволяет разграничивать и регулировать средства воздействия на обе группы и, с учетом их специфики, контролировать гарантии соблюдения законности применения соответствующих мер.

Аналоги принудительных медицинских мер, существующих в российском уголовном законодательстве, присутствуют и в зарубежном законодательстве. Так, в Уголовном кодексе Польши они определены как меры безопасности; в уголовном законодательстве Германии – меры исправления и безопасности; в законодательстве Испании – меры безопасности, предусматривающие лишение свободы. В США медицинские меры принудительного характера в отношении правонарушителей названы изоляцией дефективных правонарушителей, принудительным лечением алкоголиков, социальным восстановлением наркоманов. При этом медицинские меры в одном государстве в части их метода применения, их видов, преследуемых целей и оснований применения отличны от норм других государств.

Несмотря на кажущееся сходство институтов применения принудительных мер медицинского характера, которые в любом случае служат мерами соблюдения благополучия и безопасности общества вместе с мерами исправления и безопасности, зарубежное право фактически саморегулируется и видоизменяется по принципу усовершенствования мер, которые скорее носят превентивный характер в отношении лиц, склонных к совершению противоправных деяний. Данные меры включают в себя: превентивное заключение, запреты на посещение различных общественных заведений, обязанность информирования властей о преступлениях, лишение права управления автомобилем, запрет на определенные виды работ и т. д. [2]. В данном случае нельзя не обратить внимание на спорность выводов по рассматриваемому вопросу в зарубежном уголовном праве в связи с тем, что во многих странах меры правового принуждения (медицинские меры), в случае установления факта предполагаемой невменяемости лица в момент совершения деяния, выступают как альтернативные меры возможного наказания, т. е. являются наказанием за содеянное.

Любой уголовный закон предусматривает назначение наказания исходя из степени опасности лица, совершившего деяние, а также мотивов и последствий совершенного им. Кроме того, рассматривается вопрос о возможности нахождения данного лица в полноценном обществе. Например, в Германии законодательство придает особое значение принципам именно исправления и безопасности привлеченного к ответственности лица, полагаясь на идею о его ресоциализации и одновременно на меру предупреждения дальнейших его противоправных поступков. Одновременно могут быть применены и другие меры, которые необходимо рассматривать как профилактические (руководящий надзор, помещение в психиатрическую больницу, помещение в терапевтическое учреждение для алкоголезависимых). Несмотря на все разнообразие существующих мер, ряд ученых в Германии не соглашаются с ними по причине неясности их правовой природы, отсутствия четкой грани между профилактикой, лечением и наказанием, сравнивая данные меры с репрессивным подходом к проблеме.

Уголовное законодательство Финляндии в 1889 г. в разделе, связанном с принудительными медицинскими мерами, назвало применяемые меры помещением в смирительное заведение, лишая при этом лицо права занятия профессией или промыслом, применяя конфискацию имущества. В 1952 г. «Закон о душевнобольных» предписывал лиц, оправданных судом по причине состояния невменяемости, подвергать самостоятельным предохранительным мерам, которые назначались административными органами, а не судами [2, с. 24, 42].

Зарубежное уголовное законодательство ряда стран, в частности законодательство Германии 1998 г., Швеции 1964 г., Дании 1986 г., Польши 1998 г., Испании 1995 г., рассматривает практику уменьшенной (ограниченной) вменяемости. Уменьшенная вменяемость в разных формах, но схожих интерпретациях имеется в уголовном законодательстве Югославии, Финляндии, Чехии, Индии, Венгрии и Италии, однако применение принудительных медицинских мер закреплено лишь в законодательстве части стран.

Уголовный закон Швейцарии предоставляет право суду по собственному усмотрению смягчать наказание соответствующей категории привлекаемых лиц и при наличии медицинского заключения экспертов помещать «уменьшено вменяемого» в учреждение соответствующего типа [1, с. 144].

Законодательством Франции допускается применение принудительных медицинских мер к лицам, которые признаны ограниченно вменяемыми. Помещаются они в специализированный стационар (больницу), режим в котором одно-

временно является тюремным, однако включает в себя психиатрические процедуры [3, с. 45, 46].

В ряде государств (например, в Германии, Швеции, Японии, Испании) уголовное законодательство предусматривает смягчение наказания или полное освобождение от него в случае совершения лицом преступления в состоянии полной или частичной вменяемости, но при этом назначает предусмотренные законом принудительные медицинские меры.

Согласно действующему российскому уголовному законодательству лицу, совершившему противоправные деяния в состоянии психического заболевания, у которого после совершенного преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, а также в отношении которых есть заключение о необходимости лечения от алкогольной либо наркотической зависимости, принудительные медицинские меры назначаются только в случае, если это лицо склонно к совершению новых противоправных деяний, несет опасность для общества и самого себя. В отечественном законодательстве целями применения принудительных мер медицинского характера названы излечение, улучшение психического состояния лица, а также профилактика и предупреждение совершения новых общественно опасных проступков. Похожих взглядов на применение указанных мер придерживаются многие зарубежные страны.

Так, в Польше принудительные медицинские меры назначаются судом, а лицо помещается в психиатрическую больницу в целях пресечения совершения новых противоправных деяний, которые вызваны его психическим состоянием, зависимостью от алкогольных напитков, наркотических средств или умственной отсталостью. В случае, если лечение дало положительный эффект, то суд может ограничиться сроком, отбытым в психиатрической больнице, и установить за лицом надзор. Данная возможность распространяется на осужденных, назначенный срок которым не превышает трех лет. Если виновное лицо страдает зависимостью от алкоголя или наркотиков, суд принимает решение о его направлении в лечебное учреждение закрытого типа для прохождения лечения от указанных недугов при наличии вероятности совершения лицом новых противоправных деяний, однако при условии, если срок осуждения составил не более двух лет. Если эффект от лечения – положительный, то срок может быть заменен на иную меру, при которой осужденный находится под наблюдением куратора или общественной организации. Срок с момента замены наказания до полного завершения осуждения является испытательным, и при нарушении возложенных на осужденного обязанностей (непрохождение лечения, совершение новых проступков, неподчинение режиму лечебного учреждения), он решением суда направляется в закрытое учреждение медицинского типа или пенитенциарное.

Уголовным кодексом Германии предусмотрено помещение в психиатрический стационар лица, совершившего деяние в состоянии, когда оно не могло в полной мере или вовсе отдавать отчет своим действиям. Такое решение принимается судом в случае, если последний придет к выводу, что привлекаемое лицо по причине нахождения в болезненном состоянии может еще совершить противоправные деяния. Законодательством закреплено, что лицу, совершившему противоправное деяние, суд назначает принудительную медицинскую меру, помещает его в медицинское специализированное учреждение только в случае, если будут все основания полагать о возможности совершения им новых деяний по причине нахождения в болезненном психическом состоянии. Кроме того, назначаемая судом мера безопасности исполняется в первую очередь, а затем исполняется мера наказания. Одновременно Уголовным кодексом Германии предусмотрена условная отсрочка применения мер безопасности в случае, если суд придет к выводу о достижении мер безопасности за пределами специализированного учреждения. Отсрочка может быть сроком от двух до пяти лет. Необходимо отметить, что в уголовном праве Германии предусматриваются следующие принудительные медицинские меры: помещение в психиатрическую больницу или специализированное учреждение для зависимых от алкоголя или наркотиков. Причем законодательством Германии закреплена последовательность исполнения наказания, когда мерам безопасности отдается предпочтение перед наказанием.

Уголовным кодексом Испании при направлении на принудительное медицинское лечение учитывается срок, к которому виновное лицо было бы приговорено судом в случае его вменяемости и который не может его превышать. В качестве меры безопасности законодательство предусматривает прохождение лечения или обучение с последующим получением образования в учреждении, которое соответствует психическому заболеванию лица. Лица, совершившие противоправные деяния в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотических средств, направляются в восста-

новительные центры для алкоголиков и наркоманов. Уголовное законодательство Испании содержит следующее положение: срок нахождения на излечении не может превышать срок, который мог быть назначен виновному, если бы он не нуждался в лечении.

В англосаксонском праве лицам, совершившим противоправное деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, и признанным «привычными алкоголиками», суд назначает, кроме уголовного наказания или вместо него, направление в специализированное учреждение – реформаторий для алкоголезависимых на срок, не превышающий трех лет. В случае, если совершено преступление небольшой тяжести, а наркозависимость небольшая, то мера медицинского характера назначается только при согласии виновного лица. Если согласия нет, тогда суд назначает уголовное наказание. В Англии одной из мер безопасности считается помещение виновного лица в специализированное учреждение для алкоголезависимых на срок не более трех лет, если будет установлено, что причиной совершения преступления явилось алкогольное опьянение и само лицо или присяжный установят, что он «привычный пьяница» [4, с. 121, 159].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что применение законодательства о принудительных мерах медицинского характера в законодательствах ряда зарубежных стран является гибким, содержит массу различных мер, а также критериев, при обязательном соблюдении которых они могут быть применены к виновному лицу. По этой причине как раз и интересен сравнительный анализ законодательства в уголовной сфере разных государств в части применения мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии, когда отчет своим действиям они не могли отдавать в силу нахождения в болезненном состоянии. Сегодня при практическом сопоставлении проблемных вопросов в указанной сфере, а также предложений по их разрешению сравнение правового регулирования применения принудительных медицинских мер представляется весьма актуальным, а в перспективе это может привести к сближению законодательства разных государств в данной области правоприменения и обогащению отечественного уголовного законодательства.

Библиографический список

1. *Бородин Ю. М.* Преступное поведение и психические аномалии / Ю. М. Бородин, Ю. М. Антонян ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Спарк, 1998. – 215 с.

2. *Клюканова Т. Н.* Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть / Т. Н. Клюканова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 64 с.

3. *Крылова Н. Е.* Основные черты уголовного кодекса Франции / Н. Е. Крылова. – М. : Спарк, 1996. – 124 с.

4. *Крылова Н. Е.* Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учеб. пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – М. : Зерцало, 1997. – 192 с.

References

1. *Borodin Yu. M., Antonyan Yu. M.* Criminal Behavior and Mental Abnormalities. Ed. by V. N. Kudryavcev. M., Spark, 1998. 215 p.

2. *Klyukanova T. N.* Criminal Law of Foreign Countries: Germany, France, Finland. A Common Part. SPb., Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 1996. 64 p.

3. *Kry'lova N. E.* The Main Features of the French Criminal Code. M., Spark, 1996. 124 p.

4. *Kry'lova N. E., Serebrennikova A. V.* Criminal Law of Modern Foreign Countries (England, the USA, France, Germany). M., Zerczalo, 1997. 192 p.

Библиографическое описание статьи

Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера в законодательстве ряда зарубежных стран: вопросы правового регулирования и исполнения / А. А. Савин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 117–120.

УДК 343.13

Серопян Эдгар Манвелович,
руководитель следственного отдела
по г. Надыму следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Ямало-Ненецкому автономному округу
E-mail: edulo1@mail.ru

Seropyan E'dgar M.,
Head of Investigation Department
in Nadym Investigation Department
Investigative Committee of the Russian Federation
in the Yamalo-Nenets Autonomous District

СООТНОШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Correlation of Powers of the Investigator and the Prosecutor in Pre-trial Proceedings in the Soviet and Post-Soviet Periods

Аннотация. В статье проводится нормативно-правовое исследование соотношения полномочий следователя и контролирующих органов и должностных лиц в ходе производства расследования уголовных дел в период с 1917 г. по настоящее время, определяется зависимость объема полномочий, характера деятельности, степени подчиненности и процессуальной самостоятельности следователя от политико-правового режима государства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; следователь; прокурор; самостоятельность; процессуальная независимость; уголовно-процессуальные функции; полномочия; доказательства; надзор.

Abstract. The article conducts a regulatory study of the relationship between the powers of the investigator and supervising bodies and officials during the investigation of criminal cases from 1917 to the present, determines the dependence of the scope of powers, nature of activity, degree of subordination and procedural independence of the investigator from the political and legal structure of a state.

Key words: criminal proceedings; investigator; prosecutor; independence; procedural independence; criminal procedural functions; powers; evidence; supervision.

Смена политико-правового режима в России, обусловленная революционными событиями 1917 г., повлекла кардинальные изменения в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах правоотношений. Неизбежные изменения претерпели и полномочия следователя, его роль и место в числе субъектов уголовного процесса. С прекращением действия Устава уголовного судопроизводства (далее: УУС) дальнейшими кодифицированными актами, регламентирующими производство предварительного расследования, были уголовно-процессуальные кодексы (далее: УПК) 1922 и 1923 гг. Указанные правовые акты восприняли законотворческий опыт разработчиков Судебных уставов, и в этой связи многие нормы, содержавшиеся в принятых кодексах, повторяли содержание УУС.

Разумеется, революционная и послереволюционная обстановка в стране не могла не сказаться на статусе субъектов уголовного процесса. Неудивительно, что названные акты к числу следователей, уполномоченных производить расследование уголовных дел, относили таких субъектов, которые ранее не могли быть отражены в законодательстве. Таковыми, согласно указанным УПК, теперь были народные следователи; состоящие при Советах народных судей и революционных трибуналов следователи; следователи военные и следователи по важнейшим делам при Народном комиссариате юстиции [1].

Несмотря на то, что следователи все еще оставались, как и при действии норм УУС, подотчетными суду, уже наметилась тенденция к реформированию органов расследования и передаче следователей под контроль прокурора. Непродолжительный период действия УПК РСФСР 1922 г. закончился принятием УПК РСФСР 1923 г., после чего данные тенденции усилились.

Введенная в УПК РСФСР 1923 г. седьмая глава регламентировала производство в новой стадии уголовного процесса – возбуждение уголовного дела. Ею возлагалась обязанность (ст. 96) на суды, прокурора, следователя и органы дознания принимать все заявления, связанные с готовящимися или совершенными преступлениями, проводить проверки на предмет наличия поводов и оснований к дальнейшему производству. Статья 96 УПК РСФСР 1923 г. предусматривала исчерпывающий перечень поводов к возбуждению уголовного дела. При этом прокурор, в силу ст. 94, направлял материалы либо органу дознания, либо следователю, либо в суд.

© Серопян Э. М., 2019

Следователь получал сообщение от органа дознания, приступившего к производству дознания, в течение суток. В свою очередь, начав расследование, следователь, подчиняясь ст. 96 и 110 УПК РСФСР 1923 г., уведомлял об этом прокурора.

Предъявление обвинения, производство допросов, составление обвинительного заключения, дача поручений дознавателям (ст. 110) были исключительным правом следователя. Следствие велось с учетом обязательных требований о необходимости выяснения как уличающих, так и оправдывающих лицо обстоятельств.

В исключительной компетенции прокурора были такие действия, как: продление срока следствия (ст. 116), передача уголовного дела по подследственности (ст. 124), разрешение споров о подследственности (ст. 127), надзор за его производством (ст. 118), – причем указания прокурора о ходе и направлениях подлежали безусловному исполнению следователем, о даче указаний следователю о дополнении следствия после предоставления прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, если сочтет расследование неполным (ст. 227).

Нельзя сказать, что в вопросах об избрании и применении мер пресечения наблюдалась полная самостоятельность следователя. Закон предписывал необходимость немедленного извещения прокурора следователем об избранных мерах пресечения в отношении лиц, дела о которых находились в производстве следователя. Однако исследование правовых норм указывает на то, что законодатель также ограничил и возможности прокурора, поставив их в зависимость от усмотрения суда. Так, если следователь был не согласен с мнением и указанием прокурора по вопросу применения конкретной меры пресечения, он выполнял данные прокурором указания, однако после их выполнения, в силу ст. 148, мог обратиться в суд для разрешения спора с прокурором по данному вопросу.

Действия следователя подлежали обжалованию как прокурору, который был обязан рассмотреть поступившую жалобу в трехсуточный срок, так и суду. Таким образом, деятельность следователя была подконтрольна как прокурору, так и суду.

О руководящей роли прокурора в досудебной части уголовного процесса свидетельствуют его полномочия в части сообщения суду о своем согласии с представленным обвинительным заключением и предложении суду его утвердить, о предложении лично поддерживать обвинение в суде, а также положения ст. 229 о праве прокурора составить новое обвинительное заключение по уголовному делу и направлении его в суд.

Таким образом, принятый 15 февраля 1923 г. УПК РСФСР закрепил главенство прокуратуры по отношению к органам предварительного следствия.

УПК РСФСР 1960 г. к органам предварительного следствия относил следователей прокуратуры, следователей органов охраны общественного порядка и следователей органов государственной безопасности. Следователь был наделен процессуальной самостоятельностью при производстве предварительного следствия. Как и ранее, он имел право возбуждать уголовные дела или отказывать при наличии к тому оснований, давать поручения органам дознания, задерживать подозреваемых, избирать меры пресечения, составлять обвинительные заключения. Вместе с тем ряд действий следователя был ограничен требованиями о согласовании их с прокурором. К таковым относились вопросы о заключении лица под стражу, о применении меры пресечения в виде залога, о производстве ряда следственных действий, например, таких как: производство выемки документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной, производство обыска наложения ареста и выемки почтово-телеграфной корреспонденции в почтовых учреждениях связи. Следует отметить, что прокурор не только рассматривал вопрос о санкционировании следственного действия, но и был вправе, а иногда и обязан лично проводить его. Так, ст. 96 УПК РСФСР 1960 г. предписывала следующее: «При решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях».

УПК РСФСР 1960 г. также обязывал получать согласие прокурора при прекращении уголовного дела в ряде случаев, когда основанием прекращения уголовного дела были изменение обстановки; возможность передачи уголовного дела в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних, а также тогда, когда виновного можно было передать на поруки.

УПК РСФСР 1960 г. вводил правила об оценке доказательств, согласно которым суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности,

руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы». Таким образом, лица, производящие расследование, в этом кодексе впервые стали субъектами оценки доказательств.

Объем процессуальных надзорных полномочий прокурора был значительно увеличен. Ряд вопросов, относимых ранним законодательством к ведению суда, теперь был возложен на прокурора. Вышестоящий прокурор был уполномочен разрешить спорные вопросы между следователем и прокурором о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела. Результатом такого разрешения указанных вопросов были такие решения вышестоящего прокурора, как передача производства следствия другому следователю или отмена указаний нижестоящего прокурора. Жалобы на решения и действия следователя теперь также рассматривал прокурор.

С 1965 г. УПК РСФСР 1960 г. ввел правила производства ведомственного контроля посредством реализации полномочия начальника следственного отдела. Ему предписывалось контролировать процессуальные действия следователя в ходе производства следствия по уголовным делам, он был наделен правом передачи уголовного дела от одного следователя другому, он согласовывал вопросы квалификации преступлений и объема предъявляемого обвинения, кроме того, он был правомочен лично расследовать уголовные дела. Требованием закона была письменная форма указаний начальника следственного отдела следователю. Несмотря на то, что они были обязательны для следователя, последний мог обжаловать указания прокурору.

Закон по-прежнему сохранил широкие полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия. В ходе производства расследования уголовного дела правом прокурора было рассмотрение вопроса о продлении сроков содержания под стражей, сроков производства дознания и следствия. Вопросы, касающиеся мер пресечения, а также следственных действий, существенно затрагивающих права обвиняемых, разрешал прокурор. В отличие от этого, как было сказано ранее, ряд мер пресечения и следственных действий, связанных с лишением прав и состояний, согласно УУС санкционировал суд. Наряду с надзорными функциями, прокурор был уполномочен лично осуществлять предварительное следствие либо отдельные следственные действия. В компетенцию прокурора входили вопросы утверждения обвинительного заключения, изменения его содержания и подготовки нового, возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования.

В целом следует отметить, что деятельность органов следствия была подчинена прокуратуре.

Надзорные полномочия прокурора нашли отражение и в указе Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР», действовавшем до принятия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР».

Нормативно-правовое исследование полномочий прокурора свидетельствует о слиянии функций обвинения, предварительного расследования и надзора за соблюдением законов при производстве по уголовному делу.

В свою очередь, степень процессуальной самостоятельности следователя была значительно снижена объемом полномочий лиц, осуществлявших ведомственно-прокурорский надзор.

Взаимодействие следователя и суда практически отсутствовало. Все установленные ранним законодательством полномочия суда в досудебной части производства по уголовному делу с принятием УПК РСФСР 1960 г. сосредоточились в руках прокуроров.

Вместе с тем вопрос о процессуальной самостоятельности следователя не только нуждался в своем разрешении, но и нашел отражение в нормативном акте. Таковым стал приказ Генерального прокурора СССР от 11 мая 1960 г. № 38 «О повышении процессуальной самостоятельности следователя и его ответственности за производство предварительного расследования». Однако по-прежнему акцент в данном документе был сделан на ответственности следователя за производство по уголовным дела. В этой связи были все основания сказать о том, что «в действительности осуществлялся уже не надзор: сложно объективно надзирать за результатами собственной деятельности. Скорее, со стороны прокурора уже имело место фактическое руководство предварительным следствием и активное участие в нем» [3, с. 50–55].

Формально предоставленная следователям процессуальная независимость на деле была трудно реализуема, поскольку нормы уголовно-процессуального закона закрепляли всю полноту обвинительной власти в руках прокурора, он мог решать любой вопрос, касающийся расследования и направления движения уголовного дела [2, с. 109].

Положения УПК РСФСР 1960 г., сформировавшие административно-прокурорскую модель органов расследования, действовали до 1 июля 2001 г., когда был введен в действие УПК РФ, трансформировавший и статус органов предварительного расследования, и прокуратуры, и порядки производства по уголовным делам. Еще большие изменения названных областей правоприменения обусловлены принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”». Сегодня уголовно-процессуальный статус следователя позволяет ему возбуждать уголовные дела и самостоятельно избирать линии их расследования, в том числе самостоятельно решать вопросы о мерах пресечения и производстве следственных действий, за исключением тех из них, на применение или производство которых требуется по закону решение судебных органов, что, безусловно, основано на требованиях обеспечения конституционных прав и свобод граждан, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении; обжаловать с согласия руководителя следственного органа отдельные решения прокурора. В целом следователь наделен широким объемом полномочий для самостоятельного ведения производства предварительного следствия по уголовному делу, но пределы его самостоятельности ограничены рамками ведомственного и прокурорского контроля.

Таким образом, на протяжении развития и действия отечественного кодифицированного уголовно-процессуального законодательства (УУС, УПК 1922, 1923, 1960, 2001 гг.) процессуальный статус следователя, объем его полномочий, ведомственная подчиненность, подконтрольность его деятельности претерпевали изменения в зависимости от типа уголовного процесса, политико-правового режима государства и уровня правосознания общества. Менялась и степень процессуальной самостоятельности следователя. Сегодня продолжаются споры и выдвигаются тезисы о необходимости усилить самостоятельность следователя, снизить объем контрольных полномочий прокурора. Другие авторы предлагают реформировать имеющиеся полномочия прокурора в сторону увеличения их процессуальных возможностей. Представляется, что изучение исторического опыта нормативной регламентации процессуальной деятельности следователя и ее соотношения с объемом полномочий контролирующих и надзирающих органов позволит не только определить эффективность применения введенных в уголовно-процессуальное законодательство тех или иных норм, но и взвешенно, с учетом современных факторов и запросов, использовать этот опыт при разработке новых моделей построения органов, осуществляющих производство по уголовным делам.

Библиографический список

1. *Головинская И. В.* Реформирование уголовного процесса: история и перспективы / И. В. Головинская // Соврем. право. – 2015. – № 6. – С. 106–112.

2. *Королев Г. Н.* Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе : монография / Г. Н. Королев. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 360 с.

3. *Серов Д. О.* Советское следствие в 1960–1985 гг. / Д. О. Серов, А. В. Федоров // Рос. следователь. – 2015. – № 22. – С. 50–55.

References

1. *Golovinskaya I. V.* Reform of the Criminal Process: History and Prospects. *Sovremennoe Pravo*. 2015. No. 6. P. 106–112.

2. *Korolev G. N.* Prosecutor's Prosecution in the Russian Criminal Procedure. M., Yurlitinform, 2006. 360 p.

3. *Serov D. O., Fedorov A. V.* Soviet Investigation in 1960–1985. *Rossijskij Sledovatel’*. 2015. No. 22. P. 50–55.

Библиографическое описание статьи

Серопян Э. М. Соотношение полномочий следователя и прокурора в досудебном производстве в советский и постсоветский периоды / Э. М. Серопян // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 121–124.

УДК 343.97

Сучков Роман Николаевич,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: romaha33@yandex.ru

Suchkov Roman N.,
Deputy Head of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

Горшкова Наталья Андреевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: natva33@mail.ru

Gorshkova Natal'ya A.,
Senior Lecturer of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ДИНАМИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КРАТКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Dynamics of Penitentiary Crime at the Present Stage: a Brief Criminological Analysis

Аннотация. В статье анализируются количественные изменения зарегистрированных пенитенциарных преступлений за период с 2017 по 2018 г. Делается общий вывод о причинах негативной тенденции к увеличению количества регистрируемых преступлений в местах лишения свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; состояние пенитенциарной преступности; динамика пенитенциарной преступности.

Abstract. The article discusses the quantitative changes in registered penal crimes for the period from 2017 to 2018. A general conclusion about the reasons for the negative trend to increase the number of registered crimes in places of detention is made.

Key words: penitentiary crime; a penitentiary crime condition; penitentiary crime dynamics.

Пенитенциарная преступность, т. е. совокупность преступлений, совершаемых осужденными во время отбывания наказания в виде реального лишения свободы за определенный период, всегда являлась предметом пристального внимания ученых. Особенно остро проблема существования пенитенциарной преступности ощущается на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы России (далее: УИС). С одной стороны, государство довольно успешно проводит курс на гуманизацию карательной политики: суды в большинстве случаев отдают предпочтение назначению наказаний, не связанных с лишением свободы. Но с другой – такая политика влечет за собой неизбежную концентрацию в исправительных учреждениях (далее: ИУ) осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, склонных к деструктивному, правонарушающему и, наконец, преступному поведению. Это не может не вызывать беспокойство со стороны руководства Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России).

Анализируя положительную динамику увеличения количества совершаемых в ИУ преступлений, отметим, что согласно официальным данным в 2018 г. в данных учреждениях зарегистрировано 1 256 различных преступлений. Это на 5,7 % больше, чем зарегистрированных преступлений за аналогичный период 2017 г. (в абсолютном значении прирост составил 68 преступлений) [3; 4]. Примечательно, что данный рост уровня зарегистрированной преступности наблюдается на фоне снижения среднесписочной численности контингента подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение преступлений. Так, общее число указанного контингента по состоянию на 1 марта 2019 г. составило 558 778 чел., что на 5,43 % меньше, чем в 2017 г. (сокращение составило 122 072 чел.) [1].

При детальном анализе статистической информации удалось установить, что увеличение числа зарегистрированных преступлений наблюдается, во-первых, не во всех видах ИУ, во-вторых, не во всех регионах Российской Федерации, в-третьих, не по всем группам составов преступлений, характерных для ИУ.

© Сучков Р. Н., Горшкова Н. А., 2019

Рост показателей пенитенциарной преступности наиболее заметен в исправительных колониях, следственных изоляторах и колониях-поселениях.

В группу преступлений, для которых явно характерна тенденция к увеличению их количества в 2018 г., входят:

1) дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ);

2) уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ);

3) приобретение и сбыт наркотических средств (ст. 228, 228[1] УК РФ);

4) обособленный блок «иные преступления».

Показатели остальных видов преступлений за 2018 г. находятся на уровне 2017 г. либо понизились.

При этом увеличение фактов дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), наблюдается исключительно в ИК различных видов – 192 зарегистрированных преступления данной категории в 2018 г., что на 11 преступлений больше, чем в 2017 г.

Отмечен значительный (почти двукратный) прирост числа уклонений от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) по сравнению с 2017 г. – с 24 в 2017 г. до 46 случаев в 2018 г. (+ 47,82 %).

Возросло число фактов приобретения и сбыта наркотических средств (ст. 228, 228[1] УК РФ): если в 2017 г. было зарегистрировано 264 факта, то в 2018 г. – 297 преступлений (+ 11,2 %).

Количество преступлений, входящих в обособленный блок «иные преступления» также возросло с 346 в 2017 г. до 384 в 2018 г. (+ 9,9 %).

В 2018 г. также наблюдается рост числа лиц, совершивших побег, – 108 чел., тогда как в 2017 г. этот показатель составил 102 чел. Но при этом общее число совершенных побегов уменьшилось со 108 преступлений в 2017 г. до 104 в 2018 г. Эти данные могут свидетельствовать об увеличении числа побегов, совершаемых в составе группы лиц, что само по себе представляет повышенную общественную опасность.

По мнению многих криминологов, одной из основных причин пенитенциарной преступности можно назвать конфликтную криминогенную ситуацию. Под ней принято понимать относительно длительное напряженное состояние обостряющихся отношений между субъектами, выражающееся в возрастании степени тяжести повторяющихся и окончательно, одноактно неразрешаемых конфликтов и в формировании негативно-эмоциональной установки к другим лицам [2, с. 725]. Очевидно, что концентрация наиболее опасных преступников в ИУ способствует как возникновению новых, так и усилению уже существующих конфликтных состояний, которые провоцируют в конечном счете совершение пенитенциарных преступлений, количество которых ежегодно увеличивается.

Конфликтную криминогенную ситуацию, по нашему мнению, можно отнести к внутренним (субъективным) причинам противоправного поведения со стороны осужденных. Среди других причин субъективного характера можно выделить следующие:

1) отрицательное влияние социальной среды, в которой находятся осужденные, на их психику, вызывающее мотивацию преступного поведения и негативные социальные установки, выражающиеся в достижении авторитета и престижа среди осужденных;

2) наличие у осужденных различных психических расстройств;

3) наличие предшествующих судимостей и криминального опыта;

4) эмоциональная неустойчивость данных лиц.

Внешними (объективными) причинами совершения пенитенциарных преступлений выступают недостатки в работе самих сотрудников ИУ:

1) низкий уровень надзора;

2) отсутствие упреждающей информации;

3) недостатки воспитательной работы;

4) отсутствие (слабость) профилактической работы;

5) иное.

Мы согласны с мнением, высказанным С. А. Хохриным, о том, что в значительном числе случаев отмечается не одна, а несколько причин и условий, которые привели к совершению преступлений в местах лишения свободы [5, с. 115].

Представляется, что, наряду с вышеобозначенными причинами пенитенциарной преступности, достаточно сильное влияние на ее состояние и в первую очередь на отмеченную выше негативную динамику оказывает неукомплектованность личным составом значительного числа территориальных органов ФСИН России. Так, согласно информационному обзору управления кадров ФСИН России от 15 ноября 2018 г. (исх-02-84418) в 2018 г. одним из наиболее проблемных вопросов функционирования УИС остается высокий некомплект личного состава. Деятельность учреждений и органов УИС в условиях высокого уровня некомплекта личного состава крайне негативно сказывается на достижении и выполнении основных задач, стоящих перед ФСИН России. Так, по состоянию на 1 ноября 2018 г. некомплект с учетом сотрудников, находящихся в распоряжении, составил 21,64 тыс. ед., или 9,65 % (за аналогич-

ный период 2017 г. – 18,81 тыс. ед., или 8,41 %). Количество вакантных должностей выросло на 2,83 тыс. ед., или 1,24 %.

В указанном обзоре приведен перечень 18 территориальных органов ФСИН России, показатель некомплекта в которых превышает 12 %. Анализ ранжирования ИУ, находящихся в данных регионах, по уровню преступности показал, что наивысший уровень преступности (76-е место) наблюдается в регионе с наибольшим некомплектом личного состава (26,38 %) – УФСИН России по Еврейской автономной области. Иные территориальные органы, где отмечается значительный некомплект, также характеризуются высокими показателями пенитенциарной преступности: УФСИН России по Камчатскому краю – 73-е место (некомплект 18,04 %), УФСИН России по Приморскому краю – 72-е место (некомплект 13,39 %), УФСИН России по Ярославской области – 70-е место (некомплект 13,65 %), УФСИН России по Республике Саха (Якутия) – 69-е место (некомплект 14,79 %), УФСИН России по Калужской области – 64-е место (некомплект 18,11 %).

В связи с вышеизложенным беспокойство ФСИН России относительно увеличения количества регистрируемых в ИУ преступлений является вполне оправданным. Динамика данных преступлений как в общем, так и по отдельным видам характеризуется негативными тенденциями. В последние годы количество зарегистрированных преступлений в местах лишения свободы, образующих пенитенциарную преступность, неуклонно увеличивается. Ситуацию осложняют не только субъективные (внутренние), но и объективные (внешние) факторы, которые прямо или косвенно становятся причинами совершения пенитенциарных преступлений. Наиболее отрицательно, на наш взгляд, влияет на сложившуюся ситуацию некомплект личного состава, который наблюдается в достаточно большом количестве в территориальных органах УИС. В случае, если работа по комплектованию ИУ кадрами не будет улучшена, можно прогнозировать увеличение количества совершаемых пенитенциарных преступлений и в 2019 г.

Библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – Режим доступа: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/.

2. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2005. – 912 с.

3. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за декабрь 2018 г. (форма 2-УИС). Документ опубликован не был. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

4. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за декабрь 2017 г. (форма 2-УИС). Документ опубликован не был. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

5. *Хохрин С. А.* Пенитенциарная преступность как предмет правового и криминологического исследования : монография / С. А. Хохрин ; под науч. ред. К. А. Сыча. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 173 с.

References

1. Brief description of the penal system. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/.

2. Criminology. Ed. by A. I. Dolgova. 3rd ed., rev. and enl. M., Norma, 2005. 912 p.

3. Report on the state of crime among persons held in institutions of the UIS, for December 2018 (Form 2-UIS). The document has not been published. Access from automated information system «Statistics TO UIS».

4. Report on the state of crime among persons held in prison institutions for December 2017 (Form 2-UIS). The document has not been published. Access from automated information system «Statistics TO UIS».

5. *Khokhrin S. A.* Penitentiary Crime as a Subject of Legal and Criminological Research. Ed. by K. A. Sy'ch. M., Yurlitinform, 2015. 173 p.

Библиографическое описание статьи

Сучков Р. Н. Динамика пенитенциарной преступности на современном этапе: краткий криминологический анализ / Р. Н. Сучков, Н. А. Горшкова// Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 125–127.

УДК 378.18+371.16

Федотова Ирина Николаевна,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: inf2306@yandex.ru

Запольский Владислав Алексеевич,
студент 3-го курса
факультета права и управления
ВЮИ ФСИН России
E-mail: vladfriends@mail.ru

Fedotova Irina N.,
Assistant Professor of Human, Social
and Economic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
PhD (History), Associate Professor

Zapol'skij Vladislav A.,
Student 3th Course
of Faculty of Law and Management
of VLI of the FPS of Russia

ПРОФИЛАКТИКА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ ВУЗОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Preventive Treatment of Inter-ethnic and Religious Extremism among Students: the Practice of Higher Educational Institutions of the Vladimir Region

Аннотация. В статье освещается практика противодействия межэтническому и религиозному экстремизму среди студентов, существующая во Владимирской области, и высказываются предложения по поводу повышения эффективности этой работы. Выделены четыре основных направления профилактики экстремизма в вузах: научно-практическое изучение проблематики молодежного экстремизма; правовое просвещение обучающихся; формирование в студенческой среде атмосферы толерантности; психологическое сопровождение обучающихся.

Ключевые слова: межэтнический экстремизм; религиозный экстремизм; студенты; образовательные организации; Владимирская область.

Abstract. This article is devoted to practice of countering inter-ethnic and religious extremism among students which exists in the Vladimir region. The article presents some ways of improvement this work. The authors reveal four key directions of the preventive treatment of extremism in universities: scientific and practical study of the problems of youth extremism; legal education of students; forming of atmosphere of tolerance among students; psychological support of students.

Key words: inter-ethnic extremism; religious extremism; students; higher educational institutions; the Vladimir region.

Одной из основных особенностей, отличающих молодежь от людей более зрелого возраста, является обостренное восприятие ею окружающего мира. Именно поэтому, как справедливо отмечают социологи, молодежь представляет собой ту часть общества, которая в наибольшей степени подвержена накоплению и реализации негативного протестного потенциала. Вот почему распространение экстремизма в молодежной среде входит в число самых сложных и болезненных проблем, существующих в современном российском обществе. Об этом, в частности, свидетельствует содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В данном документе экстремизм отнесен к числу основных источников угроз для национальной безопасности страны, причем обращает на себя внимание тот факт, что в качестве необходимых мер по борьбе с экстремизмом рассматриваются не только соответствующая работа правоохранительных органов и спецслужб, но и создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений, в первую очередь среди подростков и молодежи.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить и обобщить опыт, накопленный вузами Владимирской области в сфере профилактики межэтнического и религиозного экстремизма среди студентов. Основными источниками информации послужили интернет-сайты образовательных организаций высшего образования, где соответствующие сведения размещаются либо в специальных разделах, либо на лентах новостей.

В процессе работы было изучено содержание сайтов всех крупных вузов, осуществляющих образовательную деятельность на территории Владимирской области: Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (далее: ВлГУ), Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Федотова И. Н., Запольский В. А., 2019

(далее: Владимирский филиал РАНХиГС), Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ВЮИ ФСИН России), Ковровской государственной технологической академии, владимирских филиалов Московского финансово-юридического университета, Современной гуманитарной академии, Российского университета кооперации и др.

Следует отметить, что за последние несколько лет профилактике экстремизма среди студентов стало уделяться большое внимание со стороны администрации Владимирской области, правоохранительных органов региона, а также руководства и преподавательского состава вузов. Ежегодно проводится большое количество разнообразных мероприятий, которые можно сгруппировать по нескольким основным направлениям.

Первое из них – научно-практическое изучение проблематики молодежного экстремизма. Наиболее активно такая работа проводится на базе Владимирского филиала РАНХиГС. В этом вузе регулярно организуются конференции, семинары и круглые столы, посвященные формированию системы противодействия экстремизму в молодежной среде. Как правило, форумы проводятся совместно с ВлГУ, ВЮИ ФСИН России и Правовой школой Владимирской области по профилактике экстремизма среди молодежи. В мероприятиях принимают участие ученые, представители органов государственной власти, религиозных объединений и национальных диаспор, журналисты, преподаватели и студенты вузов, причем не только из Владимирской области, но и из других регионов России, а также из-за рубежа. Например, за последние два года были проведены не менее десяти крупномасштабных научно-представительских мероприятий, в том числе три конференции международного уровня. Первая из них состоялась в декабре 2016 г., вторая – в марте 2017 г., третья – в марте 2018 г. Иными словами, Владимирскому филиалу РАНХиГС при содействии других вузов удалось освоить практику ежегодного проведения международных научных форумов, посвященных борьбе с экстремизмом в молодежной среде [1; 2; 4].

В апреле 2018 г. на базе Владимирского филиала РАНХиГС был апробирован проект такого научно-представительского мероприятия, как вебинар. Диалог в режиме вебинара состоялся с коллегами из Чеченской Республики. Преподаватели, студенты и курсанты владимирских вузов, должностные лица органов государственной власти, представители общественных и религиозных объединений обменялись накопленным опытом противодействия распространению экстремизма и обсудили современные концепции профилактики правонарушений террористической и экстремистской направленности среди молодежи [3].

Второе направление работы – правовое просвещение обучающихся. С одной стороны, следует организовать изучение норм международного и российского законодательства, касающихся прав и свобод человека и гражданина. Речь идет, в частности, о таком основополагающем принципе, как равноправие людей вне зависимости от их социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. Молодые люди должны вступать во взрослую жизнь с четким представлением не только о своих правах и свободах, но и о том, что аналогичные права и свободы принадлежат всем остальным людям, и какие бы то ни было проявления дискриминации по отношению к ним недопустимы. С другой стороны, требуется в доступной форме разъяснять студентам, что конкретно представляют собой противоправные деяния экстремистской направленности и какова предусмотренная законом ответственность за их совершение.

Собранный в ходе нашего исследования материал позволяет сделать вывод, что сегодня эта работа лучше всего организована в ВлГУ. С июля 2015 г. здесь функционирует Управление по воспитательной работе и связям с общественностью, которое координирует проведение всех мероприятий, направленных на правовое просвещение обучающихся в сфере противодействия экстремизму. Основными формами просвещения являются круглые столы и лектории. Круглые столы на тему «Молодежь против экстремизма и терроризма» проводятся несколько раз в течение учебного года и приурочены к таким датам, как 3 сентября – День солидарности в борьбе с терроризмом, 16 ноября – Международный день толерантности и некоторым другим.

Лекции и беседы по вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде и просмотр фильмов антиэкстремистского содержания, как правило, организуются в рамках учебных групп преподавателями, выполняющими обязанности кураторов. Кроме того, регулярно проводятся встречи студентов с сотрудниками правоохранительных органов. Цель таких встреч состоит в том, чтобы разъяснить молодежи положения российского законодательства, касающиеся противодействия экстремистской деятельности [6].

В других образовательных организациях высшего образования аналогичные мероприятия тоже организуются, но особенность опыта ВлГУ состоит в том, что в этом вузе антиэкстремистское правовое просвещение обучающихся осуществляется наиболее активно, а главное, носит системный характер.

Третье направление профилактики экстремизма – формирование в студенческой среде атмосферы толерантности, доброжелательных межличностных взаимоотношений представителей различных этнических и религиозных групп. Оптимальными

для молодежи формами таких мероприятий являются фестивали интернациональной дружбы и дни национальных культур. Практика организации дней национальных культур освоена в ВлГУ. Каждый такой день – это праздник национальной культуры того или иного народа, представители которого обучаются в университете. Студенты готовят выставки декоративно-прикладного искусства, ставят музыкальные и хореографические номера, проводят конкурсы блюд национальной кухни [6].

Аналогичный опыт накоплен коллективом ВЮИ ФСИН России, где обучаются курсанты, студенты и слушатели из 65 регионов Российской Федерации. Ежегодно в вузе организуется Фестиваль национальных культур, в ходе которого курсанты и студенты, представляющие различные национальности, знакомят широкую аудиторию с традиционной культурой своих народов: музыкой, танцами, костюмом, декоративно-прикладным творчеством и т. д. Кроме того, проводятся мероприятия, посвященные языкам народов России. Это День национальных языков, отмечаемый 21 февраля, а также историко-филологический семинар, который приурочен к Дню славянской письменности и культуры и проходит в конце мая [5; 7].

Данные проекты позволяют создать условия для полноценной адаптации молодых людей в многонациональной и поликонфессиональной студенческой среде. Знакомство с культурой разных народов способствует не просто расширению кругозора молодежи, но и восприятию таких основополагающих ценностей, как любовь к Родине, гордость за свое Отечество, уважение к согражданам вне зависимости от их религиозной и этнической принадлежности.

Немаловажную роль в профилактике экстремизма играют также встречи обучающихся с представителями религиозных организаций. В большинстве случаев это духовные лица, представляющие две крупные конфессии – православие и ислам. Священнослужители разъясняют молодежи необходимость уважительного и бережного отношения к многообразию культур и религиозных традиций народов России. На регулярной основе такого рода мероприятия проводятся в ВлГУ и ВЮИ ФСИН России [5; 6].

Четвертое направление профилактической работы – психологическое сопровождение обучающихся. Оно должно быть нацелено на создание в образовательной организации психологически безопасной среды, которая исключала бы предпосылки экстремистского поведения.

Значительный вклад в дело профилактики экстремизма вносят сотрудники психологической службы ВЮИ ФСИН России. Они организуют анонимные опросы и тестирование для выяснения того, как складываются отношения между студентами и курсантами в рамках учебных групп, курсов, факультетов и не наблюдается ли опасных тенденций в межличностном взаимодействии. Кроме того, в институте работает телефон доверия, позвонив по которому, обучающийся может сообщить о фактах экстремистского поведения.

В результате специальных исследований, в частности с использованием полиграфа, психологи выявляют тех обучающихся, которые склонны к совершению правонарушений экстремистской направленности, и проводят с ними индивидуальную работу, нацеленную на снижение уровня агрессии и выработку толерантного отношения к окружающим. Организуются также психологические консультации для курсовых командиров и кураторов учебных групп, которые сталкиваются с проблемой межличностных конфликтов, возникающих на национальной или религиозной почве [5].

В ВлГУ активно используются такие формы психологической работы, как анонимное анкетирование студентов с целью выявления уровня толерантности и тренинги по предотвращению ксенофобии среди обучающихся [6].

Наряду с четырьмя вышеназванными направлениями профилактики молодежного экстремизма следует обратить внимание еще на один существенный аспект рассматриваемой проблемы. Речь идет о подготовке к отражению экстремистских и террористических акций. С одной стороны, к такого рода мерам могут быть отнесены регулярные учебные тренировки для студентов по правилам поведения в экстремальных ситуациях. В рамках этих тренировок должны отрабатываться навыки оповещения о возникновении угрозы, эвакуации, оказания первой медицинской помощи. Кроме того, целесообразно подготовить тематический ряд видеороликов и организовывать их показ в перерывах между учебными занятиями.

С другой стороны, немаловажную профилактическую роль могут сыграть олимпиады по безопасности жизнедеятельности, военно-спортивные игры и другие аналогичные конкурсы, в рамках которых получают практическое применение знания, умения и навыки, востребованные в условиях экстремистской и террористической угрозы.

Ценным опытом такой работы располагают, например, Чеченский государственный университет и Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (Карачаево-Черкесская Республика). По поводу вузов Владимирской области можно констатировать, что к настоящему времени в каждом из них создан штаб по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям. В число функций штабов входит организация обучения персонала и студентов действиям в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени, однако в сети «Интернет» и других открытых

источниках нам не удалось найти информации о соответствующих мероприятиях, которые были бы адресованы именно обучающимся и проводились в интересных для молодежи формах олимпиад, оборонно-спортивных соревнований и т. п.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, тот инструментарий профилактической работы, который в настоящее время применяется в вузах Владимирской области, целесообразно расширить за счет комплекса мероприятий по подготовке к отражению экстремистской и террористической угрозы.

Во-вторых, приходится констатировать, что активную позицию в сфере профилактики экстремизма занимают только три вуза: ВлГУ, Владимирский филиал РАНХиГС и ВЮИ ФСИН России. В остальных образовательных организациях высшего образования нашего региона профилактическая работа либо пока организована слабо, либо не проводится совсем. Иными словами, накопленный опыт противодействия экстремизму среди студенческой молодежи необходимо не только изучать, но и распространять, чтобы по возможности вовлечь в эту деятельность все вузы Владимирской области.

В-третьих, поскольку социокультурная среда каждого вуза имеет определенную специфику, то при планировании профилактических мероприятий следует учитывать такие факторы, как профиль и структура вуза, численность обучающихся, их этнический и конфессиональный составы.

И, наконец, в-четвертых, какими бы ни были организационные формы работы, главным условием ее эффективности является системный характер. Иными словами, профилактика должна представлять собой комплекс разнонаправленных, но при этом тесно связанных между собой мер, реализация которых позволяла бы не только исключить возможность пропаганды экстремизма в вузе и предотвращать силовые акции, но и сформировать в сознании обучающихся устойчивое неприятие идей межэтнической и религиозной вражды.

Библиографический список

1. Во Владимире прошла международная конференция по проблемам экстремизма в молодежной среде. – Режим доступа: http://www.scienceport.ru/minobrnauki/konferentsiya-po-problemam-ekstremizma.

2. Во Владимирском филиале РАНХиГС обсудили вопросы противодействия экстремизму и терроризму. – Режим доступа: http://www.vlad.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=12079.

3. Курсанты ВЮИ ФСИН России приняли участие в работе вебинара на тему «Современные концепции профилактической деятельности в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма». – Режим доступа: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=386086.

4. Курсанты ВЮИ ФСИН России приняли участие в III Международной научно-практической конференции. – Режим доступа: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=380344.

5. Противодействие экстремистской деятельности среди курсантов и студентов Владимирского юридического института. – Режим доступа: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=181279.

6. Профилактика экстремизма и терроризма в молодежной среде. – Режим доступа: http://www.vlsu.ru/index.php?id=1519&L=1FirefoxHTMLi.

7. Фестиваль национальных культур во Владимирском юридическом институте. – Режим доступа: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=166519.

References

1. Vladimir hosted an international conference on extremism among young people. URL: http://www.scienceport.ru/minobrnauki/konferentsiya-po-problemam-ekstremizma.

2. At the Vladimir regional branch of the Russian Academy of national economy and public administration the problems of countering extremism and terrorism were discussed. URL: http://www.vlad.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=12079.

3. Cadets of the VLI FPS of Russia took part in the work of the webinar on the topic «Modern concepts of preventive activities in the field of countering the ideology of terrorism and extremism». URL: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=386086.

4. Cadets of the VLI FPS of Russia took part in the III International Scientific Practical Conference. URL: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=380344.

5. Countering extremism among cadets and students of the Vladimir Law Institute. URL : http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=181279.

6. Preventive treatment of extremism and terrorism among the youth. URL: http://www.vlsu.ru/index.php?id=1519&L=1FirefoxHTMLi.

7. Festival of National Cultures in the Vladimir Law Institute. URL: http://www.vui.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=166519.

Библиографическое описание статьи

Федотова И. Н. Профилактика межэтнического и религиозного экстремизма в студенческой среде: опыт вузов Владимирской области / И. Н. Федотова, В. А. Запольский // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 128–131.

УДК 004.9+343.8

Хорошева Анна Владимировна,
доцент кафедры специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России кандидат физико-математических наук
E-mail: d_anya@list.ru

Khorosheva Anna V.,
Assistant Professor of Special Technique and Informational Technologies Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Physics and Mathematics)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЛИЦ

Problems of Application of the Federal State Information System of Electronic Monitoring of Controlled Persons

Аннотация. В статье рассматриваются четыре группы проблем применения федеральной государственной информационной системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, связанные с техническим, организационным, правовым и программным обеспечением. Предлагаются различные пути их решения и варианты модернизации самой системы.

Ключевые слова: информационная система; электронный мониторинг; ограничение свободы; домашний арест; исполнение уголовных наказаний.

Abstract. The article discusses four groups of problems in the application of the federal state information system for electronic monitoring of controlled persons concerned with technical, organizational, legal and software. Various ways of solving them and options for upgrading the system itself are proposed.

Key words: information system; electronic monitoring; restriction of liberty; house arrest; execution of criminal sentences.

ФСИН России проводит активную работу по внедрению информационных технологий и современных технических устройств в процессы управления на всех уровнях, в том числе специализированных информационных систем, предназначенных для использования сотрудниками различных подразделений УИС. Вопрос о том, насколько эффективно использование таких информационных систем и какова готовность сотрудников их применять для решения служебных задач, является достаточно актуальным в настоящее время. На примере федеральной государственной информационной системы «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц» (далее: ФГИС СЭМПЛ) проанализируем проблемы применения такого рода информационных систем и рассмотрим возможные пути их решения.

Данная система призвана обеспечить: дистанционный надзор за осужденными к ограничению свободы (в соответствии с ч. 1 ст. 60 УИК РФ); контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений (в соответствии с ч. 10 ст. 107 УПК РФ) путем индивидуальной идентификации и контроля местонахождения в установленных местах.

Правовой основой применения ФГИС СЭМПЛ также являются постановления Правительства Российской Федерации: от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы»; от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог», в котором приведен перечень технических средств контроля и устанавливается порядок их применения в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Порядок применения средств электронного мониторинга при исполнении наказания в виде ограничения свободы регулируется приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы». Порядок

© Хорошева А. В., 2019

применения средств электронного мониторинга при осуществлении контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений регулируется приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».

Кроме достаточно емкой правовой базы, разработаны многочисленные руководства пользователей техническим оборудованием данной системы для регламентации порядка применения ФГИС СЭМПЛ на стадии исполнения приговора.

Внедрение СЭМПЛ в работу уголовно-исполнительных инспекций началось с 2010 г. За это время накопился не только положительный опыт использования данной системы, но и наметился довольно большой пласт проблем, решение которых позволит более эффективно осуществлять исполнение альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Практика применения данной системы мониторинга постоянно совершенствуется и расширяется, что оказывает положительное влияние на снижение уровня повторной преступности среди подконтрольных лиц и показывает, что применение электронных средств надзора и контроля в целом позволяет более эффективно осуществлять надзор за соблюдением ограничений подконтрольными лицами и своевременно применять меры взыскания к нарушителям. Однако в ходе эксплуатации выявился достаточно широкий круг проблем, которые мешают полноценно использовать весь возможный потенциал СЭМПЛ.

Любую информационную систему, в том числе ФГИС СЭМПЛ, можно рассматривать как совокупность подсистем, обеспечивающих ее работу: техническое, программное, организационное и правовое обеспечение, – причем каждая обеспечивающая система имеет свои недостатки. В связи с этим все многочисленные проблемы целесообразно разделить на четыре группы: техническое, программное, организационное и правовое обеспечение. Все эти проблемы очень тесно переплетены и взаимозависимы. Так, недостатки технического и программного обеспечения становятся нередко источниками правовых и организационных проблем. Именно поэтому нецелесообразно рассматривать отдельно каждую группу проблем, а необходим комплексный анализ всех недостатков каждой обеспечивающей подсистемы.

Первыми проанализируем проблемы технического обеспечения, связанные с несовершенством технических устройств всех видов: электронных браслетов, мобильных контрольных устройств, а также стационарных контрольных устройств. В целом отмечаются низкое качество всех устройств и несоответствие реальных сроков службы заявленному времени работы. Дополнительные проблемы возникают при ремонте вышедших из строя компонентов СЭМПЛ, которые связаны с недостаточным количеством комплектующих, а также с трудностями при диагностике и ремонте.

В первую очередь рассмотрим общие проблемы, возникающие у всех устройств в процессе эксплуатации. Проблемные вопросы возникают в отношении корпусов всех устройств, а именно: качество используемых материалов не позволяет эксплуатировать устройство долгое время. Например, заявленный срок эксплуатации электронного браслета – 7 лет, а на практике средний срок его службы не превышает 1-2 лет.

Частые нарекания вызывают ремни электронных браслетов, подверженные быстрому износу. Материал, используемый при изготовлении ремней браслетов, не обеспечивает надежную работу устройств, что со временем приводит к нарушению его работоспособности и плохому контакту с корпусом браслета и, как следствие, приводит к частому возникновению ложного сигнала о размыкании цепи контроля снятия браслета. Отмечается слабая фиксация крышки пломбы электронного браслета, позволяющая вскрыть ее без повреждения, и несовпадение прилагаемых отверток со специальной гайкой, что затрудняет полноценную эксплуатацию данного устройства [5, с. 61–64].

Еще одной проблемой технического обеспечения СЭМПЛ, снижающей эффективность ее применения, является наличие невысоких технических характеристик электронного браслета, связанных с условиями эксплуатации. Материал корпуса браслета и его выполнение не обеспечивают необходимую защиту от попадания влаги, в результате чего увеличивается количество ложных срабатываний системы и приводит к выходу из строя самого устройства. Температура окружающей среды, при которой может эксплуатироваться электронный браслет, должна быть в диапазоне от плюс 5 °С до плюс 50 °С, а относительная влажность воздуха – не более 80 % при температуре плюс 25 °С. В связи

с этим затрудняется полноценное использование электронного браслета в некоторых регионах Российской Федерации.

В отношении стационарного контрольного устройства тоже имеется немало претензий. Прежде всего, это замечания по поводу небольшого радиуса действия (до 50 м), что недостаточно в современных условиях, когда подконтрольное лицо может проживать на жилплощади значительных размеров, например, в квартирах, занимающих два этажа и более, или в загородном доме большой площади. Возникает необходимость применения двух и более стационарных контрольных устройств либо использование ретрансляторов.

Кроме того, наличие железобетонных перекрытий, особенно в домах из монолитного железобетона, за счет электромагнитного экранирования значительно уменьшает радиус действия устройств или приводит к потере связи электронного браслета с контрольным устройством. Все это вызывает ложные тревожные события. Возникает ситуация, когда подконтрольное лицо не выходит за пределы квартиры большой площади со сложной планировкой, а находится в дальней комнате, но при этом срабатывает сигнал выхода из зоны контроля. В то же время подконтрольное лицо может выйти за пределы квартиры, а сигнала выхода из зоны контроля не последует.

Еще одна проблема связана с выбором канала передачи данных между электронным браслетом и контрольным устройством, физический диапазон частот которого колеблется от 24 000 до 2 483 МГц с разбиением на каналы по 2 МГц. В настоящее время в данном диапазоне работают, например, такие популярные беспроводные стандарты связи, как Wi-Fi и Bluetooth, которые создают помехи, поэтому логичным было бы разнести частоты на применяемом оборудовании, изменив заводские настройки параметров оборудования или в документации указав необходимые параметры установок [2, с. 29–30]. Таким образом, можно решить одну из самых острых технических проблем, связанную с увеличением зоны взаимодействия электронного браслета с контрольным устройством не только техническими (за счет увеличения количества оборудования или применения ретрансляторов), но и организационными методами.

В отношении мобильного контрольного устройства также можно выделить проблемы, снижающие эффективность его использования. Разъемы зарядного устройства и самого контрольного устройства не в полной мере соответствуют друг другу, что приводит к быстрому выходу из строя разъемов устройств, при этом в течение рабочего дня требуется неоднократная подзарядка устройства. Даже при полном заряде аккумуляторной батареи рабочее время мобильного контрольного устройства невелико (5–6 ч), а при низкой температуре это время уменьшается вдвое. Следует отметить также высокий процент брака при производстве аккумуляторной батареи и несоответствие заявленного времени работы реальному сроку ее службы.

Отмечается слабое крепление антенн, существуют проблемы с компоновкой SIM-лотка и креплением SIM-карты, которые приводят к некачественной работе устройства: некорректному построению трека перемещения подконтрольного лица, потере сигнала в модуле GPS. Мобильное контрольное устройство не защищено от вскрытия ввиду доступности винтов корпуса, при этом невозможно определить, производилось ли его вскрытие подконтрольным лицом. В то же время достаточно часто отмечаются ложные срабатывания сигнала вскрытия корпуса.

Таким образом, необходимо решить проблемы технического обеспечения, которые связаны с низким качеством технического оборудования и значительными затратами бюджетных средств на его изготовление, приобретение и ремонт. Следует снять вопросы, связанные с ненадежностью функционирования оборудования ФГИС СЭМПЛ и коротким сроком его службы, выделив следующие основные направления усовершенствования технических устройств:

– увеличение емкости аккумуляторной батареи, обеспечение возможности смены аккумуляторной батареи электронного браслета при исчерпании ее ресурса для продления сроков эксплуатации самого устройства;

– создание более надежной конструкции контакта ремней электронного браслета для предотвращения ложных срабатываний;

– увеличение радиуса действия стационарного контрольного устройства;

– использование нескольких SIM-карт для возможности работы с разными мобильными операторами в целях покрытия «мертвых зон».

Вторая группа проблем связана с программным обеспечением ФГИС СЭМПЛ. Одной из основных проблем данного класса является отсутствие детализированных карт местности, не позволяющих четко обозначить и контролировать допустимые зоны перемещения подконтрольного лица, вследствие чего возникают трудности при обозначении границ охранных и запретных зон.

На рабочее место оператора очень часто поступают ложные сообщения о повреждении

ремня электронного браслета, но при возникновении ложных сообщений о вскрытии с одного и того же устройства учитывается, как правило, только последнее сообщение. Отмечается также невозможность удаления электронного браслета, пришедшего в негодность, из базы.

Нередко наблюдаются случаи длительного временного промежутка (более 8 ч) между наступлением тревожного события и моментом поступления соответствующего сигнала оператору ФГИС СЭМПЛ, что делает практически невозможным доказательство того, что подконтрольное лицо снимало электронный браслет и выходило за пределы зоны ограничения.

Отсутствие детализированных карт в сочетании с ненадежностью работы системы, многочисленными ложными тревожными сообщениями не позволяет достоверно фиксировать факт нарушения подконтрольным лицом предписанного судом режима и использовать данные СЭМПЛ в качестве доказательной базы.

Таким образом, необходимо рассмотреть вопрос о возможности закупки услуг по доработке и обновлению картографического обеспечения функционирования ФГИС СЭМПЛ, а также о повышении надежности и корректной работы программного обеспечения в целом, что должно привести к минимизации ложных срабатываний системы.

Следующая группа проблем связана с организационным обеспечением СЭМПЛ. Много вопросов возникает в связи с несоответствием описания функций программного обеспечения СЭМПЛ, приведенных в «Руководстве специального пульта мониторинга», реальной работе. Например, отмечается невозможность выделения и одновременной обработки нескольких однотипных событий, а также удаления из базы электронного браслета, пришедшего в негодность.

Не разработан подробный регламент применения СЭМПЛ в отношении лиц, больных тяжелыми, опасными заболеваниями, являющихся источником заражения (туберкулез, ВИЧ и др.). При этом необходима более подробная разработка порядка применения и возможности временного отключения аппаратуры СЭМПЛ в отношении лиц, проходящих лечение.

Во многих регионах отмечается нехватка технических устройств, находящихся в рабочем состоянии, в том числе электронных браслетов востребованных размеров [3, с. 162–167].

На каждое тревожное сообщение ФГИС СЭМПЛ инспектор должен письменно отреагировать, даже если оно вызвано сбоем технического оборудования. В связи с тем, что ложные срабатывания происходят достаточно часто, возможно появление большого объема объяснительных документов.

Еще одной проблемой организационного характера являются недостаточное методическое сопровождение ФГИС СЭМПЛ и невысокий уровень подготовки операторов и администраторов СЭМПЛ, что мешает полноценно применять систему. Несмотря на неоднократные разъяснения ФСИН России, имеются, например, многочисленные факты прикрепления к стационарному контрольному устройству охранных зон, что не предусмотрено для работы с данным типом оборудования, в то же время контрольные устройства часто используются без установки каких-либо ограничений или применяются заведомо неисправные либо поврежденные технические устройства.

Во многих регионах тревожные сообщения снимаются несвоевременно, корректировка количества подконтрольных лиц в программном обеспечении производится с большим опозданием, используется программное обеспечение устаревших версий.

Таким образом, необходимо пересмотреть организационную составляющую ФГИС СЭМПЛ. Возможно, было бы целесообразным создать специальный отдел по ремонту технического оборудования системы; упорядочить финансирование закупок необходимого количества технических средств; делегировать контроль за подконтрольными лицами дежурным частям ОВД для динамичного реагирования на тревожные сообщения в ночное время; разработать процедуры обеззараживания компонентов СЭМПЛ, используемых подконтрольными лицами.

Последняя группа проблем касается правового обеспечения ФГИС СЭМПЛ и непосредственно связана с проблемами технического, программного и организационного обеспечения.

Много вопросов у судебных органов вызывает информация о нарушении подконтрольным лицом возложенных на него судом запретов и ограничений, полученной при помощи ФГИС СЭМПЛ. По каждому выявленному факту нарушения сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций проводится проверка, в ходе которой осуществляется сбор сведений, подтверждающих факт нарушения. К материалам проверки приобщаются объяснения подконтрольного лица и лиц, с ним проживающих, а также данные, полученные с использованием ФГИС СЭМПЛ. При этом сведения, полученные из объяснений, являются более существенными для суда, и представление уголовно-исполнительной инспекции будет подлежать удовлетворению только в случае подтверждения подконтрольным лицом факта нарушения.

Такое положение вещей связано в первую очередь с недоверием судов к техническому оборудованию системы, которое часто работает со сбоями и не имеет соответствующей документации. Для использования данных СЭМПЛ в качестве доказательной базы требуются документы, подтверждающие работоспособность и исправность оборудования, которые исключают вероятность факта технического сбоя на момент совершения нарушения, а также однозначную идентификацию самого устройства. Отсутствие в программном обеспечении ФГИС СЭМПЛ детализированных карт местности большинства населенных пунктов также является проблемой при доказательстве вины подконтрольного лица при нарушении ограничения на выход за границы охранной зоны.

Еще одна проблема касается понятия «критическое сообщение», которое четко не регламентировано в уголовно-исполнительном законодательстве [1, с. 6–9]. В связи с этим суд нередко требует подробных пояснений формулировок тревожных сообщений, которые созданы разработчиками программного обеспечения ФГИС СЭМПЛ.

Отмечаются существенные недостатки основного отчета ФГИС СЭМПЛ, предоставляемого в судебные органы, по нарушению подконтрольным лицом наложенных запретов и ограничений, среди них: отсутствие персонифицированных данных о подконтрольном лице; неоднозначная трактовка нарушения; отсутствие визуализации нарушения; расхождение в номерах контрольных устройств; отсутствие реквизитов учреждения, составившего данный отчет. В результате этого возникают проблемы с доказательной частью подтверждения нарушений требований исполнения меры пресечения либо уголовного наказания, предусмотренного судебным приговором, зафиксированных СЭМПЛ. Именно поэтому назрела потребность внедрения в программное обеспечение унифицированного отчета ФГИС СЭМПЛ, принимаемого судом, в отношении конкретного лица с отображением нарушения и визуализацией данного нарушения на карте.

Ни с правовой, ни с организационной точки зрения не урегулированы в достаточной мере вопросы, возникающие при нарушении правил эксплуатации технического оборудования ФГИС СЭМПЛ. В соответствии с указанным ранее приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 осужденные к ограничению свободы предупреждаются о материальной ответственности в случае порчи или утраты оборудования, произошедших преднамеренно либо при нарушении правил эксплуатации и ненадлежащем его использовании. Практика показывает, что подконтрольные лица небрежно относятся к техническому оборудованию ФГИС СЭМПЛ, могут его умышленно повредить, и часто не в состоянии возместить материальный ущерб. В то же время материальные затраты на закупку, обслуживание и ремонт технических средств достаточно высоки. В связи с этим случаи неосторожного обращения с техническими средствами, ведущие к выходу их из строя или их преднамеренной порчи, должны вовремя выявляться и повлечь за собой наказание в виде возмещения материального ущерба либо признания подконтрольного лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Неоднократно высказывалась мысль о необходимости внесения дополнений в ст. 58 УИК РФ, заключающихся во включении в перечень нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы умышленных действий подконтрольного лица, которые стали причиной или повлекли уничтожение, повреждение или утрату технического оборудования ФГИС СЭМПЛ, а также дополнения приказа Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 соответствующими нормами. Однако такие изменения следует проводить только при устранении указанных выше недостатков технического обеспечения ФГИС СЭМПЛ.

Таким образом, необходимо продолжить усовершенствование нормативной правовой базы системы, а также организовать взаимодействие между инспекциями, органами судебной власти и следственными органами при применении к подконтрольному лицу оборудования ФГИС СЭМПЛ.

Итак, в настоящее время использование ФГИС СЭМПЛ сталкивается с большим количеством проблем технического, программного, организационного и правового обеспечения, т. е. все обеспечивающие подсистемы работают недостаточно эффективно. Многочисленный брак, особенно в виде некачественной пайки, говорит о низкой производственной и технологической дисциплине предприятия-изготовителя, низкой квалификации персонала, плохом выходном контроле готовой продукции. Значительную часть этих проблем можно было бы исключить еще на этапе разработки и принятия решений путем грамотного целевого планирования, комплексного правового обеспечения и своевременной подготовки квалифицированных кадров.

Поскольку необходимость использования средств контроля за подконтрольными лицами с помощью как электронного мониторинга, так и других средств видео- и аудионаблюдения, а также их комплексного применения является несомненной, то следует решать вопрос о том, каким образом можно повысить качество ФГИС СЭМПЛ до требуемого уровня. Для решения данной задачи видится два альтернативных направления: создание и внедрение принципиально новой СЭМПЛ или серьезная доработка существующей системы.

В связи с тем, что одним из слабых элементов системы являются использование мобильного контрольного устройства и работа через мобильных операторов, с точки зрения первого решения целесообразна разработка новой системы на основе непосредственного использования средств навигации ГЛОНАСС, GPS [5, с. 61–64]. Браслеты в этом случае необходимо конструировать как радиомаяки с уникальным кодом, без необходимости ношения каких-либо дополнительных устройств. При этом центральная станция, находящаяся в уголовно-исполнительной инспекции, будет отслеживать перемещения подконтрольного лица и фиксировать нарушения границ предписанных зон.

Если рассматривать второй путь решения проблем, т. е. модернизацию существующей СЭМПЛ, следует учесть, что доведение ее до необходимого технического уровня требует проведения многоступенчатых мероприятий. Вначале необходимо перевести ФГИС СЭМПЛ в режим опытной эксплуатации в целях постоянного мониторинга проблем и снижения затрат. Процесс опытной эксплуатации должен сопровождаться тщательной фиксацией всех случаев дефектов и отказов оборудования или некорректной работы системы с анализом возможных причин каждого случая. Далее следует обеспечить последовательное устранение всех зафиксированных в процессе опытной эксплуатации недостатков. По окончании опытной эксплуатации необходимы приемка системы по заранее разработанной программе и ввод ФГИС СЭМПЛ в промышленную эксплуатацию по мере обеспечения оборудованием и картами в соответствии с подготовленным графиком.

Таким образом, необходимо поэтапное совершенствование ФГИС СЭМПЛ, которое включает в себя следующий основной перечень работ:

– модернизация существующих контрольных устройств;

– параллельная разработка новых контрольных устройств с их дифференциацией относительно категорий осужденных, подозреваемых или обвиняемых, условий исполнения наказаний и реализации мер пресечения, при этом следует рассмотреть возможность интеграции устройств с другими существующими информационными системами;

– использование существующей информационно-телекоммуникационной инфраструктуры ФГИС СЭМПЛ;

– модернизация специального программного обеспечения;

– совершенствование правового регулирования применения контрольных устройств в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Подводя итог, отметим, что в работах по изучению проблематики применения и дальнейшего развития ФГИС СЭМПЛ в той или иной степени участвуют структурные подразделения ФСИН России, образовательные и научные организации, предприятия УИС, а также сторонние научно-производственные организации. Однако следует признать, что весь комплекс выполняемых мероприятий по совершенствованию ФГИС СЭМПЛ не имел концептуальной основы. Иными словами, не были определены долгосрочные перспективы, направления развития, не обозначены основные этапы и сроки их реализации, не определен перечень участников, их роли и т. д.

В целях реализации единого подхода к проблемам развития ФГИС СЭМПЛ и координации действия участников назрела необходимость разработки ключевого документа, а именно Концепции развития ФГИС СЭМПЛ. В 2018 г. НИИИТ ФСИН России было поручено провести исследования, касающиеся разработки проекта Концепции развития ФГИС СЭМПЛ [4, с. 187–189]. Наиболее важными вопросами в разработке Концепции развития ФГИС СЭМПЛ являются определение основных направлений развития системы, требований к ее архитектуре и функциональным характеристикам. Совершенствование правового обеспечения – также важный аспект организации эффективной работы ФГИС СЭМПЛ, который требует анализа выявленных недостатков и разрешения правовых вопросов на законодательном уровне.

Библиографический список

1. *Агаева Е. С.* Обзор организационно-правовых проблем применения ФГИС СЭМПЛ при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы / Е. С. Агаева // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2018. – С. 6–9.

2. *Васильев А. В.* Проблемы использования технических средств ФГИС СЭМПЛ и организационные методы их решения / А. В. Васильев // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2018. – С. 29–30.

3. *Малышева О. А.* Эффективность применения СЭМПЛ при исполнении уголовного наказания в виде ограничения свободы / О. А. Малышева // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России. – 2017. – № 1. – С. 162–167.

4. *Новиков Д. А.* Концепция развития федеральной государственной информационной системы электронного мониторинга подконтрольных лиц / Д. А. Новиков, А. В. Васильев // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж : Науч. кн., 2018. – С. 187–189.

5. *Чураков Д. Ю.* Актуальные проблемы применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в УИС / Д. Ю. Чураков, Э. А. Худадатов // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж : Науч. кн., 2017. – С. 61–64.

References

1. *Agaeva E. S.* Review of Organizational and Legal Problems of the Use of FGIS SEMPL in the Execution of Non-custodial Sentences. *Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience*. Samara, SYuI FSIN Rossii, 2018. P. 6–9.

2. *Vasil'ev A. V.* Problems of Using Technical Equipment of the State Unitary Educational Institute of SEMPL and Organizational Methods for Their Solution. *Penitentiary Security: National Traditions and International Experience*. Samara, SYuI FSIN Rossii, 2018. P. 29–30.

3. *Maly'sheva O. A.* The Effectiveness of the Use of SEMPL in the Execution of Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom. *Vestnik Voronezhskogo Instituta FSIN Rossii*. 2017. No. 1. P. 162–167.

4. *Novikov D. A., Vasil'ev A. V.* The Concept of Development of the Federal State Information System of Electronic Monitoring of Controlled Persons. *Technique and Security of Objects of the Penitentiary System*. Voronezh, Nauchnaya Kniga, 2018. P. 187–189.

5. *Churakov D. Yu., Khudadatov E. A.* Actual Problems of Using the Electronic Monitoring System of Controlled Persons in the MIS. *Actual Problems of the Activities of Units of the UIS*. Voronezh, Nauchnaya Kniga, 2017. P. 61–64.

Библиографическое описание статьи

Хорошева А. В. Проблемы применения федеральной государственной информационной системы электронного мониторинга подконтрольных лиц / А. В. Хорошева // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 132–138.

УДК 347

Шаховкин Андрей Викторович,
старший инспектор по особым поручениям отдела надзора УГИБДД УМВД России по Мурманской области
✉@ **E-mail:** ashakhovkin@mvd.ru

Shakhovkin Andrej V.,
High Inspector on Special Assignments of the Department of Supervision of the State Inspectorate for Road Safety Department of the MIA of Russia in the Murmansk Region

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА

The Procurement of Goods, Works and Services for State Needs under the National Regime

Аннотация. В статье рассмотрен процесс осуществления закупки для государственных (муниципальных) нужд государства в условиях применения национального режима. Целью научного исследования определены раскрытие процедуры осуществления закупки у иностранного поставщика при наличии такого условия, как национальный режим, поиск проблем, возникающих в этих условиях. Задачей настоящего исследования является разработка возможных решений проблем в целях упрощения осуществления закупки у иностранных поставщиков при условии соблюдения национального режима. Мониторинг материалов современных исследователей и действующих нормативных правовых актов позволил определить основные проблемы в области закупки для нужд государственных и муниципальных органов в условиях соблюдения национального режима.

Ключевые слова: торги; государственные закупки; национальный режим; программное обеспечение; товар; ответственность.

Abstract. This article describes the process of procurement for the state (municipal) needs of the state in the conditions of application of the national regime. The purpose of the research is to reveal the procedure of procurement from a foreign supplier in the presence of such a condition as the national regime, the search for problems arising in these conditions. The objective of this study is to develop possible solutions to the problems in order to simplify the implementation of procurement from foreign suppliers, subject to national treatment. Monitoring of the materials of modern researchers and the existing regulatory legal acts allowed identifying the main problems in the field of procurement for the needs of the state and municipal authorities in compliance with the national regime.

Key words: auctions; public procurement; national treatment; software; a product; responsibility.

Отечественным законодателем обоснованно уделяется особое внимание вопросам осуществления государственных и муниципальных закупок. Именно функционирование такого института, как государственные закупки обеспечивает стабильную работу государственных и муниципальных органов власти, что в свою очередь способствует экономическому развитию государства, соблюдению конституционного строя и безопасности страны в целом.

Главной задачей законодательства, регулирующего определение поставщика товаров, работ и услуг для нужд государства, является определение лица, которое в наибольшей степени отвечает целям удовлетворения нужд государства, а именно, предотвращению злоупотреблений в контрактной системе и повышению результативности использования денежных средств государственного бюджета.

По мнению Е. Е. Степановой, сами отношения по поставке товаров, выполнению работ для государственных (муниципальных) нужд носят исключительно гражданско-правовой характер [4, с. 9].

Само осуществление государственных и муниципальных закупок реализуется в рамках правовых норм, обязательных к исполнению.

Одним из таких требований является применение национального режима при осуществлении закупок. Сущность приведенного требования согласно Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечение государственных и муниципальных нужд» заключается в том, что при осуществлении заказчиками закупок к товарам, происходящим из иностранного государства или группы иностранных государств, работам, услугам, соответственно выполняемым, оказываемым иностранными лицами, применяется национальный режим на равных условиях с товарами российского происхождения, работами, услугами, выполняемыми и оказываемыми российскими лицами, в случаях и на условиях, которые предусмотрены международными договорами Российской Федерации.

© Шаховкин А. В., 2019

Сегодня достаточно научных исследований посвящено проблемам удовлетворения нужд государственных органов Российской Федерации.

Применение национального режима в рамках осуществления государственного заказа получило освещение и в научной литературе. Теоретическую базу данного исследования составляют работы таких исследователей, как: А. В. Гладчук, А. Н. Евсташенков, Е. Е. Степанова [1; 2; 4], а также Р. Г. Хайруллина и Л. Р. Багаутдинова [5] и т. д.

Как отмечает А. В. Гладчук, необходима разработка конкретных правил по контролю за соблюдением требований национального режима, по подготовке специалистов контрактной системы закупок [1, с. 169–173].

Сама закупка товаров (работ, услуг) в контрактной системе в рамках применения требований национального режима характеризуется наиболее стремительными темпами развития. Именно в этой части закупок появляются все новые и новые требования, уже действующие требования постоянно подвергаются изменениям. Это обусловливается как внешней и внутренней политикой Российской Федерации, так и глобальной мировой обстановкой в целом. Толчком к изменениям в приведенной сфере также послужило применение санкций в отношении отдельных должностных лиц и представителей бизнеса Российской Федерации.

Например, Советом Европейского союза установлены ограничения на осуществление европейских инвестиций в инфраструктурные, транспортные, телекоммуникационные и энергетические секторы, а также добычу нефти, газа и полезных ископаемых на территории Крыма; запрещена поставка оборудования для этих секторов, а также оказание для них финансовых и страховых услуг; установлен запрет на покупку более 250 наименований товаров, среди которых полезные ископаемые и углеводороды. Европейским финансовым структурам также запрещено выдавать кредиты или приобретать доли в проектах, которые затронуты секторальными санкциями [3].

Тем не менее, несмотря на возрастающее количество вопросов в указанной сфере, тема закупок в условиях национального режима продолжает вызывать интерес в научных кругах.

Вспомним, что к участию в осуществлении государственных закупок допускаются юридические лица, независимо от их организационной формы, места регистрации, формы собственности, места возникновения капитала. В том числе к участию допускаются и физические лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя. При этом нужно отметить, что национальная политика нацелена на развитие и стимулирование бизнеса, укрепление экономических инициатив в стране, в связи с чем предпочтение при заключении контрактов отдается представителям малого и среднего предпринимательства.

С целью защиты конституционного строя страны, обеспечения безопасности и обороны государства, а также охраны внутреннего рынка действующим законодательством обеспечивается поддержка отечественных производителей товаров. Сам национальный режим представляет собой такой режим, при действии которого, в случае появления на внутреннем рынке импортного товара, к представителям иностранного государства применяются условия, идентичные условиям российских производителей товаров.

Однако государственные и муниципальные нужды очень обширны. К сожалению, не вся продукция, не все товары, которые покрывают эти нужды, производятся юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися резидентами Российской Федерации.

К наиболее распространенному товару, который является продуктом иностранного сегмента, относится операционная система Microsoft Windows. Учитывая политику государства, направленную на переход к электронному документообороту, выбор программного обеспечения – чуть ли не самый распространенный и одновременно непрерывный вид государственной закупки. Однако, учитывая требования постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» приоритет отдается программному обеспечению отечественного производства. Тем не менее информационные программы отечественного производства часто несовместимы с уже функционирующими на аппаратно-программном комплексе различными рабочими информационными системами и приложениями, и имеют цену, значительно выше цены программы иностранного сегмента.

По мнению А. Н. Евсташенкова, тот факт, что заказчик может понести дополнительные затраты, не является основанием не применять положения постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 [2, с. 7]. Однако в этом случае нарушается одна из целей Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, а именно, повышение эффективности, результативности закупок. При закупке у отечественного производителя, в случае наличия це-

ны, значительно превышающей цену продукта иностранного производства, расходование государственного капитала не будет эффективным. Приведенный пример указывает на противоречие одного нормативного акта другому.

Для решения указанной проблемы требуется применение конструктивных мер в части, касающейся соответствия положений Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 целям и принципам Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Кроме того, участие в закупке является для ее субъекта юридически значимым действием, поэтому за любые совершенные в ходе осуществления закупки фактические противоправные действия предусмотрена ответственность. Подобная двойственность в трактовании в сфере национального режима ведет к неоднозначному применению правовых норм при осуществлении закупки, в частности, программного обеспечения.

Так, в рамках осуществления надзора в сфере антимонопольного законодательства должностными лицами Федеральной антимонопольной службы (далее: ФАС) выявляются многочисленные факты ненадлежащего составления заказчиком обоснования невозможности соблюдения запрета на допуск иностранного программного обеспечения. Например, решением ФАС России от 4 октября 2016 г. по делу № П-184/16 установлено, что заказчиком нарушен порядок обоснования невозможности соблюдения запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, содержит признаки составов административных правонарушений, ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 4.2 ст. 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В целом проведенный анализ позволил выделить два основных нормативно-правовых аспекта, которые противоречат друг другу.

Так, в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 при закупке программного обеспечения, в случае наличия на рынке отечественного производителя, даже учитывая более высокую цену, заказчик обязан осуществить закупку у отечественного производителя. При этом нарушается такой фактор, как эффективное расходование бюджетных средств. Безусловно, при закупке у иностранного производителя капитал государственного заказчика уходит за пределы государства. Пусть данное программное обеспечение будет значительно дешевле отечественного, денежные средства поступят на счет иностранного производителя, при этом иностранным производителем не будет выплачиваться налог с продажи программного продукта. При приобретении же продукта у отечественного производителя отечественный производитель выплатит процент с продажи товара (программного продукта), который вернется в федеральный бюджет.

Для совершенствования применения национального режима в части закупок программного обеспечения необходимо урегулировать процесс осуществления закупок, установить типовую форму обоснования о невозможности соблюдения требований национального режима.

Целесообразно проработать нормативно-правовое регулирование, связанное с использованием программных продуктов иностранного производителя, учитывая приоритеты безопасности государства, развития внутреннего рынка. Изменения, которые будут соответствовать всем требованиям, предъявляемым со стороны Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, заключаются, например, в решении вопроса о наступлении таких условий, при которых выбор будет отдаваться в пользу программы отечественного или иностранного производства. Одним из таких условий может стать разница в цене. Указанное требование необходимо включить в п. 3 Порядка подготовки обоснования невозможности соблюдения запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств (за исключением программного обеспечения, включенного в единый реестр программ для электронных вычислительных машин и баз данных из государств – членов Евразийского экономического союза, за исключением Российской Федерации), с целью осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236. К критериям обоснования можно отнести наличие цены на отечественный продукт, значительно превышающей цену на продукт иностранного производства (в два-три раза), в связи с чем логично осуществлять выбор в пользу более дешевой программы. Таким образом, закупку программных продуктов будет необходимо осуществлять только в рамках эффективного расходования государственного капитала.

Библиографический список

1. *Гладчук А. В.* Национальный режим при осуществлении закупок товаров, работ и услуг в сфере здравоохранения / А. В. Гладчук // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы. – М. : Юстиция, 2016. – Т. 1. – С. 169–173.

2. *Евсташенков А. Н.* Национальный режим при осуществлении закупок / А. Н. Евсташенков // Прогосзаказ.РФ. – 2016. – № 5. – С. 4–24.

3. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%.

4. *Степанова Е. Е.* Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования : монография / Е. Е. Степанова. – СПб. : Гамма, 2018. – 228 с.

5. *Хайруллина Р. Г.* Запреты и ограничения внешнеэкономической деятельности в России в условиях санкций / Р. Г. Хайруллина, Л. Р. Багаутдинова // Тамож. дело и внешнеэкон. деятельность. – 2017. – № 1(2). – С. 261–272.

References

1. *Gladchuk A. V.* National Regime in the Procurement of Goods, Works and Services in the Field of Health. *Modern Legal Science and Practice: Actual Problems*. M., Yusticiya, 2016. Vol. 1. P. 169–173.

2. *Evstashenkov A. N.* National Treatment in Procurement. *Progoszakaz.RF*. 2016. No. 5. P. 4–24.

3. Sanctions in connection with the Ukrainian events 2014. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%.

4. *Stepanova E. E.* Contract System in Procurement: Experience of Civil Research. SPb., Gamma, 2018. 228 p.

5. *Khajrullina R. G., Bagautdinova L. R.* Prohibitions and Restrictions of Foreign Economic Activity in Russia in Terms of Sanctions. *Tamozhennoe Delo i Vneshnee'konomicheskaya Deyatel'nost'*. 2017. No. 1(2). P. 261–272.

Библиографическое описание статьи

Шаховкин А. В. Осуществление закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд в рамках национального режима / А. В. Шаховкин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 139–142.

УДК 347.97/.99

Шумов Пётр Владимирович,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России,
доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: pshumov@gmail.ru

Shumov Pyotr V.,
Deputy Head of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law)

Наумов Иван Андреевич,
магистрант Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: ivan_naumov96@mail.ru

Naumov Ivan A.,
Graduate Student of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

НЕЗАВИСИМОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПАРАДИГМА ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Independence and Self-sufficiency of Courts in the Russian Federation: Paradigm or Reality

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы ограниченности независимости судей в Российской Федерации. Для уяснения основных аспектов института независимости судей авторы выделяют и анализируют ряд проблемных вопросов, касающихся процесса наделения полномочиями судей всех судов Российской Федерации, председателей судов и их заместителей, порядка формирования и полномочий квалификационных комиссий судей всех уровней.
Ключевые слова: судебная система; квалификационная коллегия судей; статус судьи; полномочия судьи.

Abstract. The article is devoted to consideration of the problem of limited independence of judges in the Russian Federation. To clarify the main aspects of the institute of independence of judges, the authors identify and analyze a number of problematic issues relating to the process of empowering judges of all courts of the Russian Federation, chairmen of courts and their deputies, the order of formation and powers of qualification commissions of judges of all levels.
Key words: a judicial system; qualification board of judges; a judge status; powers of a judge.

Согласно ст. 120 Основного закона страны судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судебная власть согласно ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее: Закон № 1-ФКЗ) самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной ветвей власти.

Для того чтобы уяснить основные аспекты института независимости судей в Российской Федерации и выявить возможные сложности его истинной реализации, нужно рассмотреть следующие вопросы: процесс наделения полномочиями судей всех судов Российской Федерации; процесс наделения полномочиями председателей судов и их заместителей; полномочия председателей судов и их заместителей; порядок формирования и полномочия квалификационных коллегий судей всех уровней.

Наделение судей полномочиями. Существующую определенную иерархию в порядке наделения полномочиями судей, в частности в отношении судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов, определяет следующий алгоритм: представление председателя соответствующего суда, затем представление Председателя Верховного Суда Российской Федерации, далее назначение Президентом Российской Федерации или представление со стороны Президента Российской Федерации и назначение судьи Советом Федерации (в отношении судей Верховного Суда Российской Федерации также не требуется представления председателя суда уровнем, ниже уровня Верховного Суда Российской Федерации). Для назначения вышеуказанных судей также необходимо решение квалификационных коллегий судей соответствующего уровня.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации назначаются аналогично судьям Верховного Суда Российской Федерации, но для этого не требуются решение квалификационных коллегий судей и представление председателей судов какого-либо уровня.

В отношении мировых судей Закон № 1-ФКЗ предоставляет выбор – либо избирать судью населением соответствующего судебного участка, либо назначать его законодательным орга-

© Шумов П. В., Наумов И. А., 2019

ном государственной власти субъекта Российской Федерации. На практике ни один регион не воспользовался правом сделать должность мирового судьи выборной. При этом обычно модель назначения данных судей имеет явную схожесть с моделью назначения судей федеральных судов общей юрисдикции. В частности, в соответствии со ст. 1 Закона Владимирской области от 7 декабря 2007 г. № 171-ОЗ «О мировых судьях во Владимирской области» мировой судья назначается на должность Законодательным собранием области по представлению председателя Владимирского областного суда, также необходимо среди множества иных документов заключение Квалификационной коллегии судей Владимирской области. Налицо указанные ранее закономерности: назначение законодательным органом власти соответствующего уровня (как с судьями Верховного и Конституционного судов Российской Федерации), представление председателя суда и решение квалификационной коллегии судей.

Согласно ст. 121 Конституции Российской Федерации и развивающему ее нормы федеральному законодательству действует принцип несменяемости судей. Исключения составляют судьи конституционных судов субъектов Российской Федерации (по п. 4 ст. 11 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее: Закон № 3132-1) срок полномочий данных судей устанавливается законами соответствующих субъектов Российской Федерации), а также мировые судьи (согласно п. 3 ст. 11 Закона № 3132-1 первый срок – не более 5 лет, последующие – не менее 5 лет).

При этом закреплен предельный возраст пребывания в должности судьи – 70 лет. Исключением являются судьи конституционных судов субъектов Российской Федерации (по ст. 11 Закона № 3132-1 может быть назначен иной срок).

Наделение полномочиями председателей судов и их заместителей. Согласно действующему законодательству модели наделения полномочиями председателей судов и их заместителей имеют ряд общих черт с моделями назначения судей федеральных судов:

1) назначение председателей всех судов (кроме Верховного и Конституционного) и их заместителей также осуществляется Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации;

2) назначение председателей Верховного и Конституционного судов Российской Федерации и их заместителей также осуществляется Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации (для назначения заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации также требуется представление Председателя Верховного Суда Российской Федерации);

3) для назначения председателей всех судов и их заместителей (кроме Конституционного) также требуется положительное заключение квалификационной коллегии судей соответствующего уровня.

В отношении сроков полномочий председателей судов и их заместителей не действует принцип бессрочности. Председатели судов всех уровней, кроме Верховного и Конституционного, а также конституционных судов субъектов Российской Федерации, и их заместители согласно ст. 6.1 Закона № 3132-1 назначаются на должность сроком на шесть лет. Присутствует возможность неоднократного избрания на должность, но не более двух сроков подряд.

Перечисленные особенности назначения председателей судов и их заместителей, а также судей позволяют сделать вывод об основополагающей роли Президента Российской Федерации в данном процессе (в отношении высших судов – также Совета Федерации), о значительном влиянии председателей судов соответствующих уровней и Председателя Верховного Суда Российской Федерации, в частности. Данные особенности (конкретно – назначаемость, а не избираемость судей) обусловлены традициями модели судебной власти, сложившимися в рамках романо-германской правовой семьи, к которой принадлежит и Российская Федерация. Идея выборности судей населением имеет свои положительные стороны (в частности, гарантии доверия народа к судебной власти), но ее реализация потребует значительных внесений в законодательство (начиная с Конституции Российской Федерации) и может обернуться еще большими проблемами, нежели существуют на данный момент. В частности, потребуется выработка такой модели избрания судей, при которой будут минимальными возможности фальсифицировать результаты выборов. Кроме того, существует проблема низкой политической активности населения, которая может сделать выборы бессмысленными. Наконец, проведение предвыборной кампании и организация выборов потребуют значительных затрат со стороны бюджета.

В отношении выборности судей показателен пример с мировыми судьями – федеральным законодательством предоставлена возможность их избрания, но ни один из регионов ею не воспользовался. Данное обстоятельство означает, что в настоящий момент идея выборности судей федерального уровня просто нереализуема.

Полномочия председателей судов и их заместителей. Председатели судов обладают значительными полномочиями в вопросах назначения на должность, повышения в должности и отстранения от должности настоящих судей. Абсолютное право распределения дел между судьями принадлежит председателю суда.

Кроме того, право на перераспределение председателем районного суда дел между мировыми судьями не только позволяет оптимизировать нагрузку мировых судей, но и содержит явный механизм манипуляции нагрузкой «неудобных» или, наоборот, «удобных» судей, что создает потенциальную угрозу обеспечению судейской независимости [4, с. 173]. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод о существовании значительных рычагов давления на нижестоящих судей со стороны председателей суда.

Таким образом, судебная власть представляет собой иерархическую структуру власти и подчинения, а образования подобного рода по определению не предполагают независимости ее участников. Такое положение судей и судебной власти в целом является одним из основных препятствий для отправления правосудия исключительно в соответствии с законом и внутренним убеждением судьи, что вызывает недоверие народа к суду и государству в целом.

Проблема института независимости судей требует своего разрешения. По некоторым аспектам ее разрешения уже предложены готовые решения в многочисленных исследованиях ученых-правоведов.

В свою очередь считаем разумным предложить следующие меры в отношении председателей судов, для того чтобы ослабить то давление, которое они могут оказывать на нижестоящих судей.

1) Установить избираемость председателей судов и их заместителей всех уровней (начиная с председателей районных судов и заканчивая Председателем Верховного Суда Российской Федерации). Речь идет о выборах, проводимых среди судей. Применение данной меры уже неоднократно ранее предлагалось в юридической литературе [5]. При этом возможны минимум две модели выборов председателей судов: со стороны всех судей соответствующих судов или отдельных органов судейского сообщества. Мы считаем наиболее приемлемыми выборы председателей судов и их заместителей путем равного тайного голосования всех судей соответствующего суда, а в отношении Председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителя – равным тайным голосованием всех судей Российской Федерации (включая мировых судей). Впрочем, данные нововведения могут дать и негативные результаты в виде избрания судей либо чересчур «удобных» и «добрых» для коллектива в качестве председателя (что может означать опасность коррупции в соответствующих судах), либо откровенных «карьеристов», ставящих личные амбиции выше принципов законности и профессионализма в судейском деле. Лишь практика может подтвердить или опровергнуть данное предположение.

2) Сократить срок полномочий председателей судов и его заместителей. По этому вопросу мнения правоведов расходятся: одни считают, что данный срок должен составлять не более трех лет [6, с. 97], другие предлагают более короткий период – не более двух лет. При этом большинство поддерживает необходимость отмены права переизбрания судей более двух сроков подряд (т. е. ограничить возможность замещения одним судьей должности председателя суда или заместителя двумя сроками в целом). Мы поддерживаем идею выборности председателей судов и их заместителей на три года не более двух сроков в целом. Данная модель обеспечит стабильность в работе судов разных уровней (переизбрание через каждые два года представляется чрезмерно частым), при этом не допуская чрезмерно долгого замещения должности председателя суда отдельными лицами. Данное положение о выборности председателей судов и их заместителей (не более двух сроков по три года каждый) должно распространяться и на председателей Верховного и Конституционного судов Российской Федерации и их заместителей.

3) Существенно пересмотреть полномочия председателей судов и их заместителей. Так, О. В. Макарова предлагает освободить председателей судов от обязанности распределения дел и передать ее администраторам судов либо использовать для этой цели компьютеры, которые станут распределять дела в случайном порядке с учетом специализации судей. Кроме того, О. В. Макарова считает необходимым лишить председателей судов полномочий в вопросах назначения, повышения и отстранения от должности судей или значительно сократить их влияние в данных вопросах [6, с. 98]. Подобные предложения поддерживают и многие иные ученые-правоведы.

Звучат и другие предложения по сокращению полномочий председателей судов, например, освободить их от организационно-хозяйственных функций, не имеющих содержательного отношения к судопроизводству, передав их администраторам судов [7, с. 404].

Наконец, есть и более радикальное предложение со стороны профессора А. А. Кондрашева: ввиду всех вышеназванных причин следует отменить институт председателей судов, поскольку во

многих странах суды не имеют председателей, а работают как коллектив равных членов, без руководителя. При этом А. А. Кондрашев не отвергает и предлагаемую некоторыми правоведами выборность председателей самими судьями на срок не более трех лет, с наделением их только организационными полномочиями, как и ограничение пребывания председателей судов в должности на один срок в 3–5 лет [2, с. 186].

Нам полная отмена должности председателя суда кажется не совсем своевременной, но возможной в долгосрочном развитии судебной системы России, в связи с чем мы поддерживаем решение А. П. Булатова о передаче администратору суда не имеющих содержательного отношения к судопроизводству функций, в данный момент принадлежащих председателю суда. Данная мера позволит председателю суда оставаться судьей, но не «начальником» судей, а «первым среди равных» в суде своего уровня [1, с. 49, 50]. Представляется также разумным полностью лишить председателя суда полномочий в вопросах назначения, повышения и отстранения от должности судей, на что указывала О. В. Макарова [4], при этом оставив их исключительно в ведении квалификационных коллегий судей соответствующих уровней.

Квалификационные коллегии судей и комиссия при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что компетенция и полномочия квалификационных коллегий судей в настоящее время чрезмерно завышены и требуют корректировки. В частности, квалификационные коллегии при решении вопроса о дисциплинарной ответственности судей выполняют несколько функций: предварительного следствия, обвинения, защиты, судебного следствия и разрешения дела, – что может приводить к принятию ими произвольных решений.

Для придания деятельности квалификационных коллегий судей объективности, способности учитывать требования общества, полезным является членство в них представителей общественности, обладающих должной профессиональной подготовкой. В частности, в составе Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации на долю представителей общественности приходится сегодня одна треть, что очень мало. Данная доля должна составлять не менее половины. При этом желательно, чтобы в качестве представителей общественности в региональных квалификационных коллегиях судей участвовали не только представители судебно-правоохранительной системы, но и правозащитники, и представители иных общественных организаций.

Кроме того, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации состоит из 29 членов, причем 10 членов коллегии – это представители общественности, назначаемые Советом Федерации Российской Федерации. По мнению правоведа М. А. Липчанской, в данном случае наблюдается противоречие с ч. 2 ст. 29 Закона № 1-ФКЗ, согласно которой Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации формирует Всероссийский съезд судей [3, с. 96, 97].

Кроме того, включение в квалификационную коллегию судей субъекта Российской Федерации представителя Президента Российской Федерации является лишним рычагом давления на судей, поэтому следует отказаться от такого включения.

В настоящее время инициатором привлечения судей к ответственности также выступает председатель суда, а квалификационная коллегия действует только в рамках его инициативы, что тоже является способом давления со стороны председателя суда как на коллегию, так и на судей в целом.

Наконец, надо помнить, что последней инстанцией в отборе кандидатов на должность судьи после квалификационной коллегии судей и Управления кадров и государственной службы Верховного Суда Российской Федерации является комиссия при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов, которая может либо отклонить кандидатуру на должность судьи, либо представить ее для назначения Президенту Российской Федерации. Данное обстоятельство предстает явным посягательством на независимость судей как со стороны Президента Российской Федерации и его администрации, так и исполнительной власти, многие представители которой входят в состав комиссии.

Таким образом, для обеспечения более объективной и независимой от иных ветвей власти работы квалификационных коллегий судей следует пересмотреть порядок их формирования с целью увеличения количества представителей общественности в ее составе и ограждения от вмешательства Совета Федерации. Кроме того, следует если не отказаться от участия вышеуказанной комиссии при Президенте Российской Федерации в процессе наделения судей полномочиями, то как минимум сделать деятельность данной комиссии более прозрачной, законодательно обязав ее мотивировать отказы в отношении предложенных кандидатур на должность судьи.

Итак, проведенный нами анализ положений законодательства, касающихся порядка назначения судей в Российской Федерации, а также

председателей судов, их заместителей и квалификационных коллегий судей позволяет прийти к выводу о существовании ряда проблем, среди которых наиболее острыми являются:

1) чрезмерно широкие полномочия председателей судов и их заместителей в отношении судей;

2) чрезмерно долгий срок полномочий председателей судов и их заместителей;

3) возможность назначения председателей судов и их заместителей на должность не более двух сроков подряд (т. е. гипотетически бесконечно при перерывах);

4) значительное влияние представителя Президента Российской Федерации, Управления кадров и государственной службы Верховного Суда Российской Федерации, а также комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов на процесс наделения судей полномочиями;

5) ничтожная роль представителей общественности в рамках квалификационных коллегий судей.

Решение данных вопросов требует пересмотра законодательства в части закрепления полномочий председателей судов и их заместителей, порядка назначения судей, а также формирования и осуществления деятельности квалификационных коллегий судей.

Библиографический список

1. *Булатов А. П.* Независимость судей Российской Федерации. Теоретико-правовой анализ проблем судебной системы / А. П. Булатов // Сентябрьский международный форум – 2016 : сб. науч. тр. – Пермь : Ассоц. молодых ученых, 2016. – С. 43–50.

2. *Кондрашев А. А.* Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике / А. А. Кондрашев // Актуал. проблемы рос. права. – 2015. – № 8(57). – С. 181–187.

3. *Липчанская М. А.* Деятельность квалификационных коллегий судей как органов судейского сообщества с участием представителей общественности / М. А. Липчанская // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия «Экономика, управление, право». – 2011. – Вып. 2. – С. 96–100.

4. *Макарова О. В.* Институт председателей судов как элемент организации судов общей юрисдикции / О. В. Макарова // Журн. рос. права. – 2017. – № 6(246). – С. 168–176.

5. *Макарова О. В.* Некоторые проблемы гарантий независимости судей / О. В. Макарова // Журн. рос. права. – 2008. – № 5(137). – С. 104–110.

6. *Макарова О. В.* Обеспечение независимости судей в Российской Федерации / О. В. Макарова // Журн. рос. права. – 2010. – № 1(157). – С. 95–104.

7. *Фарои Т. В.* Квалификационные коллегии судей и проблема независимости судебной власти в Российской Федерации / Т. В. Фарои // Вестн. Ом. юрид. акад. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 130–136.

8. *Фарои Т. В.* Некоторые административно-правовые вопросы обеспечения независимости судей / Т. В. Фарои // Вестн. Ом. юрид. акад. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 400–405.

References

1. *Bulatov A. P.* Independence of Judges of the Russian Federation. Theoretical and Legal Analysis of the Problems of the Judicial System. *September International Forum – 2016*. Perm', Associaciya Molody'kh Uchyony'kh, 2016. P. 43–50.

2. *Kondrashev A. A.* Problems of Implementation of the Principle of Independence of Judges in Russia: from Theory to Law Enforcement Practice. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2015. No. 8(57). P. 181–187.

3. *Lipchanskaya M. A.* Activities of Qualification Boards of Judges as Bodies of the Judicial Community with the Participation of Representatives of the Public. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya «E'konomika, Upravlenie, Pravo»*. 2011. Iss. 2. P. 96–100.

4. *Makarova O. V.* Institute of Court Chairmen as an Element of the Organization of Courts of General Jurisdiction. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2017. No. 6(246). P. 168–176.

5. *Makarova O. V.* Some Problems of Guarantees of Independence of Judges. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2008. No. 5(137). P. 104–110.

6. *Makarova O. V.* Ensuring the Independence of Judges in the Russian Federation. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2010. No. 1(157). P. 95–104.

7. *Faroi T. V.* Qualification Boards of Judges and the Problem of Independence of the Judiciary in the Russian Federation. *Vestnik Omskoj Yuridicheskoj Akademii*. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 130–136.

8. *Faroi T. V.* Some Administrative and Legal Issues of Ensuring the Independence of Judges. *Vestnik Omskoj Yuridicheskoj Akademii*. 2018. Vol. 15. No. 4. P. 400–405.

Библиографическое описание статьи

Шумов П. В. Независимость и самостоятельность судов в Российской Федерации: парадигма или действительность / П. В. Шумов, И. А. Наумов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 143–147.

УДК 347.152

Шумова Кристина Александровна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук
E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Мухин Юрий Михайлович,
государственный судебный эксперт Владимирской лаборатории судебной экспертизы Минюста России
E-mail: maluta1941@mail.ru

Shumova Kristina A.,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU PhD (Law)

Mukhin Yurij M.,
State Judicial Expert of the Vladimir Laboratory Forensics of the Ministry of Justice of the Russian Federation

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИНВЕСТИЦИЙ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЗАСТРОЙЩИКА

Mechanism of Protection of Investments in the Insolvency (Bankruptcy) of the Developer

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее острые проблемы правового регулирования отношений, возникающие между гражданами и застройщиком в сфере долевого строительства в случае банкротства последнего. Основное внимание в статье уделено анализу судебной практики в сфере долевого строительства; описаны цели и задачи Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства.

Ключевые слова: долевое строительство; застройщик; участник долевого строительства; фонд защиты прав граждан; банкротство.

Abstract. The article deals with the most vexed problems of legal regulation of relations arising between citizens and the developer in the field of shared construction in the event of bankruptcy of the latter. The focus of the article was on the analysis of judicial practice in the field of shared construction; the goals and objectives of the Foundation for the Protection of the Rights of Citizens – Participants in Share Building are described.

Key words: a shared construction; a developer; a participant of a shared construction; fund to protect the rights of citizens; bankruptcy.

Урбанизационные процессы, происходящие во всем мире, поставили перед мировым сообществом ряд проблем, одной из которых является обеспечение граждан индивидуальным жильем. В советское время, например, многие предприятия бесплатно предоставляли своим работникам, проработавшим в течение определенного периода, в пользование квартиры. Тем не менее не во всех организациях существовала такая возможность. Получить в пользование жилье можно было также посредством вступления в жилищно-строительный кооператив, взяв на себя обязанность оплаты членских взносов. Со сменой общественно-политического строя в нашей стране изменилась и система приобретения квартир в пользование или уже в собственность. Переняв иностранный опыт, предприниматели создали институт долевого строительства. Активное привлечение средств заемщиков для постройки многоквартирных домов дало мощный импульс развитию новой отрасли. Однако высокий уровень инфляции в 90-е гг. прошлого века и несовершенство системы правового регулирования отношений в созданной сфере привели к появлению множества объектов незавершенного строительства и, как следствие, образованию новой категории граждан – обманутых дольщиков.

Проблема с обманутыми дольщиками в Российской Федерации стоит достаточно остро [2; 4]. На конец сентября 2018 г. число граждан, имеющих претензии к застройщикам, составляло порядка 34 000 по всей стране [1].

Практически во всех регионах страны проходят массовые протестные акции, причинами которых являются банкротство или неправомерные действия застройщиков. За защитой своих прав граждане вынуждены обращаться в суд. Судебная практика изобилует примерами таких обращений. Так, в Королёвский городской суд Московской области поступил иск о защите прав потребителя. Между истцом и ответчиком был заключен договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома, по условиям которого ответчик должен был передать истцу объект долевого строительства, а истец обязался произвести оплату по договору. Истец полностью оплатил долевой взнос, одна-

© Шумова К. А., Мухин Ю. М., 2019

ко передача объекта долевого строительства не произошла. Судом установлено, что строительство дома не завершено, и дом в эксплуатацию не сдан. Таким образом, ответчик допустил просрочку исполнения обязательства и должен выплатить истцу неустойку. В результате суд вынес решение № 2-2979/2017 ~ М-2752/2017 от 26 октября 2017 г. об удовлетворении исковых требований и взыскании с ответчика неустойки, компенсации морального вреда, штраф за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя, расходы на оплату услуг представителя.

Подобные иски стали типичными в сфере решения споров с застройщиками. Уже на начальном этапе решения спора возникали проблемы, например, неисполнение требования о внесении дольщиков в реестр, который включает в себя список граждан, заключивших договоры долевого строительства, чьи права были нарушены.

Так, Кировским районным судом г. Саратова было рассмотрено административное исковое заявление к Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства Саратовской области о признании незаконным распоряжения об отказе во включении в реестр граждан, права которых были нарушены в сфере долевого строительства, и возложении обязанности включить административного истца в указанный реестр. Требования мотивированы тем, что истцу отказано во включении в данный реестр. Истец считает данное распоряжение незаконным и необоснованным, поскольку она соответствует критериям граждан, участников долевого строительства. Во исполнение условий договора истец свои обязательства исполнила в полном объеме путем передачи денежных средств, однако дом до настоящего времени не достроен, т. е. имеется просрочка исполнения обязательств более чем на 9 месяцев. В итоге судом было вынесено решение № 2а-8545/2017 от 26 октября 2017 г. о признании распоряжения Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Саратовской области незаконным и административные исковые требования удовлетворил.

После принятия Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» недобросовестные застройщики предприняли попытки «обхода» данного закона.

Распространенным вариантом неисполнения норм законодательства является заключение инвестиционного договора, предварительного договора купли-продажи и др. Однако суды при обращении граждан встают на сторону дольщиков. Один из таких исков был рассмотрен Октябрьским районным судом г. Самары. Истец обратилась в суд с заявлением к администрации г. Самары о признании права собственности на жилое помещение. Между застройщиком и истцом был заключен договор об инвестировании, предметом указанного договора являлось долевое участие в строительстве многоэтажного жилого дома. Обязательства по оплате спорной квартиры выполнены истцом в полном объеме, данное обстоятельство сторонами не оспаривается. В свою очередь между застройщиком и инвестором был заключен инвестиционный договор. Вместе с тем право истца на государственную регистрацию оплаченного им жилого помещения во внесудебном порядке было нарушено, поскольку договор не прошел государственную регистрацию до момента ввода объекта в эксплуатацию.

Согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц деятельность инвестора была прекращена в связи с его ликвидацией на основании определения Арбитражного Суда Российской Федерации о завершении конкурсного производства.

Доводы представителя ответчика о том, что истец выбрал ненадлежащий способ защиты своих прав, а также о том, что истец не предоставил доказательств наличия спора с ответчиком, суд считает несостоятельными. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что право собственности на недвижимое имущество, которое подлежит государственной регистрации, возникает с момента данной регистрации. Поскольку право собственности возникает с момента государственной регистрации, то невозможность оформить его должным образом препятствует истцу в реализации своих прав собственника по владению, пользованию и распоряжению объектом недвижимости.

В связи с тем, что разрешение споров в рамках судопроизводства носит затяжной характер, проблема с обманутыми дольщиками не могла не достичь критической точки. О серьезности сложившейся ситуации говорит тот факт, что 3 июля 2017 г. в Государственной Думе Российской Федерации состоялись парламентские слушания на тему «Формирование эффективных законодательных механизмов защиты прав и законных интересов участников долевого строительства», в которых, помимо депутатов, приняли участие граждане, пострадавшие от действий застройщиков, представители Центрального банка России, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. В хо-

де слушаний в качестве одного из путей решения накопившихся проблем называлось создание Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства. Эта надстройка позиционировалась как эффективный инструмент воздействия на застройщиков с целью обеспечения защиты граждан, инвестирующих свои средства в строительство жилья [3].

20 октября 2017 г. на основании Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была создана публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» (далее: Фонд). Основная задача данной компании – повышение гарантии защиты прав и законных интересов граждан, привлекающих средства для долевого строительства, а также недопущение появления новых обманутых дольщиков. Для этих целей формируется компенсационный фонд, куда застройщики должны перечислять 1,2 % от цены договора долевого участия, величина взноса может быть изменена, но не чаще одного раза в год.

В Фонде ведется учет поступивших взносов, а также осуществляется взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти по кадастровому учету, государственной регистрации прав и ведению Единого государственного реестра недвижимости. Основной функцией Фонда является возмещение участникам долевого строительства вложенных средств в том случае, когда застройщик признан банкротом.

Кроме того, на Фонде лежит обязанность по аккредитации арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Данное положение уже нашло применение в судебной практике. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассмотрел заявление финансово-кредитной организации к застройщику о признании его несостоятельным. Между сторонами был заключен кредитный договор, при этом задолженность в установленный срок не погашена. В судебном заседании представитель истца поддержал заявление, представил расчет суммы долга по состоянию, а также настаивал на применении при проведении процедуры банкротства юридического лица утверждения заявленной кандидатуры арбитражного управляющего.

Руководствуясь Федеральным законом от 26 октября 2010 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный суд решением от 25 апреля 2018 г. по делу № А56-22119/2018 признал исковое заявление обоснованным; открыл в отношении ответчика процедуру банкротства – конкурсное производство сроком на 6 месяцев и утвердил конкурсным управляющим заявленную истцом кандидатуру.

Согласно положениям ст. 201.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ конкурсными управляющими (внешними управляющими) в случае банкротства организации-застройщика, которая производила взносы в компенсационный фонд, управление переходит в руки арбитражного управляющего. Арбитражный управляющий должен соответствовать требованиям, которые устанавливаются данным Федеральным законом. Фонд на основании заявления, которое подает арбитражный управляющий, осуществляет его аккредитацию в качестве внешнего управляющего.

При несостоятельности застройщика возможен также вариант, при котором из Фонда выделяются средства для завершения строительства недостроенных объектов.

Создание Фонда привело к тому, что застройщики, передающие на регистрацию договор о долевом участии после 20 октября 2017 г. больше не обязаны страховать свою ответственность и привлекать банки в качестве поручителей. Так, в Промышленном районном суде г. Оренбурга в открытом судебном заседании было рассмотрено гражданское дело, предметом которого стало взыскание страхового возмещения участником долевого строительства. В рамках указанного дела, реализуя свои процессуальные гарантии, истец неоднократно заявлял о нарушенном праве, ссылаясь на то, что между сторонами был заключен договор об участии в долевом строительстве объекта недвижимости и все условия по договору истцом были выполнены. В свою очередь истец ссылался на решение Арбитражного суда Оренбургской области, которым ответчик признан банкротом и согласно которому в отношении ответчика было открыто конкурсное производство сроком на шесть месяцев. Гражданская ответственность ответчика была застрахована, и застройщику был выдан страховой полис на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по передаче жилого помещения. Истец обратился в страховую компанию с заявлением о наступлении страхового случая со всеми документами. В выплате страхового возмещения было отказано.

Выслушав участников сторон, суд пришел к следующему решению. Согласно содержанию ст. 2 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ был создан Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства для

обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, заключивших договоры долевого строительства.

Статьей 16 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ признана утратившей силу ст. 15.2 другого Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ, которая регулировала правоотношения в сфере страхования гражданской ответственности застройщика.

На момент рассмотрения гражданского дела государственная регистрация Фонда не была произведена, следовательно, в данном случае ст. 15.2 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ должна подлежать применению.

В результате суд вынес решение № 2-489/2018 от 8 февраля 2018 г. об удовлетворении иска, и с ответчика в пользу истца были взыскана страховая выплата и произведена компенсация морального вреда.

В июле 2018 г. в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ были внесены кардинальные изменения, которые затронули всех субъектов долевого строительства. Целью преобразований стали постепенный отказ от долевого строительства и переход к проектному финансированию.

Более того, в ходе специальной программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» 7 июня 2018 г., в числе прочих, активно обсуждались проблемы обманутых дольщиков. Президент России сообщил, что в случае отказа от привлечения средств граждан, могут возникнуть проблемы, связанные с невозможностью достроить объекты уже начатого строительства и снижения объема строительства. Кроме того, с июля 2019 г. договоры долевого строительства не будут заключаться, вместо этого будут привлекаться средства банковской системы [5]. Таким образом, уже положено правовое начало осуществлению перехода к проектному финансированию.

Правоприменительная практика показала, что создание публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства», повлекшее за собой изменения в ряде федеральных законов, стало удачным и своевременным решением. Эффективность его существования уже доказана на практике. Данный факт позволяет надеяться, что в результате дальнейших социально-правовых преобразований степень защищенности средств граждан при банкротстве застройщика будет значительно повышена.

Библиографический список

1. *Беляев Е.* Глава Минстроя Владимир Якушев: «Граждане теперь могут сами проголосовать за то, что они хотят построить у себя на территории» / Е. Беляев. – Режим доступа: https://www.vladimir.kp.ru/daily/26885.5/3929489/.

2. *Бочкарева К. С.* Некоторые проблемы рассмотрения дел, связанных с банкротством застройщика / К. С. Бочкарева // Вестн. соврем. исслед. – 2018. – № 4.2(19). – С. 584–587.

3. В Госдуме состоялись парламентские слушания на тему «Формирование эффективных законодательных механизмов защиты прав и законных интересов участников долевого строительства». – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/13975/.

4. *Пашинская Л. А.* Правовой статус участников строительства в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика / Л. А. Пашинская // Отечеств. юриспруденция. – 2017. – № 6(20). – С. 58–59.

5. Стенограмма: «Прямая линия» с Владимиром Путиным // Рос. газ. – 2018. – 7 июня.

References

1. *Belyaev E.* The Head of the Ministry of Construction Vladimir Yakushev: «Citizens can now vote for what they want to build in their territory». URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/26885.5/3929489/.

2. *Bochkareva K. S.* Some Problems of Consideration of Cases Related to the Bankruptcy of the Developer. *Vestnik Sovremenny'kh Issledovanij*. 2018. No. 4.2(19). P. 584–587.

3. The State Duma held parliamentary hearings on the topic «Formation of effective legislative mechanisms for the protection of the rights and legitimate interests of participants in shared construction». URL: http://duma.gov.ru/news/13975/.

4. *Pashinskaya L. A.* The Legal Status of the Construction Participants in the Insolvency (Bankruptcy) Case of the Developer. *Otechestvennaya Yurisprudenciya*. 2017. No. 6(20). P. 58–59.

5. Transcript: «Straight Line» with Vladimir Putin. *Rossijskaya Gazeta*. 2018. June 7.

Библиографическое описание статьи

Шумова К. А. Механизм защиты инвестиций при несостоятельности (банкротстве) застройщика / К. А. Шумова, Ю. М. Мухин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 148–151.

УДК 343.9.01

Ян Елена Игоревна,
доцент кафедры криминалистики
МГУ им. М. В. Ломоносова
кандидат юридических наук
E-mail: mgu.ikomariv@mail.ru

Комаров Игорь Михайлович,
профессор кафедры криминалистики
МГУ им. М. В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
E-mail: mgu.ikomariv@mail.ru

Yan Elena I.,
Assistant Professor of Criminalistics Department
of MSU named after M. V. Lomonosov
PhD (Law)

Komarov Igor' M.,
Professor of Criminalistics Department
of MSU named after M. V. Lomonosov
Doctor of Law, Professor

КЛАССИФИКАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ И СРЕДСТВ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Classification of Criminalistic Methods and Means of Preventing Crimes Committed by Convicted Persons to Imprisonment in Correctional Institutions of the FPS of Russia

Аннотация. Статья посвящена важному для теории и практики криминалистического предотвращения преступлений вопросу, связанному с классификацией криминалистических способов и средств, нацеленных на предотвращение преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы. Авторы на основе сложившейся методологии предлагают свое видение проблемы и приводят соответствующую классификацию указанных способов и средств.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическое предотвращение преступлений; способы и средства; классификации.

Abstract. The article is devoted to an important issue for theory and practice of criminalistics crime prevention related to the classification of criminalistics methods and means aimed at preventing crimes committed by convicts to imprisonment. The authors on the basis of the existing methodology give their vision of the problem and provide an appropriate classification of these methods and means.

Key words: criminalistics; criminalistics prevention of crimes; ways and means; classifications.

Криминалистическая методология активно способствует становлению новых, развитию и совершенствованию действующих криминалистических способов и средств, в том числе и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России, что фактически является служебной функцией криминалистики. Один из практически значимых элементов данного процесса – это классификация криминалистических способов и средств предотвращения преступлений, методологическое назначение которой состоит в представлении правоохранительным органам научно обоснованной прикладной системы инструментов, способных активно с профилактической целью воздействовать на тех или иных субъектов, осуществляющих противоправную деятельность.

Из известных научных классификаций криминалистических способов и средств предотвращения преступлений наиболее обоснованными и функциональными мы считаем классификацию польского ученого Б. Холыста [11, с. 39–46] и известного отечественного криминалиста Р. С. Белкина [4, т. 1, с. 84–93].

Классификация Б. Холыста в своей основе имеет три критерия: цели и задачи воздействия методов и средств и масштаб сферы воздействия, прежде всего по кругу лиц, на которых это воздействие оказывается.

Р. С. Белкин криминалистические способы и средства борьбы с преступностью посредством предотвращения преступлений делит по источнику происхождения, содержанию, целям и субъекту применения.

На основе анализа данных позиций и практики (следственной, судебной) и деятельности сотрудников учреждений и органов ФСИН Рос-

© Ян Е. И., Комаров И. М., 2019

сии попытаемся создать соответствующую классификацию способов и средств предупреждения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России.

По целям профилактическую (термин, употребляемый Б. Холыстом. – *Е. Я., И. К.*) деятельность следует делить: 1) на предупреждение готовящихся преступлений; 2) пресечение преступлений и 3) предотвращение вредных последствий совершенного, оконченного преступления.

Первое предусматривает воздействие на потенциального преступника с целью получения желаемого результата (отказ от совершения преступления) не позднее, чем на стадии подготовки преступления и является основным видом предупреждения преступлений. Второе – пресечение преступлений – предусматривает прекращение преступных действий на стадии покушения.

По сфере или объекту воздействия Б. Холыст делит предотвращение преступлений криминалистическими способами и средствами на общее, что предусматривает соответствующее воздействие на потенциальных преступников, не проявляющих открыто своих намерений и не являющихся субъектами криминалистических учетов, и персональное, связанное с воздействием на конкретных лиц, которые официально признаны подлежащими профилактическому воздействию.

Деление способов и средств профилактики на группы, по мнению Б. Холыста, может осуществляться одновременно по обоим основаниям, т. е. комбинироваться.

Р. С. Белкин делит криминалистические способы и средства предотвращения преступлений по источнику происхождения, подразумевая тем самым результат развития и совершенствования практики борьбы с преступностью оперативно-розыскными, следственными, экспертными и судебными способами и средствами. Согласно его классификации по содержанию различают технические, тактические и методические способы и средства предотвращения преступлений криминалистическими способами и средствами.

По целям применения Р. С. Белкин делит криминалистические способы и средства на используемые в судебном исследовании и криминалистические способы и средства, используемые в предотвращении преступлений.

Эти классификации были предложены достаточно давно и, на наш взгляд, могут быть усовершенствованы и функционально ориентированы на предмет настоящего исследования.

Однако прежде чем предложить авторское видение классификации способов и средств предотвращения преступлений, совершенных осужденными к лишению свободы в учреждениях ФСИН России, следует дать некоторое теоретическое обоснование сущности и назначения классификации вообще и криминалистической классификации как одного из видов криминалистической систематизации знания, в частности.

Систематизация – потребность науки, основанная на упорядочении накопленных знаний, с целью создания необходимых условий, облегчающих их использование практикой и обеспечивающих коммуникативные связи между исследователями. Данная функция криминалистики реализуется в разделе общей теории криминалистики – криминалистической систематики, а относительно объекта настоящего исследования – в учении о криминалистическом предотвращении преступлений (теоретические положения) и соответствующих разделах структуры криминалистики, предусматривающих способы и средства предотвращения преступлений (прикладные рекомендации).

Содержание этого раздела (криминалистическое предотвращение преступлений) составляют системы криминалистических классификаций, которые, по верному определению А. Р. Белкина, представляют собой «накопленные и особым образом систематизированные научные криминалистические знания, образующие особое средство, разрабатываемое криминалистикой для практической борьбы с преступностью» [2]. Фактически это результат системно-структурного подхода к изучению объектов криминалистической науки.

Классификацию определяют как логическую операцию, состоящую в «разделении всего изучаемого множества предметов по обнаруженным сходствам и различиям на отдельные группы, или подчиненные множества, называемые классами» [5; 6]. Толкуя это энциклопедическое понятие, Н. И. Кондаков отмечает, что классификация представляет собой «распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы» [10, с. 214–215].

Н. И. Кондалов абсолютно прав в том, что составление классификаций подчиняется всем главным правилам деления понятия. Дополняя его, А. Р. Белкин и М. Ш. Левин отмечают, что в этом аспекте классификация выступает как система соподчиненных понятий [3].

Научный подход к классификации как к делению объема понятий рассматривали и другие

известные отечественные ученые [1, с. 62–63; 12, с. 98]. Однако были и противники. Так, И. Я. Чупахин, возражая против данной позиции, склонялся к мнению, что классификация как прием научного исследования не имеет по существу с логической точки зрения признаков, отличающих ее от того, что обычно называется делением понятия или просто делением. Условное отличие термина «классификация» от термина «деление» состоит лишь в том, что первый употребляется преимущественно к разработанным системам в науках, второй – к тому делению объектов, которое не имеет научного значения либо является несложным, неразветвленным [14, с. 57].

По нашему мнению, классификация есть деление понятия, которое в формальной логике определяется в качестве целостной совокупности суждений о каком-либо объекте, ядром которого являются суждения, отображающие существенные признаки объекта [9, с. 272]. В логике распространены и другие определения понятия от сложных до простых. Так, венгерский логик Б. Форагаши пишет, что понятие есть высший продукт человеческого мозга, высшего продукта материи, основная форма мышления, выражающаяся в звуковом языке; оно путем обобщения выделяет общие элементы объективного внешнего мира, предметов и существующих между ними связей, резюмирует их и таким образом отражает в мыслях определенные части и связи объективной действительности [13, с. 150]. М. С. Строгович определяет понятие просто: это форма мышления, которая отражает и фиксирует существенные признаки вещей и явлений [12, с. 53].

Каждое понятие обладает объемом и содержанием, где объем определяется как множество предметов, каждый из которых обладает признаками, содержащимися в понятии, а содержание – совокупность свойств, признаков, отношений, которая отличает это понятие от других.

Объем и содержание находятся в обратном соотношении друг с другом, т. е. чем больше объем, тем меньше содержание, и наоборот (увеличение содержания влечет за собой сокращение объема понятия, а при делении понятия видовые понятия будут богаче родового, так как число признаков для вида больше, чем для рода).

Для классификации такого понятия, как «криминалистические способы и средства предотвращения преступлений» (совершенных осужденными к лишению свободы в учреждениях ФСИН России) наиболее приемлемо разделение на основе объема, т. е. на общие и индивидуальные.

Таким образом, криминалистические способы и средства по *функциональному назначению* могут быть разделены на криминалистические способы и средства, используемые в *судебном исследовании* преступлений и в *предотвращении преступлений*.

Деление это в определенном смысле условно, так как в некоторых случаях способы и средства судебного исследования преступлений служат предотвращению преступлений и наоборот. Однако в методологических целях эта классификация имеет смысл. На данный факт обращал внимание и Р. С. Белкин [4, т. 1, с. 150].

Первая группа как элемент рассматриваемой классификации предусматривает способы и средства, используемые для расследования преступлений осужденными в местах лишения свободы. По своему содержанию они могут одновременно выполнять функцию собирания криминалистически значимой информации как о самом преступлении и преступнике, так и о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений с целью дальнейшего предотвращения преступлений.

Вторая группа отражает собственно способы и средства, нацеленные на непосредственное предотвращение преступлений осужденными к лишению свободы и отбывающими наказание в учреждениях ФСИН России. Содержательно эта группа может быть разделена на доследственное, следственное и экспертно-криминалистическое предупреждение преступлений.

По *форме реализации* предупреждение преступлений осужденными к лишению свободы в учреждениях ФСИН России можно классифицировать на *процессуальное* предупреждение, основными задачами которого являются: предотвращение вредных последствий совершенного, оконченного преступления; пресечение преступлений и *непроцессуальное* предупреждение. В данной форме реализации могут быть решены три задачи: 1) предупреждение готовящихся преступлений; пресечение преступлений; 2) гласное и негласное воздействие; 3) прямое предупреждение и косвенное предупреждение.

Если классифицировать рассматриваемые криминалистические способы и средства по *источнику происхождения*, то можно предположить, что имеются *общеструктурные* криминалистические способы и средства. Их можно делить в соответствии со структурой криминалистики на технико-криминалистические, тактико-криминалистические, методико-криминалистические способы и средства.

Содержательно технико-криминалистические способы и средства можно группировать: на

способы и средства выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений (непосредственное или опосредованное установление данной информации посредством расследования и судом, экспертное установление этих данных); способы и средства, свидетельствующие о готовящихся или возможных преступлениях; способы и средства криминалистической защиты объектов от преступных посягательств и своевременного пресечения преступлений. Последняя группа технико-криминалистических способов и средств призвана затруднить (исключить) преступные посягательства на объект (объекты). Она способствует своевременному пресечению преступных посягательств, их раскрытию, чем реализует сдерживающее значение для злоумышленников, а в отдельных обстоятельствах обеспечивает благоприятное воздействие на формирование криминалистически значимой информации.

Тактико-криминалистические способы и средства содержательно отражают организационную деятельность (выдвижение версий о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений; планирование следственных, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на их выявление, установление и устранение) и деятельность по разработке тактических приемов установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений осужденными.

Дискуссионным в криминалистике является вопрос о методико-криминалистических способах и средствах предотвращения преступлений. В свое время А. Н. Васильев активно возражал против данного факта, полагая, что ни выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, ни принятие мер к их устранению не входят в методику расследования [7, с. 14].

Мы солидарны с позицией Н. П. Яблокова [15, с. 67–72]. Он справедливо отмечает, что особенностью криминалистических способов и средств следственного предупреждения является и то, что, с одной стороны, они по своей специфической тактической и методической сущности в большей части органически входят в приемы и методы самого расследования. При этом методика расследования преступлений фактически определяет рамки и характер их криминалистических особенностей и складывающихся следственных ситуаций профилактического характера. С другой стороны, они имеют специфическую направленность, обладая существенным тактическим и методическим своеобразием.

Данные обстоятельства определенным образом выделяют способы и средства профилактической деятельности в особый комплекс тактических способов и средств расследования. В этой связи деятельность следователя профилактического характера фактически образуют определенные аспекты расследования и планирования в виде комплекса специфических задач.

В качестве второго элемента классификации по источнику происхождения, наряду с общеструктурными криминалистическими способами и средствами, можно предусмотреть *квалифицированные* криминалистические способы и средства, т. е. в зависимости от их структурно-ведомственной принадлежности и специфики использования. Так, для учреждений и органов ФСИН России это могут быть общие, реализуемые для всего контингента, персональные рекомендованные применения к определенным осужденным, в соответствии с их личностной характеристикой.

По *объекту* воздействия возможно рассматривать общее и специальное криминалистическое предупреждение преступлений криминалистическими способами и средствами.

В зависимости от *субъекта* применения: оперативно-розыскные, следственные, экспертные и судебные способы и средства.

Приведенные в настоящей статье определения и классификации имеют и прикладное значение, которое должно выражаться с учетом особенностей правового, организационного и информационного обеспечения предупреждения преступлений, совершенных осужденными к лишению свободы в учреждениях ФСИН России, а также в соответствии с рассмотрением общих и специальных вопросов предупреждения отдельных видов преступлений указанного контингента граждан.

Библиографический список

1. *Асмус В. Ф.* Логика / В. Ф. Асмус. – М. : Госполитиздат, 1947. – 387 с.

2. *Белкин А. Р.* Криминалистические классификации / А. Р. Белкин. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 94 с.

References

1. *Asmus V. F.* Logic. M., Gospolitizdat, 1947. 387 p.

2. Belkin A. R. Forensic Classifications. M., Megatron XXI, 2000. 94 p.

3. *Belkin A. R., Levin M. Sh.* Decision Making:

3. *Белкин А. Р.* Принятие решений: комбинаторные модели аппроксимации информации / Р. С. Белкин, М. Ш. Левин. – М. : Наука, 1990. – 160 с.

4. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. – 3-е изд., доп. / Р. С. Белкин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2001. – 3 т.

5. БСЭ. – Изд. 2-е. – М. : Большая совет. энцикл., 1953. – Т. 21. – 628 с.

6. БСЭ. – Изд. 3-е. – М. : Совет. энцикл., 1973. – Т. 12. – 624 с.

7. *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / А. Н. Васильев. – М. : ЛексЭкст, 2002. – 76 с.

8. *Васильев А. Н.* Советская криминалистика / А. Н. Васильев. – М. : Знание, 1970. – 48 с.

9. *Кондаков Н. И.* Введение в логику / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1967. – 467 с.

10. *Кондаков Н. И.* Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1971. – 658 с.

11. Криминалистика социалистических стран / под ред. проф. В. Я. Колдина. – М. : Юрид. лит., 1986. – 512 с.

12. *Строгович М. С.* Логика / М. С. Строгович. – М. : Политиздат, 1949. – 362 с.

13. *Форагаши Б.* Логика / Б. Форагаши. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 496 с.

14. *Чупахин Н. Я.* Понятие и методы научной классификации объектов исследования / Н. Я. Чупахин // Вопросы диалектики и логики. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – Вып. 1. – С. 40–61.

15. *Яблоков Н. П.* Совершенствование методических основ расследования преступлений / Н. П. Яблоков // Совет. государство и право. – 1976. – № 2. – С. 67–72.

Combinatorial Models of Information Approximation. M., Nauka, 1990. 160 p.

4. *Belkin R. S.* Criminology Course. In 3 vol. 3rd ed., enl. M., YUNITI-DANA, Zakon i Pravo, 2001.

5. GSE. Ed. 2nd. M., Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya, 1953. Vol. 21. 628 p.

6. GSE. Ed. 3rd. M., Sovetskaya Enciklopediya, 1973. Vol. 12. 624 p.

7. *Vasil'ev A. N.* Problems of Methods of Investigation of Certain Types of Crimes. M., LeksE'kst, 2002. 76 p.

8. *Vasil'ev A. N.* The Soviet Criminalistics. M., Znanie, 1970. 48 p.

9. *Kondakov N. I.* Introduction to Logic. M., Nauka, 1967. 467 p.

10. *Kondakov N. I.* Logical Dictionary. M., Nauka, 1971. 658 p.

11. Criminal Law of the Socialist Countries. Ed. by V. Ya. Coldin. M., Yuridicheskaya Literatura, 1986. 512 p.

12. *Strogovich M. S.* Logic. M., Politizdat, 1949. 362 p.

13. *Foragashi B.* Logic. M., Izdatel'stvo Inostrannoj Literatury', 1959. 496 p.

14. *Chupakhin N. Ya.* Concept and Methods of Scientific Classification of Objects of Research. *Issues of Dialectics and Logic.* Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1967. Iss. 1. P. 40–61.

15. *Yablokov N. P.* Improvement of Methodical Bases of Investigation of Crimes. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo.* 1976. No. 2. P. 67–72.

Библиографическое описание статьи

Ян Е. И. Классификация криминалистических способов и средств предотвращения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях ФСИН России / Е. И. Ян, И. М. Комаров // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 152–156.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 343.8+27.46(091)

Абражеева Дина Викторовна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: degtevadina@mail.ru

Горбунова Мария Михайловна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: marikablondimari@mail.ru

Рубцов Дмитрий Иванович,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: dm.rubtsov@mail.ru

Abrazheeva Dina V.,
Senior Lecturer of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

Gorbunova Mariya M.,
Lecturer of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

Rubczov Dmitrij I.,
Senior Lecturer of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ТЮРЕМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

The Interaction of Church and Prison Institutions in the Russian Empire in the 19th century

Аннотация. В статье охарактеризованы основы взаимодействия церкви и тюремных учреждений Российской империи в XIX в. Исследованы вопросы, касающиеся правового статуса священников, осуществляющих тюремную службу, их компетенции и ответственности. Выявлены особенности реализации положений нормативных правовых актов, регламентирующих их деятельность на практике.
Ключевые слова: история; государство; право; тюрьма; церковь; священник; правовой статус.

Abstract. Interaction frameworks of church and prison institutions of the Russian Empire in the 19th century are characterized in the article. The questions concerning legal status of priests carrying out prison service, their competence and responsibility are considered. Features of implementation of provisions of the legal acts regulating their activity in practice are identified in the article.
Key words: history; State; Law; prison; church; priest; legal status.

Развитие отечественной государственно-правовой системы на протяжении продолжительного времени было тесно связано с деятельностью церковных учреждений. Церковь как консервативный институт выступала за стабильность государства и общества. В настоящее время она также активно охраняет и отстаивает права и свободы граждан, в частности, право на свободное вероисповедание, предоставленное российскому народу Конституцией Российской Федерации.

Сегодня особое внимание со стороны не только юридической науки и практики, но и общественности, в частности средств массовой информации, обращено к теме взаимодействия церкви и государства в одной из исключительно важных сфер – правоохранительной. Данный интерес обусловлен спецификой работы органов, реализующих правоохранительную функцию. Они, являясь неотъемлемой частью механизма государства, играют приоритетную роль в обеспечении законности и наделены для этого полномочиями реализации всех мер государственного принуждения. В связи с этим исследование проблем взаимодействия отдельных государственных структур и церкви является актуальной задачей современной историко-правовой науки.

Для успешной реализации своих целей уголовно-исполнительная система России (далее: УИС) в лице Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) предпринимает попытки открытого и многоаспектного взаимодействия с различными государственными органами, а также с широкими слоями общественности, включая церковное духовенство.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее: Концепция), определила, что одной из приоритетных задач УИС России является обеспечение открытости ее деятельности для общества через активное взаимодействие с

© Абражеева Д. В., Горбунова М. М., Рубцов Д. И., 2019

институтами гражданского общества, в том числе и религиозными организациями.

В контексте реализации положений Концепции отечественной системой исполнения уголовных наказаний взят курс на установление сотрудничества с различными структурами общества, в частности, имеющими религиозную направленность. Необходимо отметить, что современная Русская православная церковь (далее: РПЦ) также заинтересована в активном содействии ФСИН России при решении вопросов нравственного воспитания спецконтингента. Об этом свидетельствует принятое на заседании Священного Синода 12 марта 2013 г. соглашение между РПЦ и ФСИН России «Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения», которое является документом, регулирующим процесс их взаимного сотрудничества.

Сущность такого взаимодействия должна проявляться в оказании помощи со стороны церковных служащих не только осужденным и заключенным, содержащимся в местах лишения свободы, но и лицам, освободившимся из них. Такая помощь может реализоваться в просветительской, духовной, богослужебной работе, в оказании нравственно-реадаптационной поддержки и пастырской душепопечительной деятельности. Кроме того, данная помощь распространяется не только на спецконтингент, но и на семьи осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также на сотрудников УИС. В рамках реализации этого соглашения в штат работников УИС введены должности помощников начальника по организации работы с верующими и руководителей отдела по тюремному служению при региональных епархиях.

Сегодня позиция РПЦ по сотрудничеству с УИС такова – РПЦ, реализуя деятельность по духовно-пастырскому окормлению лиц, содержащихся в местах лишения свободы, помогает им в дальнейшем социально адаптироваться посредством привития нравственных, духовных и религиозных ценностей, с помощью которых человек, отбывший наказание, сможет найти в себе силы для ресоциализации и возобновления связей в обществе.

Для понимания формата взаимодействия данных институтов необходимо обратиться к историческому опыту подобного сотрудничества.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет церковно-пенитенциарное функционирование отечественной общественно-политической системы в XIX в. Именно в этот период завершился, начатый еще Петром I, процесс подчинения церкви государственным органам власти. Главной целью подобных мероприятий было использование потенциала духовенства в интересах государства.

Специфика деятельности православного духовенства в тюрьмах Российской империи заключалась в должностной принадлежности священников к персоналу мест заключения. Правовой статус представителей РПЦ был нормативно регламентирован, причем со стороны как карательных учреждений, так и Священного Синода.

Обязанности священников были закреплены в таких документах, как Инструкция смотрителю губернского тюремного замка (далее: Инструкция) [2, с. 9–32] и Временные правила о распределении служебных обязанностей между чинами управления в местах заключения г. Петербурга (далее: Временные правила) [2, с. 65–66].

Инструкция закрепляла следующее: «Священник во всех действиях его в отношении тюремного замка сообразуется с правилами, инструкцией определяемыми, для достижения цели которой люди, состоящие в тюремном замке, поручаются его пастве» [2, с. 23]. Принятие мер к исправлению преступника – вот главная задача тюремного духовенства. В этой связи его обязанностью было посещение арестантов не реже двух раз в неделю.

Согласно положениям Временных правил тюремный священник находился в двойном подчинении: с одной стороны, на общих основаниях он состоял в ведении духовного начальства, с другой, исполняя обязанности по религиозному присмотру за арестантами, был в непосредственном ведении начальника места заключения.

Взаимодействие духовенства с администрацией пенитенциарных учений проходило по трем направлениям:

– организация и функционирование тюремных церквей;

– работа тюремных школ;

– личная, непосредственная работа с заключенными.

В рамках первого направления священник выступал в роли настоятеля тюремной церкви. «Особенно наблюдал он, чтобы чтение в церкви было вполне внятное, доступное, не спешное. Для этого он руководил обучением назначенных в пение арестантов» [2, с. 65]. К приоритетным обязанностям священника относились приготовление заключенных к таинству причастия и разъяснение значения главных церковных праздников.

Организуя работу тюремной школы, священнослужители преподавали Закон Божий. Кроме того, они выступали «инспекторами классов», наблюдая за правильностью школьного преподавания и успеваемостью обучающихся арестантов. Обязанность по содержанию тюремной библиотеки также входила в полномочия священников.

Сохранение духовного начала в личности преступника являлось приоритетной целью тюремного религиозного присутствия, в этой связи благотворное религиозное и нравственное воздействие на заключенных выступало первостепенной

задачей на пути достижения данной цели. Для этого тюремные священники проводили религиозно-нравственные беседы с заключенными. Однако в подобных встречах просматривался не только воспитательный момент, но и служебный. Поскольку священники являлись частью персонала пенитенциарных учреждений, они обязаны были знать все, что относилось к порядку исполнения наказаний и тюремной дисциплине. Под особым контролем священников находились арестанты, имевшие дисциплинарные взыскания, а также те, кто «отличался строптивым поведением и нравственной испорченностью» [2, с. 66].

Оказание помощи заключенным в восстановлении социально полезных связей со своей семьей также вменялось в обязанности тюремных священников. Для этого священники могли обращаться за содействием в учреждения, призревавшие семьи заключенных.

После тюремной реформы 1879 г. обязанность по материальному содержанию церковнослужителей была возложена на комитеты и отделения Попечительного о тюрьмах общества. Однако штатную численность священников в местах заключения империи и размер их содержания определяло Министерство внутренних дел по представлению начальника Главного тюремного управления, о чем свидетельствует ст. 38 Устава о содержащихся под стражей от 1890 г.

Третье направление деятельности церковнослужителей в пенитенциарных учреждениях Российской империи было во многом основополагающим, поскольку религиозно окармливая заключенных, священники выполняли государственную задачу, связанную с исправлением преступников и возвращением в общество осознавших свои ошибки его членов. Мы разделяем мнение М. Г. Деткова о том, что в Российском государстве ключевая роль в исправлении заключенных отводилась лицам духовного звания. Синод как главный духовный орган Российской империи призывал священников «беседовать с христианской любовью, простотой и снисхождением, и тщательно остерегаться, чтобы не говорить оскорбительно», при этом акцентируя внимание на том, что «низко преступление, а человек достоин сострадания» [1, с. 146].

Священным Синодом в 1851 г. было разработано «Руководственное наставление священникам, служащим при тюремных замках и больницах» [5]. Оно предписывало определенные правила поведения тюремного духовенства с заключенными, как с мужчинами, так и с женщинами. Так, священникам рекомендовалось «всегда иметь лицо кроткое, приветливое, выражающее сострадание и любовь» [5, с. 6].

В обязанности священника вменялось ходатайствовать перед попечительными о тюрьмах комитетами об изоляции несовершеннолетних преступников от иной массы спецконтингента, если в тюремном замке отсутствовало раздельное содержание арестантов, «дабы зараза греха не сообщалась существам не возрастным, и следственно, за себя ответствовать не могущим» [5, с. 8].

Во взаимоотношениях с тюремным начальством и тюремными комитетами священники обязаны были содействовать им в пределах духовного и нравственного влияния, не вмешиваясь в судебное и полицейское разбирательство [5, с. 17].

Компетенция представителей тюремного духовенства ограничивалась следующим:

– просить о привлечении к работе тех узников, которым «вредит праздное бездействие» [5, с. 18];

– ходатайствовать об изоляции тех преступников, чье поведение оказывает негативное влияние на других арестантов;

– доносить тюремной администрации обо всех незаконных действиях, совершенных заключенными;

– пополнять материальную базу тюремных библиотек.

Все нормативные предписания были воплощены на практике, о чем свидетельствуют, например, отчеты по обозрению губерний. Так, в обзоре Костромской губернии за 1877 г. отмечается следующее: «Несовершеннолетние арестанты и дети, находящиеся при родителях, при участии священника тюремной церкви обучались чтению, письму, Закону Божию и другим предметам. Священником тюремной церкви города Костромы не менее трех раз в неделю совершалось в тюремном храме богослужение…» [4, с. 9].

Устройство церквей при тюрьмах и введение в штатные должности мест заключения тюремных священников были выгодны и для тюремных комитетов Попечительного о тюрьмах общества, поскольку «стремление влиять на узников именно церковью сильно жило в представителях Комитета» [3, с. 170]. О высоком значении тюремной церкви говорил и московский митрополит Филарет в 1843 г., его «Слово» цитировалось многими тюрьмоведами [3, с. 171–175].

Тюремные комитеты осуществляли контроль над деятельностью пенитенциарных священников, следили за своевременным отправлением богослужения, религиозным назиданием арестантов. В случае выявления проблем в сфере деятельности тюремного духовенства, указанные органы оказывали посильную помощь в организации их деятельности. Данная работа, как правило, была реализована посредством обращений в органы тюремного управления, к руководству губерний.

Однако, несмотря на все положительные моменты сотрудничества светских и духовных органов, на практике отмечались некоторые негативные факты

в этой области, такие как уклонение от проведения церковных обрядов. Например, в 1842 г. шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом был выявлен случай уклонения священника под разными предлогами от беседы с арестантами, содержавшимися в Нарвской части, о чем граф доложил епископу Венедикту, а тот в свою очередь принял соответствующие меры. И хотя данные случаи носили единичный характер, тем не менее А. Х. Бенкендорфу это нарушение священником установленных правил запомнилось надолго и впоследствии, обозревая тюрьмы империи, он всегда интересовался, надлежащим ли образом духовенство исполняет свои обязанности по религиозному просвещению арестантов [3, с. 177].

Нарушения предписаний имелись со стороны не только духовенства, но и тюремной администрации. Так, В. Н. Никитин по этому поводу писал следующее: «Препятствия в этом отношении встречались нередко в равнодушии тюремной администрации, от чего приходилось прибегать к помощи силы власти» [3, с. 179].

В рамках сотрудничества духовенства и тюремного руководства существовали и другие проблемы, не связанные с дисциплинарным характером. Например, возникали сложности с выбором тем для бесед с узниками. Вопрос разрешился с принятием совместно разработанных тюремными комитетами и духовенством «Правил для назидания ссыльных в Сибирь, в обязанности веры и нравственности, во время следования их к местам назначения». Данный документ был представлен для руководства всеми местами заключения Российской империи и закреплен циркулярным распоряжением от 15 июля 1842 г. [3, с. 178, 179].

Таким образом, существовавшие проблемы не носили массового характера, в целом работа по взаимному сотрудничеству духовенства и пенитенциарного ведомства велась в положительном ключе, что позволило накопить достаточный исторический опыт для последующих поколений. Не вызывает сомнения тот факт, что институт тюремных священников выступал неотъемлемой частью государственной правоохранительной системы и осуществлял деятельность по духовно-нравственному окормлению не только заключенных, но и лиц, отбывших наказания и нуждающихся в помощи по ресоциализации. И этот опыт в современных условиях гуманизации и демократизации исправительного процесса будет крайне полезным. Главное – эффективно его использовать.

Библиографический список

1. *Детков М. Г.* Исполнение наказаний в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказаний в виде лишения свободы : учеб. пособие / М. Г. Детков ; науч. ред. А. С. Михлин. – М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1990. – 88 с.

2. *Лопато Т. М.* Законы и правительственные распоряжения по тюремной части : справ. кн. для тюрем. инспекторов, тюрем. ком. и их отд-ний, начальников тюрем, зем. управ, попечителей, зем. арест. домов и других должност. лиц губер., уезд. и непосредств. упр. местами заключения / Т. М. Лопато. – Полтава : Типо-лит. Губерн. правления, 1898. – 343 с.

3. *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. 1560–1880 г. / В. Н. Никитин. – Спб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880. – 674 с.

4. Обзор Костромской губернии за 1877 год. – Кострома : [б. и.], 1878. – 36 с.

5. Руководственное наставление священникам, служащим при тюремных замках и больницах. – Вологда : Губерн. тип., 1851. – 29 с.

References

1. *Detkov M. G.* Execution of Punishments in Pre-revolutionary Russia: Organizational and Legal Aspects of the Formation and Development of the System of Execution of Sentences in the Form of Imprisonment. Sci. ed. A. S. Mikhlin. M., Izdatel'stvo VNII MVD SSSR, 1990. 88 p.

2. *Lopato T. M.* Laws and Government Regulations on Prison. Poltava, Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya, 1898. 343 p.

3. *Nikitin V. N.* Prison and Exile: the Historical, Legislative, Administrative and Domestic Situation of Prisoners, Transporting Persons, Their Children and Those Released from Custody, Since the Inception of the Russian Prison, to the Present Day. 1560–1880. Spb., Tipografiya G. Shparvart, 1880. 674 p.

4. Overview of the Kostroma Province for 1877. Kostroma, s. n., 1878. 36 p.

5. Guidance to Priests Serving in Prison Castles and Hospitals. Vologda, Gubernskaya Tipografiya, 1851. 29 p.

Библиографическое описание статьи

Абражеева Д. В. Взаимодействие церкви и тюремных учреждений в Российской империи в XIX веке / Д. В. Абражеева, М. М. Горбунова, Д. И. Рубцов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 159–162.

УДК 347

Головкин Роман Борисович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института им М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Golovkin Roman B.,
Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
Doctor of Law, Professor

Амосова Оксана Сергеевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: Amosova.o.s@mail.ru

Amosova Oksana S.,
Assistant Professor of State and Law Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

«ЦИФРОВЫЕ ПРАВА» И «ЦИФРОВОЕ ПРАВО» В МЕХАНИЗМАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

«Digital Rights» and «Digital Law» in the Mechanisms of Digitalization of the Economy and Public Administration

Аннотация. Статья посвящена изучению процессов цифровизации экономики и государственного управления и места, занимаемого в этих процессах цифровыми правами, а также цифровым правам в целом. Автор анализирует новеллу гражданского законодательства, закрепляющую понятие «цифровые права»; формулирует определения понятий «цифровое правоотношение», «цифровая юридическая обязанность» и «цифровое право».

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровое государственное управление; право; цифровое право; цифровые правоотношения; цифровая юридическая обязанность.

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of digitalization of economic and public administration and the place occupied in these processes by digital rights, as well as digital law in general. The author analyzes the novel of civil law, which enshrines the concept of «digital rights», formulates the definitions of «digital legal relationship», «digital legal obligation» and «digital law».

Key words: digital economy; digital public administration; law; digital law; digital legal relations; digital legal obligation.

Произошедшие в последние годы изменения в общественных отношениях в связи с технологическим рывком человечества требуют и изменений в системе социального, особенно правового, регулирования. Современное общество развивается «семимильными шагами», в первую очередь в сфере высоких технологий. Внедрение компьютеров и Интернета в повседневную жизнь привело к технологическому взрыву в сфере совершенствования технического обеспечения жизнедеятельности личности, общества и человечества в целом. Данные процессы формируются и нарастают лавинообразно: появление компьютеров обусловило появление глобальных информационных сетей, искусственного интеллекта, Интернета вещей, 3D-моделирования, генного инжиниринга, а также привело к цифровизации экономики.

Общеизвестно, что экономическая основа общества обусловливает правовое регулирование, вместе с тем вне права не может существовать и экономика. Цифровизация экономики предусматривается целым рядом нормативных правовых актов, среди них: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; поручение Президента Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № Пр-300, утверждающее перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, которым утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», и некоторые другие акты.

Озабоченность отечественного государства необходимостью цифровизации экономики обусловлена глобальными экономическими процессами, которые развиваются на базе цифровых технологий. Российская Федерация, пока не входит в группу лидеров развития цифровой

© Головкин Р. Б., Амосова О. С., 2019

экономики по многим показателям [1, с. 61]. И как утверждается в распоряжении Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, такое значительное отставание в развитии цифровой экономики объясняется в том числе и пробелами в нормативной базе по цифровой экономике. При этом развитие цифровой экономики должно позволить создать необходимые условия для системного развития нашего общества в русле развития мировой цивилизации, основные усилия данного развития сориентированы на повышение качества жизни и деятельности личности, общества и государства. Следовательно, логично предположить, что для более высокого качества жизни требуется развитие цифровой экономики, а для ее обеспечения необходима соответствующая цифровая платформа государственного управления.

Осознание данного факта породило специальный раздел «Цифровое государственное управление» в национальном проекте «Цифровая экономика Российской Федерации». В соответствии с паспортом федерального проекта **цифровое государственное управление** – это поэтапная трансформация управления данными государства на основе цифровых технологий, разработка комплексных суперсервисов для получения гражданами и бизнесом государственных услуг в «один клик».

В соответствии с планом мероприятий, предусмотренных данной национальной программой, обосновывается ряд мер по обеспечению цифровизации государственного управления. Во-первых, это цифровизация государственных и муниципальных услуг и сервисов. Во-вторых, это цифровое обеспечение и изменение государственной и муниципальной службы. В-третьих, это создание, развитие и обеспечение функционирования единой государственной информационной системы. В-четвертых, должна быть сформирована единая цифровая система управления кадрами государственной и гражданской службы. В-пятых, планируется создание цифровых систем стратегического развития и планирования. В-шестых, необходимо формирование цифровых профилей гражданина и юридического лица [3, разд. 3].

Цифровое управление невозможно без правового обеспечения данной деятельности, поэтому в рамках цифровизации экономики и государственного управления, определенных соответствующими программами и проектами, предусматривается правовое обеспечение данных процессов.

В целом правовое обеспечение нацпроекта «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривается Федеральным проектом «Нормативное регулирование цифровой среды», утвержденным президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.) (далее: Федеральный проект). В рамках Федерального проекта создается и планируется к созданию ряд механизмов и нормативных правовых актов по обеспечению цифровизации экономики государственного управления. Так, Федеральный проект предусматривает формирование целой системы правовых регуляторов, обеспечивающих функционирование цифровой экономики, а также создание правовых условий для создания цифровой среды доверия.

Для реализации данных задач предполагается создать и принять ряд важных нормативных правовых актов, среди которых: федеральный закон, регулирующий механизмы формирования и использования «облачной» электронной подписи; федеральный закон, предусматривающий урегулирование статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок, а также автоматизированных («самоисполняемых») договоров, и др. [3, разд. 4.1].

Таким образом, уже идущая полным ходом цифровизация экономики, государственного управления и необходимость обеспечения этих процессов правовым регулированием обусловили целесообразность цифровизации и самого права.

Первым шагом на этом пути можно считать принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому в правоведение и юридическую практику введено понятие «цифровые права». Вступает этот закон в силу с 1 октября 2019 г.

В соответствии с новой статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации **цифровыми правами** называют *обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.* Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Представляется, что вновь принятая норма-дефиниция, закрепляющая понятие цифровых прав, несмотря на ее позитивность, инновационность и своевременность, все же не выполняет своей основной задачи по определению сущности цифровых прав. Данный вывод обусловливается целым рядом обстоятельств логического и технико-юридического свойства.

Прежде всего следует отметить тот факт, что указанная дефиниция содержит необоснованное расширение цифровых прав, так как по смыслу нормы получается, что к цифровым правам законодатель относит фактически все обязательственные и иные права, которые определяются правилами информационной системы. Следовательно, либо к цифровым правам можно отнести все права, предусмотренные гражданским законодательством, либо следует признать, что у некоторых гражданских прав имеется лишь цифровая форма выражения.

Кроме того, постановка определения сущности цифровых прав в зависимость от другого неопределенного явления в рамках данной дефиниции нарушает основное правило формирования правовых и иных понятий, согласно которым определение должно содержать только известные признаки, не требующие пояснений и не содержащие двусмысленности. Если понятие определяется через другое понятие, признаки которого неизвестны и которое само нуждается в определении, то это ведет к логической ошибке, называемой определением неизвестного через неизвестное [2, с. 168].

Термин «информационная система», использованный в рассматриваемом определении, не имеет однозначных трактовок. Так, согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

В международном стандарте ISO/IEC 2382-1 закреплено следующее определение: «Информационная система – система обработки информации, работающая совместно с организационными ресурсами, такими как люди, технические средства и финансовые ресурсы, которые обеспечивают и распределяют информацию».

Российский ГОСТ РВ 51987-2002 определяет информационную систему как «автоматизированную систему, результатом функционирования которой является представление выходной информации для последующего использования».

В любом случае основной задачей информационной системы является удовлетворение конкретных информационных потребностей в рамках конкретной предметной области на основе соответствующих баз данных, именно поэтому термин «информационная система» на практике сливается по смыслу с термином «система баз данных».

Как следует из вышеприведенных толкований понятия информационной системы, оно трактуется неоднозначно, следовательно, неоднозначен и смысл содержания понятия цифровых прав.

Полагаем, что дефиниция цифровых прав, содержащаяся в ст. 141[1] «Цифровые права» законопроекта № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)», в большей степени отвечала требованиям юридической техники и формальной логики, так как конкретно указывала, что цифровой код или обозначение, с помощью которых закрепляются права на объекты гражданских прав, признаются цифровым правом.

И все же правильное формальное выражение рассматриваемой дефиниции не означает правильного выражения содержания цифрового права. Безусловно, термин «цифровые права» имеет право на существование, тем более он законодательно закреплен, но, судя по их легальной дефиниции, цифровые права – это не самостоятельные меры возможного, возможное поведение субъектов правоотношений, это скорее форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве и соответствующих информационных системах.

Следовательно, в целом можно заключить, что цифровые права – это разновидность субъективных прав, выраженных в цифровой форме и реализующихся в рамках информационных систем.

Факт принятия дополнений в ГК РФ, в том числе и в виде закрепления нормы-дефиниции «цифровые права», предполагает изменения не только в регулировании соответствующих общественных отношений, опосредованных субъективными правами, но и требуется пересмотр некоторых положений общей теории права, особенно в вопросах, касающихся правопонимания и сущности не только субъективного цифрового права, но и сущности объективного права, выраженного в цифровой форме.

Цифровизация экономики, государственного управления, как отмечено выше, обусловливает необходимость ведения речи о цифровом праве в целом, а не только о цифровых правах. Дискуссии о сущности права и правопонимании продолжаются уже не одну сотню лет. Поэтому, не касаясь глобальных процессов, остановимся лишь на содержании той части права, которая внешне выражена и охраняется государством, т. е. в законодательстве или объективном праве. Объективное право – это способ существования права в рамках правовых отношений, их мера, в том числе и мера субъективного права, так как возможное поведение в рамках субъективного права не беспредельно

и ограничивается правовыми мерами, выраженными в правовых нормах.

Следовательно, цифровые права могут и должны обеспечиваться цифровым объективным правом. Анализ нормы-дефиниции, закрепляющей понятие цифровых прав, показывает, что цифровое объективное право, не затрагивает сущности права как уникальной и специфической нормативно-регулятивной системы, а характеризует ее особенную форму выражения и существования.

С одной стороны, цифровая форма выражения правовых предписаний уже давно используется в правовом регулировании: это и сроки лишения свободы, различные временные отрезки, сами номера статей, ИНН, номера страховых свидетельств, регистрационные номера автотранспортных средств и т. д. Новацией в рассматриваемом случае является то, что цифровые обозначения определенных правовых явлений фиксируются не только в текстах, а прежде всего в рамках информационных систем, и, судя по новеллам законодательства, оборот цифрового права информационными системами пока и ограничивается.

Таким образом, подводя итог краткому исследованию процессов цифровизации экономики, государственного управления и права, целесообразно отметить ряд обстоятельств, которые играют большую роль в указанных явлениях.

Во-первых, в связи с взрывообразным развитием цифровых технологий и приобретением ими ключевых позиций в жизни общества, цифровизация права неизбежна и необходима.

Во-вторых, цифровые права – это способ выражения и существования гражданских субъективных прав в рамках информационных систем.

В-третьих, цифровизация экономики, государственного управления с неизбежностью влечет цифровизацию права.

В-четвертых, цифровое объективное право – один из способов выражения и существования права в целом и объективного права, в частности.

В-пятых, потребность в цифровом объективном и субъективном праве вызывается необходимостью регулирования возникших и расширяющихся в последнее время цифровых общественных отношений.

В-шестых, наличие цифровых прав предполагает наличие **цифровых правоотношений**, которые представляется возможным сформулировать следующим образом: *это разновидность общественных отношений, возникающих на базе цифрового права, регулирующего эти отношения на основании и в рамках информационных систем.*

В-седьмых, законодательно закрепленную концепцию существования и реализации цифровых прав необходимо дополнить концепцией **цифровых обязанностей**, которые можно определить как *должное поведение субъектов правоотношений, предусмотренных правовыми нормами, выраженными цифровыми кодами или обозначениями на основе и в рамках информационных систем, признаваемых законодательством.*

В-восьмых, с учетом проведенного исследования можно заключить, что **цифровое право** – *это система правовых предписаний, выраженных внешне и закрепленных государством в виде системы цифровых кодов или обозначений, с помощью которых регулируются общественные отношения в рамках признаваемых законодательством информационных систем.*

Библиографический список

1. *Капранова Л. Д.* Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития / Л. Д. Капранова // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 2. – С. 58–69.

2. *Леоненко Н. Т.* Законодательная техника : учеб. пособие / Н. Т. Леоненко. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. – 276 с.

3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – Режим доступа: http://government.ru/info/35568/.

References

1. *Kapranova L. D.* Digital Economy in Russia: State and Development Prospects. *E'konomika. Nalogi. Pravo.* 2018. No. 2. P. 58–69.

2. *Leonenko N. T.* Legislative Technique. Novosibirsk, SibAGS, 2015. 276 p.

3. Passport of the National Program «Digital Economy of the Russian Federation». URL: http://government.ru/info/35568 /.

Библиографическое описание статьи

Головкин Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 163–166.

УДК 343.85

Ильин Дмитрий Леонидович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки ВЮИ ФСИН России
E-mail: idl33rus@gmail.com

Огарышев Антон Владимирович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки ВЮИ ФСИН России
E-mail: oav33@bk.ru

Семёнов Валентин Владимирович,
главный специалист отделения контроля деятельности в сфере исполнения судебных актов отдела координации и анализа судебно-исковой работы ЦНТЛ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: valentin_semenov91@mail.ru

Il'in Dmitrij L.,
Senior Lecturer of Physical Training Department of VLI of the FPS of Russia

Ogary'shev Anton V.,
Senior Lecturer of Physical Training Department of VLI of the FPS of Russia

Semyonov Valentin V.,
Chief Specialist of the Division for Control of Activities in the Sphere of Enforcement of Judicial Acts of the Coordination and Analysis Department of Judicial Work of CRTL of the FPS of Russia PhD (Law)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ»

Some Peculiarities of the Definition of the Concept «Counteraction Crime»

Аннотация. В статье авторы раскрывают особенности противодействия преступности, анализируют некоторые научные подходы к изучению данной проблемы и формулируют частные признаки и определение понятия «противодействие преступности».

Ключевые слова: противодействие преступности; борьба с преступностью; противодействие терроризму; противодействие экстремизму; предупреждение; профилактика; этимология противодействия преступности.

Abstract. In the article, the authors reveal the features of countering crime, analyze some scientific approaches to the study of this problem, and formulate particular features and the definition of the concept of «countering crime».

Key words: countering crime; fight against crime; countering terrorism; countering extremism; a warning; prevention measures; etymology of countering crime.

Принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 14 октября 2010 г. уже тогда стало ознаменованием нового этапа в развитии деятельности различных служб уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) для достижения поставленных целей, одной из которых является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам. На протяжении многих лет ее реализации в области сокращения рецидива преступлений УИС претерпела множество изменений. Так, корректировкам подвергались внутриведомственные акты, относящиеся к предупреждению и раскрытию преступлений и других правонарушений. Вступили в силу многие федеральные законы и подзаконные нормативные акты, были приняты различные изменения в них, которые, помимо прочего, дополнили уголовно-исполнительное законодательство (например, федеральные законы от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в ви-

© Ильин Д. Л., Огарышев А. В., Семёнов В. В., 2019

де лишения свободы”»). Другими словами, законодателем и руководством ФСИН России сделано очень много не только в сфере работы с лицами, совершившими преступления, но и в сфере предупреждения их совершения.

Проблеме противодействия правоохранительных органов преступности всегда уделялось повышенное внимание. Данному вопросу было посвящено множество научных работ, в том числе диссертационного и монографического уровней, создавались рабочие группы, вносились изменения в нормативные правовые и ведомственные акты. В УИС проблема борьбы с преступностью всегда оставалась одной из самых актуальных тем, что было обусловлено многими причинами, главными из которых являются: закрытость учреждений, в которых содержатся подозреваемые и обвиняемые и отбывают наказания осужденные; совместное нахождения в замкнутом пространстве лиц, совершивших преступления; ограничения, которые накладываются на лиц, содержащихся в учреждениях УИС.

Говоря о наименовании процесса борьбы с преступностью, мы должны принимать во внимание тот факт, какие термины для ее обозначения используются в международных актах. Об этом говорится и в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». Известный отечественный правовед и дипломат А. П. Мовчан, говоря о международной терминологии, отмечал следующее: «Терминология в международном праве, являющемся результатом согласования воль различных государств, достигаемого зачастую в результате многолетней и упорной борьбы, взаимных уступок и воздействия различных общественно-политических сил, также является чаще всего итогом значительных усилий и поиском компромиссов со стороны официальных представителей государств. Поэтому терминология в международных правовых актах – декларациях, договорах, конвенциях, уставах, регламентах и т. п. – не может быть отнесена только к области “юридической техники”» [6, с. 61].

В процессе взаимодействия России с другими государствами по нейтрализации преступности сложилась практика употребления таких терминов, как: «борьба», «война», «контроль», «противодействие», «профилактика», «пресечение», «предупреждение», «сдерживание», «управленческое воздействие», «ликвидация и минимизация последствий» и др. [2, с. 206]. В совокупности эти термины характеризуют борьбу заинтересованных стран с преступностью в целом.

Однако деятельность правоохранительных органов в сфере выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений на современном этапе целесообразно называть противодействием. Многие ученые-правоведы отмечают, что ранее такую деятельность, как противодействие преступности в научной литературе и нормативных актах называли борьбой с преступностью. Действительно, ранее в правовой литературе использовалось данное название, под которым понимались все стадии работы государственных органов с преступлениями. Однако на современном этапе эта деятельность стала более регламентированной, так как вступили в законную силу некоторые федеральные законы, где выделяются этапы противодействия отдельным преступлениям. То есть законодатель таким образом четко определяет полномочия отдельных лиц в сфере противодействия. Последнее, несомненно, формирует «костяк» функций и задач должностных лиц в сфере противодействия преступности и вытесняет из научного оборота понятие «борьба с преступностью», поскольку оно не было урегулировано на законодательном уровне, а значит, оставалось на уровне рассуждений различных ученых-правоведов.

Как справедливо заметил М. М. Быргэу, «в науке укоренилось положение вещей, согласно которому любое более-менее серьезное теоретическое исследование начинается с анализа категориального и понятийного аппарата» [3, с. 7]. Будет правильным начать разбор понятия «противодействие преступности» с анализа его этимологии, правовой и научной составляющих.

Так, понятие «противодействие преступности» образовано из комбинации двух слов. Во-первых, слово «противодействие», которое в свою очередь образовано из двух слов «против» и «действие» и понимается как «действие, препятствующее другому действию». Очень интересную позицию по данному термину высказал И. М. Мацкевич: «Термин “противодействие” преступности мне представляется размытым и недостаточно точно отражающим цель именно борьбы с преступностью… Терминологическая дискуссия о борьбе с преступностью в действительности имеет решающее значение, поскольку соответствующий выбор будет непосред-

ственно влиять на характер реагирования мировой общественности на преступления во всем мире и в каждой стране в отдельности. Здесь начинается по большому счету уголовная политика. Это тоже своего рода выбор между консенсуальным (гуманитарным) подходом к формированию уголовной политики и конфронтационным (мобилизационно-силовым). В данном случае я называю консенсуальным подход – наступательным, или позицией социальной активности» [5, с. 173]. При этом одни ученые-правоведы [4] отмечают, что слово «противодействие» очень близко по значению понятиям «предупреждение» и «профилактика», другие же [1, с. 339] рассматривают данный термин более углубленно.

Во-вторых, слово «преступность» происходит от глагола «преступать», т. е. выходить за рамки чего-либо. «Преступность» как самостоятельное понятие в российском праве обозначает преступление как негативное социальное явление, имеющее своей целью совершить действие или бездействие, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации, другими словами, как возможные негативные (с точки зрения права) последствия взаимодействия в обществе. В итоге, суммировав результаты этимологических анализов, можно сказать, что противодействие преступности является действием, препятствующим возникновению и развитию негативных (с точки зрения права) последствий взаимодействия в обществе. Данное определение не является окончательным и точным, ведь, развивая это суждение, можно сказать, что противодействие преступности – это система действий лиц различного уровня (от граждан и должностных лиц до специализированных организаций), направленная на недопущение (предупреждение), выявление (обнаружение), пресечение выявленных, раскрытие и расследование совершенных или совершаемых, и, наконец, ликвидация последствий преступлений, формирующих негативное (с точки зрения права) взаимодействие в обществе (явление).

Как и в любом правовом государстве, деятельность государственных структур, в том числе правоохранительных органов, основана только на положениях нормативных правовых актов. Более конкретизированную позицию по отношению к месту и роли понятия «противодействие преступности» может дать анализ некоторых федеральных законов. Если мы говорим о противодействии преступности как о системе действий, направленных на работу с признаками преступлений, то мы должны найти данные признаки в законодательном регулировании. Прежде чем перейти к анализу этих признаков, необходимо сказать, что исследование такой деятельности должно быть основано на тех нормативных правовых актах, которые относятся к регулированию общественных отношений, связанных с преступлениями и мерами государственных органов по работе с ними. Так, мы можем выделить три основных федеральных закона, а именно: от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данный перечень федеральных законов по отношению к рассматриваемой сфере не является исчерпывающим, так как существуют и другие (например, федеральные законы от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), но для настоящего исследования нам достаточно проанализировать приведенные законы.

В 2002 г. был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в ст. 3 которого перечисляются основные направления противодействия, а именно: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. Из них можно выделить главные мероприятия в этой области, а именно: профилактику, выявление, предупреждение и пресечение. Далее, в 2006 г. был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму», в ст. 3 которого определяется противодействие терроризму как деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Основные направления противодействия преступности носят очевидный и однозначный характер. Более того, сами нормы указанных законов предопределяют и устанавливают суть (механизм) реализации своих положений. В свою очередь, некоторые вопросы вызывают такое направление, как минимизация и (или) ликвидация последствий проявления данного вида преступления. Все дело в том, что существуют подходы, при которых данное направление определяется исключительно как «заглаживание ущерба, причиненного преступлением (погашение исковых требований)» [4, с. 21]. Наша позиция является более широкой: когда законодатель говорит о деятельности по последствиям преступлений, то, без сомнений, имеется в виду деятельность по ликвидации причин и условий совершения конкретного преступления, в частности, и конкретного направления преступности в целом. Работа с последствиями, т. е. с причинами и условиями (детерминантами), является важной криминологической функцией государства.

Исходя из основных законодательных направлений, противодействие преступности можно разделить на три больших этапа: выявление возможных преступных проявлений либо совершенных преступлений; пресечение, расследование и раскрытие преступлений; минимизация последствий преступлений. Но наиболее эффективно противодействовать преступности можно и нужно не по факту совершенного преступления, а до его совершения. На данный момент указывает, в частности, С. А. Ирисханов: «Противодействие преступности может быть более эффективным вследствие не только применения уголовно-правовых мер, которые реализуются уже после совершения преступления, но и мер, им предшествующих» [4, с. 15].

Вообще говорить о правовой специфике противодействия преступности в российском праве достаточно трудно. Это связано: во-первых, с неоднозначной правовой позицией по отношению к противодействию преступности; во-вторых, со слабой регулятивной деятельностью по отношению к объекту (общественным отношениям и правовым отношениям) и субъекту (государственные, муниципальные и частные силы и средства) противодействия преступности; правовой неопределенностью в сфере предмета преступного посягательства. В связи с этим считаем необходимым привести высказывание профессора Н. И. Пикурова: «Правоприменитель нередко сталкивается с трудно разрешаемой задачей баланса между нормами охранительного и регулятивного права… связанных с нарушением предписаний норм других отраслей права. Главное отличие заключается в том, что уголовное право преследует цель запретить поведение определенного типа (социально опасное действие или бездействие), тогда как основная цель отраслей позитивного правового регулирования – сформулировать условия и основания социально одобряемого поведения. Вместе с тем противопоставление указанных целей недопустимо. Запреты не должны конфликтовать с нормативно допускаемым поведением… Правоприменитель должен помнить о функциональных и целевых различиях правовых норм… составы которых связаны с иными (не уголовно-правовыми) нормативными предписаниями» [7, с. 357–358].

Определяя место противодействия преступности в системе российского права, необходимо понимать, что наличие всех упоминаний данного понятия в нормативных правовых актах не дает и не может дать достаточный объем информации для его окончательной идентификации. В конечном счете мы считаем, что противодействие преступности с правовой точки зрения – это одно из направлений уголовной политики государства по работе с конкретными лицами, совершившими действия (бездействие), запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации.

Огромное значение в процессе исследования, в том числе юридической специализации, имеет рассмотрение научных подходов к определению понятия «противодействие преступности». Данный этап исследования актуален в связи с тем, что научные обоснования всегда являются более широкими и достаточно популярным, чем нормативно закрепленный вариант. Именно поэтому мы предпримем попытку с научной точки зрения определить несколько иные грани исследования. Так, С. А. Ирисханов рассматривал противодействие преступности с точки зрения реализации ее с помощью частноправовых средств, определяя это как «деятельность федеральных органов и государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению преступлений средствами частных отраслей права (гражданского, семейного, жилищного, трудового и др.), по возмещению ущерба, причиненного преступлением» [4, с. 25]. Данное определение мы считаем целесообразным привести, чтобы еще раз подчеркнуть актуальность рассматриваемой проблемы. Вместе с тем мы не согласны с подобным подходом к определению противодействия преступности. Несмотря на то, что С. А. Ирисханов рассматривает противодей-

ствие преступности с точки зрения частно-правовых норм, его подход явно корректным назвать нельзя, так как, во-первых, этот автор привел только два направления: предупреждение и возмещение вреда, при этом «вырезав» промежуточную часть по пресечению, раскрытию и расследованию преступления; во-вторых, «возмещение ущерба, причиненного преступлением» (даже в контексте исследования С. А. Ирисханова) является скорее факультативным признаком противодействия преступности, но никак не основным; в-третьих, мы считаем, что определение любого понятия должно содержать в себе исчерпывающий перечень основных признаков рассматриваемого объекта, тогда как в анализируемом определении автор данным требованием пренебрег.

Итак, на основании вышеизложенного мы можем сформулировать следующий перечень основных признаков противодействия преступности:

– имеет целенаправленный умышленный характер;

– носит как нормативный, так и ненормативный характер механизма осуществления. Считается, что противодействовать преступности можно лишь законными, строго определенными силами, средствами и методами. В действительности, возможность противодействовать преступности ненормативными способами существует, она относится к тем способам, которые не противоречат законодательству;

– располагает, как правило, определенным комплексом мер, состоящим из предупреждения конкретных преступлений; выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений; минимизации и (или) ликвидации последствий проявления совершенного преступления;

– осуществляется как государственными и муниципальными органами, так и институтами гражданского общества и иными юридическими лицами;

– обращено лишь на действия (бездействие), запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации. Иные правонарушения не рассматриваются в контексте противодействия преступности, если данные правонарушения не могут перетечь в уголовно наказуемое деяние.

В результате проведенного исследования мы сформулировали авторское определение понятия «противодействие преступности». Под ней мы понимаем целенаправленную и умышленную деятельность, осуществляемую специальным субъектом по нормативным основаниям любыми приемами и способами, не противоречащими российскому законодательству, направленную исключительно на действия, носящие уголовный характер.

Таким образом, мы можем утверждать, что противодействие преступности носит не только научный и прикладной характер, но и должным, вполне конкретным, образом отражается в нормативных правовых актах. Более того, основные направления противодействие преступности находят свое отражения в федеральном законодательстве, где достаточно четко формулируются приемы и способы его осуществления. Необходимо сказать, что эти приемы и способы противодействия преступности хоть и имеют своим предметом преступление, но могут и должны осуществляться в процессе его предупреждения, т. е. до фактического совершения преступления.

Библиографический список

1. *Аванесов Г. А.* Криминология / Г. А. Аванесов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во МВД СССР, 1984. – 500 с.

2. *Алексеев А. И.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с.

3. *Быргэу М. М.* Организация профилактики преступлений органами внутренних дел: концептуальные основы, практика, перспективы совершенствования (опыт Республики Молдова) : монография / М. М. Быргэу ; под общ. ред. А. М. Бандурки. – Харьков : Изд-во Харьк. Ун-та внутр. дел, 2004. – 253 с.

4. *Ирисханов С. А.* Противодействие преступности частно-правовыми средствами : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ирисханов Сергей Алиевич. – Рязань, 2015. – 158 с.

References

1. *Avanesov G. A.* Criminology. 2nd ed., rev. and enl. M., Izdatel'stvo MVD SSSR, 1984. 500 p.

2. *Alekseev A. I., Ovchinskij V. S., Pobegajlo E'. F.* Russian Criminal Policy: Overcoming the Crisis. M., Norma, 2006. 144 p.

3. *By'rge'u M. M.* Organization of Crime Prevention by Law Enforcement Bodies: Conceptual Framework, Practice, Improvement Prospects (Experience of the Republic of Moldova). Ed. by A. M. Bandurka. Khar'kov, Izdatel'stvo Khar'kovskogo Universiteta Vnutrennikh Del, 2004. 253 p.

4. *Iriskhanov S. A.* Counteraction to Crime by Private Legal Means. Ryazan', 2015. 158 p.

5. *Maczkevich I. M.* New Criminal Policy. *Rossijskij Kriminologicheskij Vzglyad*. 2012. No. 3. P. 168–182.

6. *Movchan A. P.* Codification and Progressive Development of International Law. M., Yuridicheskaya Literatura, 1972. 214 p.

5. *Мацкевич И. М.* Новая уголовная политика / И. М. Мацкевич // Рос. криминол. взгляд. – 2012. – № 3. – С. 168–182.

6. *Мовчан А. П.* Кодификация и прогрессивное развитие международного права / А. П. Мовчан. – М. : Юрид. лит., 1972. – 214 с.

7. *Пикуров Н. И.* Соотношение целей гражданско-правового регулирования и уголовно-правовой охраны тех же общественных отношений // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы IV Рос. конгр. уголов. права, 28–29 мая 2009 г. – М. : Проспект, 2009. – С. 357–358.

7. *Pikurov N. I.* Correlation of Objectives of Civil Law Regulation and Criminal Law Protection of the Same Public Relations. *Category «Goal» in Criminal, Executive Law and Criminology*. M., Prospekt, 2009. P. 357–358.

Библиографическое описание статьи

Ильин Д. Л. Некоторые особенности определения понятия «противодействие преступности» / Д. Л. Ильин, А. В. Огарышев, В. В. Семёнов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 167–172.

УДК 94(47).083+340.12

Маркина Оксана Викторовна,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат исторических наук
E-mail: irishoxana@rambler.ru

Markina Oksana V.,
Assistant Professor of Legal Support of State and Municipal Administration Department of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (History)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО – ПОИСК ОСНОВ ВЗАИМНОГО УВАЖЕНИЯ (на примере деятельности Московского охранного отделения под руководством С. В. Зубатова)

Power and Society – the Search for the Foundations of Mutual Respect (on the example of the history of Moscow Security Department under the leadership of S. V. Zubatov)

Аннотация. Статья посвящена анализу форм и методов взаимодействия властных структур с элементами гражданского общества в истории Российского государства.

Ключевые слова: закон об оскорбительных высказываниях в сети «Интернет»; уважение к власти; черный пиар; Московское охранное отделение; зубатовщина.

Abstract. The article is devoted to the analysis of forms and methods of interaction of power structures with elements of civil society in the history of the Russian state.

Key words: the law on offensive statements on the Internet; respect for power; black PR; Moscow security department; zubatovism.

Начиная с лета 2018 г., прогрессивная российская общественность активно обсуждает законодательные инициативы, касающиеся усиления ответственности за оскорбительные и унижающие достоинство высказывания в сети «Интернет» в адрес представителей власти. Негативные отклики были вполне прогнозируемы и ожидаемы. Причины этого следует искать в недалеком коммунистическом прошлом, когда любая критика власти жестко подавлялась, и в его псевдодемократическом перевоплощении, когда долго сдерживаемые эмоции выплеснулись на страницы печати, а впоследствии в сетевое пространство без контроля и цензуры не только со стороны государства, но нередко и здравого смысла.

Признавая обоснованность аргументированных опасений противников изменения законодательства, следует прежде всего разобраться в обстоятельствах зарождения подобных тенденций развития права и возможных последствиях их игнорирования, одним из проявлений которого предстает правовой нигилизм, характеризуемые современными исследователями как «негативное социально-психологическое явление» [9, с. 152]. Общеизвестно, что принцип уважения окружающих в целом и тех, кто управляет нашими жизнями, в частности, лежит в основе христианской этики. Однако и в дохристианские времена авторитет старейшин являлся непререкаемым для древних славян, так как единство общины было непременным условием ее выживания и процветания.

В то же время стремление открыто высказывать критику власти не всегда было направлено на соблюдение интересов общества. История Смутного времени свидетельствует о том, к чему приводят манипуляции общественным сознанием. Пропагандистская кампания В. И. Шуйского, при всей анекдотичности его взаимоисключающих утверждений, стала одной из причин раскола русского общества, приведшего к гражданской войне. Ее отголоски можно наблюдать в период, известный еще из школьной программы под названием «Бунташный век».

В связи с этим вполне закономерным представляется тот факт, что в Соборном уложении 1649 г. отдельное внимание было уделено проблемам отношения общества к представляющей его интересы власти, о чем свидетельствует название гл. 2 «О государской чести, и как его государьское здоровье оберегать». Неудивительно, что наступившая столетием позже эпоха дворцовых переворотов оказалась гораздо менее трагичной страницей в истории русского общества, не вызвав таких жертв и потрясений, которые ознаменовало собой наступление XVII в. Начало XX столетия отправит российскую историю по заколдованному кругу пройденных ошибок в полном соответствии с народной мудростью о граблях и тех, кто на них не единожды наступает.

© Маркина О. В., 2019

Современная наука уделила достаточно много внимания семье последнего российского императора и той трагедии, что постигла их в результате умело развязанной информационной войны, которую в наше время назвали бы «черным пиаром». Однако их пример был лишь одним звеном в целом ряду других государственных деятелей России, стремившихся служить Отчизне в меру своего разумения о долге и чести и подвергшихся поруганию с одной-единственной целью – развязать новую гражданскую войну. В рамках настоящей статьи мы предпримем попытку исследовать жизнедеятельность одного из самых презираемых советской историографией руководителей правоохранительных органов дореволюционного периода – С. В. Зубатова.

Сергей Васильевич родился в семье отставного военного, был отчислен из гимназии за участие в деятельности радикального кружка, работал в почтово-телеграфном ведомстве и в частной библиотеке, продолжая общение с революционно настроенными молодыми людьми. Следствием этого стало привлечение его к работе Охранного отделения в 1886 г. Уже через три года он был зачислен в штат и поднялся по служебной лестнице до поста начальника. За время своей служебной деятельности он достиг огромных успехов в деле совершенствования работы самих правоохранительных органов и в том, что сейчас называют «установлением прочных связей с общественностью».

Вклад С. В. Зубатова в развитие политического сыска в России признается всеми исследователями, даже теми, кто негативно характеризует его личность в целом. Бывший жандармский генерал П. П. Заварзин в своих воспоминаниях, изданных за границей, говорит о том, что слабостью российской розыскной системы было отсутствие профессионализма у сотрудников: «Многие чины не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели» [1, с. 69]. Важно отметить, что дело здесь не в недостатке образования, а в стремлении к самосовершенствованию, ведь С. В. Зубатов, не получивший университетского диплома, смог, по утверждению того же П. П. Заварзина, применить западноевропейские достижения к российской действительности. Он ввел новые методы слежки и регистрации, создал целую сеть связанных между собой охранных отделений, ввел систематическую регистрацию, фотографирование агентуры, т. е. «в качественном отношении розыск был действительно поднят» [1, с. 75].

Другая сторона его деятельности связана с преодолением революционных настроений среди рабочих, чьи отношения с работодателями были слабо урегулированы на законодательном уровне. Эта проблема обозначилась во второй половине XIX в., однако специально созданные правительственные комиссии не сочли ее достаточно серьезной. Так, Комиссия по урегулированию отношений найма под председательством Н. П. Игнатьева сделала вывод о том, что данные отношения «мало зависят от регламентации закона, так как требования его по преимуществу формальны» [7, с. 4–5], т. е. она, говоря библейским языком, «умыла руки», предоставив силам полиции усмирять недовольных рабочих.

Идея С. В. Зубатова заключалась не в подавлении беспорядков, а в предоставлении трудящимся возможности установить сотрудничество с правящим режимом, построить отношения на основе взаимного доверия и уважения. Эта политика получила название «полицейский социализм», против чего изначального возражал сам Зубатов, отстаивающий монархические идеи и выступающий за успешное развитие капитализма в России.

Негативное отношение к мероприятиям начальника Московского охранного отделения заложено как в термине «полицейский социализм» (в литературе данный прием называется оксюмороном, подобным образом характеризовали политику Екатерины Великой – «просвещенный абсолютизм»), так и в оценках современников и ученых советского периода. В 1913 г. публицист В. И. фон Штейн опубликовал работу «Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса в России» под псевдонимом А. Морской, в которой критикует полицейские методы С. В. Зубатова. Пренебрежительность использования эпитета «полицейские» наглядно характеризует уровень доверия общества к власти в предреволюционный период [5].

Упреки в отвлечении рабочих от революционной деятельности посредством вербовки в тайные агенты «охранки» будут звучать в адрес С. В. Зубатова на протяжении всего советского периода. «Демоном провокации» называл его Ф. М. Лурье [4, с. 237], В. Я. Лаверычев обвинял в подмене народных идеалов буржуазными ценностями [3, с. 170], для В. В. Кавторина он – предатель, виновный в «десятках мрачных драм и сломанных судеб» [2, с. 26]. Однако если посмотреть на данную деятельность с точки зрения цивилизованного человека, живущего в рамках правового поля, то можно увидеть успешную работу правоохранительных органов, построенную на сотрудничестве с гражданским обществом для снятия социальной напряженности. Однако эта точка зрения разделяется немногими.

Современный исследователь политического розыска дореволюционного периода Ю. Ф. Овченко в работе «Охранка и зубатовщина» большое внимание уделяет принципам, на которых

строил свою работу с агентами С. В. Зубатов. Он проводил с арестованными разговоры по душам за чашкой чая (такой же разговор с Н. С. Бердяевым привел его самого в следственные органы), потому что считал, что самыми надежными агентами являются те, кто завербован по «патриотическим мотивам» [6, с. 147].

Доказательством того, что С. В. Зубатов относился к ним, как к соратникам в деле борьбы с преступностью, служит пример агента «Субботиной». Уже находясь в отставке в 1907 г., он написал представление в Департамент полиции с просьбой выдать А. Е. Серебряковой денежное пособие, характеризуя ее как «редкую и удивительную личность, чья служба должна быть отмечена правительством со всеми нравственными основаниями» [6, с. 156].

Стремясь к тому, чтобы его служащие стояли на охране законности и правопорядка, Зубатов негативно относился к провокациям, поэтому внес свои предложения в «Положения о начальниках розыскных отделов», которые разрабатывались в рамках полицейской реформы 1902 г. По его мнению, сотруднику должно быть запрещено склонять не причастных к революционной деятельности лиц к совершению преступных действий [6, с. 140]. Помимо «провокаторов», Зубатов был беспощаден к агентам, которые характеризовались им как «шантажисты», поскольку давали неверные сведения в погоне за вознаграждением.

При этом хороший сотрудник воспринимался им как величайшая ценность. А. И. Спиридович, бывший подчиненный С. В. Зубатова, вспоминал его наставления о необходимости беречь сотрудника, как любимую женщину: «Один неверный шаг, и вы ее опозорите!» [8, с. 171]. Он утверждал, что в ответ люди смогут довериться полиции и работать честно и самоотверженно. Более того, он верил, что после окончания службы такой агент станет полезным членом общества, «другом для правительства», «нужным человеком для государства» [8, с. 171].

С. В. Зубатов строил свои политические конструкции не на пустом месте. Он глубоко изучил историю развитых индустриальных стран Европы, особенно ее революционные страницы, и пришел к выводу о том, что вовлечение рабочих масс в насильственные действия против существующего режима не ставило перед собой цель улучшение их жизни. Речь шла о потрясении основ старого мира ради построения на его обломках нового порядка, при котором рабочий человек оставался таким же бедным и бесправным.

Для самого Зубатова предпочтительным оказался путь, по которому шла Англия с ее профсоюзами (тред-юнионами) и легальной борьбой за экономические требования. Отношения, при которых правительство доверяет рабочим создавать свои организации при условии отсутствия в их деятельности экстремистских настроений, а рабочие доверяют правительству, высказывая свои требования не в виде упреков, а в форме продуманных предложений, Зубатов считал единственно правильными. Он утверждал: «Я понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически на тех основах, на которых они сложились и выросли, поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным» [2, с. 61]. Таким был его ответ всем тем, кто призывал силой оружия и угрозами тюремного заключения заставить рабочих уважать власть.

Завершая разговор о личности С. В. Зубатова, следует отметить тот факт, что его отставка стала следствием внутренних интриг, характерных для эпохи Николая II. М. Ф. Лурье, негативно относящийся к начальнику Московской «охранки», тем не менее вспоминал: «Начальство его не любило за ум и строптивость. Вызывали раздражение непривычные преобразования и независимость мнения» [3, с. 233]. Судьба самого императора и его приближенных, активно занятых интригами против любого решительного и честного человека у руля власти, всем хорошо известна. Удивление вызывает лишь тот факт, что, отказавшись от идеалов «светлого коммунистического будущего», для построения которого нужно непременно «весь мир насилья разрушить до основанья», мы по-прежнему повторяем большевистские постулаты об «аракчеевщине», «столыпинщине», «зубатовщине», забывая о людях, которые отдавали свои жизни на благо Отечества и служили ему так, как велели их долг и честь.

Уважение к власти – основа стабильного развития общества. С. В. Зубатов называл верховную власть с веками укрепленным авторитетом «драгоценным сокровищем для народа» и «незаменимым орудием его благосостояния и совершенствования» [2, с. 61]. Однако такой авторитет формируется прежде всего на уважении власти к самой себе и своим предшественникам, доверительном и бережном отношении к своим подчиненным и осознании ответственности своего высокого положения. Людей, подрывающих престиж власти, можно и должно наказывать, но право на подобное наказание тоже нужно заслужить.

Библиографический список

1. *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции / П. П. Заварзин. – Режим доступа: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000202_000006_571086%7C621F1047-C016-450D-A3CE-052FDD7C200A/viewer/?page=75.

2. *Кавторин В. В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года / В. В. Кавторин. – Л. : Лениздат, 1992. – 428 с.

3. *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1972. – 342 с.

4. *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – М. : Центрполиграф, 2006. – 399 с.

5. *Морской А.* Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса в России / А. Морской. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. – 215 с.

6. *Овченко Ю. Ф.* Охранка и зубатовщина / Ю. Ф. Овченко. – М. : Вече, 2017. – 336 с.

7. РГИА. Ф. 1149. Оп. IX, 1880. Д. 31. Ч. 1. Л. 4–5.

8. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / А. И. Спиридович. – Харьков : Пролетарий, 1928. – 264 с.

9. *Ушаков С. Н.* Правовой нигилизм и меры по его профилактике / С. Н. Ушаков // Учён. зап. – 2016. – № 2(18). – С. 152–154.

References

1. *Zavarzin P. P.* The Work of the Secret Police. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000202_000006_571086%7C621F1047-C016-450D-A3CE-052FDD7C200A/viewer/?page=75.

2. *Kavtorin V. V.* The First Step to Disaster: January 9, 1905. Leningrad, Lenizdat, 1992. 428 p.

3. *Lavery'chev V. Ya.* Tsarism Government and the Labor Question in Russia. M., My'sl', 1972. 342 p.

4. *Lur'e F. M.* Political Investigation in Russia. 1649–1917. M., Centrpoligraf, 2006. 399 p.

5. *Morskoj A.* Zubatovism. A Page from the History of the Work Issue in Russia. M., Tipografiya Tovarishhestva I. D. Sy'tina, 1913. 215 p.

6. *Ovchenko Yu. F.* Secret Police and Zubatovism. M., Veche, 2017. 336 p.

7. RSHA. F. 1149. Inv. IX, 1880. D. 31. Pt. 1. L. 4–5.

8. *Spiridovich A. I.* Notes by the Gendarme. Kharkov, Proletarij, 1928. 264 p.

9. *Ushakov S. N.* Legal Nihilism and Measures for Its Prevention. *Uchyony'e Zapiski*. 2016. No. 2(18). P. 152–154.

Библиографическое описание статьи

Маркина О. В. Власть и общество – поиск основ взаимного уважения (на примере деятельности Московского охранного отделения под руководством С. В. Зубатова) / О. В. Маркина // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 173–176.

УДК 340.1

Митропан Ирина Юрьевна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: mitropan_irina@mail.ru

Mitropan Irina Yu.,
Assistant of Chair of Civil Law and Procedure of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

ДИВЕРГЕНЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Divergence of Legislation

Аннотация. Статья посвящена дивергенции законодательства как виду юридической дивергенции. Анализируются подходы к определению понятия «законодательство»; рассматриваются признаки дивергенции законодательства; приводятся примеры дивергенции законодательства из отечественной юридической практики; формулируется понятие дивергенции законодательства.

Ключевые слова: законодательство; юридическая дивергенция; дивергенция законодательства; юридическая конвергенция; правовое регулирование; социальное регулирование.

Abstract. The article deals with the divergence of legislation as a type of legal divergence. The approaches to the definition of «legislation» are analyzed. The signs of divergence of legislation are considered. Examples of the divergence of law from domestic legal practices are made. The concept of divergence of legislation is formulated.

Key words: legislation; legal divergence; divergence of legislation; legal convergence; legal regulation; social regulation.

Базовыми образующими единицами организованной системы выступают различные инструменты и средства, которые обеспечивают должный уровень организованности. Механизм, образованный совокупностью таких элементов, может функционировать по-разному: императивно, диспозитивно или смешанным образом. Проблемы функциональности таких систем достаточно часто связаны со сложностью механизма, его бесконтрольностью и неуправляемостью. Вместе с тем изучение любых отклонений от должной и желаемой организованности должно начинаться с исследования всех возможных трансформаций, которым подвержены указанные элементы и средства, либо связи, возникающей между ними.

Законодательство, безусловно, является системой, в отношении которой большая часть общества, как наделенная властными полномочиями, так и не наделенная, выстраивает ожидания, касающиеся должной степени организованности, стабильности и функциональности. Однако достаточно часто допускаемые уровнем общественного правового сознания правовые средства, формирующие систему законодательства, не могут обеспечить ожидаемый уровень стабильности и организованности системы в целом.

Явление, которое предполагает формирование процессов расхождения внутри национальной правовой системы, обозначено в теории права в качестве разновидности феномена юридической дивергенции [4; 6]. Процессы расхождения внутри системы законодательства и с участием системы законодательства, в свою очередь, выступают одним из направлений дивергенционных процессов внутри национальной правовой системы, наряду с такими юридически и социально значимыми феноменами, как процессы расхождения механизмов правового регулирования и процессы расхождения внутри отраслей и подотраслей права.

Качественное научное освещение всех трех указанных феноменов имеет высокое значение, обусловленное необходимостью правильной оценки реальных возможностей правового регулирования в социорегулятивной системе. В рамках настоящей статьи особое внимание будет уделено теоретической характеристике первого из указанных явлений – дивергенции законодательства. Приступая к теоретико-правовому анализу указанного явления, важно оговориться, что оно изначально не интерпретируется автором в качестве абсолютно негативного. Одна из задач исследования – объективное изучение всех возможных его проявлений, в том числе и обладающих минимальной потенциальностью.

Прежде чем приступить к анализу дивергенционных процессов в законодательстве, необходимо обеспечить терминологическую определенность. Само понятие «законодательство» имеет краеугольное теоретическое и практическое значение. Содержание, которым его наделяет тот или иной субъект, определяет не только направления научных изысканий, но и конкретных правореализационных решений.

© Митропан И. Ю., 2019

Вместе с тем, начиная с советского периода, в отечественной науке и юридической практике не был сформирован единый подход к определению понятия «законодательство». Примечательно, что количество научных позиций в данной области не ограничено традиционными узким и широким подходами. В рамках данных подходов мнения специалистов, основанные на анализе правореализационной практики, а также позиции законодателя, представленные в различных нормативных источниках, тоже являются различными.

Так, Р. Л. Иванов указывает на наличие четырех теоретических вариантов определения состава отраслевого законодательства в пределах узкого подхода [1]. Первый вариант имеет крайне усеченный вид и подразумевает, что законодательство (отраслевое) ограничивается одним кодифицированным источником (например, кодексы законов о труде РСФСР).

На взгляд автора, такое «экстремальное» усечение значения термина является абсолютно не применимым ни для практических целей, ни для целей научных исследований, поскольку даже содержание отраслевого законодательства не может трактоваться настолько узко. Наличие максимально функционального кодекса так или иначе не исключает из сферы законодательного регулирования иных федеральных источников правового регулирования. Даже в том случае, если отрасль является максимально централизованной в структуре кодекса, а подзаконные акты концептуально не включаются в систему законодательства (в рамках данного подхода), нельзя не принимать во внимание факт внесения изменений в данный кодекс посредством принятия иных федеральных законов, которые в свою очередь технически из системы исключены быть не могут.

Следующие три варианта, обобщенные указанным автором, являются расширенными интерпретациями первого подхода. Так, второй вариант интерпретации узкого подхода к определению понятия «законодательство» предполагает включение всех федеральных законов во главе с отраслевым кодексом. Третий вариант также предполагает включение в систему Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов, четвертый – допускает включение законов субъектов Российской Федерации.

Все представленные варианты, одинаковые в содержании и различающиеся по объему, справедливо формируют этимологически корректный подход. Иными словами, семантическое значение употребляемого термина прямо соответствует содержанию позиций, которых в той или иной степени придерживаются апологеты узкого подхода.

Аргументация сторонников «узкого» подхода представлена достаточно широко и в некоторых случаях является трудно оспоримой. Так, В. А. Лебедев и О. В. Анциферова выступают с критикой широкого подхода, в рамках которого, по мнению данных специалистов, осуществляется отождествление понятий «законодательство» и «источник права» [3].

Вместе с тем, на взгляд автора, подход, в рамках которого законодательство формируется исключительно источниками, которые в традиционной теории права могут быть названы законом, в исследовательских целях является крайне не функциональным. Ограничение возможности употребления данной терминологической единицы нельзя назвать оправданным, в том числе и потому, что само понятие закона не является однозначным в российской науке.

Именно поэтому данное исследование будет основано на широком подходе к определению понятия «законодательство», который позволит рассмотреть особенности формирования и протекания юридически значимых феноменов применительно к более широкому спектру источников правового регулирования. Однако и здесь все не так однозначно. Широкий подход к определению законодательства также представлен в науке и законодательстве в числе вариаций, различающихся по объему.

В своем исследовании, посвященном понятию законодательства в современном российском праве, Р. Л. Иванов также говорит о наличии четырех существующих вариантов интерпретации широкого подхода [1]. Первый вариант подразумевает включение в содержание законодательства отраслевого кодекса, иных федеральных законов, иных федеральных нормативных правовых актов, законов и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В качестве отличительной черты второго варианта широкого подхода Р. Л. Иванов обозначает частичную конкретизацию перечня подзаконных источников правового регулирования. Так, автор приводит в качестве примера систему законодательства, закрепленную в ч. 1 ст. 2 Воздушного кодекса Российской Федерации. В данной отрасли правотворцы включили в законодательство указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти. Третий вариант широкого подхода подразумевает также включение в систему законодательства нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Данные источники упомянуты, например, в Жилищном кодексе Российской Федерации. В четвертой интерпретации законодательство также формируют общепризнанные нормы и принципы

международного права, а также международные договоры Российской Федерации.

На взгляд автора статьи, в объем понятия «законодательство» целесообразно включать все вышеназванные элементы, поскольку именно такой полноценный охват элементов обеспечивает целостность подхода, позиционируемого в теории в качестве широкого. В этой связи представляется целесообразным вспомнить позицию В. А. Толстика, который наполняет объем понятия «законодательство» всеми формально-юридическими источниками права, установленными государством и принятыми им [5].

Такой подход в целом намного больше отвечает исследовательским потребностям, чем подход, сужающий содержание рассматриваемого понятия. В рамках широкого подхода представляется возможным осуществлять рассмотрение закономерностей в рамках единой системы и с использованием единого терминологического ряда. Таким образом, при анализе особенностей дивергенционных процессов, протекающих в границе законодательства, автор будет принимать во внимание все элементы – источники правового регулирования, соответствующие широкому подходу.

Итак, процессы расхождения в праве, именуемые юридической дивергенцией, могут находить объективацию в части расхождений, возникающих применительно к системе законодательства в широком ее понимании. Проявления дивергенции в данной сфере могут быть различными: от обособления отдельных элементов до полного изъятия элемента из системы законодательства.

Законодательное регулирование является крайне динамичной категорией. Конвергенционные и дивергенционные процессы (сближение и расхождение) являются непрерывными, циклическими, а иногда и обусловливающими друг друга. Часто процесс отторжения, изъятия элемента из сферы законодательного регулирования обусловливает приращивание его к другой сфере (например, к другой системе отраслевого законодательства). Примером такой взаимообусловленной конвергенционно-дивергенционной практики можно назвать попытку законодателя Федеральным законом от 7 декабря 2011. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» декриминализировать такой состав преступления, как клевета. Механизм правовой бытности данной нормы с теоретической позиции прошел путь юридической дивергенции. Принятые законодателем изменения обусловили изъятие данного общественного отношения из сферы уголовно-правового регулирования. Соответственно, изъятие произошло и относительно того общественного отношения, которое было урегулировано указанными нормами права. Вместе с тем в этот период произошло включение данного общественного отношения в сферу административного правового регулирования (ст. 5.60 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Декриминализация составов преступлений действительно является одним из наиболее показательных примеров юридической дивергенции применительно к законодательству. В рамках данного исследования автор не подвергает оценке правильность и целесообразность тех или иных декриминализаций, поскольку разрешение данных вопросов выходит за рамки предмета теоретико-правовой науки. Вместе с тем представляется возможным сделать вывод о том, что критерием ошибочности декриминализации, как, впрочем, и любого другого законодательного изъятия, является инициация обратных (конвергенционных) процессов. Такая ситуация сложилась вокруг приведенного ранее примера – в 2012 г. в УК РФ Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» был возвращен такой состав уголовного преступления, как клевета.

В той или иной степени юридическая дивергенция имеет место в том случае, когда в рамках отдельной сферы законодательного регулирования осуществляется смена концептуальных законодательных ориентиров. Иными словами, дивергенция внутри сферы законодательного регулирования находит проявление в смене социально значимых направлений. Такие процессы протекают, как правило, на фоне общих трансформаций какого-либо направления государственной политики. В частности, в числе примеров такого проявления юридической дивергенции внутри системы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства можно назвать тенденцию к депенализации, под которой в юридической науке понимается «исключение мер государственного принуждения из системы наказаний, т. е. исключение видов наказаний из системы наказаний, отказ от наказания виновного, освобождение его от уголовной ответственности» [2]. Данная тенденция является достаточно очевидной для российской уголовной политики. Так, не проводя глубокого анализа современного состояния системы альтернативных лишению свободы наказаний, можно взять за основу статистические данные о состоянии судимости в России. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первый квартал 2018 г. по всем составам УК РФ осуждено 324 985 чел., из них к реальному лишению свободы – 97 143 чел.

Вместе с тем дивергенция законодательства возможна также в виде целостного изъятия из сферы законодательного регулирования наиболее важных общественных отношений. То есть данное явление может объективироваться и в абсолютном прекращении правовой регламентации какого-либо предмета. Изъятое общественное отношение не конвергируется с другой сферой законодательного регулирования. В такой ситуации возможно формирование двух вариантов последствий.

Во-первых, в том случае, если общественное отношение является естественно сложившимся и все еще актуальным для данного общества, то формируется пробел в праве. Под естественно сложившимся общественным отношением следует понимать те социальные коммуникации, которые существуют вне зависимости от воли, потребности и желания законодателей и иных субъектов государственной власти. Вместе с пробелом в праве формируется или укрепляется система отличных от права социальных регуляторов.

Во-вторых, в том случае, если общественное отношение было создано искусственно (по воле субъектов государственной власти, посредством издания соответствующих правовых предписаний), то возможно отмирание данного общественного отношения (например, отмирание различных форм предпринимательства в советский период).

Таким образом, дивергенция законодательства – это разновидность явления юридической дивергенции, которая предполагает изъятие из сферы законодательного регулирования какого-либо общественного отношения. В большинстве своем дивергенция законодательства – процесс, контролируемый и управляемый органами государственной власти. Именно поэтому основной задачей теоретической разработки данной проблематики является не столько описание причины и источников формирования явления, сколько выработка практических рекомендаций в направлении наиболее гибких путей тех дивергенций законодательства, которые являются необходимыми в конкретный отрезок времени.

Библиографический список

1. *Иванов Р. Л.* Понятие законодательства в современном российском праве / Р. Л. Иванов // Вестн. ОмГУ. Серия «Право». – 2013. – № 3(36). – С. 6–16.

2. *Кузнецов А. П.* Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики / А. П. Кузнецов // Вестн. КРУ МВД России. – 2017. – № 1(35). – С. 16–18.

3. *Лебедев В. А.* Обеспечение единства законодательной системы Российской Федерации / В. А. Лебедев, О. В. Анциферова. – М. : МГУ, 2005. – 224 с.

4. *Митропан И. Ю.* Понятие и содержание юридической дивергенции / И. Ю. Митропан // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2018. – № 2(47). – С. 185–189.

5. Т*олстик В. А.* Проблемы понимания термина «законодательство» в контексте систематизации нормативных правовых актов / В. А. Толстик // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы) : материалы Междунар. круглого стола, Москва, 18–19 янв. 2008 г. / под ред. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана ; Ин-т гос-ва и права РАН. – М. ; Н. Новгород ; Екатеринбург, 2008. – С. 318–323.

6. *Третьякова О. Д.* Понятие дивергенции права / О. Д. Третьякова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2009. – № 1(10). – С. 165–168.

References

1. *Ivanov R. L.* The Concept of Legislation in Modern Russian Law. *Vestnik OmGU. Seriya «Pravo».* 2013. No. 3(36). P. 6–16.

2. *Kuzneczov A. P.* Criminalization – Decriminalization, Penalization – Depenalization as the Content of Criminal Policy. *Vestnik KRU MVD Rossii*. 2017. No. 1(35). P. 16–18.

3. *Lebedev V. A., Anciferova O. V.* Ensuring the Unity of the Legislative System of the Russian Federation. M., MGU, 2005. 224 p.

4. *Mitropan I. Yu.* The Concept and Content of Legal Divergence. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 2(47). P. 185–189.

5. *Tolstik V. A.* Problems of Understanding the Term «Legislation» in the Context of Systematization of Normative Legal Acts. *Systematization of Legislation in Russia (Historical, Legal, Theoretical, Methodological and Technical-legal Problems)*. Ed. by V. M. Baranov, V. G. Grafskij, S. V. Kodan. M., Nizhnij Novgorod, Ekaterinburg, Institut Gosudarstva i Prava RAN, 2008. P. 318–323.

6. *Tret'yakova O. D.* The Concept of Divergence of Law. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2009. No. 1(10). P. 165–168.

Библиографическое описание статьи

Митропан И. Ю. Дивергенция законодательства / И. Ю. Митропан // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 177–180.

УДК 94(47).025+340(470)

Шокин Сергей Евгеньевич,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук
E-mail: Shokin-sergey2015@yandex.ru

Shokin Sergej E.,
Assistant Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Law)

ПРАВОСЛАВИЕ И ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РУСИ

Orthodoxy and the Birth of Statehood in Russia

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления государственности в Киевской Руси (X–XI вв.) и влиянию на эти процессы принятия новой веры – православного христианства. Автор рассматривает историю и причины принятия на Руси новой веры и ее влияние на эволюцию государственной власти, становление нравственности и духовности общества.

Ключевые слова: Русь; история; религия; крещение Руси; христианство; православие; государство; государственная власть; общество.

Abstract. The article is devoted to the formation and development of statehood in Kievan Rus (X–XI centuries) and the impact on these processes of adoption of the new faith – Orthodox Christianity. The author examines the history and reasons for the adoption of the new faith in Rus and its influence on the evolution of state power, on formation of morality and spirituality of society.

Key words: Rus; history; religion; Christianization of Rus; Christianity; Orthodoxy; state; state power; society.

Становление государственности на Руси и влияние христианской православной веры на политические, экономические процессы, на возникновение отдельных институтов государства были объектом изучения многих ученых и специалистов в области истории, права, политологии, философии. В частности, Н. В. Асонов доказывает, что генезис российской государственности на идеологическом уровне берет свое начало на северо-востоке Руси во времена Андрея Боголюбского[1] и связан с пересмотром прежних религиозно-политических ценностей [1, с. 47–49]. В. Е. Рубаник ряд своих работ посвятил проблемам формирования законодательства и суда в Древней Руси, также связывая эти процессы с принятием христианства [5; 6]. Фундаментальные исследования в области формирования и понимания древнерусского правового сознания, в том числе и под влиянием новой веры, были проведены Т. И. Демченко [2–4]. Значительное место вопросам влияния религии на становление государственности на Руси в своих работах отводит А. Г. Сергеев [7].

Немало работ по указанной проблематике было посвящено и в дореволюционный период. В этой связи необходимо упомянуть таких русских философов, историков, богословов, как: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, А. С. Хомяков. В работах указанных авторов подробно рассматриваются отдельные аспекты слияния светской и духовной власти, их сосуществование и взаимодействие, пусть не всегда и консенсусное.

Опираясь на труды этих и других ученых, в настоящей статье предпримем попытку осмысления того, почему же на Руси было принято православие и какое влияние оно оказало на зарождение государственности, становление государственных институтов, международных отношений Древней Руси, формирование культурных ценностей и развитие общества.

История Руси свидетельствует, что практически до самого конца X в. ведущими религиозными практиками оставались языческие, вопреки крещению отдельных представителей политической элиты (в частности, княгиня Ольга стала первым правителем Руси, принявшим крещение. Согласно «Повести временных лет» это событие произошло в 955 г. в Константинополе). Великий князь Владимир (Владимир Святой) в годы своего княжения (980–1014) осознал, что языческая идеология стала преградой, мешавшей, как сейчас принято говорить, партнерству с другими странами в политической, экономической и иных сферах общественной жизни. Язычество становилось в определенной степени барьером в привлечении иностранных специалистов, торговле, коммерции и пр. Язычество исключало династические браки, кото-

[1] Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174) – князь Вышгородский, Дорогобужский, Рязанский, великий князь Владимирский.

© Шокин С. Е., 2019

рые в то время были важнейшим условием при заключении международных договоров и союзов.

Опираясь на свой окрепший авторитет и власть, к концу 80-х гг. X столетия князь Владимир более не нуждался в поддержке со стороны языческого населения. Именно тогда было принято историческое решение о смене религии на христианское православие, оказавшее впоследствии огромное влияние как на становление государства Российского, так и на развитие культуры и многих государственных и политических институтов Руси, а в дальнейшем и России.

Что же послужило толчком к принятию такого решения? Почему именно православие, а не иная религия? В отдельных источниках говорится о личном интересе князя, который задумал жениться на родственнице византийских императоров Анне. Однако тот факт, что Владимир был язычником, не позволял христианке выйти за него замуж. Приводятся также доводы, что пышный обряд богослужения, нравственные нормы и философская глубина религиозного учения убедили Владимира в преимуществах восточного христианства. Из многих религий князь таким образом выбрал лучшую и истинную веру. Справедливости ради, следует признать, что такие доводы не нашли своего подтверждения в исторических документах, но, наверное, и категорически их отвергать нельзя.

Представляется, что не последнюю роль в принятии новой веры сыграли и менталитет русского народа, основанный на стремлении к свободолюбию и независимости от кого бы то ни было, и, конечно же, политическая ориентированность на Византию.

С середины X в. Западная Европа все пристальнее присматривалась к восточным славянам, предпринимая попытки установить в этих землях влияние Римско-католической церкви, что принесло бы ей получение политических и экономических дивидендов. Тем более, что в IX в. католики как представители папства успешно занимались продвижением своей религии на севере Европы – в Дании, Норвегии, Швеции (изначально – на юге). Отказались от православия в пользу католичества Польша, Венгрия, Чехия. В силу того, что Русь в то время была языческой, то для распространения католической веры условия были более, чем благоприятные.

С этой целью в Киев от короля Германии Оттона I[1] в 961 г. со своей свитой (проповедниками) прибыл епископ Адальберт[2]. Однако уже в следующем 962 г. он был изгнан, а несколько его миссионеров убиты. Причиной такого отпора со стороны русов-язычников усматривается в следующем. Прибывшие для продвижения своей религии миссионеры действовали жесткими методами, пытаясь насадить католичество насильственным путем, что, конечно же, было неприемлемо для коренного населения. Как справедливо отмечает А. Г. Сергеев, «…проявилась национальная черта русских: от своих притеснения терпеть могут сколько угодно, а от чужих – никогда» [7, с. 163]. Такие методы насаждения религии были откровенно неприемлемыми, и при выборе веры князь Владимир отверг католичество категорически.

Поистине, историческое событие – крещение Руси – свершилось 1 августа 990 г. в Киеве, на реке Почайна (приток Днепра) состоялся обряд массового крещения. Владимир как истинно мудрый монарх принял ряд важнейших для истории решений по продвижению православия на Руси. Так, еще в годы его правления были основаны церковные школы для подготовки кадров священнослужителей. Царьград прислал сирийца Михаила Сирина, который стал первым митрополитом на Руси (988–991). Позднее этот пост в Киеве занимали ставленники Византии – Феофилакт (991–997) и Леонтий (997–1008).

Обратив Русь в православное христианство, князь Владимир решил не только религиозные вопросы государства, но и важнейшие политические проблемы, стоявшие в то время перед Русью, а именно:

– было положено начало собиранию и объединению под эгидой новой веры земли русской, т. е. началось формирование единого государства;

– христианская идеология способствовала развитию международных отношений (в первую очередь – политических и экономических);

– во внешнеполитическом плане принятие христианства дало возможность заключения династических браков, что в свою очередь способствовало установлению международных союзов, в том числе и военных, заключению международных договоров. В подтверждение сказанного можно привести ряд примеров таких браков. Ярослав Мудрый[3] был женат на дочери

[1] Оттон I Великий (912–973) – герцог Саксонии, в 936–961 гг. король Германии, с 962 г. император Священной Римской империи. Во время его правления была основана Священная Римская империя.

[2] Епископ Адальберт (Адальберт Магдебургский (910–981) – первый архиепископ магдебургский, историк, первый христианский епископ, побывавший на Руси.

[3] Ярослав I Мудрый (ок. 978–1054) – князь Ростовский (987–1010), князь Новгородский (1010–1034), великий князь Киевский (1016–1018; 1019–1054).

шведского короля Олафа[1] – Ингигерде (Ирине), его сын Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира I[2] Гертруде, другой его сын Святослав был женат на Оде – дочери графа Штадского. Дочь Ярослава Анастасия была выдана замуж за венгерского короля Андраша I[3], еще одна дочь Елизавета стала женой короля Норвегии Харальда III[4]. Наибольший же след в истории оставила дочь Ярослава Анна, которая вышла замуж за короля Франции Генриха I Капетинга[5] и впоследствии стала королевой Франции. Такие браки предопределили многолетние союзы с другими государствами Европы, что способствовало сохранению мира на долгие годы и возможности свободного развития государства и его укрепления;

– с точки зрения экономической выгоды принятие новой веры оказало благотворное влияние на внешнюю торговлю и привлечение на Русь иностранцев-специалистов (зодчих, оружейных дел мастеров, лекарей, просветителей и пр.).

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что именно христианизация стала отправной точкой становления в Киевской Руси государственности нового типа. Выражалось это прежде всего в установлении связи между светской и церковной властью, причем приоритет отдавался именно светской власти. Начало оформления церковной юрисдикции датируется первой половиной XI в. Ей были переданы вопросы, регулирующие семейные отношения (брак, развод и пр.), также некоторые вопросы наследственного права. Служба мер и весов к концу XII в. также была передана под надзор церкви. Все более значительную роль церковь начинает играть и в международных отношениях, которые в большей степени обусловлены ее связями с другими христианскими государствами и церквами. Киевская Русь была принята в христианский мир и заняла свое равноправное место в европейском цивилизационном процессе.

Важная роль отводилась церкви при осуществлении судебной власти. Церковь судила подчиненных ей людей в соответствии с особым сборником законов – Номоканоном[6], который получил на Руси название «Кормчая книга». Кстати, «Русская правда»[7] была включена в него в качестве одной из составных частей этого закона. Сборник содержал церковные правила, гражданские законы, использовавшиеся византийскими императорами.

Церковь имела в своем распоряжении земли, на которых монастыри и духовенство вели свое хозяйство, устанавливая при этом с земледельцами юридические отношения, в основу которых легли отношения, принятые в то время в Греции.

Можно сделать вывод, что с принятием нового вероучения (православия) на Руси произошло становление новой власти. Во многом благодаря церкви на Руси зародилась система просвещения. Так, уже в XI в. при Ярославе I Мудром появился первый писаный закон – «Русская правда», была учреждена первая библиотека, находившаяся в Софийском соборе. В Новгороде было основано первое народное училище, рассчитанное на 300 детей. Появились новые законы и суды, новые земельные отношения, были предприняты первые шаги к становлению юридического оформления правовых норм.

Власть князей в дохристианскую (языческую) эпоху не была столь сильна, как и та, что сформировалась после принятия православной веры на Руси. Общество не было единым, состояло из самостоятельных общин, которые в защите своих прав и своих членов полагались лишь на собственные силы. Было распространено рабство (челядь, холопы). Личность в таком обществе не имела какого-либо значения, да и семья в таких условиях носила грубый языческий характер.

Церковь оказала значительное влияние на становление нравственности в обществе и до известной степени цивилизованные семейные отношения. Согласно церковным уставам все преступления, проступки и правонарушения, направленные против веры и нравственности, подвергались осуждению церковным судом, но не княжеским. Осуждение по закону, а не согласно грубому языческому обычаю, способствовало воспитанию нравственности, обеспечивало порядок.

[1] Олаф Шётконунг (980–1022) – король Швеции (995–1022).

[2] Казимир I (Восстановитель (1016–1058) – святейший князь, король Польши (1039–1058).

[3] Андраш I Белый (ок. 1015–1060) – король Венгрии из династии Арпадов (1046–1060).

[4] Харальд III Суровый (ок. 1015–1066) – король Норвегии (1046–1066).

[5] Генрих I Капетинг (1008–1060) – король Франции (1031–1060).

[6] «Номоканон» – византийские сборники церковных правил и императорских указов, касающихся церкви, составленные в VI–VII вв. и впоследствии дополненные.

[7] «Русская правда» – сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 г. Является одним из основных письменных источников русского права.

В объединении государства Российского церковь также сыграла немаловажную роль. В период феодальной раздробленности на Руси княжеская власть была слаба, а князья порой сами стремились к разделению государства для решения своих мелкоместнических интересов. В этих условиях церковь была и оставалась единым целым, а ее власть и власть митрополита распространялись на все княжества и всю Русскую землю одинаково.

Принятие на Руси христианства оказало серьезное влияние на создание Древнерусского государства, оно стало определяющим в эволюции государственной власти, сформировало новый, особый, тип социальных связей в обществе, предопределило развитие нравственности и духовности общества. Христианство явилось основополагающим инструментом укрепления власти киевских князей. Рюриковичи после принятия христианской религии легитимизировали свою власть. Наиболее точно определил значение принятия христианства А. И. Солженицын: «Русь не просто приняла христианство – она полюбила его сердцем, она расположилась к нему душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его себе в названье жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святцами заменила всякий другой счетный календарь, весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих окружий, его службам – свои предрассветья, его постам – свою выдержку, его праздникам – свой досуг, его странникам – свой кров и хлебушек» [8].

Библиографический список

1. *Асонов Н. В.* К вопросу об идейных истоках российской государственности / Н. В. Асонов // Власть. – 2012. – № 2. – С. 47–49.
2. *Демченко Т. И.* Возникновение и понимание древнерусского правового сознания / Т. И. Демченко. – М. : Полиграф, 2004. – 127 с.
3. *Демченко Т. И.* Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни / Т. И. Демченко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 344 с.
4. *Демченко Т. И.* Христианизация древнерусского правового сознания / Т. И. Демченко // Актуал. проблемы рос. права. – 2009. – № 1. – С. 37–44.
5. *Рубаник В. Е.* Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк / В. Е. Рубаник. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 349 с.
6. *Рубаник В. Е.* Суд и правосудие в Древней Руси и Московском государстве в историко-правовой и юридической доктрине / В. Е. Рубаник, С. А. Рубаник. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 213 с.
7. *Сергеев А. Г.* Светские и духовные властители Европы за 2000 лет / А. Г. Сергеев. – М. : Логос, 2003. – 1002 с.
8. *Солженицын А. И.* Собр. соч. : в 30 т. / А. И. Солженицын. – М. : Время, 2009. – Т. 11, кн. 3–4. – 772 с.

References

1. *Asonov N. V.* On the Question of Ideological Origins of the Russian State. *Vlast'*. 2012. No. 2. P. 47–49.
2. *Demchenko T. I.* The Emergence and Understanding of the Old Russian Legal Consciousness. M., Poligraf, 2004. 127 p.
3. *Demchenko T. I.* Legal Consciousness in Old Russian and Russian State and Legal Life. M., Yurlitinform, 2013. 344 p.
4. *Demchenko T. I.* Christianization of Ancient Russian Legal Co-knowledge. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava.* 2009. No. 1. P. 37–44.
5. *Rubanik V. E.* The State, Law and the Court of the Kievan Rus: Historical and Legal Essay. M., Yurlitinform, 2013. 349 p.
6. *Rubanik V. E., Rubanik S. A.* Court and Justice in Ancient Russia and Moscow State in the Historical, Legal and Juridical Doctrine. M., Yurlitinform, 2013. 213 p.
7. *Sergeev A. G.* Secular and Spiritual Rulers of Europe during 2000 Years. M., Logos, 2003. 1002 p.
8. *Solzhenicy'n A. I.* Collected Works. In 30 vol. M., Vremya, 2009. Vol. 11, bk. 3–4. 772 p.

Библиографическое описание статьи

Шокин С. Е. Православие и зарождение государственности на Руси / С. Е. Шокин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 181–184.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 327.5

Новиков Сергей Степанович,
профессор кафедры теории и истории государства и права ВЮИ ФСИН России, профессор кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ доктор исторических наук, доцент
E-mail: novikov-sergey@bk.ru

Novikov Sergej S.,
Professor of Theory and History of State and Law Department of VLI of the FPS of Russia, Professor of International Law and Foreign Economic Affairs Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU Doctor of History, Associate Professor

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX В. (к 20-летию бомбардировок НАТО Югославии)

Changing Priorities in the System of International Relations in the End of the 20th Century (to the 20th Anniversary of the NATO Bombings of Yugoslavia)

Аннотация. Статья посвящена международным отношениям, сложившимся в мире после бомбардировок Югославии в 1999 г. Автор выявляет стратегические цели, стоящие перед НАТО, позицию Российской Федерации и других стран; анализирует ущерб, нанесенный Югославии в результате агрессии альянса.
Ключевые слова: Югославия; НАТО; Россия; нарушение норм международного права; международные отношения.

Abstract. The author analyzes the state of international relations after the bombings of Yugoslavia in 1999, reveals the strategic goals facing NATO, the position of the Russian Federation and other countries, analyzes the damage caused to Yugoslavia as a result of the alliance's aggression.
Key words: Yugoslavia; NATO; Russia; violation of international law norms; international relations.

Двадцать четвертого марта 1999 г., двадцать лет назад, произошло событие во всемирной истории, которое перевернуло современное понимание гуманизма, представление о соблюдении прав человека и норм международного права – жестокие бомбардировки Югославии США и их союзниками. Представители блока НАТО пытались объяснить их необходимость гуманитарной катастрофой, которая сложилась в Косово и Метохии в конце 1990-х гг., в период руководства страной президентом Слободаном Милошевичем. В настоящее время некоторые политологи говорят о возможности начала новой войны на Балканах.

Агрессивные действия западных государств (19 стран) против суверенного европейского государства в центре Европы стали первым применением реальной военной силы после окончания Второй мировой войны и впервые за десятилетия равновесия в международных отношениях. Они показали, что так называемые истинные демократические страны определились со своим выбором и приоритетами в межгосударственных делах и всей мировой политике – сделана ставка на военную мощь государств, диктовавших свою волю.

Войска блока НАТО попрали целый комплекс международных договоров и конвенций. Так, были нарушены договоренности 1907 г., принятые на Гаагской конференции о невозможности проведения боевых действий без объявления войны (еще Гуго Гроций говорил, что любая война, за исключением войны за национальное освобождение, является военным преступлением [2]); проигнорированы основополагающие принципы Устава Организации Объединенных Наций (далее: ООН), принятого в результате консенсуса в 1945 г., и главные принципы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее: ОБСЕ). Эти и другие международные документы, касающиеся вопросов мира и безопасности, были предложены и подписаны странами-агрессорами. По канонам современного международного права проводить боевые операции с использованием регулярных войск против какого-либо государства – члена ООН можно лишь в крайнем случае и только в соответствии с разрешающей резолюцией Совета Безопасности ООН, которой не было. Основываясь на констатации реальности таких нарушений, странам Североатлантического договора можно предъявить обвинение в преступлениях против мира.

Когда у стран блока НАТО намечены далеко идущие стратегические цели, то они могут пойти на игнорирование собственного учредительного документа – Североатлантического пакта, подписанного 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. В частности, в ст. 5, 6 и 7 подчеркивается, что применять силу войска альянса могут только в ответ на агрессию в отношении кого-либо из его членов. Альянс уже имел к 1999 г. прецедент такого нарушения – все в той же бывшей Югославии (бомбежки сербов в Боснии и Герцеговине в середине 1990-х гг.). Согласно ст. 7 данного пакта ответственность (подразумеваем и принятие ответственных решений о

© Новиков С. С., 2019

начале боевых действий) за сохранение мира и безопасности лежит на Совете Безопасности ООН. В апреле 1999 г. на 50-м саммите НАТО, проходившем в Эдинбурге, в период самых жестоких бомбардировок Сербии, появилась новая стратегическая инициатива альянса, которая легитимизовала (по мнению ее инициаторов) право на ведение боевых операций, не имея ни мандата ООН, ни резолюции Совета Безопасности ООН, ни согласования с ОБСЕ, т. е. разрешала проводить упреждающие, превентивные удары, если НАТО посчитает необходимым сделать это. Нужно отметить еще один важный аспект данной концепции – защищая права человека «по-натовски», можно убивать мирных граждан и разрушать гражданскую инфраструктуру. Данный подход можно назвать лишь «изощренной казуистикой».

К сожалению, ни ООН, во главе с ее Генеральным секретарем господином Коффи Аннаном, ни ОБСЕ, ни другие правозащитные организации не осудили эту человеконенавистническую военную акцию. Лишь шесть государств (Российская Федерация, Белоруссия, Украина, Куба, КНДР и Китайская Народная Республика) не побоялись решительно осудить ее, а еще пять стран (Индия, Южная Корея, Армения, Швеция и Греция) слегка укорили агрессоров. Остальные члены мирового сообщества, публично выступавшие за мир и безопасность, либо промолчали, либо поддержали военную операцию НАТО.

Достаточно необычным способом отреагировали на агрессию НАТО многие международные организации: в апреле 1999 г. Совет ЕС решил в одностороннем порядке ввести запрет на поставки нефтепродуктов в Югославию; ЮНЕСКО сделала вид, что ее не касается разрушение 18 объектов, находящихся под ее же защитой, а ОБСЕ, т. е. та организация, которая взяла на себя ответственность за благополучие и мир в Европе, абсолютно отстранилась и даже не осудила агрессию альянса. И таких примеров достаточно.

Весна и лето 1999 г. стали поворотным моментом в истории Европы, НАТО и России, хотя конфликт в бывшей Югославии длился уже почти десятилетие и прошел несколько стадий. Россия участвовала в его разрешении. Диалог между конфликтующими сторонами то останавливался, то вновь набирал силу. Дейтонское соглашение (1995 г.) о прекращении огня и разъединении воюющих сторон в Боснии и Герцеговине имело громоздкую структуру, но оно работало. Сербия отказалась принять ультиматум НАТО, но возможности для диалога оставались. Однако Североатлантический альянс уже подготовил военную операцию. Как отмечал доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова Алексей Фененко в телепрограмме «Право голоса» от 19 марта 2019 г., «НАТО решило повязать всех членов альянса “кровью”, чтобы не было разногласий в будущем». Американцы волновались за единство в НАТО по югославскому вопросу (Франция и Великобритания – за территориальную целостность Югославии, Германия – за раздел, вплоть до выхода из альянса). И тогда американские стратеги посчитали, что необходима совместная военная операция для сплочения.

Армия освобождения Косово в 1998 г. официально объявила о начале вооруженной борьбы на независимость края. А еще раньше, в 1988 г., администрация Рональда Рейгана приняла резолюцию № 133 Совета национальной безопасности США, в которой говорилось о возвращении Югославии в мировую политику, т. е. в орбиту мирового капитализма. Где есть большая политика, там существует и большая экономика. И Югославия крайне интересовала большой бизнес. В 1990 г. (т. е. до войны) ВВП Югославии составлял 37,4 млрд долл. США, и страна занимала 53-е место в мире. В 2000 г. (т. е. после бомбардировок) ВВП – лишь 6,5 млрд долл. США, и уже только 107-е место в мировом рейтинге. Югославия представляла собой серьезного игрока с точки зрения экономического потенциала и потенциала человеческих ресурсов. Полагаем, что бомбардировки Югославии были проведены в первую очередь в интересах транснациональных корпораций (далее: ТНК), для установления своего влияния. Опыт сращивания интересов ТНК и США уже имелся (это свержение и М. Мосаддыка в Иране в 1953 г., и правительства С. Альенде в Чили в 1973 г.). По словам доктора политических наук, профессора МГИМО(У) Е. Г. Пономаревой, участники так называемой гуманитарной бомбардировки с американской стороны (госсекретарь М. Олбрайт и генералы) получили в данном регионе часть территории в собственность [6].

Логически напрашивается ответ на вопрос о том, почему через Косово и Боснию и Герцеговину увеличился поток наркотиков и нелегальных мигрантов в Европу после создания в этом регионе двух крупнейших баз НАТО в Тузле (Босния и Герцеговина) и Бонд Стил (Косово), имеющих прекрасную логистику. Кстати, обе базы арендованы США на 99 лет. Подобные аналогии возникают и при сравнении объемов наркотрафика из Афганистана до и после военной операции НАТО.

Россия не смогла ответить положительно на просьбу Сербии о вступлении в Союзный договор Российской Федерации и Республики Беларусь. Россия даже физически не могла помочь Белграду военно-технически, так как для российских транспортов было закрыто воздушное пространство Венгрией, Румынией и Украиной.

Российская Федерация, а точнее, бывший президент Б. Н. Ельцин, назначив В. С. Черномырди-

на своим специальным представителем, в данной ситуации бросила сербов на произвол судьбы и фактически поддержала НАТО. План по урегулированию косовского конфликта, который активно продвигали финский дипломат с неоднозначным прошлым (касается его деятельности в Намибии) Марти Ахтисаари и В. С. Черномырдин, впоследствии составивший основу резолюции Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. № S/RES/1244, не смог, да и не предполагал никаких гарантий безопасности косовским сербам, но провозглашал территориальную целостность Югославии, о чем благополучно «забыл» Запад, когда в 2008 г. Косово объявило о своей независимости. Этот план был фактически ультиматумом и не имел ничего общего с реальным положением дел. Президент С. Милошевич отмечал в беседе с Н. И. Рыжковым и В. Н. Тетекиным: «Черномырдин привез документ в Белград и предупредил, что если в нем будет заменена хотя бы одна запятая, Югославия окончательно погибнет под ударами НАТО. Что же нам оставалось делать после подобного заявления специального представителя России» [7, с. 9].

По мнению директора Центра по изучению современного балканского кризиса РАН доктора исторических наук Е. Ю. Гуськовой, «если бы Запад точно знал, что Россия адекватно ответит на бомбардировки, то он бы отказался развязывать агрессию. Но Россия даже не использовала свой дипломатический потенциал» [3].

Директор Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ – ВШЭ Т. В. Бордачев и доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова А. Фененко придерживаются следующей точки зрения: начиная с югославских событий, в миротворчестве начинается эра «нового интервенционизма» [1], и это четко проявилось в разделении Косово и Метохии на сектора между членами НАТО. При этом России так и не было предложено возглавить один из секторов, как было обещано ранее, что проявилось и в поведении натовских союзников в самом крае. Это уже не классическое миротворчество (peace-keeping), а новая стадия – принуждение к миру (peace-enforcement).

Одной из целей США и НАТО в Югославии было создание прецедента (мы хорошо знаем, что англосаксонское право – это прецедентное право), для того чтобы в будущей возможной агрессии против любого государства уже можно было ссылаться на «югославский прецедент».

Кто контролирует Балканы, тот контролирует Европу. Создание инструмента контроля Европы путем создания мусульманского исламского радикализма – это еще одна американская цель. Косово уже создает собственную армию, несмотря на недовольство европейских стран, но при поддержке США.

Еще одна явная многовекторная цель альянса – это отобрать решающий голос в решении европейских проблем безопасности у ОБСЕ; вбить клин между Россией и ЕС (европейцы не будут ссориться с США); утвердить права сильнейшего (после Косово было давление на остальные балканские страны – Македонию, Болгарию, Грецию).

Агрессия имела своей целью и развязывание психоисторической войны против России (на месте сербов в следующий раз может оказаться Российская Федерация).

Итак, 24 марта 1999 г. командующий силами НАТО в Европе генерал США Уэсли Кларк[1] отдает приказ бомбить Югославию.

В свою очередь, Хавьер Солана, Генеральный секретарь НАТО, продолжал настаивать на жизненной необходимости «гуманных бомбардировок сербов», чтобы начался процесс возвращения беженцев, которых, по данным Международного Красного Креста, уже насчитывалось 850 тыс. чел., а У. Кларк объявил о намерении НАТО интенсифицировать бомбовые удары. Обострило обстановку решение Международного Трибунала по бывшей Югославии о выдаче ордера на арест С. Милошевича и ряда других руководителей Югославии, что означало фактическое обвинение югославской стороны в военных преступлениях и что ведение политического диалога с ними неуместно. Кстати, после того как С. Милошевич умер в тюрьме в Гааге, он был оправдан.

Учитывая разницу в военном потенциале Югославии и стран НАТО, наступление на сербов по всем направлениям – от политического до медийного и, конечно же, невразумительную позицию России в данном конфликте, С. Милошевич приказал начать вывод сербских войск из Косово и одобрил ввод миротворческого контингента на территорию провинции.

В центре Европы, в ее «подбрюшье», как называли Югославию, были использованы запрещенные мировым сообществом военные средства и виды оружия, такие как: обедненный уран, кассетные бомбы, снаряды с графитово-электромагнитной зарядкой.

В ходе этой агрессии США и НАТО, закончившейся лишь 10 июня, против Югославии было совершено 35 000 боевых авиационных вылетов, в которых было задействовано 1 260 самолетов и 31 боевой корабль альянса; выпущено более 10 000 крылатых ракет, сброшено 79 000 тонн взрывчатки (в том числе 156 контейнеров с 37 440 кассетными бомбами, запрещенными международным правом) [8, с. 144].

[1] Автору статьи довелось с ним работать в Боснии и Герцеговине в 1998 г.

Крайне негативным последствием бомбардировок явилась экологическая катастрофа в Южной Европе, связанная с ядовитыми выбросами в атмосферу продуктов горения разрушенных нефтяных хранилищ и производственных комбинатов, отравлением водных артерий.

Бомбовые удары НАТО по объектам нефтехимии стали прецедентом во всемирной истории [5]. Министр здравоохранения Республики Сербии Лепосава Миличевич заявляла: «Наши химические заводы не бомбил даже Адольф Гитлер! НАТО же спокойно делает это, уничтожая реки, отравляя воздух, убивая людей, страну. Над нашим народом проводится зверский эксперимент с использованием новейшего оружия» [4].

На основе вышеизложенного автор как очевидец этих событий двадцатилетней давности пришел к следующим выводам.

1. Проведение операции НАТО в Косово под издевательским названием «Милосердный ангел» является подтверждением того, что универсальная международная организация ООН деградирует и не справляется со своими задачами. Именно из-за этого в свое время была распущена Лига Наций.

2. Необходимо заключить двусторонний военный договор, но этого не хочет Белград. Есть договор о сотрудничестве, но он носит лишь формальный характер, так как у сербской элиты существует четкая ориентация на ЕС и НАТО, а лозунгом президента Сербии А. Вучича является следующий: «Альтернативы ЕС нет». Уже предлагается заключить договор о добрососедстве между Сербией и Косово.

3. США окончательно перешли во внешней политике к догме – то, что позволено нам, больше не позволено никому: «Мы (американцы) в своих интересах, ради всеобщего блага “по-американски”, можем нарушать международное право, но это позволено только нам и никому другому». Позже они так же действовали в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии.

4. Государства, находясь на пике своего могущества, могут нарушать международное право. И американцы не первые в этом ряду. Так происходило и с фашистской Италией (захваты в Африке), нацистской Германией (практически вся история нацистов), Советским Союзом (советско-финская война). Это возможно и в будущем.

5. Говорить о НАТО после 1999 г. как о чисто оборонительной организации теперь невозможно. В правовом плане осудить НАТО практически нереально, такие попытки уже предпринимались. Это можно сделать лишь политически, публицистически и морально, но НАТО игнорирует моральные принципы.

Библиографический список

1. *Бордачев Т. В.* «Новый интервенционизм» и современное миротворчество / Т. В. Бордачев. – М. : Издат. центр науч. и учеб. программ, 1998. – 159 с.

2. *Гроций Г.* О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.

3. *Гуськова Е. Ю.* Принуждение к миру под падающими бомбардировками / Е. Ю. Гуськова. – Режим доступа: www.guskova.info/w/wars/2013-2.

4. Дело против НАТО // Эхо планеты. – 1999. – № 21(580).

5. Загрязнение регионов Европы. – Режим доступа: www.kongord.ru/Index/Screst/skrest_30.htm.

6. *Пономарева Е. Г.* 15-летие бомбардировок Югославии и значение Косовского прецедента для современной геополитики / Е. Г. Пономарева. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/251574/.

7. *Рыжков Н. И.* Распятая Югославия / Н. И. Рыжков, В. Н. Тетекин. – М. : Русская новь, 2003. – 360 с.

8. Югославия на пороге 2000 года: документы, факты, свидетельства, мнения. – М. : РИА «Новости», 1999. – 240 с.

References

1. *Bordachev T. V.* «New Interventionism» and Modern Peacekeeping. M., Izdatel'skij Centr Nauchny'kh i Uchebny'kh Programm, 1998. 159 p.

2. *Grocij G.* On the Right of War and Peace. M., Ladomir, 1994. 868 p.

3. *Gus'kova E. Yu.* Peace Enforcement Under Falling Bombings. URL: www.guskova.info/w/wars/2013-2.

4. The Case against NATO. *E'kho Planety'*. 1999. No. 21(580).

5. Pollution of European Regions. URL: www.kongord.ru/Index/Screst/skrest_30.htm.

6. *Ponomareva E. G.* The 15th Anniversary of the Bombing of Yugoslavia and the Significance of the Kosovo Precedent for Modern Geopolitics. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/251574/.

7. *Ry'zhkov N. I., Tetekin V. N.* Crucified Yugoslavia. M., Russkaya Nov', 2003. 360 p.

8. Yugoslavia on the Threshold of 2000: Documents, Facts, Evidence, Opinions. M., RIA «Novosti», 1999. 240 p.

Библиографическое описание статьи

Новиков С. С. Изменение приоритетов в системе международных отношений в конце XX в. (к 20-летию бомбардировок НАТО Югославии) / С. С. Новиков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 187–190.

ОБЗОР
НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

SCIENTIFIC EVENTS
REVIEW

УДК 340

Баранова Марина Владимировна,
профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, профессор
E-mail: gazxsw1232007@yandex.ru

Купцова Ольга Борисовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Гудкова Анна Валерьевна,
заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат исторических наук
E-mail: 388153@gmail.com

Baranova Marina V.,
Professor of Theory and History of State and Law Department of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia Doctor of Law, Professor

Kupczova Ol'ga B.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia PhD (Law), Associate Professor

Gudkova Anna V.,
Deputy Head of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia PhD (History)

ПРАВОВАЯ РИСКОЛОГИЯ: ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Legal Riskology: Doctrine, Practice, Technique

Аннотация. Обзор посвящен анализу выступлений на Международном научно-практическом форуме в жанре дискуссионного клуба «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». В обзоре нашли отражение основные выводы наиболее значимых докладов по исследуемой проблеме.
Ключевые слова: риск в праве; законотворческий риск; риск в правоприменении; риски в юридических исследованиях; юридическая техника.

Abstract. Review is devoted to the analysis of presentations at the international scientific and practical forum in the genre of a discussion club «Risks in Lawmaking, Law Enforcement, Legal Science: Formation Technology and Functioning of the Management System». The review reflects the main conclusions of the most significant reports on the problem under study.

Key words: risk in law; legislative risk; risk in law enforcement; risks in legal researches; legal technique.

В Нижегородской академии МВД России 27–28 сентября 2018 г. в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба состоялся XX Международный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления».

С приветственным словом на открытии форума выступил доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» Владимир Михайлович Баранов. В своем выступлении он отметил, что всего для участия в форуме было заявлено 360 докладов; 85 докторов наук, профессоров, 141 кандидат наук, доцент из России и 10 зарубежных стран (Алжир, Белоруссия, Египет, Зимбабве, Казахстан, Монголия, Таджикистан, Украина). Кроме юристов, в форуме приняли участие экономисты, педагоги, психологи.

Особо В. М. Баранов подчеркнул тот факт, что география данного мероприятия обширна: в конференции было представлено 28 научных центров (Абакан, Барнаул, Белгород, Владимир, Воронеж, Геленджик, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Кострома, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Омск, Орехово-Зуево, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Саранск, Санкт-Петербург, Севастополь, Ставрополь, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тюмень, Чебоксары, Ярославль).

© Баранова М. В., Купцова О. Б., Гудкова А. В., 2019

В. М. Баранов в своем приветственном слове высказал мысль, что в будущем мы непременно придем к формированию и изучению такой дисциплины, как «Юридическая рискология». В современной доктрине существует масса работ по риску, лидирующие позиции в этой сфере занимают специалисты в области гражданского, финансового и налогового права. Вместе с тем практически отсутствует формат научных изысканий по направлению «правовая рискометрия», в котором используется масса технических средств, но в юриспруденции они практически не задействованы. По мнению В. М. Баранова, когда мы этого достигнем, будут более мощные результаты, практически все приемы юридической техники будут связаны с рискологией.

Наметил ученый следующий аспект научных исследований – рисковая правовая культура, рисковая культура законодателя, правоприменителя, интерпретатора, рисковое правомерное и рисковое противоправное поведение. Он обратил внимание на тот факт, что немаловажное значение имеет анализ правовых рисков среднего и высшего образования.

Примечательным событием В. М. Баранов назвал работу школы молодого ученого на форуме. Было отмечено, что ученые в Нижегородской академии МВД России исповедуют высокое профессиональное, уважительное отношение к воспитанию подрастающего поколения, как следствие, студенты и курсанты являются полноправными участниками данного научного мероприятия.

В процессе проведения форума была анонсирована монография профессора В. М. Баранова «Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества» [1].

Завершая свое выступление, В. М. Баранов пригласил всех желающих принять участие в следующей конференции: 25–28 сентября 2019 г. Нижегородская академия МВД России, юридический факультет Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Российское правотворческое общество, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» проведут XXI Международный научно-практический форум «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации».

Далее, в соответствии с программой конференции, было зачитано обращение Председателя Конституционного Суда Российской Федерации *Владимира Дмитриевича Зорькина.* В нем, в частности, было отмечено, что проблема рисков в законотворчестве, правореализации, юридической науке представляется чрезвычайно актуальной. Ситуация требует от российского обществоведения разработки стратегии и методологии системного управления рисками. В рамках этой совместной работы у правоведов есть очень важная сфера приложения усилий, связанная с совершенствованием концепции российского конституционализма, с развитием правового потенциала Конституции Российской Федерации, с разработкой системы догм современного российского права, адекватно развивающих конституционно-правовые принципы и нормы. Важны также выявление неопределенностей и пробелов в законодательстве, грамотное использование правовой нормы для предотвращения или устранения фактических рисков, прогнозирование и избежание рисков ошибочного воздействия нормы на общественные отношения, недопущение юридических ошибок правотворчества (в том числе юридико-технических), создающих риски для эффективной реализации норм.

Участникам конференции было передано напутствие губернатора Нижегородской области *Глеба Сергеевича Никитина*, который акцентировал внимание на том, что вызовы современности ежедневно ставят нас перед сложным выбором путей, средств, методов преодоления негативных явлений, тормозящих поступательное развитие социума. Противодействие деструкции всегда связано с определенным риском. Законодательная регламентация новых сфер юридически значимой деятельности также нередко рискогенна. В этой связи особое значение приобретает риск в законотворчестве, правореализации и юридической науке, поскольку его проявления и последствия могут оказать существенное (как позитивное, так и негативное) влияние на жизнь всего общества.

С приветственным словом к участникам форума обратился *Дмитрий Николаевич Архипов,* начальник Нижегородской академии МВД России генерал-майор полиции. Он в качестве позитивного момента отметил, что итогами научно-практических форумов «Юртехнетика» являются и монографии, и сборники, защиты кандидатских и докторских диссертаций. Д. Н. Архипов выразил уверенность, что появятся новые учебные дисциплины и инновационные конструктивные решения, которые будут положены в основу развития юридической науки.

В рамках пленарного заседания были представлены яркие доклады известных ученых.

С докладом «Риски в юридической науке» выступил доктор юридических наук, профессор

заслуженный деятель науки Российской Федерации заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации *Валерий Васильевич Лазарев*. По его справедливому замечанию, тема конференции является чрезвычайно актуальной, поскольку юристы потому и существуют, что именно они через правовое регулирование, через использование разных правовых средств пытаются предотвратить риски, сгладить риски, застраховать или надлежащим образом отреагировать на последствия рискового поведения. Риски в юридической науке можно понимать и как риски, которых эта наука касается, которые этой наукой изучаются применительно к разным видам деятельности, и как риски, свойственные самой юридической науке, в отличие от других наук, от других видов деятельности. Юридическую науку автор определяет как опредмечивание и распредмечивание социальных явлений на сущностном и содержательном уровнях в категориях государства и права.

Раскрывая вопрос о понимании и классификации рисков применительно к науке, В. В. Лазарев обратил внимание на то, что существуют разные понимания риска и разные классификации рисков. Из общего деления рисков он предложил наименование по степени тяжести: риски, которые могут принести непоправимый вред, и риски, которые могут принести потери (в виде конкретного убытка или ущерба). Все они объединяются термином «негативные последствия». В науке оправдано также выделение риска отклонения от ожидаемого результата. Угрозы могут возникнуть в результате получения неполной, неточной или ошибочной информации о состоянии внешней среды или внутренних показателей деятельностного субъекта.

По мнению этого ученого, вообще риск связан с наступлением нежелательных (негативных) последствий при принятии решений в условиях неопределенности и альтернативности. Однако в правовой науке риск имеет еще и собственные характеристики. Он, в частности, может не отвечать некоторым общим представлениям, общим характеристикам риска в науке. И дело объясняется во многом тем обстоятельством, что соответствующие отношения регулируются императивно законом, а закон может не отвечать целям и требованиям объективно эффективного развития этих отношений.

В решении сущностных и содержательных вопросов риска актуализируются ненормативные компоненты структуры научной деятельности: потребности, интересы, мотивы, цели. Последние более всего рискоопасны и им приходится отводить особое место. В. В. Лазарев рассматривает постановку рисков в зависимость от достижения целей с учетом того, что цели юридической науки весьма разные. Есть идеальные, обосновываемые логически, есть те, которые преследуются исходя из прагматических интересов, требующие для успеха хорошего финансирования, что снижает риск получения некачественного продукта. Часто эти цели сугубо политические. Наиболее существенным риском в науке является возможность кризиса, т. е. наступление такой ситуации, когда господствующая методология может не справиться с нарастающим числом жизненных случаев, которые не укладываются в ее рамки, в рамки общепринятых теорий.

Для успеха и избежания рисков юридическая наука постоянно должна обозревать свой собственный предмет и метод. Разумеется, в системной связи с предметом и методом других наук. Получивший в естественных науках признание принцип дополнительности предполагает трансдисциплинарные подходы, которые преодолевают узость отдельно взятых методологий, требуют синтеза разных эпистемологических парадигм [4, с. 12].

Завершая свое выступление, ученый отметил, что новые риски вообще и новые риски в сфере права, в отличие от традиционных, не привязаны жестко к конкретному месту и времени. Принятие национальных законов может не только не спасти ситуацию, но может и негативно сказаться на интересах российских граждан. Не случайно сегодня российские юрисдикции реально не всегда главенствуют в разрешении юридических споров.

Далее с докладом «Риски в построении и функционировании надлежащей системы административного правового регулирования в России: опасности и последствия недооценивания» выступил доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета *Юрий Николаевич Старилов*. В своем выступлении он обратил внимание на термин «надлежащая система административно-правового» регулирования в России, на опасность и последствия его недооценивания. За последние 20 лет в сфере материально-правового и процессуально-правового регулирования мы достигли невиданных высот, но вместе с тем пока нет одного очень

важного закона, который бы стал основой для публично-правового управления – законодательного акта, закрепляющего административные процедуры.

Законодательство об административных процедурах – это юридическая реальность практически всех современных правовых государств. Отсутствие данного нормативного правового акта в России создает обстановку риска, когда управление осуществляется вне принципов административных процедур. Закон об административных процедурах, по мнению Ю. Н. Старилова, стал бы прогрессивным актом, он нужен стране. Кроме того, мы должны разработать на теоретическом уровне процессуальную форму, только тогда будут воссозданы все правильные условия публично-правового управления.

Важнейшей проблемой является обоснование самостоятельности административно-процессуальной формы. Пока не доказан тот факт, что преимущество цивилистической правовой формы исчерпало себя. Однако тот факт, что в государстве уже появился Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, свидетельствует об отграничении этого процесса от сферы гражданско-процессуальной формы. Следовательно, не нужно исключать идею выделения административного судопроизводства из недр гражданского процесса.

По мнению ученого, некоторые конституционные положения уже устарели и не позволяют развиваться процедурному законодательству в административном праве. Необходимо взять на себя риски и смело отстаивать идею правильного наименования административно-процессуального законодательства на конституционно-правовом уровне, тогда будет создана необходимая основа для разработки законодательства об административных процедурах.

В заключение Ю. Н. Старилов подчеркнул, что сегодня в административно-правовой науке нужно рисковать.

Доклад на тему «Риски полицейского законодательства» представил доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации профессор кафедры административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского генерал-лейтенант милиции (в отставке) *Валерий Васильевич Черников.* С его точки зрения, риски пронизывают всю плоть правовой материи и являются постоянными спутниками праворегулирования и правоприменения в любой сфере жизнедеятельности. Большой заряд риска содержит законодательство, регламентирующее полицейскую деятельность государства (полицейское законодательство). Это, пожалуй, один из самых «рискованных» правовых институтов сферы правоохраны. Во многом такое положение обусловлено самой природой и характером полицейской деятельности, которая сопровождается высокой степенью экстремальности, конфликтности и нестандартности.

Фактор риска, а также иной негатив, сопровождающий профессию полицейского, во многом обусловливают возможность совершения сотрудником ошибки, причинения им вреда здоровью и жизни человека либо нанесения иного ущерба интересам и правам людей. Риски для полицейского возникают там, где ему в соответствии с законом необходимо дать правовую оценку юридически значимым обстоятельствам, действиям других субъектов права, направленным на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, и принять юридически властные решения (действия). Именно поэтому полицейский риск является объектом пристального внимания законодателя.

Ученый, акцентировав внимание на соотношении полицейского права и риска, отметил, что в их взаимосвязи можно выделить две стороны – положительную и отрицательную (позитивную и негативную).

Закон выступает, прежде всего, универсальным средством управления рисками в полицейской деятельности, устраняя риски из полицейской практики либо снижая их уровень. Данные цели достигаются путем регламентирования общественных отношений, связанных с риском, обогащения полицейских различными вариантами действий. И в этой связи закон стабилизирует полицейскую деятельность.

Авторская позиция заключается в следующем: риск в полицейском законодательстве – это состояние законодательной урегулированности полицейской деятельности, которое содержит вероятность наступления неопределенных отрицательных последствий в ситуации неизбежного выбора полицейским варианта решения (действия).

Дефекты законодательного регулирования, обусловливающие риски в полицейской деятельности, могут быть самыми разнообразными. В. В. Черников назвал основные виды рисков. Первый и самый опасный правовой риск – это пробельность права, т. е. отсутствие в законе ответа на вопросы, возникающие в процессе полицейского правоприменения. Следующий риск для полицейского – это ситуации, когда он вынужден принимать решения и дей-

ствовать в рамках коллизионных, противоречивых правовых норм, которых в законодательстве большое количество. Весьма опасен для правоприменителя и следующий риск – высокая неопределенность правовых норм, когда смысл, который закладывал в них законодатель, не совсем понятен. Наконец, в рискованную ситуацию полицейского ставят чрезмерно широкие и размытые дискреционные полномочия, предоставленные ему законом и подзаконными регламентами деятельности.

Завершая выступление, ученый отметил, что тема рисков в полицейском законодательства многоаспектна.

Автор доклада «Риск принятия процессуального решения в уголовном судопроизводстве» – доктор юридических наук, профессор судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке) *Никита Александрович Колоколов*. По его мнению, разработчики концепций уголовной политики не всегда уделяют достаточное внимание вопросам значимости инфраструктуры защиты жертв преступлений, а равно среды, в которую такие системы бывают погружены. Вместе с тем именно несовершенство первой, а точнее, ее полное отсутствие, не позволяет обществу в полной мере задействовать заблаговременно созданные им «мощности» систем, ориентированных на защиту жертв преступлений. Эмпирическим путем давно доказано, что эффективность процесса правоохраны зависит не от качеств «чисто внутренней системной инфраструктуры» (здания, оборудование, кадровый аппарат), а от уровня подготовки участников конфликта, понимания ими сути процесса правоохраны, знания его особенностей. Н. А. Колоколов высказал пожелание, чтобы эти авторы не забывали о системе правоохраны и свойственных ей рисках как о не более чем одной из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самой важной. Следовательно, эффективность работы системы (фактически подсистемы) правоохраны непосредственно зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем. В этой связи от исследователя, по мнению Н. А. Колоколова, хотелось бы получить ответ: может ли быть эффективным функционирование системы правоохраны (социальной подсистемы), если в конкретный исторический период неэффективна государственная политика в целом. Например, со всех сторон в адрес судов слышатся упреки в отсутствии эффективности, более того, многие утверждают, что отсутствие эффективного суда препятствует развитию общества. Совершенно очевидно, что подобные утверждения – «от лукавого», попытка увести общество от поиска истинных причин плохой работы всего государственного механизма.

Не готовы авторы концепций минимизации рисков обозначить и четкую позицию относительно роли личности в организации управления системами правоохраны. Вместе с тем именно идеология ее кадрового корпуса – одна из основ эффективности функционирования любой системы.

Следующий доклад был на тему «Риски квалифицированного молчания законодателя: доктрина, практика, техника», с которым выступил доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» *Владимир Михайлович Баранов*. «Квалифицированное молчание законодателя» – это неотъемлемый элемент правового развития, обладающий весьма высокой степенью рискогенности, считает В. М. Баранов. Это понятие, отражающее и выражающее отсутствие правовой регламентации той или иной сферы, вида деятельности, ее какого-то фрагмента, этапа, процесса, состояния. Это отсутствие юридического регулирования там, где оно возможно или с точки зрения профессионального правосознания необходимо, но в силу разных обстоятельств не появляется. Это особый вид правового вакуума, государственная немота, своеобразная пустота, лакуна, ниша в системе правового регулирования.

Ученый выделил ключевые факторы риска «квалифицированного молчания законодателя» – условия, отражающие многогранность этого феномена и способствующие возникновению неблагоприятных последствий (ущерб, вред) и открывающие позитивные возможности для субъектов и объектов своего воздействия. Факторный анализ прежде всего предполагает формулирование и формирование перечня (списка) факторов риска, которые в итоге образуют их карту (банк, базу, проблемное поле). Техника ранжирования, иерархического размещения здесь вряд ли уместна, поскольку все факторы риска «квалифицированного молчания законодателя» (в явной или неявной форме, прямо либо косвенно) взаимосвязаны и в процессе реального функционирования тесно переплетаются.

В заключение ученый отметил, что исследование внутренних и внешних факторов, явлений, состояний, процессов, связанных с «квалифицированным молчанием законодателя», создание

его общей и прикладной теории, включая проблематику риска, необходимо продолжить и, несомненно, в ближайшем будущем это принесет значимые инновационные результаты, обогатит доктрину, практику, технику правообразования.

С докладом на тему «Риск как правовое понятие и как метафора» выступил доктор юридических наук, профессор профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по праву *Николай Александрович Власенко*. В ходе своего выступления он обратил внимание на метафоризацию в праве и риски в метафоризации. По его мнению, метафора – это слово или употребление оборота речи, единицы языка в переносном значении на основе какого-либо сходства. Метафора – это одно из богатств русского языка, она дает доступность для понимания, возможность неизвестное выразить через известное и уловить новый смысл понятия. Метафора может иметь также номинативное значение и формирует положительное начало для языка. Вместе с тем метафора может быть и опасна при использовании в юридической науке. При неудачном применении она может стать основой для ложной аналогии, причем неудачная метафоризация способна разрушать язык.

Ученый обратил внимание на то, что эта опасность свойственна и науке, так как метафоры в этой сфере встречаются достаточно часто. В настоящее время есть позитивное движение в науке, связанное с приемом метафорической аналогии, существует немало диссертаций, основанных на метафорическом подходе.

В рамках конференции был продемонстрирован видеодоклад на тему «Риск в фокусе права», подготовленный доктором юридических наук, профессором заслуженным деятелем науки Российской Федерации, членом-корреспондентом Международной академии сравнительного права заместителем заведующего Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации *Юрием Александровичем Тихомировым*. Он обратил внимание на то, что громадные масштабы правотворческой и правоприменительной деятельности неизбежно сопровождаются отклонением от намеченных целей, ошибками, изменениями и поправками, вносимыми в правовые акты. Одним из основных источников таких процессов, событий и фактов является риск. Его изучение, выявление и предотвращение – важная практическая и теоретическая задача, которую надо решать в правовой сфере. Автор занят разработкой этих проблем в последние годы, и подготовленный доклад содержит концентрированные правовые характеристики динамики риска.

Дело в том, что общество и государство в деятельности организаций и людей принимает множество решений. Использование понятия «правовое пространство» и «правовые границы» позволяет лучше формулировать прогнозы, программы и концепции, стратегии, законы и подзаконные акты, оперативные распоряжения, которые рассчитаны на достижение поставленных целей и задач. Однако могут возникнуть отклонения и «сбои», которые порождают ущерб и опасности и неожиданные последствия. Возникает феномен риска. Риск – это вероятное неправомерное отклонение от правовых решений и актов, влекущее негативные последствия, которые надо предвидеть и предотвращать.

В нашей стране используются прогнозы и «антирисковые» меры в контексте управления социально-экономическим развитием. Так, Правительство Российской Федерации утвердило «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года», где особое внимание уделено оценкам внешних и внутренних вызовов как рисков, имеющих высокий уровень опасности для устойчивого развития страны.

Риск – это вероятное наступление события и совершения действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущее причинить ущерб регулируемой им сфере. Для правового риска характерны причинная зависимость между нормативной моделью и реальностью в виде каналов прямых и обратных связей, иными словами, опасное отклонение от норм права.

В своем выступлении ученый также представил детализированную классификацию рисков и дефинитивный ряд основных категорий, отражающих существенные моменты анализируемой тематики. Ученый подчеркнул, что риск – это отклонение, это вероятное, предполагаемое отклонение от нормативной модели, от принципов права, от правовой системы, которая существует. Риск сегодня приобрел значение очень весомого регулятора нашей общественной жизни, и право, конечно, подвергается всяким колебаниям. Если мы считаем, что нормативное регулирование всегда идет по гладкой дороге, то потом у нас вызывает удивление тот факт, что объем правонарушений едва ли

уменьшается, отклонения от курса ощутимые, реформы не работают, люди отчуждены от правовых регуляторов. При этом надо понять, что корни ситуации с рисками заложены в динамике самого общества.

Завершая свое выступление, Ю. А. Тихомиров сформулировал следующие выводы:

1. Риск в правовом пространстве отражает разновидность правового регулирования и возможные отклонения от правовых моделей и актов.

2. Анализ и предотвращение рисков должны быть важной задачей теории права, теории государства и всех отраслевых наук, особого внимания заслуживают риски в зоне соотношения национального и международного права.

3. Целесообразно вводить методику прогнозирования и преодоления рисков в процессе правотворчества и правоприменения, в рамках нормативно-правовых комплексов и национальных проектов.

4. Тематику рисков необходимо включать в программы юридических научных и учебных учреждений и курсов повышения квалификации работников государственных и муниципальных органов, бизнес-структур, а также институтов гражданского общества.

После основных пленарных выступлений были проведены две демонстрации. С презентацией научно-практических и учебно-методических работ по юриспруденции издательства «Юстиция» выступил главный редактор Московского агентства научной литературы *Эдуард Владимирович Михальский.* С презентационным выступлением, посвященным учебному пособию профессора В. Б. Исакова «Словарь правовой аналитической графики» [2], к аудитории обратилась кандидат филологических наук доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека *Анита Карловна Соболева*.

В рамках форума была организована дискуссионная площадка по докладу главного ученого секретаря ВАК при Минобрнауки России доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации президента Союза криминалистов и криминологов, заведующего кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина *Игоря Михайловича Мацкевича* на тему «Рискоориентированный контроль ВАК за качеством диссертационных работ и результативностью деятельности диссертационных советов по юриспруденции».

И. М. Мацкевич отметил, что опыт работы в ВАК за последний год в должности, которая должна обеспечивать надлежащую, «протокольную» деятельность комиссии, привел его к неутешительному выводу: мало кто понимает, что в действительности представляет собой ВАК. Многие, в том числе представители научной общественности, полагают, что ВАК – это структура Минобрнауки России. Более того, едва ли не все считают, что представители ВАК – это министерские чиновники. Между тем ВАК – это исключительно экспертное сообщество. Точное название ВАК как комиссии, которая находится **при** Минобрнауки России, полностью отражает ее статус и правовое положение. ВАК – это комиссия, которая обеспечивает экспертизу диссертаций, а также при необходимости других связанных с диссертацией документов перед тем, как в министерстве будет подписан приказ о выдаче соответствующего документа новому кандидату или доктору наук. Таким образом, ВАК состоит из экспертов собственно ВАК (назначаются постановлением Правительства Российской Федерации), а также из экспертов экспертных советов ВАК (назначаются приказом Минобрнауки России).

И. М. Мацкевич особо подчеркнул, что ВАК принимает **только рекомендации**. В то же время очевидно, что Минобрнауки России в своих собственных решениях по вопросам аттестации ориентируется на рекомендации ВАК, и, по мнению И. М. Мацкевича, не было ни одного случая, чтобы приказ о присуждении, отказе в присуждении или о лишении ученой степени вышел вопреки рекомендации ВАК, хотя теоретически это возможно, поскольку юридическим фактом принятия решения является приказ министра, а не рекомендация ВАК.

И. М. Мацкевич считает, что многие ответы на вопросы, которые приходят в адрес ВАК, следует искать в нормативных правовых документах, на что у части научной общественности, видимо, не хватает терпения и желания. К сожалению, нередко эти ответы не хотят искать те, кто по своим функциональным обязанностям обязаны это делать, например, ученые секретари диссертационных советов.

В качестве примеров приведем наиболее интересные вопросы и ответы И. М. Мацкевича, прозвучавшие во время дискуссии по его докладу.

Вопрос. Являются ли риском для соискателя ученой степени не систематизированные требования к оформлению диссертационных исследований?

Ответ. Существует ГОСТ Р 7.0.11-2011, который регламентирует оформление диссерта-

ции и автореферата диссертации. Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 декабря 2011 г. № 811-ст. Он разработан в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Однако ГОСТ является рекомендательным документом, поэтому отступления от него вполне допустимы. В то же время эксперименты в оформлении диссертации и автореферата диссертации должны быть направлены на улучшения подачи информации, а не создавать трудности для читателей научного исследования. Если вопрос о риске заключается в этом, то лучше такого риска избегать. Все другие риски ученого, улучшающие автореферат и диссертацию, не только допустимы, но возможны и приемлемы. При этом И. М. Мацкевич особо подчеркнул, что защищается диссертация, а не автореферат. Он обратил на это внимание потому, что часто в отзывах на научное исследование соискателя высказываются замечания, которые заканчиваются следующей фразой: «Возможно, ответы на них имеются в тексте диссертации». Что мешает авторам замечаний прочитать текст диссертации, а не только автореферат – не понятно. Может быть, настало время отменить отзывы на авторефераты и принимать во внимание только отзывы на диссертацию?

Вопрос. Не подменяет ли ВАК диссертационные советы, когда даже после успешных защит отказывает в присуждении искомой степени, причем не по процедурным основаниям, а по содержательным, в том числе по научной новизне, которую ВАК оспаривает? Зачем это делать, если защиты прошли успешно, при положительных отзывах официальных оппонентов, в том числе при положительных экспертных заключениях советов, куда они были направлены на дополнительную защиту ВАК? Не следует ли ввести для разрешения подобных спорных ситуаций механизм обжалования рекомендаций ВАК и его структурных подразделений?

Ответ. В Положении о порядке присуждения ученых степеней (в ред. от 1 октября 2018 г.) прописана процедура апелляции на решения диссертационных советов. Статус ВАК предполагает возможность оспаривания его рекомендаций в Минобрнауки России. Кроме того, у любого человека, в том числе у соискателя ученой степени, всегда остается возможность оспаривания решения должностного лица в суд. Что же касается содержательной стороны экспертизы диссертаций в ВАК, то, по мнению И. М. Мацкевича, не было ни одного случая, когда бы ВАК ошиблась, рекомендовав не утверждать решение о присуждении ученой степени, а вот ошибки в обратную сторону были. Не надо забывать, что в состав ВАК входят самые известные ученые страны, представляющие как научные, так и образовательные организации, а также различные научные академии, в том числе Российскую академию наук. Их мнение иногда отличается от мнения членов диссертационных советов. И в этом нет ничего трагического, поскольку в науке не может быть «прямой столбовой дороги». Отклоненную диссертацию можно переделать и защитить еще раз. Такие случаи были, хотя, к счастью для соискателей ученых степеней, подобные события происходят не так часто.

Вопрос. Как следует относиться к предложению о том, чтобы установить блокирующий характер положительного голосования диссертационного совета, который проводит дополнительную экспертизу диссертаций в рамках процедуры принятия экспертным советом ВАК окончательного заключения?

Ответ. И. М. Мацкевич выразил уверенность, что подобным образом установить научную истину невозможно.

Вопрос. Как следует относиться к следующим предложениям, направленным на повышение прозрачности деятельности ВАК:

а) ввести гласные выборы членов ВАК из кандидатов, выдвигаемых путем голосования в научных и образовательных организациях, в том числе внести изменения в Положение о ВАК, введя пункт, согласно которому министр должен проводить назначения членов ВАК из кандидатур, предложенных вузами и научными организациями, и не должен формировать этот орган единолично;

б) в Положении о ВАК прописать процедуру выдвижения членов и экспертов ВАК профильными образовательными и научными организациями на альтернативной и гласной основе и порядок голосования по выдвигаемым кандидатурам. Оповещать профильные научные и образовательные организации высшего образования о предстоящем формировании соответствующего экспертного совета, представлять на сайте ВАК для обсуждения списки кандидатов в члены ВАК, оставив за Минобрнауки России функцию утверждения состава ВАК и списка экспертов, предложенных научными и образовательными организациями?

Ответ. В п. 10 Положения об экспертном совете ВАК при Минобрнауки России, которое утверждено приказом от 25 декабря 2013 г. № 1393 (в ред. от 10 декабря 2015 г.), зафиксированы следующие правила: «Состав экспертных советов формируется ВАК с учетом реко-

мендаций государственных академий наук, Российского Союза ректоров, ведущих образовательных организаций высшего образования, научных и иных организаций (далее – организации) и утверждается Минобрнауки России сроком на 4 года с последующим обновлением не менее чем на 25 процентов. При этом члены экспертного совета не могут исполнять свои функции более двух сроков подряд. В целях формирования экспертных советов Минобрнауки России размещает на официальном сайте ВАК в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информацию о начале представления в Минобрнауки России предложений организаций по кандидатам в члены экспертных советов. Срок представления указанных предложений должен составлять не менее 2 месяцев со дня размещения данной информации. В течение 10 рабочих дней со дня окончания срока представления предложений по кандидатам Минобрнауки России размещает информацию о кандидатах в члены экспертных советов на официальном сайте ВАК. В течение 15 дней со дня размещения информации о кандидатах в члены экспертных советов на официальном сайте ВАК организации вправе представить в Минобрнауки России свои мотивированные возражения против включения представленных кандидатов в члены экспертных советов. ВАК в течение 1 месяца со дня окончания представления организациями мотивированных возражений рассматривает поступившие предложения по кандидатам и мотивированные возражения, проверяет соответствие предложенных кандидатов в члены экспертных советов требованиям, указанным в пункте 9 настоящего Положения, и дает рекомендацию Минобрнауки России о количестве экспертных советов и их составе. На основании рекомендации ВАК, Минобрнауки России утверждает составы экспертных советов».

Последняя ротация экспертных советов, завершившаяся в мае 2018 г., прошла в точном соответствии с этими нормативными предписаниями. По мнению И. М. Мацкевича, вопрос задан с опозданием на 4 года, поскольку эти правила введены в действие в 2014 г. Поразительно, что научное сообщество не в курсе того, как формируются экспертные составы ВАК, и его представители задают вопросы, на которые уже несколько лет назад даны ответы. Стоит ли удивляться, что когда происходила ротация экспертных советов, далеко не все были в курсе этого события, а те, кто был, не поняли правил ее проведения и жаловались, что им не предоставили возможности высказать свои пожелания по конкретным кандидатам. В результате, едва ли не все отрицательные мнения о кандидатах в экспертные советы были основаны только на одном информационном ресурсе – сайте «Диссернета». Причем других претензий к кандидатам не было даже у академиков. Получается, что сайт «Диссернета» стал определяющей площадкой при формировании экспертных советов ВАК. Скоро любое выдвижение ученого на какую-либо должность, в том числе на общественную, будет полностью зависеть от того, есть ли о нем негативная информация на сайте «Диссернета» или нет.

Вопрос. Не следует ли обеспечить гласность работы ВАК и его структурных элементов, включив в Положение о ВАК требования: публиковать даты заседаний экспертных советов ВАК, вести звуко- и видеозапись этих заседаний, публиковать на сайте решения экспертных советов; заседания Президиума и экспертных советов ВАК сделать открытыми для научной общественности, размещать для этого заранее информацию о датах заседаний и повестке дня, делать рассылку о предстоящих заседаниях в профильные образовательные и научные организации, предоставить возможность выступать на этих заседаниях представителям организаций, в которых проходила защита, независимым экспертам, официальным оппонентам соискателей; ввести на сайте сервис, позволяющий отслеживать статус рассмотрения дела о присуждении ученой степени или ученого звания; информировать соискателя и организацию обо всех решениях всех подразделений ВАК на всех этапах прохождения дела?

Ответ. У ВАК нет никаких подразделений. Это экспертная площадка. Наверное, в дальнейшем гласность работы ВАК будет расширяться, но сегодня нет организационных и технических возможностей обеспечить реализацию всех предложений, о которых говорится выше. Кроме того, насколько следует превращать экспертизу диссертаций в еще одну защиту? Это вопрос к научному сообществу. Тем самым процедура рассмотрения аттестационного дела в ВАК не ускорится, а довольно серьезно затормозится.

Кроме того, в ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 23 мая 2016 г.) сказано, что оценка научной квалификации научных работников и иных лиц, осуществляющих научную (научно-техническую) деятельность, обеспечивается государственной системой научной аттестации; государственная система научной аттестации предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий до-

цента и профессора, установленных настоящей статьей. У нас нет никакой другой системы аттестации, кроме государственной!

Что касается информационного обеспечения деятельности ВАК, то, по мнению И. М. Мацкевича, можно критиковать сайт ВАК и быть не всегда довольным скоростью публикации на нем материалов о ВАК, но основная информация на сайте имеется и регулярно обновляется, в том числе о ходе заседания Президиума ВАК и обо всех рекомендациях, которые ВАК принимает. На сайте есть информация обо всех экспертных советах ВАК. Все приказы, как о выдаче дипломов, так и об отказе в выдаче дипломов, также публикуются на сайте. Тем более на сайте всегда размещается информация обо всех случаях лишения ученых степеней. Не следует забывать о «Вестнике ВАК», который является официальным печатным изданием ВАК и выходит регулярно. В нем публикуются аннотации наиболее интересных диссертаций.

Любые предложения по совершенствованию информационной открытости ВАК всегда приветствуются.

Относительно открытости ВАК, И. М. Мацкевич заметил, что соискатель ученой степени имеет право знакомиться с материалами своего аттестационного дела, что регулярно и происходит.

Вопрос. В настоящее время для подачи документов на присвоение ученого звания необходимо собрать пакет документов объемом почти в 200 с., большую часть которого составляют дублирующие друг друга сведения, например, требуется прилагать копии трудовых договоров и должностных инструкций и приказы о зачислении. Зачем нужны эти документы, если есть справка-представление, выписка из заседания кафедры (департамента), решение ученого совета вуза? ВАК не доверяет сведениям, поступающим из вузов? Если встречались случаи недобросовестности, то не проще ли продумать санкции в отношении вузов-нарушителей, а не отнимать время самих претендентов, менеджеров факультетов и ученых советов вузов, а также самих работников ВАК на обработку огромного массива дублирующих друг друга документов? Вопрос особенно актуален в свете перегруженности профессорско-преподавательского состава в рамках «эффективных контрактов» другими видами работ, а также и без того разросшегося административного персонала вузов.

Ответ. Ученые звания присваиваются Минобрнауки России по аттестационным документам, представленным образовательными организациями высшего образования, реализующими образовательные программы высшего образования, имеющие государственную аккредитацию, и (или) программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования, организациями дополнительного профессионального образования, реализующими программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования, и научными организациями, реализующими образовательные программы высшего образования, имеющие государственную аккредитацию, и (или) программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки на базе высшего образования, в которых работают (проходят военную или иную приравненную к ней службу по контракту, службу в органах внутренних дел Российской Федерации) лица, претендующие на присвоение ученых званий. Присвоение ученого звания подтверждается аттестатом о присвоении ученого звания доцента или ученого звания профессора. Формы аттестатов о присвоении ученых званий, технические требования к ним, а также порядок их оформления и выдачи утверждаются Минобрнауки России. Аттестаты о присвоении ученых званий выдаются на основании решений министерства. Эти правила закреплены в Положении о присвоении ученых званий, которое утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2013 г. № 1139 (в ред. от 1 октября 2018 г.). ВАК к присвоению ученых званий никакого отношения не имеет.

По поводу эффективных контрактов и правил определения их эффективности, которое на практике превращается в заполнение огромного количества форм различных отчетов, отнимающее у ученого примерно столько же времени, сколько надо, чтобы написать научную статью, то И. М. Мацкевич полностью согласился с авторами вопроса. Только, по его мнению, задавать его надо не ВАК и даже не министерству, а ректорам вузов, особенно тем, кто первым ввел эти правила.

И. М. Мацкевич считает, что в последнее время мы занимаемся гонкой за наукометрическими показателями, вместо того, чтобы заниматься наукой. То же самое можно сказать про многие нировские проекты, которые приходят сверху и часто имеют к актуальным проблемам, которые действительно требуют решения, довольно касательное отношение. В связи с этим встает вопрос: ученые как-то влияют на формирование этих проектов или их придумывают молодые и дерзкие чиновники, которые искренне уверены, что старая профессура ни на что не годна?

Вопрос. Тормозит ли развитие междисциплинарных исследований сложившаяся строгая система привязки диссертаций к строго определенным специальностям, а ученых званий – к кафедрам и читаемым преподавателями курсам? В частности, например, у нас сложно вместить в рамках существующих специальностей такие направления исследований (получающие все большее распространение в других странах), как: терминология права, социология права, нарратив и сторителлинг в праве, право и художественное творчество, визуализация права и т. д.?

Ответ. И. М. Мацкевич высказал озабоченность в связи с использованием большого количества иностранных терминов в вопросе. Для того чтобы было понятно, о чем идет речь, следует обратиться к значениям этих слов. Нарратив – это изложение взаимосвязанных событий, представленных читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Часть значений термина «нарратив» совпадает с таким общеупотребительным и принятым в русском языке словом, как «повествование». Сторителлинг – искусство донесения поучительной информации с помощью знаний, рассказов, историй, которые возбуждают у человека эмоции и мышления, и по значению совпадает также с устоявшимся в нашем языке словом, хотя тоже не коренного, а греческого происхождения, – «риторика».

В п. 21 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, сказано, что в случае, если тема диссертации охватывает несколько научных специальностей, не по всем из которых диссертационному совету предоставлено право проведения защиты диссертаций, диссертационный совет может принять решение о проведении защиты такой диссертации по специальности и отрасли науки, по которым ему предоставлено право проведения защиты диссертаций, с привлечением специалистов в соответствующих областях науки, не являющихся членами данного диссертационного совета. Такие специалисты должны соответствовать требованиям к кандидатам в члены диссертационных советов.

Следовательно, проблема защиты диссертаций по смежным специальностям также давно решена. Многие диссертационные советы успешно этим правом пользуются, особенно по таким направлениям, как медицина и технические науки. В гуманитарных областях знаний, в том числе в юриспруденции, стараются не рисковать. Однако если кто-то перестраховывается, то разве это проблема ВАК или кого-то еще, кроме самого перестраховщика?

Вместе с тем проблема междисциплинарных исследований по темам, которые не определены номенклатурой научных специальностей, действительно существует. Сейчас создается рабочая группа членов ВАК, которая постарается решить этот далеко непростой вопрос. Иллюзия снятия проблемы путем отказа от номенклатуры научных специальностей может привести к измельчанию и дублированию тем диссертационных исследований. То, что качество диссертационных исследований, по сравнению с историческим прошлым, вероятно, упало, в наименьшей степени зависит от номенклатуры научных специальностей. Тот, кто предлагает решить эту проблему отказом от номенклатуры научных специальностей, очевидно, лукавит и знает, что проблема гораздо глубже.

Далее в рамках круглого стола были организованы обсуждение докладов пленарного заседания, выступления участников форума, дискуссии, реплики. Особое внимание научного сообщества вызвали следующие сообщения.

С докладом на тему «Правовое регулирование рекламной деятельности как оперирование рисками» выступила доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Российской академии юридических наук профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России *Марина Владимировна Баранова.* Она отметила, что рекламная деятельность в Российской Федерации интенсивно развивается, постоянно трансформируется, отвечая «вызовам времени», рынок рекламы показывает планомерный позитивный рост и устойчивость к кризисным явлениям. Креативность подходов к выбору вектора развития рынка, уникальность рекламной коммуникации и специфика используемых средств достижения цели позволяют говорить о рекламе как об особой сфере бизнеса, предпринимательской деятельности.

Докладчик обратила внимание на то, что роль риска в бизнесе кажется самоочевидной, однако ей не всегда уделяется должное внимание. Аналогичная ситуация сложилась и на рынке рекламы – сфере финансовоемкой, востребующей не только уникальные технологии, средства выразительности и способы воздействия на потенциальных потребителей объектов рекламирования, но и постоянно сопряженной с риском внушительных финансовых потерь. При этом типичным и первоочередным является обращение к коммерческой рекламе исключительно как к источнику получения прибыли. Новые направления исследования, например, рассматривающие нанотехно-

логии и биотехнологии в неординарном ракурсе философского анализа, обращаются к оценке возможных рисков, связанных с их применением, введением и модернизацией их регулирования.

Более корректным относительно рисков в правовой регламентации рекламы и сфере создания, размещения и распространения рекламы представляется использование объемного понятия «оперирование», а не «управление». В этом контексте М. В. Баранова предложила понимать правовое регулирование рекламной деятельности как оперирование рисками, включающее правовое управление, информационно-аналитическую и оценочную стадии, стадию принятия решения и средства правового управления рисками. В конечном счете рекламное право, рекламное законодательство констатируют наличие вероятной угрозы/риска, дают им оценку, признавая их социальную значимость, создают условия и пути их минимизации. Сама правовая регламентация, процесс ее создания и последующая правореализация также сопряжены с риском, поскольку в рамках этих сложных процессов существует вероятность ошибки в выборе предмета, средств, методов регулирования, в способе и специфике реализации. Вероятность подобных ошибок, недочетов может привести к совершению отдельными субъектами действий или бездействия, влекущих негативные последствия.

Риск в правовом регулировании рекламной деятельности представляет собой свойственную всему процессу правового регулирования (правообразованию, правотворчеству, правоинтерпретации, правоконкретизации, правосистематизации, правореализации) вероятность наступления негативных последствий для всех/отдельных субъектов правового регулирования рекламной деятельности, неблагоприятных деяний (субъективный аспект) и/или событий (объективный аспект), связанных с детерминированием (осознанным или неосознанным) угроз, опасностей, ошибок, дефектов, неопределенности в данной сфере.

Таким образом, правовое регулирование рекламной деятельности можно рассматривать, во-первых, как особое поле для риска; во-вторых, как собственно оперирование рисками, поскольку это волевая деятельность (осознанный риск) субъектов регулирования сферы рекламного бизнеса, направленная на правовую регламентацию отношений, связанных с рисками; в-третьих, как непосредственно воздействие на риски.

Запоминающимся был доклад на тему «Субъекты правового риска», с которым выступил профессор кафедры теории и истории государства и права Института экономики и права Петрозаводского государственного университета доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации *Роман Анатольевич Ромашов*. Он акцентировал внимание на том, что риск – это характеристика ситуации, имеющей неопределенность исхода, при обязательном наличии возможных неблагоприятных последствий. Вопреки бытующим заблуждениям, риски не имеют непосредственного отношения к благородству, равно как и к предательству. Чаще шампанское пьют те, кто предпочитает в своей деятельности не рисковать, а руководствоваться скучным расчетом, риск минимизирующем.

Р. А. Ромашов отметил, что расширение сферы государственно-правового регулирования предполагает активизацию вмешательства государства в общественную и личную жизнь, что способствует не минимизации правовых рисков, а их усилению. Основываясь на высказанной позиции, следует осуществить дифференциацию субъектов правовых рисков, на две основные группы: субъекты, правовые риски порождающие, и субъекты, стремящиеся правовые риски преодолеть.

К числу представителей первой группы следует отнести как субъектов противоправной, так и субъектов правоохранительной деятельности, поскольку столкновение и с теми, и с другими влечет за собой весьма вероятностные риски, связанные с вредоносными последствиями. Субъекты преодоления правовых рисков в свою очередь подразделяются на тех, кто в своей правовой деятельности стремится рисков как таковых избегать, связывая понимание безопасности с профилактикой предполагающих те или иные риски ситуаций.

В качестве субъектов, порождающих и преодолевающих правовые риски, могут выступать как индивиды, так и коллективные образования. В качестве субъекта правового риска может выступать народ/нация, своим поведением способные вызывать как конструктивные, так и деструктивные изменения в области сложившегося государственного устройства и установленного правопорядка [3].

Ученый подчеркнул, что государственная деятельность, будучи в теории направленной на сокращение числа рисков и минимизацию их вредоносных последствий, на практике риски увеличивает. При этом усиление государственного аппарата, опирающегося прежде всего на силовой блок, генерирующий в обществе страх перед контрольно-карательной мощью государственной машины, не только не снижает опасности от внутренних и внешних рисков, но, напротив, увеличивает ее. Р. А. Ромашов особо обратил внимание на то, что сильное государство подвержено рискам в неменьшей степени, чем слабое. Вместе с тем в силу глубоких противоречий между госу-

дарственной бюрократией и обществом, сильное государство не только не способно защитить отдельных членов общества и социальные группы от рисков, но и само эти риски порождает и генерирует, тем самым активизируя главный риск – системную энтропию. О том, что данный риск актуален в том числе и для современной России, свидетельствует исторический опыт XX в., когда Российское государство дважды не смогло преодолеть риск собственного саморазрушения.

С докладом «Риски интеграции неправовых регуляторов в законодательство и правоприменение» выступил кандидат юридических наук, доцент председатель Владимирского областного суда *Александр Викторович Малышкин*. Он отметил, что в настоящее время в России и в зарубежных странах наблюдается повышение роли неправовых регуляторов в правоприменительной деятельности, а также их масштабное интегрирование в ткань позитивного права. У такого подхода имеются очевидные достоинства. Это и использование мощного ценностно-побудительного потенциала неправовых факторов регулирования поведения человека, и гуманизация законодательства, и возможность урегулировать разнообразные нетипичные жизненные ситуации с учетом их специфики, индивидуальных свойств личности, характера и особенностей отношений. В то же время любые изменения в системах социального регулирования должны быть проанализированы с позиций рисков, с которыми они сопряжены. А. В. Малышкин акцентировал внимание на том, что, исходя из объективного и юридического аспектов риска, целесообразно установить потенциальные негативные последствия интеграции неправовых регуляторов в законодательство и правоприменение и разработать механизм их минимизации.

В целях минимизации рисков при интеграции неправовых регуляторов в законодательство и правоприменение, автор предложил:

– в процессе подготовки нормативных правовых актов, содержащих неправовые регуляторы поведения, анализировать степень выраженности рисков, выявленных нами, не допускать чрезмерного вторжения права в сферы, объективно не поддающиеся правовой регламентации;

– в процессе профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации судей большее внимание уделить изучению применения неправовых регуляторов в судебной практике, в том числе на примерах конкретных дел, рассмотренных Верховным Судом Российской Федерации и Европейским судом по правам человека;

– судам общей юрисдикции областного уровня под руководством вновь создаваемых кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции проводить обобщения судебной практики применения в субъектах Российской Федерации неправовых регуляторов (по гражданским, трудовым, уголовным делам и т. д.) и обсуждать результаты на семинарах с судьями районных (городских) судов с анализом конкретных примеров;

– ввести в практику судов общей юрисдикции в качестве одного из принципов распределения дел между судьями с учетом наличия у судьи других специальностей (помимо юриспруденции) и опыта работы в иных (помимо правовой) сферах деятельности.

Теме «Юридико-технические причины риска правомерного поведения» было посвящено выступление доктора юридических наук, доцента профессора кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета *Сергея Борисовича Полякова*. По его мнению, риск правомерного поведения заключается в высокой вероятности наступления неблагоприятных последствий для субъекта правоотношений вследствие реализации им субъективного права, предусмотренного законом. Такие нежелательные последствия можно разделить по основанию спорности юридической квалификации деяния, являющегося причиной последствий, на две группы. Первые проявляются как применение санкций или компенсационных мер за поступки, которое лицо добросовестно полагало правомерными, но квалифицированы правоприменителями как реализация права при отсутствии условий, предусмотренных законодательством. Вторые проявляются как социально-экономические потери лица вследствие совершения им бесспорно правомерных поступков. Соответственно, их можно назвать рисками спорной и бесспорной правомерности.

Юридико-технические дефекты закона сами по себе еще не создают правовой неопределенности, влекущей риск правомерного поведения. Такой риск возникает, как правило, при соответствующей судебной практике. С. Б. Поляков полагает, что риск бесспорной правомерности существует из-за отсутствия эффективных средств защиты от неправомерных действий лиц, которым адресованы встречные праву обязанности и запреты. Благодаря этому такие лица уверены, что в большинстве случаев управомоченные лица откажутся от реализации своего права, от защиты в создании препятствий в его реализации. Риски спорного и бесспорного правомерного поведения, создаваемые законодателем и окончательно судебной практикой, подавляют активное поведение граждан – источник развития общества, порождают недоверие к органам государства.

С докладом на тему «Предпринимательский риск и свобода договора» выступила доктор юридических наук, доцент профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, руководитель регионального отделения МАКРО в Курганской области, адвокат-медиатор Адвокатской палаты Курганской области *Светлана Эдуардовна Либанова*. Она в своем докладе обратила внимание на то, что XXI в. – это век увеличивающихся рисков как социальных, так и юридических. Стремительные перемены в различных сферах жизни приводят к отсутствию стабильности и стрессовым жизненным ситуациям. Нельзя не присоединиться к мнению профессора В. М. Баранова о том, что будущее – за юридической рискологией. Представляется, что именно она будет способна найти оптимальные ответы на вопросы по борьбе с рисками и их минимизацией.

Предпринимательской деятельностью в соответствии с гражданским законодательством признается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Кратко предпринимательский риск можно определить как опасность имущественных потерь. Несмотря на то, что предпринимательская деятельность направлена на извлечение прибыли, избежать имущественных потерь практически невозможно, но можно и нужно их минимизировать.

С. Э. Либанова акцентировала внимание на том, что требуется поиск эффективного способа минимизации потерь, руководствуясь действующим законодательством. Ключом к решению данной проблемы является принцип свободы договора. Этот принцип позволяет участникам предпринимательской деятельности предусмотреть в договоре такие легитимные способы борьбы с предпринимательскими рисками, как: односторонний отказ от договора (ст. 310, п. 3 ГК РФ); определение суммы потерь (ст. 406.1 ГК РФ) и заранее оцененные убытки, концептуально предлагаемые автором. Докладчик считает, что с учетом требований высшей судебной инстанции наиболее эффективными способами минимизации рисков в XXI в. являются три наиболее распространенные. Это определение суммы заранее оцененных сторонами убытков, связанных с выполнением обязательств; определение в договоре суммы потерь, не связанных с обязательствами (ст. 406.1 ГК РФ) и закрепление в договоре права на односторонний отказ от договора (ст. 310, п. 3 ГК РФ). Эти способы минимизации рисков в XXI в. признаны высшей судебной инстанцией и могут успешно применяться в предпринимательский деятельности.

В рамках данного форума прозвучало еще немало актуальных и ярких выступлений, которые по ряду объективных причин нет возможности изложить в обзоре. Их результаты будут опубликованы по итогам завершившейся международной конференции.

Библиографический список

1. *Баранов В. М.* Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества : монография / В. М. Баранов. – М. : Проспект, 2019. – 396 с.

2. *Исаков В. Б.* Словарь правовой аналитической графики : учеб. пособие / В. Б. Исаков. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 272 с.

3. *Киреев В. В.* Народ как субъект конституционно-правовых рисков в Российской Федерации / В. В. Киреев // Проблемы права. – 2012. – № 4(35). – С. 46–52.

4. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, Р. В. Шольца. – М. : Навигатор, 2015. – 564 с.

References

1. *Baranov V. M.* The Experience of Formation and Functioning of the Scientific School of Technology of Law-making. M., Prospekt, 2019. 396 p.

2. *Isakov V. B.* Dictionary of Legal Analytical Graphics. M., INFRA-M, 2019. 272 p.

3. *Kireev V. V.* The People as a Subject of Constitutional Legal Risks in the Russian Federation. *Problemy' Prava*. 2012. No. 4(35). P. 46–52.

4. Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects. Ed. by V. A. Bazhanov, R. V. Shol'cz. M., Navigator, 2015. 564 p.

Библиографическое описание статьи

Баранова М. В. Правовая рискология: доктрина, практика, техника / М. В. Баранова, О. Б. Купцова, А. В. Гудкова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2019. – № 2(51). – С. 193–206.

Краткие правила опубликования статей

Журнал «**Вестник Владимирского юридического института**» включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основной текст; библиографический список, оформленный по ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», который должен включать в себя в алфавитном порядке источники, используемые в статье. Ссылки на источники должны быть сделаны по тексту в квадратных скобках, где указываются порядковый номер источника в библиографическом списке и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения в квадратных скобках разделяются запятой.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал), которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru; бумажный вариант по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, ВЮИ ФСИН России (редакционно-издательский отдел).

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется (п. 1), подписывается автором публикации
и высылается в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО_____, паспорт ___ ___ _____

выдан _____
(кем, когда)

должность _____

_____

ученая степень, ученое звание_____

почтовый адрес _____

тел. _____, e-mail _____

2. *Данилова Ирина Борисовна.* Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Занесение и хранение персональных данных автора публикации в ПК, их размещение на интернет-сайте института, в Российском индексе научного цитирования и тиражирование.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Настоящее согласие действует со дня его подписания до дня отзыва в письменной форме.

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных осуществляется путем письменного уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати (дата выхода из печати указывается на 4-й полосе обложки журнала).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____/_____/ «____» _____ 20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____/ *Данилова И. Б.* / «____»_____20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».